

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия

Войны и миротворчество России на Балканах



К 250-летию
Кючук-Кайнарджийского
мирного договора 1774 г.

МОСКВА
2025

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения «Славяне и Россия»

Авторы:

Д.В. Андрияков, Я.В. Вишняков, Т.В. Волокитина, Е.Ю. Гуськова,
С.И. Данченко, И.М. Захарова, П.А. Искендеров, Е.П. Кудрявцева,
А.С. Лубоцкая, К.В. Мельчакова, О.Е. Петрунина, Д.В. Родин,
А.С. Стыкалин, Ар.А. Улунян, М.М. Фролова, М.М. Якушев

Редакционная коллегия:

С.И. Данченко (отв. ред.),
П.А. Искендеров,
М.М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. О.А. Дубовик,
к. и. н. Ю.В. Лобачева

**Славяне и Россия: Войны и миротворчество России на Бал-
канах (К 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора
1774 г.).** Колл. монография / отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Ин-
ститут славяноведения РАН, 2025. — 432 с.: ил. — (Никитинские
чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570

DOI: 10.31168/2618-8570 (серии)

ISBN 978-5-7576-0528-9

DOI: 10.31168/2618-8570.2025 (выпуска)

Коллективная монография «Славяне и Россия: Войны и миротворчество России на Балканах (К 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.)» подготовлена по итогам научной конференции в рамках XIV Никитинских чтений, прошедших 12–13 ноября 2024 г. в Москве в Институте славяноведения РАН. В центре внимания ее авторов — различные аспекты российской политики в регионе, в первую очередь, касающиеся военно-политических вопросов и поддержки освободительной борьбы народов Балканского полуострова. Особое внимание уделено усилиям России по нахождению прочного и справедливого разрешения балканских конфликтов политико-дипломатическими методами.

Издание рассчитано как на ученых и преподавателей, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей России и балканских народов.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

ISBN 978-5-7576-0528-9



9 785757 605289

- © Коллектив авторов, 2025
- © Институт славяноведения РАН, 2025
- © Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, 2025

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Часть 1. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. в историческом пространстве

<i>Якушев Михаил Михайлович.</i> Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. в русской дипломатии и культуре	9
<i>Кудрявцева Елена Петровна.</i> Строительство Черноморского флота и портов в Российской империи после заключения Кючук-Кайнарджийского мира	24
<i>Улунян Артём Акопович.</i> 250 лет спустя: Кючук-Кайнарджийский мир в национальных дискурсах некоторых современных государств Юго-Восточной Европы	37
<i>Стыкалин Александр Сергеевич.</i> Кючук-Кайнарджийский мир и исторические судьбы Буковины в составе монархии Габсбургов ...	59

Часть 2. Войны и миротворчество России на Балканах

<i>Мельчакова Ксения Валерьевна.</i> Отклики в Боснийском вилайете Османской империи на отмену нейтрализации Черного моря (по донесениям консула А.Н. Кудрявцева 1870–1871 гг.)	81
<i>Петрунина Ольга Евгениевна.</i> Российско-египетская конвенция 1875 г. и каирская школа Абед	97
<i>Захарова Ирина Михайловна.</i> Доктор Красного Креста П.Я. Пясецкий и его панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	110
<i>Фролова Марина Михайловна.</i> Первая медицинская помощь во время сражений на западном фронте Дунайской армии в 1877 г.	126
<i>Андряков Данила Вячеславович.</i> «Прощение еще не есть признание»: пребывание болгарской делегации в Санкт-Петербурге в июне-июле 1895 г. (по материалам русской прессы)	186
<i>Вишняков Ярослав Валерианович.</i> Российские «миротворческие» силы на Балканах в начале XX века. «Для нас было бы большим благом, если нам удастся оттуда благополучно убраться»	202

<i>Искендеров Петр Ахмедович.</i> Россия и Балканские войны 1912–1913 гг.: старые союзники и новые вызовы	217
<i>Лубоцкая Анна Сергеевна.</i> Идея религиозного содружества в рамках проекта общебалканского объединения (1930–1934 гг.) ...	243
<i>Родин Денис Валерьевич.</i> Советский Союз и Балканы в период конференции в Монтрё 1936 г.	259
<i>Волокитина Татьяна Викторовна.</i> Болгария на рубеже войны и мира. Новые источники и проблема верификации	279
<i>Гуськова Елена Юрьевна.</i> Миротворчество ООН на Балканах в 90-е годы XX века	339

Часть 3. IN MEMORIAM

<i>Данченко Светлана Ивановна.</i> Акоп Арутюнович Улунян. Жизнь в науке. К 100-летию со дня рождения	383
Заключение	411
Резюме	412
Summary	421
Сведения об авторах	430

Предисловие

Вниманию читателей предлагается коллективная монография «Славяне и Россия: Войны и миротворчество России на Балканах (К 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.)». Она подготовлена по итогам научной конференции в рамках XIV Никитинских чтений, прошедших 12–13 ноября 2024 г. в Москве в Институте славяноведения РАН.

В центре внимания авторов очерков, представляющих как Институт славяноведения РАН, так и другие научные и учебные учреждения, — широкий круг вопросов преимущественно военно-политического характера, раскрывающих различные аспекты российской политики на Балканах и помощи, которую оказывала Россия балканским народам в их многовековой борьбе за национальное освобождение.

Хронологически материалы издания охватывают период с XVIII до начала XXI вв. Они могут быть объединены в две большие тематические группы. В первую вошли исследования, посвященные различным вопросам, которые связаны с заключением Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., завершившего русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Их авторами являются М.М. Якушев, Е.П. Кудрявцева, А.А. Улунян, А.С. Стыкалин.

Вторая группа очерков охватывает проблемы в более широкой исторической динамике. Они посвящены различным аспектам военных конфликтов на Балканах в рассматриваемый хронологический период, в том числе с участием России, а также усилиям российской дипломатии по нахождению политических «развязок» самых острых региональных проблем. К ним относятся исследования К.В. Мельчаковой, О.Е. Петруниной, И.М. Захаровой, М.М. Фроловой, Д.В. Андрыкова, Я.В. Вишнякова, П.А. Искендерова, А.С. Лубоцкой, Д.В. Родина, Т.В. Волокитиной, Е.Ю. Гуськовой.

Особо следует отметить вошедший в коллективную монографию очерк, посвященный памяти видного советского и российского болгариста Акопа Арутюновича Улуняна «Жизнь в науке.

К 100-летию со дня рождения». Его автор — доктор исторических наук, заведующая Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время С.И. Данченко, на протяжении нескольких десятилетий работавшая с ученым в одном научном подразделении.

Вошедшие в состав коллективной монографии очерки подготовлены на высоком научном уровне и написаны живым литературным языком. Авторы широко использовали ранее не опубликованные архивные документы, а также проанализировали ключевые труды российской и зарубежной историографии по балканским проблемам.

Мы надеемся, что коллективная монография «Славяне и Россия: Войны и миротворчество России на Балканах (К 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.)» найдет своего читателя в России и за ее пределами.

ЧАСТЬ 1

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. в русской дипломатии и культуре

Подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. ставило Российскую империю в исключительное положение по отношению к Османской империи, так как Чёрное море отныне переставало быть «турецким озером», а османское правительство впервые в истории было вынуждено выплачивать контрибуцию. Ситуация еще больше усугублялась на фоне продолжавшегося внутривосточного кризиса в Османском государстве.

Историки и публицисты Западной Европы называли Кючук-Кайнарджийский трактат «верхом русского дипломатического искусства и турецкой глупости», «поднявшим вскоре немалый переполох по всей Европе...», разгромленная Турция лежала у ног русской монархии»¹. По мнению современников, Кючук-Кайнарджийский мирный договор явился «самым унижительным документом для османов». Любопытна оценка одного из тех, кто его подписал, — османского уполномоченного и нишанджи* Ахмеда Ресми-эфенди, назвавшего его «беспримерным, редким миром, какому не было подобного от начала возникновения Высокой Державы». А министр иностранных дел России, канцлер А.М. Горчаков впоследствии отмечал, что Кючук-Кайнарджийский трактат — «это одно из прекраснейших украшений нашего дипломатического венца, это право великой государыни на славу»².

Стремительные действия русских войск в 1774 г. вызвали панику в османской столице и заставили султана запросить перемирия. Однако командующий русской армией граф П.А. Румянцев не хотел и слышать о перемирии и потребовал подписать «в пятидневный срок» сам мирный договор, «а не трактовать артикулы, о коих уже столь много толковано». Приехав в лагерь при

* *Нишанджи* — хранитель имперской печати, член имперского совета.

ставление Порты, будто бы «можно угрозением новой войны получить что-нибудь от России»⁵. В те же дни Петерсон получил заверение об уплате первой части османской контрибуции к 1 января 1775 г. и копию приказа о передаче крепости Кинбурн российскому правительству.

Порта назначила Абдул-Керима чрезвычайным послом в Россию. Он должен был доставить ратификационную грамоту в Санкт-Петербург. Несмотря на то, что в ноябре 1774 г. ратификационные документы были взаимно рассмотрены и изучены, официальное утверждение трактата падишахом Абдул-Хамидом I затянулось и состоялось лишь 13 января 1775 г. В рескрипте П.А. Румянцеву Екатерина II подчеркивала, что «ни малейших перемен в текст трактата Порте от нас дозволено быть не может». Х.И. Петерсону были даны указания, чтобы он, помимо прочих методов воздействия, обратил часть контрибуционных денег «на скорейшее получение турецкой ратификации», причем, для получения самой контрибуции потребовалось, чтобы два влиятельных султанских фаворита получили по 6 % с каждого взноса последней⁶.

С целью ускорить решение вопроса российское правительство ещё летом 1774 г. дало согласие, чтобы ратификация трактата состоялась в Константинополе⁷. Официально это характеризовалось как акт дружелюбия и желание соблюсти равенство: мир был подписан в ставке генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, однако «мы сего обстоятельства в преимущество ставить и оным величаться не хотим к унижению достоинства Порты Оттоманской»⁸. Исходя из этого решения, Х.И. Петерсон и великий визирь Дервиш Мехмед-паша произвели обмен ратификационных грамот в Константинополе 13 января 1775 г. Вслед за ратификацией трактата, 2 февраля 1775 г. состоялась передача России крепости Кинбурн, которая сразу стала приводиться в порядок. 19 марта 1775 г. был опубликован манифест Екатерины II о заключении Кючук-Кайнарджийского договора⁹.

После ратификации трактата оставалось совершить обмен торжественными посольствами. Чрезвычайным и полномочным послом России при османском дворе был назначен генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин, который направился с торжественным посольством в Константинополь. В рамках своей дипломатической

миссии Репнин должен был добиться от Порты, чтобы ратификация договора не осталась на бумаге, по возможности смягчить напряженность между Османской империей и Россией¹⁰ и вместе с тем пресечь любые попытки Порты пересмотреть положения договора. Убедившись в непоколебимости позиции Репнина, османское правительство перестало оттягивать обусловленные мирными договорами приемы посла при османском дворе: 28 ноября 1775 г. он был принят великим визирем, а 1 декабря торжественно вручил султану Абдул-Хамиду I письмо Екатерины II. 12 февраля 1776 г. в Константинополь прибыл чрезвычайный посланник и полномочный министр России при Порте А.С. Стахиев для восстановления мирных отношений с Османской империей.

Кючук-Кайнарджийский трактат принес России значительную экономическую пользу, так как она получила доступ к торговле на Черном море, что стимулировало развитие южных регионов Империи. Основание новых портовых городов — Херсона, Николаева и Одессы — привело к увеличению товарооборота между Россией и Османской империей¹¹.

Подписание Кючук-Кайнарджийского мира оказало влияние на многие сферы жизни, на военное и морское дело, а также вдохновило писателей, поэтов, художников, прославлявших подвиг русской армии, внесло вклад в культуру, архитектуру, нумизматику, медальерику и фалеристику.

По высочайшему повелению Екатерины II триумф русского оружия был увековечен в архитектурных сооружениях, многие из которых стали всемирно известными памятниками культуры. После победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского трактата в Санкт-Петербурге и его окрестностях были воздвигнуты памятники, посвященные воинской славе Российской империи.

Турецкая тематика возникла в садово-парковом и архитектурном оформлении Екатерининского парка Царского Села и окружающей его территории. В архитектурно-художественный ансамбль этого парка вошли памятники: Морейская, Чесменская и Крымская колонны, Кагульский обелиск, павильон «Башня-руина». Екатерина II говорила, что «если война сия продолжится, то Цар-

скосельский мой сад будет походить на игрушечку. После каждого воинского деяния воздвигнется в нем приличный памятник»¹².

Одним из первых памятников в Екатерининском парке стала Морейская колонна, установленная архитектором А. Ринальди в 1771 г. в честь победы русского флота над османским у Мореи в Средиземном море. Колонна была воздвигнута на пересечении аллеи у каскада между прудами. Ее основа была выполнена из серого «сибирского» мрамора, на вершине был размещен небольшой обелиск из розового мрамора с корабельными роcтрами, что подчёркивало участие флота в этой победе. Иногда колонну называют «Малой Роcтральной колонной».

Другим значимым сооружением стала Чесменская колонна, установленная архитектором А. Ринальди в Екатерининском парке в 1771 г. в честь побед русского флота над османами и посвященная трём морским сражениям: Хиосскому бою [24 июня (5 июля) 1770 г.], Чесменскому бою [25–26 июня (6–7 июля) 1770 г.], а также атаке на гавань Митилин [2–4 ноября (13–15 ноября) 1771 г.]. Мраморная колонна была расположена посередине Большого пруда Екатерининского парка, который к тому времени был углублен и изменил свои очертания, напоминая Эгейское море, а насыпные острова служили символами морского архипелага. У самого большого из островов была воздвигнута колонна, украшенная роcтрами кораблей.

Еще одним известным памятником был Кагульский обелиск, установленный архитектором А. Ринальди в Екатерининском парке в 1771–1772 гг. в честь победы русской армии над османскими войсками и посвященный двум сухопутным сражениям: битве на реке Ларга [7 (18) июля 1770 г.] и битве на реке Кагул [21 июля (1 августа) 1770 г.]. Обелиск был сооружён недалеко от Зубовского корпуса. Иногда колонну называют «Румянцевским обелиском».

Значимым памятником, посвященным русским победам, стал и павильон «Башня-руина», построенный архитектором И. Фельтоном в 1771 г.

Турецкая тематика в садово-парковом и архитектурном оформлении присутствует также в дворцовом парке Гатчины. Знаменитым сооружением здесь стал Чесменский обелиск, установленный

архитектором А. Ринальди в 1771 г. в честь победы русского флота над османами в Чесменском морском сражении. Мраморный обелиск был расположен на берегу Белого озера Гатчинского парка.

В 1777–1781 гг. в Екатерининском парке по чертежам И. Нелова был также выстроен «Турецкий киоск», сооруженный по модели, привезенной из Константинополя, «в память посольства князя Н.В. Репнина в 1775 году» по случаю ратификации Кючук-Кайнарджийского договора.

Следует отметить, что победе России над Османской империей в Чесменском сражении посвящены и другие сооружения в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Так, у дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село были построены путевой Чесменский дворец (1774 г., архитектор Ю. Фельтон) и Чесменская церковь* (1777–1780 гг., архитектор Ю. Фельтон), которая также называется церковью Рождества Иоанна Предтечи, так как «сей храм сооружён во имя святого пророка предтечи и крестителя Господня Иоанна в память победы над турецким флотом, одержанной при Чесме 1770 года в день его рождения»**.

В память о победе русского флота в Чесменском сражении в загородных Петергофском и Гатчинском дворцах были созданы мемориальные пространства: в Большом дворце Петергофа — Чесменский зал (арх. Ю. Фельтон на месте аванзала арх. Б. Растрелли) — мемориальный зал парадной анфилады с 12 батальными полотнами (Я. Хаккерт); в Большом дворце Гатчины — Чесменская галерея (арх. В. Бренна на месте комнат арх. А. Ринальди) — парадный мемориальный зал с двойной колоннадой с тремя большими батальными полотнами (Я. Хаккерт).

Указом Екатерины II от 10(21) июля 1775 г., в связи с первой годовщиной заключения Кючук-Кайнарджийского мира, многие

* Примечательно, что Чесменская церковь стала образом сохранившегося Преображенского храма (1790 г.) в имении Полторацких в селе Красном Старицкого района Тверской области (особенность храма — применение местного белого камня) и утраченной Никольской церкви (1781–1788 гг.) в усадьбе Александра Ланского в селе Посадниково Новоржевского района Псковской области (храм был дополнен высокой колокольней).

** «Заложен в 15-е лето царствования Екатерины II в присутствии короля шведского Густава III под именем графа Гогландского и освящён 1780 года июня 24 дня в присутствии его величества римского императора Иосифа II под именем графа Фалькенштейна» // Надпись на мраморной доске, которая висит при входе в храм.

военные и государственные деятели были щедро награждены и одарены. Наиболее отличившиеся генералы были отмечены особым. Генерал-аншефы граф П.А. Румянцев и граф А.Г. Орлов были удостоены почетных наименований к фамилиям — «Задунайский» и «Чесменский». П.А. Румянцев был также произведён в чин генерал-фельдмаршала и награждён высшей степенью вновь учрежденного ордена Святого Георгия. П.А. Румянцеву было пожаловано: «похвальная грамота... со внесением различных его побед», «за разумное полководство» он получил в награду «жезл, украшенный алмазами», «за храбрые предприятия» — «шпагу, алмазами обложенную», за военные победы — «лавровый венок на шляпе», за заключение мирного трактата — «масляную с алмазами ветвь», «в знак монаршего благоволения» — «крест и звезду святого апостола Андрея Первозванного, осыпанную алмазами». Алмазной звездой и крестом к ордену Святого Андрея Первозванного был награжден генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков, а золотые шпаги, украшенные алмазами, получили генерал-фельдмаршал князь А.М. Голицын, генерал-аншеф Г.А. Потёмкин, генерал-поручик А.В. Суворов и др.

Был изготовлен ряд памятных медалей, посвященных подписанию Кючук-Кайнарджийского договора, выполненных из золота, серебра и меди известными российскими медальерами: С. Юдиным, И.К. Егером, Г.Х. Вехтером и И.Б. Гассом на Санкт-Петербургском монетном дворе, причем, Екатерина II лично жаловала золотую или серебряную медаль особо отличившимся офицерам русской армии. Среди обладателей награды были граф А.Г. Орлов, Г.А. Потёмкин, А.В. Суворов и др. В честь графа П.А. Румянцева, «заклывшего победный мир с Турцией в 1774 г.», была изготовлена персональная медаль по случаю «окончательной победы над турками», предназначенная для настольного хранения «в поощрение потомству».

Екатерина II предлагала П.А. Румянцеву «въехать в Москву на триумфальной колеснице сквозь торжественные ворота», но он отказался. Император Павел I называл П.А. Румянцева «русским Тюреном», а А.С. Пушкин — «перуном кагульских берегов»; Г.Р. Державин сравнивал его с римским полководцем IV века Камиллом.

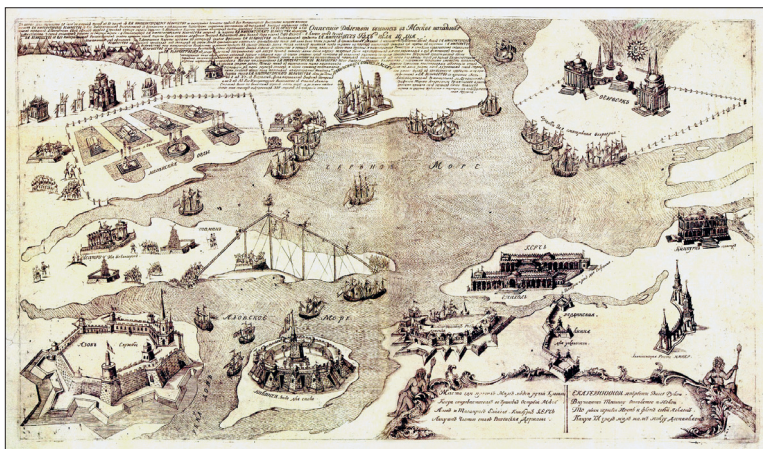
Празднование Кючук-Кайнарджийского мира прошло в два этапа. Главные торжественные мероприятия с выдачей наград состоялись 10 (21) июля 1775 г. в Московском Кремле. В тот же день Г.А. Потемкин раздал всем участникам войны памятные круглые жетоны. Кроме того, солдатам и офицерам были вручены медали: «нижние сухопутные и морские чины» получили серебряные медали ромбовидной формы, «штаб-офицеры и генералитет» — серебряные и золотые.

21 июля (1 августа) и 23 июля (3 августа) 1775 г. на Ходынском поле состоялись народные гуляния и праздничные торжества в присутствии Екатерины II, наследника великого князя Павла Петровича, высокопоставленных сановников, а также «чужестранных министров».

Императрица поручила архитекторам В.И. Баженову и М.Ф. Казакову к июлю 1775 г. задействовать огромное пространство Ходынского поля для реконструкции событий, предшествующих подписанию Кючук-Кайнарджийского договора.

Ходынское поле было празднично оформлено и распланировано таким образом, чтобы представлять собой те территории, которые были присоединены к России в результате заключения Кючук-Кайнарджийского трактата, то есть на поле были воспроизведены река Дунай, Крымский полуостров¹³ и Чёрное море, контуры которого были насыпаны из песка, а также две дороги — Танаис и Борисфен. Слева от Танаиса был поставлен «буфет с вином и угощениями для народа», напротив Крыма была устроена иллюминация, призванная изображать «радость двух государств от заключения мира», по другую сторону Дуная был запущен фейерверк. В определённых местах композиции были «расставлены» османские города и крепости, завоеванные русской армией: «зал и две галереи для балов и маскарада» (крепости Керчь и Еникале), театр для опер и комедий (крепость Кинбурн), банкетный зал, или «столовая» (крепость Азов), где проходили торжественные обеды, а также ярмарка (крепость Таганрог).

Во время торжественного обеда в Азовской крепости строго соблюдался протокол. Для приглашенных гостей был приготовлен «обеденный стол, состоящий в пяти разных столах», причем, вход в зал и рассадка за столами производились по билетам. Так, за первым столом сидела Екатерина II с генерал-фельдмаршалом



*Описание праздничных торжеств на Ходынском поле
в честь годовщины подписания Кючук-Кайнарджийского
мирного договора*

П.А. Румянцевым, за вторым — великий князь Павел Петрович со статс-дамой графиней М.А. Румянцевой, и «за оным столом было по билетам 45 пар», за двумя вышеупомянутыми столами также «форшнейдерами* были дежурные придворные кавалеры». За всеми пятью столами обедало военных, гражданских и духовных лиц, иностранных послов «319 персон», а «в продолжение стола играла посередине крепости итальянская музыка»¹⁴.

Для демонстрации триумфа русского оружия был создан ансамбль из деревянных увеселительных павильонов, раскрашенных под камень, которые по желанию государыни были вписаны в ландшафт и предназначались для размещения гостей и участников праздника. «По чиненному из двух пушек сигналу даны были народу жареные быки на устроенных для сего пирамидах, и из фонтанов пущено виноградное вино». В то же время начались разные народные игры. Собранных гостей развлекали канатоходцы. Так, «четырьмя человеками бухарцев представлено было хождение по канату, сделанному на немалой высоте»,

* Форшнейдер — один из придворных чинов Российской империи, кравчий, «разрезатель кушаний».

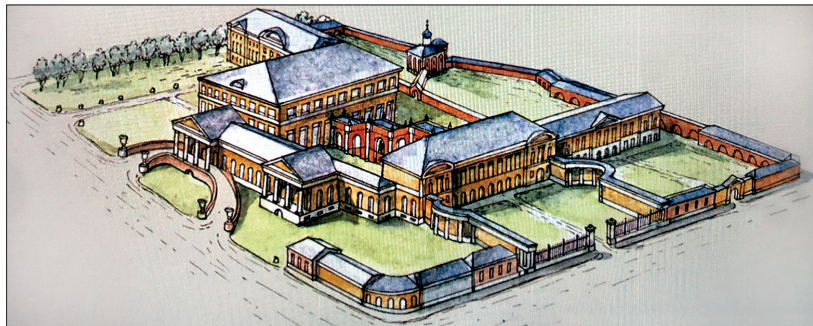
радом, фейерверком в четырёх актах, праздничной иллюминацией и элементами исторической реконструкции.

Ходыньские торжества и увеселительные постройки были представлены в виде сплава элементов русского барокко и западноевропейской готики как стилизация «под Восток», а сама Ходынка отныне стала традиционным местом проведения торжеств, посвященных важным событиям в истории Российской империи.

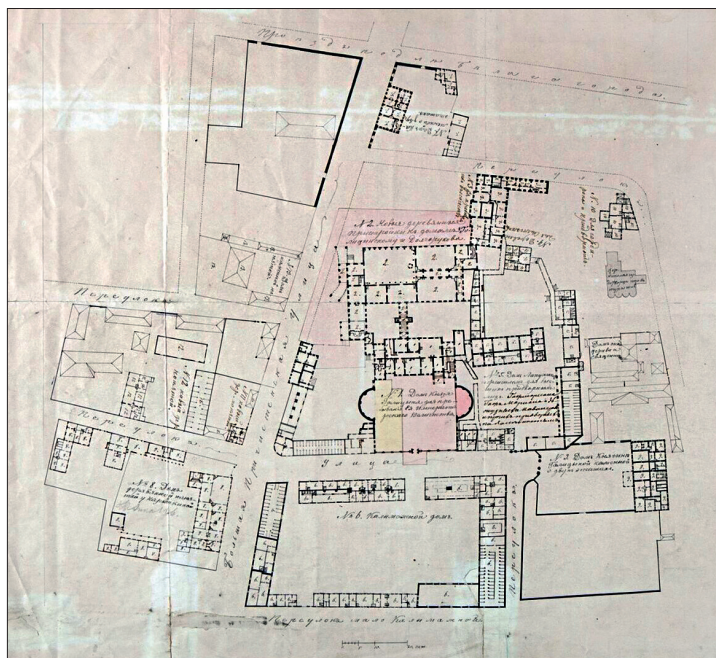
После окончания ходыньских торжеств в Москве и ее окрестностях были построены монументальные готические сооружения, посвященные упомянутой исторической дате.

Особого внимания заслуживает Пречистенский дворец (М.Ф. Казаков, 1774–1775 гг.) — временная резиденция императрицы Екатерины II в Москве, в котором она прожила почти весь 1775 год. Екатерина II писала М.М. Голицыну: «Нет ли дома каменного или деревянного в городе, в котором бы я уместилась и к двору принадлежности можно было бы располагать около дома... или же... не можно ли где построить на скорую руку деревянное строение»¹⁶.

Дворец располагался недалеко от Кремля на улице Волхонка, тогда носившей название Пречистенка. Он был построен на месте трёх усадеб: дома Голицына, дома Лопухина и дома Долгорукова. Тронный зал был выстроен вдоль улицы, а существующие особняки и другие строения были объединены деревянными галереями. В итоге получился большой дворец с бесчисленным количеством помещений, и разобраться в нем была «премудрёная задача». Екатерина II, по её словам, «беспрестанно попада-



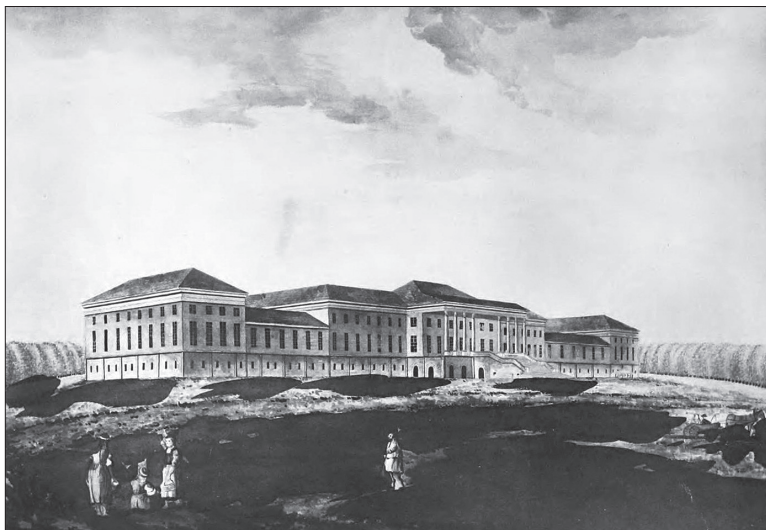
Пречистенский дворец



План Пречистенского дворца

ла не в ту дверь». Императрица писала барону Ф. Гримму: «Вы хотите иметь план моего дома? Я вам пришлю его, но нелегка штука опознаться в этом лабиринте. Я пробыла здесь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. В жизни я не видела столько дверей, я уж полдюжины велела уничтожить, и всё-таки их вдвое более, чем требуется... прошло два часа, прежде чем я узнала дорогу к себе в кабинет. Выходных дверей было множество, я в жизнь мою столько не видала их. С полдюжины заделано по моему указанию»¹⁷.

Французский посланник в России Мари Даниель Бурре де Корберон в своем произведении «Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II» описал Пречистенский дворец. По его словам, «теперешний дворец, недавно выстроенный, представляет собою совокупность мно-

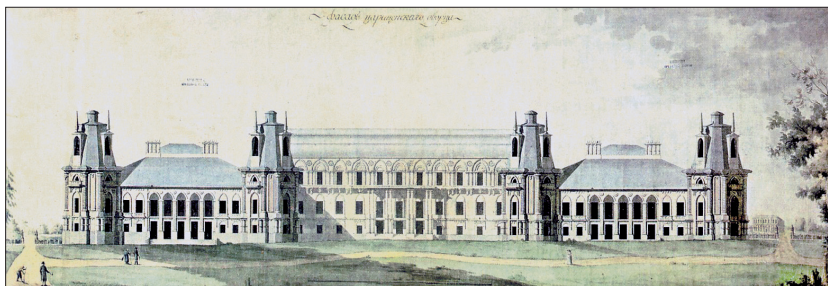


*Старый деревянный дворец на Воробьевых горах
(перенесен с улицы Пречистенка и поставлен на каменный этаж
старого дворца)*

гих отдельных деревянных и каменных домов, весьма искусно соединённых. Вход украшен колоннами, а за ним — другой, где Её Величество принимает иностранных послов. Затем следует зал, еще больший, занимающий всю ширину здания и разделённый колоннами на две части: в одной — танцуют, а в другой — играют в карты»¹⁸.

Одним из самых известных архитектурных памятников, построенных в Москве в честь окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., был дворец в Царицыно (В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, 1775–1790 гг.) — жемчужина русской готики, воспринимавшийся современниками как мемориальный ансамбль, памятник славы героям войны, так как сходство дворцовых сооружений с павильонами на Ходынском поле очевидно.

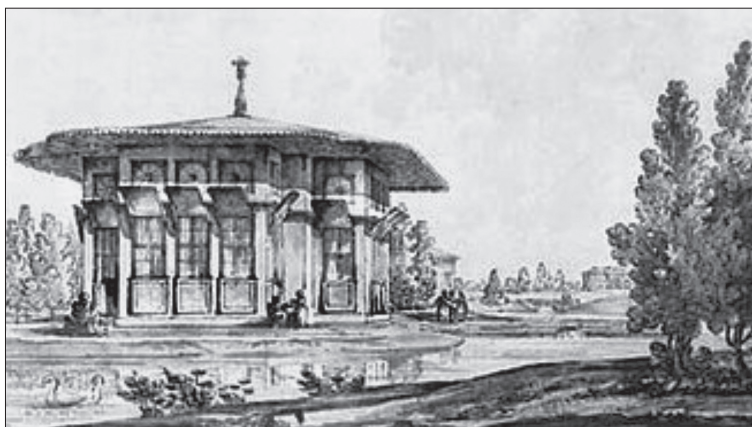
Другим знаменитым памятником в стиле русской готики, построенным в Москве и увековечившим память об успешном завершении русско-турецкой войны, был Петровский путевой дворец (М.Ф. Казаков, 1775–1782 гг.).



Царицынский дворец

В конце XVIII в. было построено несколько дворянских усадеб с целью увековечить память о военных победах России над Османской империей. Самым известным из упомянутых памятников усадебной архитектуры было построенное под Москвой имение Троицкое-Кайнарджи, подаренное П.А. Румянцеву Екатериной II.

Таким образом, в Санкт-Петербурге и Москве победа России в русско-турецкой войне была увековечена в различных мемориальных монументах, посвященных подписанию Кючук-Кайнарджийского трактата, однако, к сожалению, не все из них сохранились до наших дней.



Турецкий киоск

Подводя итоги, следует сделать вывод, что возводя памятники в честь того или иного знаменательного события, каким, несомненно, является подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., наши предки старались передать потомкам сквозь века историческую память о том, как нелегко было отстаивать интересы России и какие жертвы были принесены на алтарь великих побед. Это, в свою очередь, требует от нас бережного отношения и передачи этой памяти грядущим поколениям.

Примечания

- ¹ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...». Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 2021. № 8. С. 42–49.
- ² Якушев М.М. «В противность миру... ничего не чинится». От Царьграда до Белграда: российско-османские военно-политические отношения (1700–1740 гг.) // ВИЖ. 2024. № 1. С. 76–87.
- ³ Vimpel-v.com (Медаль в память Кючук-Кайнарджийского мира (1774 год).
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 89. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. Д. 1774. Л. 39–42.
- ⁵ Чтения Общества истории и древностей российских. 1866. Кн. 1. Отд. 2. С. 28.
- ⁶ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 316.
- ⁷ Якушев М.М. Дипломатические отношения России и Османской империи во второй половине XVIII в. // Восток (Orient). 2013. № 1. С. 47–56.
- ⁸ Сборник Российского исторического общества. СПб., 1870. Т. 5. С. 156.
- ⁹ Манифест о заключении мира с Оттоманской Портой. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX. № 14274.
- ¹⁰ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- ¹¹ Якушев М.М. «Трактат вечного мира и дружбы». Эволюция российско-османских отношений конца XVIII в. // ВИЖ. 2022. № 12. С. 16–27.
- ¹² Глушков И.Ф. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические. СПб., 1801. С. 8–9.
- ¹³ Якушев М.М. Крым в контексте российско-османских отношений в период правления Екатерины Великой // Международная жизнь. 2016. № 12. История без купюр: прошлое отражается в настоящем. Специальный выпуск. С. 125–138.
- ¹⁴ Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшие потом числа. Печатано в Москве при Сенате. М., 1775. С. 1.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Volkhonkamansion.ru (Пречистенский дворец на Волхонке).
- ¹⁷ Тьдман Л.В. Изба, дом, дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000. С. 1.
- ¹⁸ Там же.

Строительство Черноморского флота и портов в Российской империи после заключения Кючук-Кайнарджийского мира

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. предоставил России целый ряд привилегий, которые были ранее недоступны. По ст. 7 Россия имела право делать представления в пользу Константинопольской церкви, что трансформировалось в дальнейшем в доктрину покровительства православным народам, населяющим Османскую империю. По ст. 19 Россия приобретала Керчь, Еникале и Кинбурн, что давало право строить порт в Керчи и развивать торговлю с черкесами, обитавшими на восточном берегу Черного моря. Ст. 11 не только предоставила России выход к Черному морю, с возможностью строить морские порты и флот, но и впервые гарантировала свободный проход русских торговых судов через Черноморские проливы. Всё это открывало совершенно новые перспективы для развития России как причерноморской державы, которая могла строить свою внешнюю политику с учетом выхода в Средиземноморье и на Балканы и развивать экономику южных областей, обеспеченную широкими торговыми возможностями.

Сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мира Екатерина II приняла решения по освоению Черноморского побережья. К России отходили Керчь, Еникале, Азов, Кинбурн с косой, составляющей южный берег Днепровско-Бугского лимана. Северный берег Черного моря вошел в состав России не полностью, она получила «угол» между Южным Бугом и Днепром, за пределами России осталась территория к западу от устья Южного Буга, где находился Очаков. Керчь и Еникале вошли с территорией в 65 верст в округе¹. Впервые появилась возможность обустривать новые порты вместо мелководного Дона и Таганрога. Ранее всё Приазовье входило в состав Крым-

ского ханства, кроме участка Таганрогского залива между устьем Миуса и Дона. По условиям мира Россия получила весь берег Таганрогского залива с правом строить там укрепления. Общее количество земли в Азовской и Новороссийской губерниях составило 12 700 053 десятин, на которых возникали новые города — Мариуполь, Никополь, Екатеринослав.

Уже в 1775 г. на Днепровском лимане было выбрано место для устройства гавани и закладки эллингов. В 1778 г. было учреждено адмиралтейство и начал развиваться город Херсон². В Херсонской гавани предполагалась стоянка купеческого флота «для удобства выгрузки товаров». Поскольку Керчь и Еникале не представляли собой удобного места для судостроения, для него была выбрана Глубокая пристань в устье Днепра. Руководство строительством было возложено на И.А. Ганнибала. Однако следует признать, что под его руководством к маю 1783 г. на воду не было спущено ни одного из заложенных в 1779 г. семи линейных кораблей³. Всё изменилось лишь тогда, когда во главе строительства встал Г.А. Потемкин.

К 1786 г. в Херсоне проживало уже 10 тыс. жителей. 11 декабря 1775 г. кабинет Екатерины II принял первую судостроительную программу из 12 пунктов для Черного моря⁴. Основной посыл программы — России нужен военный флот в числе не менее 20 судов. Планировалась доставка леса, привлечение мастеровых, были учреждены штаты. Императрица выразила желание, чтобы ежегодно строилось не менее четырех судов для Черного моря. Заложенный в 1779 г. первый линейный корабль «Св. Екатерина» не был достроен и позже был преобразован во фрегат. Но 16 сентября 1784 г. в Херсоне был спущен на воду первый линейный 66-пушечный корабль «Слава Екатерины», а к 1785 г. к нему присоединились «Святой Павел» и «Мария Магдалина»⁵. Со дня основания судостроительных баз в Причерноморье в 1778 г. и по 1795 г. было построено 87 судов, из них: в Херсоне — 11 кораблей, 7 фрегатов, 1 бригантина, 53 канонерских лодок, 7 бомбардирских катеров; в Николаеве — один 90-пушечный корабль, 3 фрегата, 1 транспорт. На их постройку казна израсходовала 8,5 млн рублей, или пятую часть всех расходов государства⁶. Самыми знаменитыми корабельными

мастерами из общего числа в 170 человек были: С.И. Афанасьев, А.С. Катасонов, О.М. Матвеев, которые создали Черноморскую кораблестроительную школу⁷. Для строительства кораблей Потемкин предложил набирать плотников с русского Севера, а кузнецов — из Тулы; в результате были привлечены 1100 мастеровых из олонечских крестьян. Всего было привлечено 15 тыс. мастеровых, задействовано более 100 заводов и фабрик для обеспечения стройки железом, лесом и всем необходимым. Лес везли из самарских лесов, белорусских губерний и Польши, железо — с камских заводов А.Н. Демидова, М.М. Голицына и А.С. Строганова, порох — из Киева, орудия отливали на Тульских заводах. Однако этого было недостаточно, поэтому в Херсоне был основан литейный завод, а в Донецком уезде «на речке Лугане» начали строить литейный пушечный завод. В это же время в Новороссии были обнаружены значительные залежи каменного угля и железной руды «наилучшего качества», что гарантировало самообеспечение местных заводов.

Город Николаев был основан в декабре 1788 г., после того, как 6 декабря, в день Св. Николая зимнего, русская армия овладела крепостью Очаков. Вместе с Очаковым Турция уступила России пространство между Бугом и Днестром, но получила Измаил и крепости на Дунае. В устье реки Ингул и был заложен город, названный Николаевым, для развития судостроения. Устье было мелким, но его планировалось расчистить и углубить. Строительством города занимался архитектор Ванрезант, еще раньше участвовавший в разработке планов Херсона⁸. 10 ноября 1789 г. Г.А. Потемкин обратился к Екатерине II с просьбой утвердить за Николаевым статус города. Здесь были заложены эллинги для строительства 50-пушечных кораблей. Первый корабль, построенный в Николаеве, был 46-пушечный фрегат «Святой Николай», спроектированный корабельным мастером С.И. Афанасьевым⁹. Управление флотом располагалось в Херсоне, где была учреждена Херсонская контора Адмиралтейств-коллегии; на должность управляющего Херсоном был назначен капитан 2-го ранга И.Т. Овцын. Херсону отводилась роль главного портового города южной России, хотя он располагался в 70-ти верстах от моря. К концу правления Павла I здесь уже было по-

строено 19 линейных кораблей¹⁰. После основания Херсона и Николаева в Таганроге прекратилось строительство военных судов.

В 1782 г. в Николаеве было открыто «училище для мореплавательных наук»¹¹, а также морское артиллерийское училище, морской кадетский корпус, училище корабельной архитектуры, в которых готовили морских офицеров и инженеров. Школа юнг выпускала матросов и мастеровых, а корабельному мастерству отправляли учиться в королевский флот Великобритании¹².

В сентябре 1789 г. русскими войсками была взята крепость Гаджибей (в последствии — Одесса), затем — Аккерман и Бендеры. Генерал-майор И.С. Дерибас предложил учредить в Гаджибее коммерческий порт. Екатерина II указом от 27 мая 1794 г. возложила на Дерибаса устройство порта для 72-х судов гребной флотилии и основание города, выделив 4,5 млн рублей¹³. С завоеванием территорий, приобретенных Россией по Ясскому миру 1791 г., и с возвращением Измаила и крепостей на Дунае свершилось желание Петра I о покорении северных берегов Черного моря и водворении свободной торговли.

В Европе очень скоро узнали об «одесском чуде», которое состояло в той быстроте, с которой рос и развивался богатый торговый город Одесса. Оно объяснялось тем, что жители города с самого его основания в конце XVIII в. освобождались от податей, им предоставлялись льготы и выделялись пособия от казны. Российский губернатор приветствовал прибытие в порт иностранных кораблей с балластом из камней, которые шли на устройство одесских мостовых. В 1798 г. ряд черноморских портов по указу Павла I получили статус порто-франко, но уже в следующем году он был отменен. Вновь порто-франко, подразумевавшее беспошлинный привоз и складирование всех иностранных товаров, в Одессе действовало с 1817 по 1857 гг., что способствовало привлечению капиталов и расширению торговых операций¹⁴. Всё это привело к тому, что Одесса стала крупнейшим торговым портом и большая часть иностранных судов с товарами направлялись именно сюда.

Турки с ревностью встретили судостроительные планы и достижения России, заявляя, что не позволят русским военным су-

дам ходить по Черному морю. В 1781 г. в Херсоне был построен первый торговый корабль «Бористен» на личные средства премьер-майора М.Л. Фалеева¹⁵. В 1783 г. «Бористен» отправился в Марсель с грузом пеньки и железа. В этом же году был заключен первый торговый договор между Россией и Османской империей. Однако строительство торговых судов продвигалось медленно и уступало военному строительству, развивавшемуся гораздо быстрее.

В 1780 г. секретарь константинопольской миссии Пизани направил в Коллегию иностранных дел России записку о двух своих встречах с реис-эфенди¹⁶. 9 марта тот спрашивал Пизани о том, так ли это, что в Херсонском порту на верфях строятся 5 больших торговых кораблей, которые при оснащении должным числом орудий могут превратиться в военные. По мнению турецкого чиновника, эти корабли могли бы употребляться лишь против Османской империи, а, согласно трактатам, России не позволено иметь на Черном море военные корабли таких размеров. Реис-эфенди еще раз напоминал, что Черное море «Блистательной Порте принадлежит». На эти обвинения Пизани отвечал, что Россия неуклонно соблюдает трактаты относительно размеров строящихся кораблей. А что касается их военной принадлежности, то и «всякую лодку можно посчитать военным кораблем», если поставить на нее необходимые орудия¹⁷. Из Коллегии иностранных дел посланник А.С. Стахив получил следующие инструкции: «Миролюбие наше всему свету известно, а строение в своих пределах никому запретить не можно, как то и в самом мирном трактате прямо сказано»¹⁸. В рескрипте Коллегии было указано, что вскоре вслед за заключением мира Россия уже имела на Черном море до 60 судов, и их строительство не должно возбуждать со стороны Порты каких-либо подозрений в мирное время, ибо «в мире опасности нет, а на военный случай большие державы всегда способ найдут» противостоять друг другу.

Русско-турецкая торговля успешно развивалась после заключения в 1783 г. торгового трактата. Султан Абдул-Гамид издал ферман, запрещающий причинять вред российским купеческим судам в Средиземном море. В 1789 г. вышел указ о разделении торгового плавания на «большое» и «малое». Первое предпола-

гало плавание по Архипелагу, а второе — только по Черному и Мраморному морям до Дарданелл. По Архипелагу могли плавать только суда, построенные в России или принадлежавшие русским подданным, а также иностранцам, проживавшим в России; шкипер и половина команды должны были быть русскими подданными; если шкипер был иностранцем, то две трети команды набирались из русских¹⁹.

В ноябре 1772 г. посланник в Турции А.М. Обрезков на переговорах с турками в Бухаресте добился согласия на «вольность татар» Крыма, хан которого по-прежнему получал ферман от Порты. Крым стал независим, ставленник России хан Шагин-Гирей полностью зависел от нее. Султан был недоволен сложившимся положением и стремился вернуть Крым. В декабре 1782 г. Екатерина II направила Потемкину рескрипт «О необходимости присоединить к России Крым, при первом тому поводе». В марте 1783 г. канцлер И.А. Остерман выступил с речью на заседании Совета при Высочайшем дворе, в которой указывал на беспокойное положение в Крыму, где турки пытались укрепить свое положение. В результате последовало исторически важное объявление императрицы о занятии Крыма. Шагин-Гирей в качестве компенсации были обещаны владения в Персии.

Сразу после присоединения Крыма в 1783 г. Екатерина II указала на важность для Российской империи крымских портов в военном и торговом отношениях. Ахтиарская бухта в Крыму (Севастополь) была признана наиболее удобной для расположения в ней военного флота. Вице-адмирал Ф.А. Клокачев так писал о ней: «Во всей Европе нет подобной сей гавани... можно в ней иметь до ста линейных кораблей»²⁰. Еще в 1782 г. Екатерина II писала Г.А. Потемкину о Севастополе: «Присоединение сей гавани поставляем мы выше всякого сомнения или спора с чьей бы то стороны не было...»²¹. А в 1784 г. императрица повелевала «для обеспечения безопасности границ» устроить «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение»²². Поначалу планировалось здесь место и для торгового флота, однако очень скоро было решено, что Ахтиарская бухта должна стать главной базой военного флота, а торговым

судам было запрещено пользоваться этой гаванью, за исключением случаев, если судно терпело бедствие. В 1784 г. Ахтиар был переименован в Севастополь. Сюда были передислоцированы Азовский флот из Керчи и Днепровская флотилия. Из Керчи прибыло 4 фрегата, из Таганрога — 6²³. Екатерина II повелела иметь в Севастополе два 80-пушечных корабля, десять 66-пушечных, восемь 50-пушечных фрегатов, шесть 32-пушечных и шесть 22-пушечных. Накануне русско-турецкой войны, по сведениям англичан, Россия имела на Черном море 40 единиц плавсредств. Из Херсона были выведены правление Черноморского флота и кадетский корпус, а также Адмиралтейство. Строительство судов в Севастополе не подразумевалось, поскольку леса в Крыму не было, а доставка была неудобной и дорогой. Предполагалось, что в местной бухте может происходить только мелкий ремонт. Соединение в Севастополе Донской и Азовской флотилий 2 мая 1783 г., которые положили начало эскадре Черноморского флота, считается датой его основания. Командующим флотом на Черном и Азовском морях был назначен Ф.А. Клокачев, но верховное руководство принадлежало новороссийскому генерал-губернатору Г.А. Потемкину. Для руководства флотом было создано Черноморское адмиралтейское правление.

Вновь учрежденные города на Крымском побережье имели каждый свое особое назначение. Севастополь объявлялся главным военным портом, в который не разрешалось входить купеческим кораблям, «разве для починки или для спасения, а не для торга»²⁴. При этом морской министр России П.В. Чичагов ссылаясь на опыт других стран и регламент Адмиралтейства, говоря, что в иностранных державах военные и купеческие суда никогда вместе в одной гавани «не становятся»²⁵. Всё большее значение в качестве торгового порта стала приобретать Кафа (Феодосия). Этот морской порт упоминала еще Екатерина II, а в 1803 г. новороссийский генерал-губернатор, говоря о торговых портах Крыма, сознавался, что пока Кафа еще не имеет никаких торговых заведений, «но в самом скором времени должна быть приведена в цветущее состояние»²⁶. Уже в 1809 г. указом Александра I разрешалось привозить иностранные товары, которые облагались пошлиной, «к феодосийскому порту»²⁷.

Екатерина II уделяла большое внимание развитию Черноморского флота. В ее указе от 27 июля 1794 г. сказано: «С распространением пределов государства нашего, с приобретением владычества флага российского на Черном море и по опытам минувшей войны с Портою Оттоманскою оказалась сугубая необходимость в приумножении там морских наших ополчений, сколько для охранения самих тех пределов и удержания во всегда почтительной степени флага нашего, столько и ради того, чтобы во время военное силы черноморские были в состоянии действовать с успехом»²⁸. Новые штаты Черноморского флота были утверждены в 1794 г. В нем должны были состоять пятнадцать 74-пушечных, шесть 50-пушечных, шесть 30-пушечных, шесть 28-пушечных фрегатов, а также гребной флот из 36 судов для обороны лиманов и 50 канонерских лодок. Именно в 1794 г. под руководством инженера А.П. Соколова был построен флагманский корабль русской эскадры Ф.Ф. Ушакова «Святой Павел». К 1791 г. Россия имела на Черном море не уступающий Турции линейный флот. Потемкин ввел в состав флота суда нового типа — линейные фрегаты. Для защиты Херсона стали строить легкие суда для мелководного лимана. Для него строились шлюпки, дубель-шлюпки, катера и баркасы с 1–3 орудиями крупного калибра. Таким образом, к 1783 г., когда был присоединен Крым, Черноморский флот состоял из судов, не имевших аналогов на Балтийском флоте²⁹.

Управление Черноморским флотом, портами и Адмиралтейское правление были переданы сначала М.В. Каховскому, затем П.А. Зубову, позже вице-адмиралу Н.С. Мордвинову. Командование Черноморским гребным флотом поручалось генерал-майору П.В. Пустошкину. Во время переговоров с Турцией о заключении союза 1799 г. Мордвинов должен был собрать новейшие сведения о Черноморских проливах и составить их подробную карту. Сохранилось описание Проливов, составленное картографами и моряками, находившимися на службе Франции и Турции³⁰. Уже в 1783 г. российский посланник в Турции Я.И. Булгаков получил карту Босфора с указанием расположения крепостей и укреплений, которая была значительно дополнена русскими офицерами, проводившими исследование Проливов во время экспедиции судов Черноморского флота на Босфор в 1833 г.

К началу правления Павла I Черноморский флот состоял из 76-ти судов: 12-ти кораблей, 18-ти фрегатов, 2-х военных транспортов и 22-х мелких судов. В пику матери, Павел I не придавал значения развитию флота. Император подписал указ о прямом подчинении Черноморского флота Государственной Адмиралтейств коллегии. Вместо Черноморского Адмиралтейского управления была образована Контора Главного командира флота³¹. При Александре I в 1805 г. произошли новые изменения: вместо Конторы Главного командира флота был образован Черноморский департамент, который поступил в ведение Адмиралтейств коллегии. Но эти преобразования не имели отношения к реальному состоянию флота — он пришел в совершенный упадок. Адмирал И.И. де Траверсе занял должность главного командира Черноморского флота и должность Севастопольского и Николаевского военного губернатора, а с 1809 г. — морского министра. Однако флот продолжал находиться в упадке, поскольку Россия в это время вела войны с Наполеоном, и главное внимание было обращено на сухопутные силы.

Александр I высказывался о второстепенности флота в концепции обороны страны. Ему вторил сенатор А.Р. Воронцов, которому принадлежат слова: «России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не представляется»³². Однако император понимал важность развития черноморской торговли. Едва вступив на престол, Александр I, «желая доставить купечеству сугубые выгоды в распространении торговли», назначил в видах покровительства ее распространению в «полуденных» краях особых градоначальников для портовых городов — Одессы, Таганрога, Кафы и Херсона³³. В переписке между министром внутренних дел В.П. Кочубеем с министром иностранных дел А.А. Чарторыйским говорилось, что градоначальники крымских городов должны быть в постоянной переписке «для общей пользы».

Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в составе Черноморского флота находилось всего 6 боеспособных кораблей. По Бухарестскому миру 1812 г. была сформирована новая юго-западная граница России. В ее состав вошли: территория по течению правого берега Среднего и Нижнего Днестра, побе-

режье Черного моря от Днестровского лимана до Георгиевского гирла Дуная, левый берег Георгиевского гирла Дуная от впадения в него реки Прут до Черного моря³⁴.

Положение изменилось в 1816 г., когда главным командиром Черноморского флота и портов, а также военным губернатором Николаева и Севастополя стал вице-адмирал А.С. Грейг. Он был инициатором строительства новых типов судов — пароходов, катеров, люгеров, тендеров, разработал математический метод проектирования обводов судов, стал основоположником парового судостроения на Черном море³⁵. По инициативе Грейга в 1818 г. было построено первое плавучее землечерпательное судно для работы по углублению фарватера, а в 1820 г. в Николаеве был построен первый на Черном море пароход «Везувий» для портовой службы, в 1825 г. — первый военный пароход «Метеор». Первый пассажирский пароход «Одесса» появился в 1828 г., тогда же было открыто регулярное хождение почтовых пароходов между Одессой и Константинополем. В 1826 г. шесть человек от Черноморского ведомства были посланы в Англию для обучения кораблестроению, которое продолжалось в течение пяти лет³⁶. К этому времени и Александр I изменил свое отношение к отечественному флоту. Ему принадлежат следующие слова: «Россия должна быть третья по силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав»³⁷. В это время Черноморский флот обладал 12-ю линейными судами, пятью фрегатами, а новый штат предполагал значительное увеличение числа судов.

Несмотря на то, что в торговом отношении всё большее значение получали порты Таганрога, Феодосии и Одессы, отправлявшие свои грузы в Константинополь и средиземноморские страны, в начале 1820-х годов у российского правительства возникла идея учреждения и развития нового порта на восточном берегу Крыма. Эта мысль была высказана еще Екатериной II, когда она в 1771 г. писала В.М. Долгорукову: «Кафа велик город, в нем порт морской, но Еникале и Керчь открывают вход г-ну Сеньявину водой в тот порт»³⁸. Стратегическое значение Керчи было уникальным — она «стояла на страже» морского проникновения в Азовское море. Недаром сначала генуэзцы, а затем и

турки выстроили на этом месте мощную крепость Ени-Кале, запиравшую вход из Черного моря в Азовское. Решено было усилить эту роль города. Указом от 10 октября 1821 г. Александр I повелевал открыть новый торговый порт в Керчи «для улучшения торговли нашей на Черном и Азовском морях»³⁹. В «Постановлении об открытии Керченского порта» говорилось, что новый порт в Крыму должен был способствовать развитию торговли и промышленности «до возможного совершенства». Для этого следовало учредить дополнительно портовый карантин и таможеню. Местное управление новыми заведениями вверялось керчь-еникальскому градоначальнику, который подчинялся херсонскому военному губернатору, заведовавшему всей торговлей Керченского округа.

В части 26-й «Постановления...» говорилось о том, что главная выгода Керченского порта состоит в его удобном географическом положении, предоставлявшем ему возможность аккумулировать товары со всех пунктов Азовского моря — из Таганрога, Мариуполя и других мест для отправки из Керчи на больших купеческих судах. Второй, кроме налаживания торговли с портами Азовского моря, задачей нового Керченского порта было расширение торговли с народами Черкесии, для чего учреждалось Попечительство Керченской и Бугазской торговли с черкесами и абазинцами. Главной задачей этой новой структуры было обеспечение спокойствия края посредством привлечения местных народов к торговым связям и «укрощения их дикости чрез постепенное приучение к выгодам общежития и образованности»⁴⁰.

Последователем Грейга в развитии Черноморского флота стал новый командующий Черноморским флотом и портами М.П. Лазарев. Он развернул грандиозное строительство Севастопольского адмиралтейства. Построенные при Лазареве в 1834–1851 гг. суда обладали хорошими мореходными качествами. При нем же было начато строительство паровых железных судов⁴¹. Однако время было упущено: в 1845 г. Черноморский флот пополнился пятью построенными в Англии пароходами-фрегатами по 260 л.с. каждый, что было явно недостаточно для кардинального усиления флота. Отставание от западных стран становилось всё более очевидным.

После начала Крымской войны 1853–1856 гг. корабли Черноморского флота сразу приступили к активным действиям. Черноморцы одержали ряд побед, среди которых знаменитая победа русского флота у Синопа 18 ноября 1853 г. Присутствие в Черном море англо-французского флота изменило обстановку. По приказу главнокомандующего в Крыму князя А.С. Меншикова Черноморский флот отказался от активных боевых действий и перешел к обороне своей главной базы — Севастополя.

По окончании Крымской войны, согласно статьям Парижского мира, Черноморский флот был расформирован, закрылись флотские учреждения, были ликвидированы управление и должность Главного Командира Черноморского флота и портов. Однако вскоре началось выстраивание государственной политики, направленной на возрождение российского Черноморского флота.

Примечания

- ¹ Дружинина Е.И. Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море (1774–1782 гг.) // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 81.
- ² Аракс З.А. Начало учреждения российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 год. Одесса, б. г. С. 2.
- ³ Смирнов А.А. Во главе строительства Черноморского флота // Военно-исторический журнал. 1994. №7. С. 73.
- ⁴ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. 1. СПб.: Остров, 2012. С. 306.
- ⁵ Там же. С. 484.
- ⁶ Смирнов А.А. Указ. соч. С. 73.
- ⁷ Спиридонова И.К. Развитие судостроения на Черном море в конце XVIII века // Черноморский флот в судьбе России. Симферополь, 2000. С. 129.
- ⁸ Сизенко А.Г. Основание города Николаева // Рубикон. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 7. С. 39.
- ⁹ Митковская Т.С. Создание Черноморского флота // Воронцовы и русское дворянство. Симферополь, 2008. С. 136.
- ¹⁰ История отечественного судостроения. СПб.: Судостроение, 1994. Т. 1. С. 289.
- ¹¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. Т. 2. С. 409.
- ¹² Митковская Т.С. Указ. соч. С. 138.
- ¹³ Аракс З. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁴ Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб.: Тип. В.Ф. Ктршбаума, 1895. С. 203.
- ¹⁵ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 409.

- 16 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Д. 554. Л. 33 об. Записка Пизани о двух разговорах с реис-эфенди.
- 17 Там же. Л. 34.
- 18 Там же. Д. 550. Л. 1. Проект рескрипта А.С. Стахиеву.
- 19 *Веселаго Ф.В.* Краткая история русского флота. Ленинград: Военно-морское издательство НКВМФ СССР. 1939. С. 202.
- 20 История отечественного судостроения. С. 256.
- 21 Сборник Русского исторического общества. Т. 27. 1880. С. 224.
- 22 Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб., 1830. № 15929.
- 23 *Аракс З.* Указ. соч. С. 3.
- 24 Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы архивов МИД России. Ижевск, 2018. С. 262. Указ императора Александра I Правительствующему Сенату. 23 февраля 1804 г.
- 25 Там же. С. 268. Отношение морского министра России П.В. Чичагова министру иностранных дел России А.А. Чарторыйскому. 11 июля 1805 г.
- 26 Там же. С. 260. Депеша новороссийского генерал-губернатора С.А. Беклешова посланнику России в Константинополе А.Я. Италинскому. 3 апреля 1803 г.
- 27 Там же. С. 271. Указ Александра I Правительствующему Сенату. 16 апреля 1809 г.
- 28 *Орлик О.В.* Адмирал Н.С. Мордвинов и создание Черноморского флота // Новая и новейшая история. 1999. № 4. С. 179.
- 29 *Смирнов А.А.* Указ. соч. С. 77.
- 30 *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 182.
- 31 *Гребенщикова Г.А.* Черноморский флот при Александре I: проблемы и достижения // Клио. 2013. № 7. С. 84.
- 32 История отечественного судостроения. С. 289.
- 33 Крым в развитии России... С. 260. Депеша новороссийского генерал-губернатора С.А. Беклешова посланнику России в Константинополе А.Я. Италинскому. 3 апреля 1803 г.
- 34 *Гросул В.Я.* Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой юго-западной границы России // Русин. 2012. № 1. С. 49.
- 35 *Митковская Т.С.* Указ соч. С. 141.
- 36 История отечественного судостроения. С. 342.
- 37 Цит. по: История отечественного судостроения. С. 345.
- 38 Крым в развитии России... С. 229. Екатерина II В.М. Долгорукову. 1771 г.
- 39 Там же. С. 276. Указ Александра I Правительствующему Сенату. 10 октября 1821 г.
- 40 АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 3 (1816). Л. 153. Выписка из журнала Комитета Министров от 19 августа 1819 г.
- 41 *Митковская Т.С.* Указ. соч. С. 143.

250 лет спустя: Кючук-Кайнарджийский мир в национальных дискурсах некоторых современных государств Юго-Восточной Европы

Четверть тысячелетия, прошедшая с момента подписания 10 (21) июля 1774 г. между Османской и Российской империями по результатам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кючук-Кайнарджирского договора, была наполнена судьбоносными событиями как для мира в целом, так и для условного балканского-средиземноморско-черноморского региона, в частности. Главными для последнего стало появление новых государств в результате ликвидации империй, а также произошедших длительных многочисленных геополитических трансформаций на протяжении нового и новейшего времени присоединение (или как всё чаще отмечается в официальном дискурсе ряда балканских стран, входивших в Восточный блок), воссоединение с «исторической Европой». Стремительно изменявшийся в 90-е годы XX в. мир, начало чему было положено окончанием холодной войны, обусловил усиление роли и места национальной исторической памяти в обществах практически всех европейских государств, а в бывших коммунистических странах Центрально-Восточной Европы и государствах Балканского полуострова, включая и те из них, которые не входили в Восточный блок, этот процесс приобрел особое значение в силу традиционно сохранявшихся особенностей восприятия национальной истории как важного фактора их общественно-политической жизни. Распад Югославии, сопровождавшийся гражданскими этно-национальными войнами, созданием новых государств на её бывшем пространстве, и появление нового соотношения сил в Юго-Восточной Европе, включающей Балканы, в определенной степе-

ни актуализировал исторические события, влияние которых на судьбы соответствующих народов рассматривались и продолжают сохранять свою значимость с точки зрения объяснения или доказательства соответствующих последствий для них уже в новейшее время. Отдельная группа представлена мирными договорами, заключенными по завершении войн, ведшихся непосредственно в Юго-Восточной Европе или затрагивавших её, с участием великих держав. Во многом это объясняется сложившейся в исторической традиции национальных дискурсов её народов апелляции к роли последних в их судьбе как союзников или противников /врагов, с последующим формированием в национальном дискурсе соответствующей аргументации, призванной объяснить сложившуюся геополитическую ситуацию и особенности внутривосточного развития конкретной страны.

К числу одного из наиболее значимых для нового периода истории балканско-средиземноморско-черноморского региона событий последней трети XVIII в. относится русско-турецкая война 1768–1774 гг., в которой Османская империя, оказавшаяся фактически вовлеченной во внутривосточные дела Речи Посполитой¹, стремилась установить над последней протекторат, рассчитывая не допустить её подпадания под контроль России, а также планировала захват Волыни и Подолии и параллельно с этим расширить владения на Кавказе и в северном Причерноморье, блокировав Российскую империю в данных районах. Однако в «польских делах» последняя опередила Османскую империю, подписав 24 февраля 1768 г. с Речью Посполитой договор о вечной дружбе и установив над ней фактически свой протекторат. Одновременно она стремилась добиться выхода к Черному морю, усилив своё присутствие в важном с экономической и военно-политической точек зрения регионе.

Начатые Портой боевые действия против Российской империи ознаменовали новый этап в развитии системы международных отношений в балканско-средиземноморско-черноморском регионе. Охватив территории современных Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Греции и отдельных районов Кавказа, они закончились победой России и подписанием 10 (21) июля 1774 г. «Трактата вечного мира и дружбы» в болгарском селе Кючук-

Кайнарджа на территории Османской империи, составленного на русском, турецком и итальянском языках и содержавшего 28 статей с детально прописанными условиями.

Среди важных примечательных особенностей как формирования национального нарратива в ряде балканских обществ об этом договоре, так и в целом национальной памяти в них о нём, были его влияние на судьбу соответствующих народов и их государственность в исторической ретроспективе с использованием в общенациональном дискурсе объяснительной аргументации причинно-следственных связей событий, приведших к русско-турецкой войне, и оценка значения договора в контексте их национальной истории. Имея в виду содержательную часть Кючук-Кайнарджийского договора, касающуюся Юго-Восточной Европы и Балкан, а также события, произошедшие в период войны, эта проблематика занимает в национальном дискурсе и исторической памяти обществ отдельных современных государств Юго-Восточной Европы, прежде всего Турции, Греции, Румынии и Молдовы, важное место. К числу тем, привлекающих наибольшее внимание, относятся причины русско-турецкой войны, её историческое значение для соответствующих стран и характер подписанного в Кючук-Кайнарджи мирного договора. В наиболее концентрированном виде особую роль на ранних этапах формирования его «национального» образа играют школьные дидактические материалы (учебники), а в более широком смысле отражают публикации в СМИ, нередко использующие выступления учёных-историков, авторов академических исследований, для комментариев по конкретным вопросам, связанным с русско-турецкой войной 1768–1774 гг., и условиям подписания договора. В то же время следует отметить, что в национальных нарративах упоминавшихся выше стран в последние годы XX и первые десятилетия XXI вв. наблюдались изменения, связанные как с внутривнутриполитическими процессами в них, так и с трансформациями в международных отношениях, одной из важных особенностей которых было укрепление позиций Единой Европы и проводившейся в рамках европейского пространства новой политики «исторической памяти» и «невраждебного историописания». Для государств-членов новой объединенной Европы

и стран-кандидатов, стремящихся ими стать, это имело особое значение, так как требовало, с одной стороны, сохранить национальную «историческую фабулу» и подход к её интерпретации, а, с другой, избегать аргументации и оценок как мировой, так и национальной истории, способных негативно повлиять на формируемую «общеевропейскую идентичность». Одновременно, для тех из государств Юго-Восточной Европы, чьи перспективы вхождения в Единую Европу маловероятны, прежде всего это относится к Турции, выдвижение в общенациональном дискурсе даже конфликтных тезисов при интерпретации исторических событий имперского прошлого Османской Порты происходит на фоне утверждений о равновеликости с точки зрения исторического наследия и вклада в исторический процесс европейских стран и Османской империи.

Турецкое видение османо-русского договора

Тема Кючук-Кайнарджийского договора в турецком общественном и академическом дискурсе определяется в соответствии с существующей в современной турецкой традиции названия русско-турецкой войны 1768–1774 гг. как османо-русской, и являющейся частью масштабного исторического внешнеполитического плана Российской империи, направленного на ослабление Порты, представляемой в национальном нарративе как объект агрессивной политики первой. В этой связи, в концентрированной форме выдвигается ряд последовательных и взаимосвязанных тезисов, что нашло своё отражение в структурированной форме в научной литературе. Так, в частности, утверждается о том, что «в ходе войны 1769–1774 гг. русские предприняли важные шаги в своей политике “продвижения на юг” и политически закрепили свой успех в “Кючук-Кайнарджийском договоре”, подписанном в конце войны»². При этом весь план Российской империи, которая фактически действовала в направлении завоеванных Османской империей территорий, формулируется в турецком нарративе в виде утверждения о том, что со времён Петра I «русские администраторы», то есть российская бюрократия, «знали, что Османская империя слабеет» и «были убеждены, что смогут осуществить свои великие амбиции, вос-

пользовавшись слабостью Османской империи вместе с Екатериной II», но «сначала они намеревались осуществить свои большие амбиции, “выйдя к Черному морю” и “аннексировав Крым”, затем захватив Проливы, Стамбул и острова в Эгейском море, а также создав так называемое Греческое государство, тем самым уничтожив Османское государство и решив “турецкий вопрос”»³. Особо отмечалось в этой связи, что «после Кючук-Кайнарджийского мира Россия, с одной стороны, готовилась к форсированию Босфора с моря, а с другой — начала искать пути расширения из Крыма на Балканы и Кавказ. Ситуация на Черном море начала меняться после Кючук-Кайнарджийского мира»⁴. Возможность освобождения Греции и создание её национальной государственности рассматривались как часть плана не только по расчленению Порты, захватившей большие территории Юго-Восточной Европы, но и как важный шаг на пути ликвидации самой Империи. Не меньшее внимание обращалось на место и роль Дунайских княжеств, фактически подвластных ей. В данной связи выдвигается тезис о том, что «Россия оккупировала земли Валахии и Молдавии во время войны с Османской империей в 1768—1774 гг.», а «в ходе переговоров по Кючук-Кайнарджийскому миру, положившему конец войне, Россия пыталась укрепить автономное положение Валахии и Молдавии и добиться уступок, которые увеличили бы ее влияние там», что ей «удалось благодаря статьям Кючук-Кайнарджийского договора»⁵, даже несмотря на формальное возвращение двух княжеств под османский суверенитет. Значение договора приобрело в оценках турецких авторов особый смысл, в связи с чем он характеризовался, со ссылками на мнение представителей иностранного академического сообщества⁶, как «договор, который долгое время считался символом “русского мастерства и турецкой глупости”, является одним из важнейших и знаменитых договоров в истории европейской дипломатии», и «то же самое, что Декларация независимости США означает для латинского мира, Кючук-Кайнарджа значит для Ближнего Востока»⁷.

Во многом эти тезисы и оценки приобрели системный характер в дидактических материалах в виде школьных учебников по истории, что способствует формированию как в целом со-

ответствующего подхода к национальной памяти в рамках публичного дискурса, так и его развитию уже в будущем. В разделе «Османо-русская война (1768–1774 гг.)» учебника истории для 11 класса общеобразовательных учреждений примечательными с точки зрения аргументации и объяснения событий являются несколько тезисов. Прежде всего отмечается, что «в XVIII в. Османское государство (Osmanlı Devleti) хотело проводить политику, основанную на мире с Россией», в то время как последняя «проводила агрессивную политику в отношении османов», что «было связано с желанием России воспользоваться ситуацией в Османской империи для достижения своих амбиций»⁸. При этом основной причиной войны в 1768 г. называлось «строительство русскими новых замков на границах с Османской империей, их попытки оккупировать польские земли и вмешательство в дела некоторых независимых общин», а также борьба за изменение баланса сил в Европе⁹. Особое значение для соответствующей направленности общенационального дискурса приобретает тезис, определяющий образ России и сформулированный в виде утверждения, что «агрессивная и экспансионистская политика, проводимая царицей Екатериной II в отношении соседних государств, впервые проявилась на Балканах»¹⁰, которые на тот момент были захвачены Османской империей. Само начало войны объясняется вмешательством Екатерины II в польские дела, обращением «польских националистов» (Leh milliyetçileri) к Порте за защитой от России, а также аналогичным обращением крымского хана к османским властям после российского «нападения на османский город Балта»¹¹. Действия Порты в данном контексте представляются в совершенно однозначном и конкретном виде, а именно, в форме утверждения о том, что «при поддержке некоторых государственных деятелей в 1768 г. было решено предпринять экспедицию в Россию с целью защиты Польши»¹². Этот тезис активно используется в последнее время в публичном пространстве и в материалах прессы, когда заявляется о том, что «война, начавшаяся ради защиты независимости Польши, закончилась провальным договором в 1774 г.»¹³.

Объяснение поражения Османской империи её неподготовленностью к войне создаёт впечатление о вынужденности дей-

ствий Порты, как и предыдущий тезис о её миролюбии. Аналогичный нарратив, формирующий представления как о самой войне, так и о заключенном мире, содержится в общедоступной электронной Энциклопедии Ислама (TDV İslâm Ansiklopedisi) в разделе «Кючук-Кайнарджийский договор». Во-первых, утверждается, что «османско-русская война, начавшаяся в 1768 г. и ставшая поворотным моментом не только для Османской империи, но и для России в плане восточной политики, имеет большое значение с точки зрения отчётливого выявления слабостей Османской империи и подтверждения факта становления России как великой державы»¹⁴. Во-вторых, заявляется о том, что «война, начавшаяся из-за вмешательства русских во внутренние дела Польши и взятия ее под свое влияние, а также их посягательства на Крымское ханство и османские земли, была объявлена без какой-либо необходимой подготовки, хотя и имела под собой обоснованные причины»¹⁵. Договор, заключенный по её результатам, рассматривается с точки зрения уже последующих событий как важный шаг на пути усиления Российской империи, пошедшей на определенный компромисс в 1774 г., чтобы развить свой успех.

В дидактических школьных материалах Кючук-Кайнарджийский мирный договор оценивается как «одно из самых суровых соглашений, подписанных османами», «положивший конец связям Крыма с Османской империей» и приведший к тому, что «Крым, ставший независимым ханством, больше не находился под защитой Османской империи»¹⁶. Однако последствия договора, при констатации потерь, в частности, что «с уходом Османской империи с обширных земель между реками Днепр и Буг Черное море перестало быть турецким озером, и ее господство на Черном море закончилось», включают и утверждения о сохранении «религиозной верности Крыма халифу», а также о выводе российских войск с Кавказа, возвращении Валахии и Молдавии Османской империи.

Примечательным в данном контексте было определение по степени важности потерь Порты в соответствии с договором, когда заявлялось о том, что «одним из самых суровых пунктов договора была выплата Османской империей четырех с полови-

ной миллионов рублей контрибуции», но «гораздо важнее то, что связь между Османской империей и Крымским ханством была разорвана»¹⁷. В соответствии с представленной интерпретацией, «из-за преднамеренного искажения статей договора русские начали вмешиваться в дела Османской империи», а «Крым, получивший так называемую независимость по Кючук-Кайнарджийскому договору, был отделен от османского владычества», и «эта ситуация стала первым этапом перехода Крыма под управление России»¹⁸. Выход к Черному морю и получение возможностей для российского судоходства также расценивается с позиций создания угроз Османской империи. Эта тема присутствует в общественном пространстве, в частности на популярных образовательных порталах, в тесной связи с интерпретацией причин войны и констатацией «потерь» Порты. Это нашло своё отражение в тезисах о том, что «причиной возникновения войны стало вмешательство российской императрицы Екатерины II во внутренние дела Польши», и о расширении российского влияния над Валахией и Молдовой в результате поражения Османской империи, которая «стала уязвимой для вмешательства России в ее внутренние и внешние дела», что создало условия для будущих войн¹⁹. Кючук-Кайнарджийский договор расценивается в турецком национальном дискурсе, отраженном в публикациях СМИ, как положивший начало заката Османской империи, в связи с чем особо отмечается, что он «привел Османскую империю к периоду упадка» в то время, как «политика русских по выходу к теплому морю начала приближаться к успеху». Более того, обращалось особое внимание на то, что «Османская империя впервые в своей истории выплатила контрибуцию, и Черное море стало открытым для других стран», а сам договор «связал руки Османской империи и сделал ее беззащитной, поскольку содержал жесткие условия», и «поэтому начались вмешательства во внутренние и внешние дела государства»²⁰. Таким образом, договор оценивается как первый шаг на пути ослабления Порты на международной арене и началом её распада.

Судьба эллинизма и греческой государственности: неоднозначные оценки

Греческий нарратив русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключенного по её окончании Кючук-Кайнарджийского мирного договора фокусируется на значении этих событий как в целом для судьбы греков, находившихся под властью Османской империи, так и для дальнейшего процесса их освобождения, завершившегося созданием национального государства. Особое место в данном контексте отводится объяснению вектора развития греческого национально-освободительного движения после Пелопоннесского восстания (Ορλωφικά) 28 февраля — 7 июня 1770 г., поддерживавшегося Россией во время первой архипелагской экспедиции русского военно-морского флота и фактически подготовленного фаворитом Екатерины II Г. Орловым, фамилия которого и стала нарицательным названием этого события. Поражение восстания, связанное как с просчётами планировавшего его Г. Орлова, недооценившего возможности турецкой армии, так и со слабостью греческих повстанцев, уже долгое время в национальном греческом дискурсе рассматривается с позиций роли и места «российского фактора» в событиях.

Особое значение, как отмечают сами греческие авторы, имеют уроки истории среди предметов школьной программы, в силу их «двойной роли в образовательном процессе: с одной стороны, он призван обеспечить взаимосвязь прошлого и настоящего, а с другой — создать “официальную память общества”»²¹. Для понимания особенностей национального нарратива, о чём пишут греческие исследователи, ссылаясь на проводимые в Греции и других странах исследования, важным «является вывод о том, что выбор и принципы передачи содержания обучения и преподавания большинства учебников по истории направлены на создание национальной идентичности, которая во многом основана на контрасте национального “я” с “другим” и особенно с “соседом”»²².

В школьной дидактической литературе, во многом формирующей нарратив общенационального дискурса, это нашло, в частности, своё отражение в специальном разделе учебника

истории для гимназии «Движения против османского владычества». В нём заявлялось о том, что «примерно в начале XVIII в. греки обратились к России, имевшей общие интересы с греками региона и единоверной, с просьбой о помощи. Таким образом, в 1770 г. по инициативе России произошла греческая революция, сосредоточенная на Пелопоннесе. Мобилизация греков, однако, оказалась не тем, что требовалось, и небольшое количество участвовавших русских военных кораблей во главе с братьями Орловыми оказалось недостаточным. Революция “орловиков” [участников восстания], как их называли, была подавлена. Похожая участь постигла героическую попытку греческого эmissара России Ламброса Кацониса расшевелить жителей Эгейских островов»²³. В данном контексте вполне закономерным становился тезис и о том, что «греки, разочарованные неудачными попытками освободиться от турецкого ига, предпринятыми ими в ходе двух русско-турецких войн (1768–1774 гг. и 1787–1792 гг.) при Екатерине II, обратились к Франции и Наполеону»²⁴. В определенной степени критическая оценка действий российской стороны во время восстания на Пелопоннесе, хотя и в смягченной форме, была отражением уже сформировавшегося восприятия образа внешней политики Российской империи, сформулированного ранее и продолжавшегося сохраняться, о чём свидетельствует пассаж из школьного учебника, изданного в 1982 г., в котором недвусмысленно характеризовались как само восстание, так и действия российской стороны после заключения Кючук-Кайнарджийского договора, когда заявлялось об активности российских эmissаров с целью подготовки восстания, «продолжавшегося до 1774 г., когда между Россией и Турцией был подписан знаменитый Кючук-Кайнарджийский договор», и «тогда русский флот покинул Грецию и оставил греков на произвол судьбы», а «турки, разгневанные на греков, произвели систематические разрушения, и всё охватило страшное запустение»²⁵. Эти тезисы нашли своё отражение и в электронной «Греческой энциклопедии», когда заявлялось о том, что «Россия сыграла ключевую роль в разжигании греческой революции 1770 г., отправив флот и войска на помощь восставшим грекам», но «после заключения Кючук-Кайнарджийского договора российские

войска постепенно отошли, в результате чего мятежные греки подверглись возмездию со стороны Османской империи. Резня и бедствия, последовавшие за этим на Пелопоннесе и в других местах, были ужасающими. Особенно сильно они [греки] пострадали, поскольку многие из их вождей были казнены»²⁶.

При этом сама оценка значения Кючук-Кайнарджийского договора включает утверждение о том, что благодаря ему Россия в XVIII веке «зарекомендовала себя как крупная держава, претендовавшая, по крайней мере, на участие в планах других европейских держав относительно Османской империи»²⁷. В более общем виде характеристика договора внесла в национальный дискурс широкий набор условий и фактов, о чём свидетельствовали установки, изложенные в «Энциклопедии греческого мира и Черного моря», когда делалось утверждение о том, что подписанный в Кючук-Кайнарджи документ «отразил характер балканской политики [России], в которой были реально учтены критические факторы военной ситуации с турками, раздела Польши, позиции Австрии и внутренние последствия восстания Емельяна Пугачева», и что «таким образом, российская дипломатическая доктрина, основанная на триптихе “меньше аннексий, больше автономии и более сильное внутреннее вмешательство”, легла в основу новых условий, навязанных Россией Османской империи»²⁸. При этом особо отмечалось, что «все балканские христианские подданные султана извлекли выгоду из весьма выгодного для России и невыгодного для Османской империи договора, в том числе и греки, которые, находясь под щитом российской многогранной защиты, широко пользовались предоставленными привилегиями и правами», и даже более того, договор «смягчили негативные последствия Пелопоннесского восстания (Ορλωφικά), они создали благоприятные условия для национального формирования и подготовки революции, приведшей к созданию нового греческого государства»²⁹.

В тезисном виде, что отмечается в учебной литературе, оценка Кючук-Кайнарджийского договора включает несколько утверждений, а именно, что он обеспечил свободное судоходство под российским флагом через Проливы (важность этого факта для греческих торговцев и судовладельцев была очевидна), а «мно-

гие города Греции (в основном острова) получили таким образом большую помощь и развитие, в частности, такие города, как Салоники, Янина, Смирна и Хиос, превратились в важные торговые центры с ведущим греческим присутствием»³⁰.

В публичном дискурсе и по мере приближения к юбилею заключения договора его оценка в греческом общественном дискурсе строилась на сочетании нескольких характеристик. Несмотря на утверждения о том, что договор предполагал освобождение от налогов жителей греческих островов, передаваемых Османской империи в 1774 г., констатацию факта нарушения этого положения соглашения Портой, тем не менее отмечалось, что «от весьма выгодного для России и невыгодного для Османской империи договора извлекли выгоду все балканские христианские подданные султана, в том числе и греки, которые, находясь под покровом российской защиты, широко пользовались предоставленными привилегиями и правами». Одновременно отмечалось, что «выгоды греков от известного Кючук-Кайнарджийского русско-турецкого договора смягчили негативные последствия восстания на Пелопоннесе, создали благоприятные условия для национального формирования и подготовки революции, приведшей к созданию греческого государства»³¹. Обращение к положительным для греков результатам подписания договора и особенно подчеркивание его роли в защите их религиозных и экономических интересов³² сопровождаются напоминанием о Пелопоннесском восстании, «плохо спланированном Российской империей»³³. Он также ставится в один ряд с Карловицким мирным договором, подписанным 26 января 1699 г. потерпевшей поражение Османской империей с её противниками в войне — Австрией, Венецианской республикой и Речью Посполитой. В этой связи утверждается, что «это был первый договор, предусматривавший права поработенных [народов] Османской империей», а «вторым и самым важным стал договор Кючук-Кайнарджи (1774 г.), по которому Россия стала защитницей христианских подданных Турции»³⁴. При этом его оценка носит двоякий характер, когда ситуация, сложившаяся после его заключения, характеризуется в следующем виде: «Поэтому формальное начало “восточного вопроса” положено имен-

но в этот год. Разумеется, в последующие 150 лет поработанные народы взяли на себя задачу решить проблему и изгнать турок практически со всего Балканского полуострова. И, действительно, им удалось это сделать, при этом не имея над собой других династий-преемников. И ни русские, ни немцы, ни англо-французы их не простили. И турки, конечно, тоже»³⁵. Именно договор 1774 г. рассматривается и как шаг к решению «восточного вопроса», так как он обеспечил автономию Дунайским княжествам, защиту христиан в Османской империи и покровительство над ними России³⁶. Одновременно Кючук-Кайнарджийский договор, являясь частью серии мирных договоров, заключенных между Портой и Россией, оценивался с учётом того, что «победоносные для русских русско-турецкие войны второй половины XVIII в. сыграли важную роль в ослаблении Османской империи, что способствовало распространению идеи Революции среди поработанных греков, а также среди греков общин, проживавших на территории царской России и ее владений»³⁷. Одновременно в публичном пространстве в публикациях СМИ обращалось особое внимание на то, что подписание этого договора «не сопровождалось снижением экспансионистских настроений России по отношению к Османской империи», а стратегической целью «российской внешней политики со времён Петра Великого (конец XVII — начало XVIII вв.) было расширение на юг и спуск к теплым морям — Черному и Средиземному. Для достижения этой цели Россия, кроме того, использовала свое влияние на поработанное православное население Османской империи, подстрекая его к восстанию против османских властей»³⁸. Оценивая Кючук-Кайнарджийский договор через призму планов Российской империи, греческие авторы особо отмечают роль Екатерины II как наиболее активного продолжателя политики Петра I на южном направлении. В этой связи выдвигается тезис о том, что «одной из целей царицы была ликвидация Османской империи и аннексия ее территорий на Балканах и побережья Малой Азии», а «поводом для новой русско-османской войны 1768–1774 гг. послужили беспорядки в Польше и стремление провоенного крыла Высокой Порты во главе с великим визирем Силахдаром Махиром Хамзой-пашой и султаном Мустафой III

вовлечь империю в европейские дела»³⁹. Заключение Кючук-Кайнарджийского договора в данной связи приобретает новое звучание, являясь частью плана при решении «греческого вопроса» как инструмента внешней политики России.

Дунайские / румынские княжества через призму русско-турецкого договора: взгляд из Бухареста и Кишинёва

Как в общественных национальных дискурсах Турции и Греции, Кючук-Кайнарджийский договор является частью соответствующих дискурсов Румынии и Молдовы⁴⁰, но при этом обращается внимание и на Фокшанский конгресс 1772 г., предшествовавший ему и завершившийся провалом из-за необоснованного расчёта российской стороны на поддержку Пруссии и Австрии при переговорах с Османской империей, которая воспользовалась противоречиями между этими тремя государствами и не согласилась заключить мир на российских условиях. Примечательным обстоятельством в данной связи является особенность официального подхода к школьному преподаванию истории и составлению дидактических материалов в Румынии и Молдове в отличие от образовательной политики в области истории, проводимой в Греции и Турции. Так, в частности, в 2008 г. в Румынии была проведена реформа по созданию учебников истории, в соответствии с которой отменялся так называемый «периодизационный подход» при её изучении, а в появившихся альтернативных учебниках истории стал использоваться тематический подход. Это привело к тому, что, как отмечали румынские авторы, «если после 1999 г. история румын преподавалась в хронологическом порядке, от этнического развития до XX века, то в настоящее время она изучается в европейском контексте»⁴¹. Школьные учебники истории в Республике Молдова фактически используют такую же схему, но в рамках общего концепта «Румынская и всеобщая история» (*Istoria românilor și universală*). Таким образом, события русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключенный по её результатам Кючук-Кайнарджийский мир «вписывались» в контекст как национальной, так и мировой, а точнее европейской истории.

Интерпретация содержательной части этого договора сформировалась в рамках общего нарратива в Румынии и Молдове с позиций определения основных этапов нациостроительства и становления государственности в контексте внешнеполитических условий исторической ретроспективы и современного геополитического положения обоих государств. Российский фактор в данной связи рассматривается как один из наиболее значимых для их судеб. Основным тезисом, определяющим характер и оценки договора 1774 г., фактически разделяемые в дискурсах обеих стран, является утверждение о том, что роль Российской империи носила в отношении Дунайских княжеств двоякий характер, так как, с одной стороны, она выступала как освободительница от османского господства, но, с другой, преследовала собственные внешнеполитические цели⁴². В данном контексте в румынском национальном дискурсе, отдельные тезисы которого имеют отношение к характеристике российской внешней политики, обращается внимание на то, что «Россия, которая, начиная с Петра Великого, задумала и инициировала политику модернизации империи, погрязшей в азиатских и абсолютистских социально-политических структурах, нашла истинное призвание в территориальных завоеваниях»⁴³. Результаты русско-турецкой войны, закреплённые в Кючук-Кайнарджийском договоре, оцениваются с точки зрения их значимости для румынских княжеств — Валахии и Молдовы, которые, как особо отмечается, получили высокую степень автономии после их возвращения под сюзеренитет Османской империи, а «Россия узаконила свою роль защитницы православных христиан в Османской империи», но её обязательства, «зафиксированные в хатишерифе 1774 г., приложенном к договору, относительно стабильности правления и устранения злоупотреблений при осуществлении османского господства, соблюдаться не будут»⁴⁴. При этом нарратив противоборства Российской, Австрийской и Османской империй включает два важных тезиса: во-первых, христианские империи в лице двух первых, проводя антиосманскую политику и прибегая к войне, стали «катализатором освободительных сил в Молдавии и Валахии», и, во-вторых, «балансируя в симпатиях между Россией и Австрией, зная Трансильванию, Молдову и Валахию быстро обнаружила, что обе державы обманули их»⁴⁵.

В свою очередь, обращаясь к международно-правовому положению Молдовы, авторы из этой страны использовали во многом схожие с содержащимися в румынском нарративе тезисы, отмечая возрастающую зависимость Молдовы от Османской империи и стремление «местных бояр», в противовес фанариотам, отказывавшимся от вступления в антиосманские коалиции, активизировать «дипломатические действия по устранению османского господства с помощью двух великих соседних империй — России и Австрии». Кючук-Кайнарджийский договор рассматривается в данном контексте, как имевший «важное значение ввиду его последствий для обоих княжеств», то есть Валахии и Молдовы, так как по его условиям они улучшили «свой политический и правовой статус в составе Османской империи»⁴⁶. Одновременно это дало возможность, в соответствии с выдвигающимся тезисом, «увеличить возможность расширения политического горизонта местных правителей и бояр, заинтересованных в политическом освобождении страны от османского сюзеренитета и российского протектората (установленного в 1774 г. Кючук-Кайнарджийским договором)»⁴⁷. В школьной «дидактической редакции», отражённой в учебнике «Румынская и всеобщая история», изданном в Республике Молдова, в разделе «Румынские княжества в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.» выделялось несколько тезисов, которые характерны и для публичного дискурса по этой теме. Главными среди них были констатация факта расширения границ Россией и продвижения её к Черному морю, создание русским военным командованием гражданской администрации в Валахии и Молдове, в которую вошли крупные бояре, возглавлявшейся русским генералом с целью обеспечения русской армии продовольствием и фуражом, и оценка последствий войны, когда, несмотря на то, что «значительная часть принятых на себя Портой обязательств не была выполнена, Кючук-Кайнарджийский мир тем не менее означал облегчение положения румынских земель». Это рассматривается как начало важных изменений в международном положении Молдовы и Валахии в условиях получения Россией статуса их покровителя⁴⁸. В этой связи особый интерес представляет актуализация в существующем общенациональном дискурсе соседней Румы-

нии нарратива о внешнеполитических устремлениях Российской империи в этот период, когда наряду с тезисом о возобновлении «с энтузиазмом» Екатериной II восточной политики Петра I, «под видом крестового похода с благородной миссией освобождения православных народов юго-восточной Европы от магометанского ига», выдвигался ещё один и, что является примечательным, со ссылкой на публиковавшиеся в СССР исследования. Так, в частности, обращалось особое внимание на то, что «поскольку ослабление Польши seriously угрожало позициям Османской империи в Европе, надвигался крупный конфликт между “Третьим Римом” и Полумесяцем» и что, «начиная с 1765 г., лица, принимающие решения в Санкт-Петербурге, пытались склонить султана к объявлению войны России»⁴⁹. Их целью, как утверждается, было «помешать другим державам, вовлеченным в борьбу за восточное наследство, обвинить Россию в агрессии и даже сформировать коалицию против нее, чтобы не допустить одностороннего решения Восточной проблемы в пользу России. Политическая судьба румынских княжеств была безоговорочно связана с решением двух главных проблем в регионе — польской и османской»⁵⁰. Результатом договора, в данном нарративе, становилось фактически достижение Российской империей так называемой «минимальной цели», то есть управление княжествами «в течение 25 лет в счет военных контрибуций», имея при этом и программу-максимум в виде плана создания независимых княжеств с границей по Дунаю «под очевидным влиянием “Третьего Рима”»⁵¹. Одновременно в национальном румынском дискурсе, относящемся к теме Кючук-Кайнарджийского договора, присутствует нарратив о последовавшем после него и вошедшем в национальную память в крайне негативной форме событии — присоединении 7 мая 1775 г. к Австрии Буковины⁵², на что была вынуждена пойти Османская империя, а Россия не протестовала ещё в период русско-турецкой войны, когда туда вошли австрийские войска. Именно эти события, в соответствии со сложившейся интерпретационной традицией, положили начало «вопроса о Буковине», продолжившего существовать уже и в новейший период, что сохраняется в национальной памяти в Румынии. Одновременно результаты русско-турецкой войны

1768–1774 гг. оцениваются в контексте внешней политики Российской империи, в связи с чем особо отмечается, что предпринятые ею завоевания имели серьёзные последствия не только для неё самой, но и для Балканского региона, а также «румынского пространства», а сама война «стала поворотным моментом в их развитии»⁵³. Довольно часто обращается внимание и на Фокшанский конгресс 1772 г. как на предтечу Кючук-Кайнарджийского договора, а оба они рассматриваются как ключевые события, «проложившие путь экономическому и политико-дипломатическому утверждению румынских княжеств в качестве автономных, полунезависимых образований, что ознаменовало их выход на заслуженный передовой рубеж международных отношений»⁵⁴. Несостоявшийся Фокшанский договор и подписанный Кючук-Кайнарджийский мир оцениваются в румынском нарративе как части более масштабного так называемого Греческого проекта, изложенного Екатериной II в конфиденциальном послании императору Священной Римской империи Иосифу II 21 сентября 1782 г. с планом возрождения Византийской империи. В румынском нарративе обращается внимание на так называемый Дакийский план этого проекта, когда предусматривалось «создание буферного государства из Молдовы и Валахии между тремя соперничающими империями: Россией, Австрией и Турцией»⁵⁵. Значение России в данном контексте является практически аналогичным в оценке произошедших событий в академическом нарративе Молдовы, не только отражающим, но и влияющим на формирование общественного дискурса, что в концентрированной форме формулируется в виде утверждения о том, что «с подписанием Кючук-Кайнарджийского договора внешний фактор, особенно “русский”, становится постоянным вектором во всех вопросах, являвшихся предметом взаимоотношений Османской Порты с княжествами»⁵⁶. Таким образом, сам документ рассматривается и в обоих нарративах, являющихся частью общественного и академического дискурса в Румынии и Республике Молдова, фактически с одинаковых позиций с небольшими вариациями, обусловленными особенностями формировавшейся исторической памяти первой из них как независимого самостоятельного государства, а второй — как бывшей

советской республики, обретшей/восстановившей свою государственность после распада СССР и имеющей определенные «наследственные» черты исторической политики, проводившейся в нём.

Говоря в целом о месте Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в сложившихся к его 250-летию юбилею общенациональных дискурсах четырех стран — Турции, Греции, Румынии и Молдове, следует отметить, что при всём различии в масштабах его присутствия, обусловленных как объективными, так и субъективными обстоятельствами, выявилась одна общая важная черта: сам договор рассматривается с точки зрения исторической перспективы последующих событий и их значения для конкретных народов и государств. При этом в формирующих национальный нарратив школьных дидактических материалах отчётливо проявляется его актуализация с точки зрения значения договора для современного положения этих стран.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Петров А.Н.* Война России с Турцией и Польскими конфедератами. С 1769–1774 год. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866–1874. Т. 1–5; *Kara-bıçak Y.Z.* Defending Polish Liberties: A Conceptual and Diplomatic History of the Ottoman Declaration of War on Russia in 1768 // *Ab Imperio*. 2022. N 1. P. 133–165; *Idem.* Enlightened Declarations: Ottoman and Russian Proclamations in the Ottoman-Russian War of 1768–1774 // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2024. Vol. 47. N 3. P. 259–278; *Szczygielski W.* Konfederacja barska w Wielkopolsce 1768–1770. Warszawa: Pax, 1970; *Topaktaş H.* Karlofça’dan Lozan’a İstanbul’da Leh Diplomatlari 1699–1923 // *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi (OTAM)*. 2015. N 37. S. 318–321; *Idem.* Osmanlı-Lehistan Diplomatik İlişkileri, Franciszek Piotr Potocki’nin İstanbul Elçiliği (1788–1793). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2014. Против войны с Россией выступил великий визирь Мухсинзаде Мехмед-паша, заявивший о неподготовленности османской армии и смещённый со своего поста 7 августа 1768 г., но уже в разгар войны вновь назначенный 28 ноября 1771 г. на эту должность, занимавший её вплоть до своей смерти 4 августа 1774 г. В 1770 г. командовал османскими войсками на Пелопоннесе при подавлении восстания греков.
- ² *Dördüncü M.* 1774 Küçük Kaynarca Antlaşmasından 1841 Londra Sözleşmesine Kadar Boğazlar Meselesi // *Sosyal Bilimler Dergisi*. 2001. Vol. 3. Iss. 1. S. 74.
- ³ *Ibidem.*
- ⁴ *Ibid.* S. 76.
- ⁵ *Yüksel S.* Küçük Kaynarca’dan Yaş Antlaşmasına Kadar Eflak-Boğdan Üzerinde Osmanlı-Rus Nüfuz Mücadelesi // *Zonguldak Bülent Ecevit Üniversitesi, Fen Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü*. 2019. Cilt 83. S. 607.

- ⁶ Речь идёт о мнении американского специалиста по Турции Р. Дэвисона: *Davidson R.H. «Russian Skill and Turkish Imbecility»: The Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered // Slavic Review. 1976. Vol. 35. Iss. 3. P. 463–483; См. турецкий перевод в виде главы сборника его статей: «Rus becerisi Türk Aptallığı»: Küçük Kaynarca Antlaşması'nın Gözden Geçirilmesi// Davidson R.H. Osmanlı-Türk Tarihi 1774–1923. İstanbul: Alkim Yayınları, 2004.*
- ⁷ *Efe A. Silistre Eyaletinde Osmanlı-Rus Savaşları Küçük Kaynarca'dan Berlin'e // OTAM Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2006. N 19/ 1. S. 139.*
- ⁸ Ortaöğretim 11. Sınıf Tarih Ders Kitabı. İzmir: MEB Yayınları, 2021. S. 36.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Примечательным является отсутствие объяснения действий гайдамаков — вооруженных отрядов национально-освободительного движения Правобережной Украины, поднявших восстание против Речи Посполитой, которые напали на Балту, контролировавшуюся так называемой Ногайской Едисанской (Очаковской) Ордой, находившейся в вассальной зависимости от Крымского ханства, преследуя польских конфедератов, укрывшихся в нём. После разгрома последних в город вошли османские и татарские отряды, которые устроили резню христианского населения. В ответ на это вернувшиеся гайдамаки начали преследовать мусульман, а затем, перейдя р. Кодыму, напали на татарское поселение. Подробнее о Ногайской Орде см. в: *Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002.*
- ¹² Ortaöğretim 11. Sınıf Tarih Ders Kitabı. İzmir: MEB Yayınları, 2021. S. 36.
- ¹³ *Ortaylı İ. Ne Prut ne Küçük Kaynarca // Hürriyet. 21.07. 2019.*
- ¹⁴ Küçük Kaynarca Antlaşması. Osmanlı Devleti ile Rusya arasında 26 Temmuz 1774'te yapılan barış antlaşması // TDV İslâm Ansiklopedisi. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/kucuk-kaynarca-antlasmasi> (дата обращения: 10.02.2025).
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ortaöğretim 11. Sınıf Tarih Ders Kitabı. İzmir: MEB Yayınları, 2021. S. 37.
- ¹⁷ Ibid. S. 38.
- ¹⁸ Ibid. S. 39.
- ¹⁹ *Altun B. D. Küçük Kaynarca Antlaşması Nedir? Maddeleri, Sonuçları ve Önemi. Ders: Tarih. 6.06.2020. URL: https://derstarih.com/kucuk-kaynarca-antlasmasi/ 1/7* (дата обращения: 10.02.2025).
- ²⁰ Küçük kaynarca antlaşması özeti: Küçük kaynarca antlaşması maddeleri ve özellikleri // Posta. 24.02.2023.
- ²¹ *Κοντοβά Μ. Ελλάδα και Βαλκάνια στα ελληνικά σχολικά βιβλία Ιστορίας της περιόδου 1967–2007. Διδακτορική Διατριβή. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Φιλοσοφική σχολή τμήμα φιλοσοφίας & παιδαγωγικής τομέας. Τομέας παιδαγωγικής. Θεσσαλονίκη, 2014. Σ. 34.*
- ²² *Θώδης Γ. Β. Η εικόνα των Οθωμανών Τούρκων από την εμφάνισή τους έως και τις παραμονές της Επανάστασης του 1821 στα ελληνικά σχολικά εγχειρίδια Ιστορίας // Πρακτικά Συνεδρίου 200 χρόνια από την Ελληνική Επανάσταση «Αναζητώντας τη γνώση: Τα σχολικά εγχειρίδια στο Ελληνικό Κράτος». Αθήνα: Ινστιτούτο Εκπαιδευτικής Πολιτικής, 2023. Σ. 296.*
- ²³ *Λούθη Ε., Ξιφαράς Δ. Χρ. Νεότερη και Σύγχρονη Ιστορία. Γ' Γυμνασίου. Υπουργείου Παιδείας, Έρευνας και Θρησκευμάτων, Ινστιτούτο Εκπαιδευτικής Πολιτικής. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2021. Σ. 24.*

- 24 Ιστορία του Μεσαιωνικού και του Νεότερου Κόσμου 565 — 1815. Β' Γενικού Λυκείου Γενικής Παιδείας. Υπουργείου Παιδείας, Ερευνας και Θρησκευμάτων, Ινστιτούτο Εκπαιδευτικής Πολιτικής. Αθήνα: Σαββάλας, 2004. Σ. 182.
- 25 Διαμαντοπούλου Ν., Κυριαζόπουλου Α. Ελληνική Ιστορία των Νεότερων Χρόνων Στ' Δημοτικού. Αθήνα: Οργανισμός Εκδόσεων Διδακτικών Βιβλίων, 1982. Σ. 34.
- 26 Ελληνική Εγκυκλοπαίδεια. URL: <https://www.elpedia.gr/synthiki-kioutsouk-kainartzi-sfages-kai-4-synepeies-pou-diamorfosan-to-mellon/> (дата обращения: 10.02.2025).
- 27 Ιστορία του Μεσαιωνικού και του Νεότερου Κόσμου 565 — 1815... Σ. 188.
- 28 Σελέκου Ο. Συνθήκη Κιουτσούκ Καϊναρτζή // Encyclopaedia of the Hellenic World, Black Sea, 2008. URL: <http://www.ehw.gr/l.aspx?id=11142> (дата обращения: 10.02.2025).
- 29 Ibidem.
- 30 Αλμπάνης Γ., Πανουτσόπουλος Α. Νεότερη και Σύγχρονη Ιστορία. Γ' Γυμνάσιου. Αθήνα: Εκδόσεις Βολανάκη, 2008. Σ. 43, 46.
- 31 Χάλαρη Δ. Η Συνθήκη του Κιουτσούκ Καϊναρτζή (1773) // Syros Today, 2.4.2013. URL: <https://www.syrostoday.gr/News/9040-H-Synthiki-toy-Kioytsoyk-Kainartzi-1773.aspx> 1/ (дата обращения: 10.02.2025). Судя по всему, автор использовал упоминавшуюся выше «Энциклопедию греческого мира и Черного моря», повторив, но без ссылки на источник, буквально дословно один из пассажей энциклопедической статьи.
- 32 Κατσιαρδή — Hering O. Από τις πολυεθνικές αυτοκρατορίες στο εθνικό κράτος//Η Αυγή, 30.03.2020; Αυγητίδης Κ. Η προστατευτική ασπίδα της ρωσικής σημαίας στην ανάπτυξη της ελληνικής ναυτιλίας Ενθετη Εκδοση: «7 μέρες μαζί» // Ο Ριζοσπάστης. 3.12.2006.
- 33 Ibidem.
- 34 Μπρούσαλης Κ. Η συνθήκη του Κιουτσούκ Καϊναρτζή και το «ανατολικό ζήτημα» // HistoryReport.gr. URL: <https://historyreport.gr/index.php/%CE%A3%CF%84%CE%B1-%CE%BD%CE%B5%CF%8C%CF%84%CE%B5%CF%81%CE%B1-%CF%87%CF%81%CF%8C%CE%BD%CE%B9%CE%B1/%CE%94%CE%B9%CE%B5%CE%B8%CE%BD%CE%AE-%CE%98%CE%AD%CE%BC%CE%B1%CF%84%CE%B1/1122-%CE%97-%CF%83%CF%85%CE%BD%CE%B8%CE%AE%CE%BA%CE%B7-%CF%84%CE%BF%CF%85-%CE%9A%CE%B9%CE%BF%CF%85%CF%84%CF%83%CE%BF%CF%8D%CE%BA-%CE%9A%CE%B1%CF%8A%CE%BD%CE%B1%CF%81%CF%84%CE%B6%CE%AE-%CE%BA%CE%B1%CE%B9-%CF%84%CE%BF-%CE%B1%CE%BD%CE%B1%CF%84%CE%BF%CE%BB%CE%B9%CE%BA%CF%8C-%CE%B6%CE%AE%CF%84%CE%B7%CE%BC%CE%B1> (дата обращения: 10.02.2025)
- 35 Ibidem.
- 36 Ibidem.
- 37 Καλεντερίδης Σ. Καθοριστική για το 1821 υπήρξε η Συνθήκη του Κιουτσούκ Καϊναρτζή // Ελεύθερη Θράκη. 27.03.2021.
- 38 Σαν Σήμερα: 9 Ιανουαρίου 1792 — Υπογράφεται η Συνθήκη του Ιασίου. Η Ρωσία επιβεβαίωσε την κυριότητα της στην Κριμαία και προσάρτησε ορισμένες περιοχές στα βορειοδυτικά παράλια της Μαύρης Θάλασσας // Η Καθημερινή. 09.01.2025.
- 39 Σαν Σήμερα: 10 Ιουλίου 1774 — Υπογράφεται η Συνθήκη του Κιουτσούκ Καϊναρτζή // Η Καθημερινή. 10.07.2024.
- 40 Степень значимости этого события для Молдовы проявилась в факте проведения 15 октября 2024 г. Институтом истории Республики Молдова специальной конференции под названием «Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.): между-

народный контекст, национальное влияние» (Pacea de la Kuciuk-Kainargi (1774): context internațional, impact național).

- ⁴¹ Cum a evoluat istoria în manuale: 1948 — România a ocupat Basarabia. 2010 — Unirea din 1918, în formă cronologică // *Adevărul*. 14.09.2010.
- ⁴² *Caragea A.* Epoca Renașterii Naționale (1750–1878). București: Universitatea din București, 2003.
- ⁴³ *Andrei A.* Războiul ruso-turc din 1768–1774 și pacea de la Kuciuk-Kainargi // *Historia*. URL: <https://www.historia.ro/sectiune/general/articol/razboiul-ruso-turc-din-1768-1774-si-pacea-de-la-kuciuk-kainargi> (data обращения: 10.02.2025).
- ⁴⁴ *Ibidem*.
- ⁴⁵ *Ibidem*.
- ⁴⁶ *Eșanu C., Bantuș M.* Diplomația moldovenească în contextul confruntărilor dintre Marile Puteri în secolele XVIII–XIX // *Serviciul diplomatic: teorie și practică: Suport de curs*. Univ. de Stat din Moldova; coord. V. Teosa, Gr. Vasilescu, E. Ciobu. Chișinău: CEP USM, 2011. P. 74.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 75.
- ⁴⁸ *Cerbușca P., Dragnev E., Ojog U.* Istoria românilor și universală. Manual pentru clasa a VII-a. Chișinău: Știința, 2024. P. 54, 63, 64.
- ⁴⁹ *Stroe L.* Cruciadă în Europa modernă. «A Treia Romă» și Principatele Dunărene (1768–1773) // *Carpica*, 2000. N XXIX. P. 201. Автор статьи ссылается на: *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в русско-турецких дипломатических взаимоотношениях (1783–1787 гг.) // *Балканский исторический сборник*. Кишинёв. 1973. № 3. С. 269.
- ⁵⁰ *Stroe L.* Op. cit. P. 201.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 202.
- ⁵² *Ionescu S.* O mică așezare din Dobrogea și rolul ei istoric: tratatul de la Kuciuk-Kainargi, pacea dintre două mari puteri ale lumii // *Adăverul*. 02.02.2016.
- ⁵³ *Terteceț A.* Tratatul de pace ruso-ottoman de la Kûşûk Kaynarca (1774) // *Revista Română de Studii Eurasiatice*. 2005. Anul I. N 1. P. 173.
- ⁵⁴ *Căpușan A. A.* Înființarea Consulatului Rusiei în Țara Românească și Moldova, prima reprezentanță diplomatică permanentă a unei mari puteri pe teritoriul românesc // *Caiete diplomatice*. 2015. Anul III. N. 3. P. 6.
- ⁵⁵ *Focșani, București, Kuciuk Kainargi 1774* // *Independența Română*. 8.09.2019.
- ⁵⁶ *Mischevca V.* Principatele Române în cadrul Problemei Orientale: Pacea de la Kuciuk-Kainargi (1774) // Conferința «Latinitate, Romanitate, Românităte». 31 octombrie-2 noiembrie 2024. Chișinău: Editura „Lexon-Prim”, 2024. P. 74.

Кючук-Кайнарджийский мир и исторические судьбы Буковины в составе монархии Габсбургов

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., подтвердив в международно-правовом плане территориальные приобретения Российской империи, достигнутые в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (Азов, степные земли между Южным Бугом и Днестром), и положив тем самым начало установлению контроля России над Северным Причерноморьем, заметно повлиял на баланс сил на юго-востоке Европы. Он не только способствовал ослаблению Османской империи на ее северо-западных рубежах и соответственно возрастанию влияния России в преддверии Балкан, но и — в более опосредованном плане — усилил позиции Вены на восточном направлении ее внешней политики. Это стало возможным в силу не только постепенного вытеснения османов с ранее контролируемых ими территорий, но и углублявшегося внутреннего кризиса Речи Посполитой, всё менее способной конкурировать с другими державами за влияние в Восточной Европе. Одним из проявлений нового расклада сил стало расширение владений Австрийского дома именно за счет земель, ранее входивших в орбиту османского влияния. Речь идет, в частности, о Буковине¹, исторической области в северо-восточных предгорьях Карпат, ныне разделенной между Румынией и Украиной².

Буковина, представлявшая собой северную часть Молдавского княжества, была оккупирована габсбургскими войсками через считанные месяцы после Кючук-Кайнарджийского договора. При венском дворе опасались, что усилившаяся Россия, получившая в соответствии с буквой договора право на покровительство христианам в Османской империи, еще более укрепит свое влияние в подвластном Константинополю Молдавском княжестве в ущерб

Австрии, незадолго до этого, по итогам первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) присоединившей к своим владениям Галицию и Покутье³ и вплотную приблизившейся к османским владениям с северо-запада. Хотя Австрия не принимала непосредственного участия в войне, в Вене не скрывали своих притязаний на Буковину в силу ее важного стратегического положения, дававшего возможность при необходимости вбить клин между османами и пока еще не утратившей своей государственности Польшей. Ни Российская империя, ни Высокая Порта после 6-летней изнурительной войны не были готовы затевать войну с Веной из-за Буковины, и в мае 1775 г. в Константинополе была подписана конвенция, в соответствии с которой этот край перешел к Австрийскому дому. Так, Буковина стала самым восточным владением Габсбургов, и с этих пор ее развитие пошло своим путем, значительно отличавшимся от путей, по которым развивались другие земли, принадлежавшие Молдавскому княжеству. Не будет преувеличением утверждать, что Кючук-Кайнарджийский договор стал событием, в немалой мере определившим судьбу этого края на последующие почти полтора века, вплоть до распада Австро-Венгерской империи в 1918 г.

Первоначально краем управляла военная администрация, в 1786 г. Буковина была присоединена к входившему в состав «лоскутной» империи Королевству Галиции и Лодомерии. По преимуществу аграрный характер экономики провинции сохранялся на протяжении всего периода ее пребывания под властью Габсбургов. Большинство населения было связано с сельским хозяйством. Развивалось также деревообрабатывающее производство, а в городах — ремёсла. Процессы развития промышленности ускорились в последней четверти XIX в., но ограничивались прежде всего административным центром и главным городом Буковины — Черновцы (рум.: Чернауцы, нем.: Черновци). И в начале XX в. край относился к числу экономически довольно отсталых в Империи⁴, о чем свидетельствовал отток малоземельного буковинского крестьянства за океан в поисках лучшей доли.

Невысокие темпы экономического развития не воспрепятствовали высокой динамике роста населения, численность которого

в Буковине с 1770-х по 1910-е годы выросла более чем в 10 раз, достигнув 800 тыс. человек. Это не было уникальным для Австрийской империи феноменом, столь же высокую динамику демонстрировали и некоторые другие габсбургские земли (играли свою роль общее повышение благосостояния населения, улучшение системы здравоохранения, эффективная борьба с массовыми эпидемиями). Но применительно к Буковине имел особое значение большой приток населения из других провинций Империи; сказывалось также и то, что вплоть до начала Первой мировой войны этот край фактически обходили стороной войны с массовыми разрушениями, уничтожением целых деревень, бегством мирных жителей подальше от боевых действий.

Этнический состав населения края претерпел с конца XVIII в. существенные изменения, что было следствием миграционных процессов. Не только из западных провинций Габсбургской монархии, но и из мелких германских государств в Буковину переселяются колонисты-немцы. В целях лучшей интеграции провинции в имперское пространство туда направляются во всё большем количестве чиновники-немцы, ранее проходившие государственную службу в других землях Империи. Из соседней Галиции переселяются евреи, а в Северную Буковину — русины (украинцы)⁵. В последние десятилетия XIX — начале XX вв. приток русинов всё более был связан с увеличивавшимися (хотя зачастую временными) потребностями в рабочей силе⁶.

По данным, приводимым в современной румыноязычной литературе со ссылкой на переписи, проводившиеся австрийской военной администрацией, в 1780-е годы румыны (молдаване) составляли 60–65% населения провинции, тогда как русины, проживавшие в селах Северной Буковины, чуть более 30%⁷. В течение XIX века доля русинского населения поступательно увеличивалась, и к 1870-м годам русины уже составляли большинство жителей края⁸. По данным переписи 1880 г., на 190 тыс. румын в Буковине приходилось 240 тыс. русинов. По переписи 1910 г., где в качестве критериев идентификации выступали язык общения и религия, в крае проживало 273 тыс. румыноязычных лиц, что составляло примерно треть его населения⁹. О численности евреев можно судить по тому, что, согласно той

же переписи, 13% населения причисляли себя к иудейскому вероисповеданию. Наряду с этими этносами в Буковине проживали немцы, поляки¹⁰, венгры (в Юго-Западной Буковине), армяне, малочисленные колонисты чешского и словацкого происхождения, а также великорусы-старообрядцы (в Белой Кринице находился важнейший центр старообрядчества). Особую этнокультурную группу представляли цыгане.

Параллельно с ростом численности населения усиливались контрасты между однозначно русинской Северной Буковиной, довольно германизированными Черновцами с мощным еврейским предпринимательским слоем¹¹ и австронемецким чиновничеством¹² и преимущественно румынской Южной Буковиной с важным городом Сучава, первой столицей Молдавского княжества. В отличие от трансильванских румын и от буковинских русинов, представлявших собой в первой половине XIX в. крестьянские нации, буковинские румыны были нацией с полной социальной структурой, они обладали собственным боярством, прежде относившимся к знати Молдавского княжества¹³, что в середине — второй половине XIX в., в условиях формирования политической жизни на региональном уровне, поставило их в более благоприятное положение в сравнении с русинами. Нельзя недооценивать и роль буковинцев в румынском национальном движении в условиях его формирования в масштабе всех земель, где проживали румыны.

Поскольку православные (румыны и русины) составляли вместе заметное большинство населения края, а позиции греко-католической церкви в Буковине, в отличие от Галиции, были совсем незначительны¹⁴, велика была роль православного епископа как публичной фигуры, призванной отстаивать в Вене региональные интересы¹⁵. После австрийской оккупации края резиденция епископа переезжает из Рэдэуц в Черновцы и попадает под юрисдикцию сербской Карловацкой митрополии, в 1848 г. преобразованной в Патриархию (находилась под ней до 1873 г.). Связь с православными центрами Румынских княжеств и прежде всего с Яссами ослабевает, что сказывается и на некотором временном ослаблении позиций молдавского духовенства самой Буковины. Из многочисленных монастырей (некоторые из них —

Путна, Сучевица, Воронеж и др. — со Средних веков выступали важнейшими центрами молдавской национальной культуры) продолжали действовать лишь три¹⁶, церковная собственность попадает под государственный контроль. Епископы с этих пор назначаются непосредственно императором, а приходские священники местными властями. После смерти в 1789 г. епископа Д. Хереску его преемником становится серб Д. Влахович (до 1822 г.), не только блокировавший попытки румын сделать Православную церковь главным инструментом борьбы за решение национальных задач, но и покровительствовавший русинскому духовенству, укрепление позиций которого продолжалось и в дальнейшем, что отражало происходившие изменения в пользу русинов этнического состава населения. Вместе с тем большое значение для всех православных имело создание в 1827 г. в Черновцах семинарии, ставшей в последующие десятилетия важной «кузницей кадров» как для русинского, так и в не меньшей мере для румынского национального движения¹⁷.

На протяжении почти 40 лет (1835–1873 гг.) во главе Православной церкви Буковины стоял епископ, а в конце жизни первый митрополит самостоятельной Буковинской митрополии, очень влиятельный Еуджен Гакман, этнический румын, получивший высшее теологическое образование в Вене и обладавший широкими связями в венских административно-правительственных кабинетах. Поддерживая контакты с активизировавшимся в середине XIX в. румынским национальным движением, Гакман вместе с тем солидаризировался лишь с его культурными инициативами, но не политическими акциями, поскольку последние довольно легко могли обрести оппозиционную Габсбургам окраску¹⁸. В движении румын Буковины он представлял наиболее умеренное крыло, оказывая сдерживающее влияние на более радикальных деятелей. В этом плане он был схож с православным епископом Трансильвании Андреем Шагуной, столь же лояльным Вене, как и Гакман. Как в Трансильвании, так и в Буковине православные румынские иерархи не мыслили будущего окормляемых ими земель без сохранения Империи — прежде всего потому, что она была способна защитить проживающих в ней румын в условиях внешних вызовов. Показательно в этой

же связи, что Гакман не был противником германизаторских тенденций в общественной жизни своего края — с приходом его на пост главы епархии официальная внутрицерковная переписка начинает вестись на немецком языке, что мотивировалось, впрочем, потребностями рационализации и унификации внутрицерковных механизмов в условиях, когда в пределах епархии примерно в равных или близких пропорциях были представлены румынские и русинские приходы¹⁹.

Решающую роль в формировании румынского национализма и основанного на его идеях общественного движения в габсбургской Буковине сыграли революционные события 1848 г. В условиях революционной ситуации в Империи, еще до начала восстаний в Вене и Пеште, 13 февраля 1848 г. делегация, составленная из буковинских румын, адресовала императорскому двору меморандум, в котором содержалось требование не только большей автономии края, признанного в качестве одной из австрийских коронных земель, но и создания под скипетром Габсбургов румынского герцогства и прибавления к многочисленным титулам императора (и в том числе титулу короля Галиции и Лодомерии, легитимировавшему власть и над Буковиной) еще и титула «великого герцога румын», что означало бы признание не только особого статуса Буковины, но и ее преимущественно румынского национального характера. Идея автономии края (конечно, без акцента на какую-либо доминацию румын) находила поддержку в среде немногочисленной польской шляхты Буковины, а также и среди зарождавшейся русинской (украинской) интеллигенции.

Ведущую роль в формировании румынского национального движения Буковины играл, особенно на его раннем этапе, местный, буковинский молдавский боярский род Хурмузаки, выступавший центром притяжения национально ориентированных сил. Вместе с тем особую окраску этому движению придавала обосновавшаяся в крае эмиграция из Молдавского княжества — после ввода туда в 1848 г. российских войск, в целях пресечения возможных беспорядков, в Буковину бежали будущий господарь-объединитель Молдавского и Валашского княжеств Александру Иоан Куза, будущий премьер-министр и министр

иностранных дел Румынии выдающийся публицист, историк и писатель Михаил Когэлничану, который пишет здесь программный манифест «Чаяния национальной партии Молдовы». Под его же редакцией готовится проект будущей конституции Молдавского княжества. Крупный поэт Василе Александри создает в Черновцах поэму-манифест «Пробуждение Румынии». В Буковине, ставшей в 1848–1849 гг. главным пристанищем румынской революционной эмиграции, разрабатываются важные программные документы зарождавшегося унионистского движения, ставившего целью объединение княжеств Молдовы и Валахии. Программа-максимум этого движения не ограничивалась Дунайскими княжествами, а предполагала создание на габсбургских землях (включая Трансильванию) «дакорумынского» государственного образования, внешнеполитически зависимого от имперского центра, но при этом обладавшего широкой автономией. Это казалось в 1849 г. реальным в условиях видимого ослабления Дома Габсбургов, сумевшего подавить венгерскую революцию только при прямой военной поддержке российского императора²⁰. Планы объединения румынских земель не могли не затронуть, конечно, и Буковину²¹. Стоит, однако, заметить, что политики, бежавшие в пределы габсбургских владений из Ясс, были в своих планах, как правило, куда радикальнее буковинских бояр и тем более местной церковной иерархии, весьма верноподданнической²².

Важным инструментом активизации национального сознания явилась пресса на румынском языке, возникшая в 1848 г. — газеты «Vucovina» (1848–1850) и «România»²³. Ее распространение в довольно широких кругах невозможно было бы себе представить без проделанной в 1820–1840-е годы под эгидой православного клира работы по повсеместному созданию начальных церковно-приходских школ, ликвидации неграмотности в крестьянской среде²⁴.

В период бурных революционных событий 1848 г. активизируется национальное движение и в русинской (украинской) среде Буковины. Часть активистов ориентировалась на взаимодействие с галицийскими русинами, выдвинувшими программу объединения Буковины с Восточной Галицией в так называемой

«русской провинции», где русины в силу своей значительной численности предположительно могли рассчитывать на достаточно крепкие позиции в региональной администрации²⁵. Такой проект был представлен в соответствующем меморандуме венскому двору, но не нашел поддержки. Существовала и другая партия, сделавшая ставку на сотрудничество с румынами в рамках образованного в том же 1848 г. Буковинского комитета. В его программных декларациях подчеркивался принцип равноправия народов, но в реальности за этим комитетом стояло национально ориентированное румынское боярство, стремившееся обеспечить за собой бесспорное политическое лидерство и мало считавшееся с русинами. В конце концов в Вене была поддержана петиция Буковинского комитета с требованием автономии этой провинции, но без какого-либо указания на ее румынский или любой другой этнический характер. По конституции, принятой в марте 1849 г., Буковина была отделена от Галиции, приобрела статус автономного коронного края с центром в Черновцах, а молодой император Франц Иосиф к своим многочисленным титулам добавил титул великого герцога Буковины. С предоставлением автономии край получил право на созыв местного законодательного органа (сейма) и постоянное представительство в имперском рейхсрате. Однако на практике оно могло быть полноценно реализовано лишь десятилетием позже, поскольку в первые годы после подавления революции 1848–1849 гг., в эпоху так называемого «баховского» неоабсолютизма²⁶, Империя управлялась жесткими централизаторскими методами, и только с конца 1850-х годов политический климат стал более либеральным, началась полоса ограниченных конституционных экспериментов. Было подтверждено право Буковины на отделение от Галиции, превращение ее в самостоятельную административную единицу. Выборы местного сейма положили начало собственным традициям парламентской жизни²⁷. Из 30 депутатов первого созыва буковинского сейма, образованного на строго выборной основе и собравшегося на свое первое заседание 6 апреля 1861 г., большинство (17 человек) составляли румыны, а первым председателем стал Е. Хурмузаки. В венский рейхсрат поначалу было избрано 5 депутатов от Буковины, в последую-

шие годы эта цифра увеличилась. С начала 1860-х годов в крае получают бурное развитие румынские культурные общества²⁸. Возникают продвинутые светские учебные заведения с преподаванием на румынском языке (в частности, румынский лицей в Сучаве, 1860), новые библиотеки. Аналогичный процесс, хотя и с некоторым замедлением, происходил в русинской среде Буковины.

В 1867 г., когда Австрийская империя была преобразована в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, Буковина стала автономной провинцией в составе ее управлявшейся из Вены половины (Цислейтании). Большое внимание имперские власти уделяли городу Черновцы, созданию в нем (административном и торгово-индустриальном центре края) новых институций, значение которых переросло узко провинциальные рамки. В 1875 г. был основан университет, самый восточный в монархии Габсбургов, тем самым резко возросла роль этого города как центра притяжения интеллектуальных сил из других провинций Империи. Обучение на немецком языке было призвано служить лучшей интеграции далеко удаленного от столицы края в имперское пространство. Вместе с тем учебный процесс не был оторван от местных реалий. Так, кафедра румынского языка и словесности функционировала с первых лет существования университета²⁹. Черновицкий университет перенял традиции университетского самоуправления в среднеевропейской державе, где старейшие университеты вели свою историю с XIV века³⁰. Ректоры нового университета избирались на коллегиальной основе, и первым ректором был профессор русинского происхождения, юрист Константин Томашук³¹. Наряду с университетом в первые годы австро-венгерского дуализма (в 1873 г.) в Черновцах было основано политехническое учебное заведение — Высшая промышленная школа.

В структуре Черновицкого университета с самого начала функционировал факультет православной теологии. В нем учились и румыны, и русины (не только из Буковины, но и из других габсбургских земель, в частности, из будущей Закарпатской Украины, в то время входившей в состав королевства Венгрия). В отличие от семинарии (позже — академии) в Сибиу (главном

православном церковном учебном заведении Трансильвании) черновицкий богословский факультет никак не мог всецело поставить себя на службу румынскому национальному движению, однако сыграл важную роль в подготовке румынского, как, впрочем, и русинского клира, а опосредованно и национальных движений. Более того, как единственный в Империи православный теологический факультет он притягивал к себе и сербов Воеводины.

Православная церковь продолжала и в эпоху австро-венгерского дуализма оставаться важнейшим в регионе социальным институтом и фактором политического влияния. Вместе с тем структурная реорганизация Империи привела к ослаблению прежних связей. Как Трансильвания, так и заселенные в значительной мере сербами земли юга монархии переходят в эпоху дуализма под венгерскую юрисдикцию, тогда как Буковина остается под управлением Вены. В этих условиях венские власти в 1873 г. выводят Буковинскую епископию из подчинения Карловацу и создают самостоятельную Буковинскую митрополию³². В 1882 г. завершается строительство большого митрополитского дворца в Черновцах³³. Митрополит в 1880–1895 гг. С. Морарь-Андриевич, наиболее значительный из преемников Е. Гакмана, имел в своем происхождении как румынские, так и славянские корни. Теснее он был связан с румынским национальным культурным движением, но умело гасил растущие внутри клира межэтнические противоречия. В отличие от германофила Гакмана он был скорее русофилом, а главной угрозой для своей паствы считал влияние галицийского униатства. Вместе с тем он активно сотрудничал с румынской православной церковью Трансильвании. Дистанцируясь от активного участия в партийной политике, он в то же время старался по возможности ограничивать влияние светской власти на православную церковь. В последующем это влияние усилилось, как и позиции русинского духовенства, представлявшего самый многочисленный этнос в крае. Борьба русинов и румын за ведущие позиции в православной церковной жизни Буковины продолжалась до начала Первой мировой войны. При этом, несмотря на межэтнические трения, Православная церковь сохраняла свой авторитет как наиболее

стабильный институт в условиях появления в крае в конце XIX — начале XX вв. множества небольших партий, зачастую не отличавшихся долговечностью.

Возникновение партий и их последующие расколы, связанные с идеологическими разногласиями, являлись отражением новой ситуации, когда национальные культурно-просветительские движения далеко перерастали свои изначальные рамки, приобретали политическую окраску. Приоритет в партийном строительстве был за румынами. Их позиции не только в местном сейме, но и в провинциальной администрации были достаточно прочны, чтобы препятствовать какой-либо их дискриминации со стороны имперского центра и местной немецкой бюрократии, действовавшей в Буковине менее жесткими и наступательными методами, чем венгерская бюрократия в Трансильвании, что объяснялось как ее относительной малочисленностью и удаленностью от центра, так и тем, что в интересах более эффективного управления ей неизменно приходилось балансировать между румынами и русинами, играть на межнациональных противоречиях. В сложившихся условиях Буковина становится единственным в монархии Габсбургов полем, где румынские политики могли весьма успешно отстаивать интересы своего этноса на местном уровне. В Трансильвании ситуация была иной — вплоть до начала XX в. румынская национальная партия и общественные организации бойкотировали венгерскую политическую жизнь, а после того, как сменили тактику, довольствовались маргинальным положением в ней³⁴.

Политическая жизнь автономной Буковины с каждым десятилетием становилась всё более активной, причем образование партий и общественных организаций происходило прежде всего по этническому принципу — существовали румынские, русинские, еврейские партии и организации. Между румынскими и русинскими силами развернулось достаточно острое соперничество за влияние в крае, в том числе на местную администрацию. Основанная в 1892 г. румынская национальная партия Буковины во главе с Я. Флондором³⁵ и связанные с ней печатные издания 1880–1890-х годов ставили во главу угла своей программы восстановление румынской доминации в крае, ранее входившем

в состав Молдавского княжества, к этому времени уже давно объединившегося с Валашским княжеством в единое государство³⁶. Публицисты наводили на резкость мысль о том, что Буковина чем дальше, тем больше утрачивает свой изначальный румынский характер (в администрации края доминировали немцы, в экономике — евреи, а что касается русинской Северной Буковины, то там вообще ничто уже не напоминало о бывшей принадлежности края к румынским историческим землям). Пресечение дальнейшей «дерумынизации» требовало поддержки извне. Через несколько лет при участии того же Флондора создается более радикальная по своей тактике партия, теснее связанная с Бухарестом и испытывавшая влияние панрумынистских доктрин. Вместе с тем, как показывают документы, приезжавшие в Бухарест и Яссы буковинские делегации предпочитали во избежание осложнений в отношениях соседних стран позиционировать себя лояльными подданными монархии Габсбургов³⁷.

Начало XX века вносит новые тенденции в политическую жизнь края. Возникшая к этому времени социал-демократическая партия Буковины представляла собой автономную составную часть австрийской социал-демократической партии. Как и в других землях Габсбургской монархии, в Буковине социал-демократия пыталась действовать поверх национальных барьеров, в ней существовали как украинская, так и румынская секции. Пути разрешения национальных проблем социал-демократы пытались предложить, исходя из принципа культурно-национальной автономии, представлявшего собой одну из ключевых идеологем австрийской социал-демократии. Полиэтническая Буковина воспринималась ими как удобное поле для экспериментирования в сфере межнациональных отношений. На левом фланге политической жизни присутствовала также румынская партия крестьянских демократов (возникла в 1902 г.), которая в вопросах социальной и аграрной политики тесно блокировалась с близкими ей по идейным ориентациям украинскими организациями (они возникали в Буковине параллельно с румынскими). На правом фланге рядом румынских политиков была предпринята попытка основать консервативную партию, но этот проект оказался заведомо мертворождённым при отсутствии соответ-

вующей социальной базы (румынское боярство к началу XX в. утратило не только привилегии, но в немалой мере и прежние экономические позиции).

О раскладе национальных сил в региональной политике Буковины дают представление следующие цифры. В 1904 г. из 59 депутатов буковинского сейма было 22 румына, 17 украинцев (русинов), 10 евреев, 6 немцев и 4 поляка³⁸. Хотя в сейме тон задавали, как правило, румыны, на низовом уровне соотношение сил часто оказывалось не в их пользу вследствие более мощной социальной базы русинов, численность которых росла более быстрыми темпами. В нижней палате Венского рейхсрата к 1914 г. было 16 представителей Буковины, расколотых по разным партиям (включая даже немецких националистов). В отстаивании своей национальной программы украинские депутаты от Буковины (их было 5 человек³⁹) тесно взаимодействовали с украинцами из Восточной Галиции, тогда как задачи защиты узко региональных интересов перед лицом австрийской бюрократии и имперского центра заставляли всех буковинцев выступать единым блоком. Получает некоторое развитие наднациональная идеология буковинизма (своеобразного земельного патриотизма), в основе которой лежали представления о формировании единой буковинской общности поверх национальных различий. Этой идеологии отдали дань политики разной национальной принадлежности, в том числе и румыны.

В канун Первой мировой войны активизируются связи буковинских румынских партий с политическими кругами королевской Румынии, в том числе франкофильскими и антигерманскими, а, значит, оппозиционными и официальной Вене. В качестве программы-максимум получают определенное хождение панрумынистские лозунги объединения всех румын, живущих в разных государствах. Тем не менее влияние радикалов, ставивших своей сверхзадачей развал монархии Габсбургов, было невелико.

В русинском национальном движении Буковины, как и в Восточной Галиции, в течение XIX века сформировались как украинофильское течение (поддерживаемое австрийской администрацией), так и москвофильское, к началу Первой мировой войны фактически вытесненное из политической жизни под давлением

властей. Что касается украинофильского течения, то оно заметно отставало от галицийского в идеологическом развитии и вплоть до 1914 г. в целом оставалось довольно верноподданническим. Развитая украинская идентичность — весьма поздний феномен для Буковины (даже те, кто изначально противопоставлял себя «москалям», далеко не сразу стали идентифицировать себя как украинцев). Это объяснялось среди прочего уже упоминавшейся слабостью в крае позиций униатской церкви, выступавшей в качестве мощного двигателя украинских движений. Сам этноним «украинцы», с трудом приживавшийся в XIX веке, становится широко распространенным лишь в канун мировой войны, чему способствовали достигнутые к этому времени серьезные успехи в развитии школы на украинском языке. Именно в это время выходит на арену общественной жизни первая генерация с действительно развитой украинской идентичностью, сформированной под галицийским влиянием. Но и в это время среди украинцев Буковины не ушли в прошлое ни австрийско-имперская идентичность, ни тем более региональная (причисление себя к буковинцам как наднациональной общности), ни пророссийская русинская. Есть основания говорить о незавершенности процесса самоидентификации буковинских украинцев к 1914 г.

Если Румыния вступила в Первую мировую войну только в августе 1916 г., то в Буковину война пришла через считанные недели после своего развязывания, г. Черновцы был занят русской армией уже 2 сентября 1914 г., а в дальнейшем три раза переходил из рук в руки. Драматические перипетии истории этого края в условиях мировой войны выходят за рамки настоящего исследования⁴⁰. Заметим лишь, что в первые два периода российской оккупации в крае проводилась активная русификаторская политика, орудием которой выступали радикальные буковинские «москвофилы», подвергавшиеся преследованиям в условиях габсбургского правления. Она не была эффективна, вызывала противодействие даже в русинской среде (не говоря уже про другие этнические группы), так что во время третьего прихода русской армии в край во внутренней (и в том числе школьной) политике применялись более умеренные методы — при том, что и в этот период активные украинофилы не допу-

скались до системы образования. С другой стороны, к этому времени и австрийские власти фактически прекратили поддержку украинского движения, поскольку всерьез усомнились в его лояльности. К концу войны в украиноязычной среде Буковины уже однозначно возобладала идея самостийной украинской государственности⁴¹.

Румынские политики края, даже те, кто ранее был настроен довольно верноподданнически, со всё большей однозначностью выступали за его вхождение в будущую Великую Румынию, тем более, что со вступлением королевской Румынии летом 1916 г. в войну на стороне Антанты любое румынское национальное движение в Буковине воспринималось австрийской стороной как вражеская агентура. С каждым годом становилось всё более очевидным, что Империя войны не переживет или, по крайней мере, преобразуется в совсем иное государственное образование. В последние месяцы войны, когда крах Империи был очевиден, Буковина всё более выступала полем противоборства украинского и румынского движений за обладание определенными территориями, с обеих сторон предпринимались попытки договориться о территориальном размежевании⁴². В условиях гражданской войны 1918–1920 гг., происходившей на украинских землях, проекты независимой международно признанной украинской государственности не могли быть реализованы при существовавшем раскладе сил, поэтому успех был на стороне румын⁴³. Польша, с самого начала испытывавшая проблемы с включением в свое возрожденное государство обширных инонациональных территорий, не имела притязаний еще и на этот край, считая оптимальным для себя его вхождение в дружественную Румынию, тогда как Советская Украина не обладала достаточным военным потенциалом, чтобы взять его под свой контроль. Целиком интегрированная в Румынию, резко увеличившуюся в размерах по итогам Первой мировой войны, Буковина находилась в ее составе до конца июня 1940 г., когда Советский Союз ультимативным путём заявил претензии не только на Бессарабию, присоединение которой к Румынии в 1918 г. советская сторона так никогда и не признала, но и на Северную Буковину, в отличие от Бессарабии никогда не принадлежавшую Рос-

сийской империи: в данном случае сработал не исторический, а этнический принцип — преобладание в этой провинции украинцев. Войдя в состав СССР, Северная Буковина была возвращена режимом Антонеску в июне 1941 г., однако поражение Румынии в войне не оставляло ей никаких шансов удержать этот край за собой — он стал частью Советской Украины.

Буковина дает нам пример того, как международный договор, заключенный в XVIII веке, предопределил принципиальное изменение вектора развития восточноевропейской провинции на длительную перспективу. Часть Молдавского княжества (вассала Османской империи) была интегрирована в средневропейскую монархию Габсбургов и находилась в ее составе до самого конца ее существования. В сравнении с национальной политикой венгерской бюрократии в Трансильвании в эпоху дуализма (1867–1918 гг.) австрийская политика в автономной Буковине была в тот же период менее жесткой и более гибкой. Играя в своих интересах на межэтнических противоречиях, венские власти избегали явной дискриминации по национальному признаку и успешно поддерживали политическую и экономическую стабильность в этом полиэтническом крае, население которого за время пребывания под юрисдикцией Габсбургов увеличилось в 10 раз. Даже Черновицкий университет (самый восточный университет в Австро-Венгрии), где обучение велось на немецком языке, оставил след в истории Буковины не как орудие насильственной германизации, а прежде всего благодаря своему несомненному вкладу в повышение культурного потенциала провинции. Хотя украинские политики Буковины в отстаивании своих национальных ценностей всё активнее блокировались с украинским движением в Восточной Галиции, не теряла актуальности и задача защиты перед лицом Вены региональных интересов, и здесь румынским и украинским активистам зачастую приходилось выступать консолидированно. В качестве одного из главных гарантов стабильности неизменно выступала Буковинская православная митрополия, до самого конца существования Империи пользовавшаяся несомненным влиянием как в румынской, так и в украинской среде.

Примечания

- ¹ Слово «Буковина» закрепилось еще в конце XIV в. за северными землями Молдавского княжества с характерными для них букowymi лесами. После вхождения этих территорий в 1775 г. в состав Габсбургской монархии всё шире использовалось для их обозначения, а с получением этим краем статуса герцогства в 1849 г. вошло в официальное употребление.
- ² Северная Буковина, наряду с территорией бывшего Хотинского уезда Бессарабской губернии Российской империи, составляют ныне Черновицкую область Украины. Территория Южной Буковины относится прежде всего к румынскому жудецу (уезду) Сучава.
- ³ Историческая область к юго-востоку от Галиции. Это название закрепилось за частью южных земель Галицко-Волынского княжества, в XIV веке вместе с Галицией вошедших в состав Польши. На эти земли претендовало и Молдавское княжество, сумевшее в конце XV в. временно взять их под свой контроль при государе Стефане Великом (до 1531 г.). В настоящее время эта территория относится, главным образом, к Ивано-Франковской области Украины.
- ⁴ Особенно по меркам Цислейтании — той половины дуалистической Австро-Венгерской империи, что управлялась из Вены.
- ⁵ В данном очерке активнее используется термин «русины», поскольку вплоть до начала XX в. он в большей мере соответствовал тогдашней самоидентификации этой этнической группы в пределах Буковины. Показательно, что и большая улица в Черновцах, где селились славяне, перебравшиеся в город из сёл Северной Буковины, называлась «Руська улица». Вместе с тем мы не обошли вниманием и вопрос о формировании украинской идентичности восточнославянского населения края.
- ⁶ Следует, среди прочего, иметь в виду строительные работы в Черновцах, менявших свой внешний облик, как и подобало региональному центру в большой империи.
- ⁷ *Ungureanu Constantin. Populația Bucovinei în perioada administrației provinciale (1861–1918) // Revista de istorie a Moldovei. 2016. № 1. P. 32.*
- ⁸ О темпах прироста населения свидетельствует хотя бы следующий факт. В период начиная с 1848 г. и по 1869 г. число жителей Буковины, по некоторым данным, увеличилось с 377 до 511 тыс. человек. См.: *Istoria Românilor. Vol. VII. T. 1. Buc., 2003. P. 781.*
- ⁹ *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Istoria României. Buc., 1998. P. 410–411.* Подробно об изменениях состава населения Буковины в период ее существования в качестве автономной провинции в Габсбургской монархии см.: *Ungureanu C. Populația Bucovinei în perioada administrației provinciale (1861–1918) // Revista de istorie a Moldovei. 2016. № 1. P. 32 — 44.*
- ¹⁰ До 1775 г. поляки были третьей по численности этнической группой в Буковине.
- ¹¹ В Черновцах евреи составляли до 40% населения города.
- ¹² По некоторым данным, к 1914 г. немецким языком достаточно неплохо владело до 20% населения края, а в городах до 50%, причем, число носителей немецкого языка расширялось за счет образованных евреев. Помимо всего прочего, немецкий язык выступал в качестве *lingua franca* в общении между политическими элитами румын и русинов.
- ¹³ Оно продолжало и в условиях габсбургского правления оставаться крупным земельным собственником, но (за очень редкими исключениями) так и не сумело после 1774 г., в первую очередь в силу своего православного вероисповедания, интегрироваться в австрийскую элиту.

- 14 Униаты, переселившиеся из Галиции, составляли в начале XX в. всего чуть более 3% верующих. В отличие от Галиции и Трансильвании в Буковине греко-католическая церковь не была укоренена в исторической традиции и даже при поддержке имперских властей оставалась маргинальной.
- 15 В Галиции такая роль была закреплена за униатскими иерархами, а в Трансильвании, где среди румын было примерно поровну православных и униатов, позиции православного клира усиливались по мере ослабления, начиная с эпохи «просвещенного абсолютизма» Иосифа II (1780-е годы), дискриминации православных.
- 16 Свое значение культурных институций (прежде всего благодаря сохранившимся богатым библиотекам и фрескам) монастыри до некоторой степени восстанавливают в конце XIX в., после создания в Черновцах единственного в Империи высшего богословского православного учебного заведения, о чем речь пойдет ниже.
- 17 Об изначально высоком уровне этого учебного заведения свидетельствовал тот факт, что в него принимались только лица, уже имевшие среднее образование. Таковых в Буковине среди православных было немного, но в Черновцы для учебы в семинарии приезжали выходцы из других земель Империи, в том числе сербы. Так закладывалась традиция, которая получила развитие позже, с созданием в 1870-е годы богословского факультета в Черновицком университете.
- 18 Этим объяснялось и некоторое дистанцирование Гакмана от трансильванской православной иерархии, более политизированной уже в силу конкретно-исторической обстановки в этом крае. В отличие от своего епископа, многие румынские клирики Буковины поддерживали контакты с трансильванской православной епархией и ее резиденцией в Херманштадте (ныне Сибий).
- 19 В 1844 г. было начато, приостановлено в конце 1840-х годов в условиях бурных политических событий в Дунайской империи и завершено только в 1864 г. строительство большого кафедрального храма в Черновцах, где служба велась на разных языках.
- 20 Декларация независимости Венгрии, провозглашенная Лайошем Кошутом в апреле 1849 г., и лишение Габсбургов прав на венгерский престол не могли найти поддержки румынского движения (кроме радикальных маргиналов типа Н. Бэлческу) в условиях острой венгерско-румынской конфронтации, охватившей Трансильванию. См.: *Виноградов В.Н.* Трансильванская трагедия // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии* / отв. редактор С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 422–448. Имперский центр воспринимался как единственный противовес устремлениям венгров к установлению в ущерб румынам своей неограниченной власти над Трансильванией.
- 21 Необходимо упомянуть и о непосредственных связях между активизировавшимися в конце 1840-х годов румынскими национальными движениями Трансильвании и Буковины. В 1848 г. буковинцы входили в состав румынской депутации во главе с трансильванским православным епископом А. Шагуной в Вену, представившей при дворе меморандум с предложением объединить все земли, где большую долю населения составляли румыны, в одну административную единицу в составе Империи.
- 22 Так, в 1849 г. в условиях, когда монархия Габсбургов переживала наибольшие трудности, радикальные румынские круги прорабатывали идею возвращения Буковины Молдавскому княжеству. Разумеется, это было возможно лишь в условиях развала Империи.

- 23 Если к моменту присоединения Буковины к габсбургским землям в Молдавском княжестве использовалась кириллица, то за прошедшие десятилетия совершился переход к латинице. Это происходило под влиянием сложившейся в униатской среде Трансильвании так называемой «трансильванской школы» в румынской общественной мысли и культуре. Большую роль в развитии румынской культуры в Буковине сыграли выходцы из Трансильвании и прежде всего Арон Пумнул, видный филолог, публицист и педагог.
- 24 См.: *Ungureanu C. Învățământul primar din Bucovina în perioada stăpânirii austriece (1774–1918). Chișinău: Editura Civitas, 2007.*
- 25 Политической организацией русинов Галиции была Головна руська рада, существовавшая в 1848–1851 гг.
- 26 Александр фон Бах был в 1849–1859 гг. министром внутренних дел Империи.
- 27 В десятилетия, когда Буковина входила в состав Галиции, в Лемберге (Львов) с 1817 г. функционировал *Forum Nobilium*, но буковинские бояре, как правило, дистанцировались от участия в его работе. Тон в нем, естественно, задавали польские аристократы.
- 28 Общество румынской культуры и литературы в Буковине, основанное в 1862 г. (его почетным председателем был сам епископ Е. Гакман); общество «Дакия». См.: *Ceașu M. Șt. Cultural Nationalism and Associationism in Bukovina in the XIX-th Century // Transylvanian Review. 2011. № 1. Supplement. Local and Universal in the Romanian Jewish Society and Culture.*
- 29 Она становится центром, вокруг которого в Буковине начало складываться румынское университетско-академическое научное сообщество (так называемое Румынское Академическое собрание Буковины, 1880).
- 30 Карлов университет в Праге был основан в 1348 г., а Краковский университет в 1364 г.
- 31 Об обстоятельствах создания и первых годах существования Черновицкого университета см.: *Ungureanu Constantin. Înființarea Universității din Cernăuți, în 1875 // Revista de Istorie a Moldovei. 2014. № 4. P. 19–32.*
- 32 Под ее юрисдикцию были переданы также две сербские епископии в Далмации.
- 33 Позже это здание было передано университету. Включено в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.
- 34 См.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / отв. редактор О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2018. Слабость румынских партий на политической арене Венгрии эпохи дуализма во многом объяснялась пропорциями, в которых разные этносы были представлены в общем национальном составе страны. Румыны составляли 14% населения Венгерского королевства. Хотя в восточных, в частности трансильванских, комитатах их было более 50% населения, упразднение трансильванской автономии не давало им возможности бороться за свои права в масштабе всей этой большой провинции. На местном, комитатском уровне им тоже трудно было конкурировать с влиятельным в общегосударственном масштабе венгерским дворянством, опиравшимся на свои давние традиции управления Трансильванией.
- 35 Янку Флондор (1865–1924) — выходец из молдавского боярского рода, крупный землевладелец, дипломированный юрист Венского университета. Наряду с А. Ончулом на протяжении нескольких десятилетий наиболее видная фигура румынского национального движения в Буковине.

- 36 Объединение состоялось в 1859 г. На Берлинском конгрессе 1878 г. румынское государство получило международное признание, в 1881 г. стало королевством; повышение его статуса усилило его притягательность для румынских национальных движений в обеих половинах монархии Габсбургов. Но еще до этого, во время войны 1877–1878 гг., добровольцы из Буковины, движимые национальными лозунгами, активно вступали в румынское войско.
- 37 См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 686. Л. 72–73; Там же. Д. 1704. Л. 23–26 об., 69–70. Следует иметь в виду, что в 1883 г. между Австро-Венгрией и Румынией был заключен союзный договор. Правда, фактором, негативно влиявшим на состояние двусторонних отношений, было постоянное недовольство политической элиты королевской Румынии положением этнических румын в Трансильвании, управлявшейся венгерскими властями.
- 38 Istoria Românilor. Vol. VII (2). București, 2003. P. 236 (Academia Româna).
- 39 Наиболее видным в масштабе всего украинского национального движения монархии Габсбургов деятелем из Буковины был Николай Василько (1868–1924).
- 40 Подробно о ситуации в крае см.: *Пиддубный И.А.* Румыны Буковины: от черно-желтого лоялизма к «великому объединению» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств // Отв. редакторы М. Волос, Г.Д. Шкундин. М.: Квадрига, 2012. С. 281–303.
- 41 Об эволюции, проделанной украинским национальным движением, см.: *Добржанский А.В.* Украинское национальное движение в Буковине в годы Первой мировой войны // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. С. 267–280.
- 42 См. подробно о проектах такого размежевания, вырабатывавшихся разными сторонами в самой Буковине, а также внешними силами, вовлеченными в боевые действия (командованием австро-венгерских, российских, а с лета 1916г. и румынских войск): *Ungureanu Constantin*. Bucovina în timpul primului război mondial. Proiecte de dezmembrare teritorială // Revista de istorie a Moldovei. 2014. № 3. P. 120–138. На поиски компромисса с украинцами и территориальное размежевание был нацелен, в частности, депутат австрийского рейхсрата А. Ончул, позже подвергнутый за свою уступчивость и готовность отдать украинцам часть Буковины остракизму со стороны политической элиты королевской Румынии.
- 43 См.: *Пиддубный И.А.* Румыны Буковины: от черно-желтого лоялизма к «великому объединению».

ЧАСТЬ 2

ВОЙНЫ И МИРОТВОРЧЕСТВО РОССИИ НА БАЛКАНАХ

Отклики в Боснийском вилайете Османской империи на отмену нейтрализации Черного моря (по донесениям консула А.Н. Кудрявцева 1870–1871 гг.)

19 (31) октября 1870 г. министр иностранных дел Российской империи Александр Михайлович Горчаков разослал циркулярную ноту российским дипломатическим представителям в Австро-Венгрии, Англии, Италии, Турции и Франции. Нота извещала державы, подписавшие Парижский трактат 1856 г., об отмене его статей с XI по XIV, что означало отказ России от обязательств выполнять условия относительно нейтрализации Черного моря¹.

Циркулярную ноту Горчакова и последовавшую за ней Лондонскую конвенцию от 1 (13) марта 1871 г.² принято считать одной из дипломатических побед России. В Западной Европе циркуляр произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Эти события нашли горячий отклик в русском обществе³. Поэт Ф.И. Тютчев посвятил А.М. Горчакову стихотворение, где были следующие строки: «Счастлив в наш век, кому победа / Далась не кровью, а умом»⁴.

Нота Горчакова не осталась без внимания и в европейских владениях Турции. Как отметил российский историк В.Н. Виноградов, на Балканах циркуляр был воспринят как сигнал к войне с Османской империей⁵.

Цель представленного исследования — изучение реакции на ноту Горчакова и итоги Лондонской конференции в Боснийском вилайете Османской империи, где славянское население было разделено по религиозному признаку на мусульман, православных и католиков.

Источниковую базу составили материалы официальной боснийской периодической печати того времени, донесения рос-

сийского консула в Сараеве Алексея Николаевича Кудрявцева (1868–1877 гг.) и дневниковые заметки уроженца Швейцарии доктора Йозефа Кечета (1830–1898), находящегося на службе у османских властей вилайета.

В 1870–1871 гг. в вилайетской типографии, расположенной в Сараеве, печаталось две официальные газеты: *Босна* («Босния») и *Сарајевски цвјетник* («Сараевский цветник»). К сожалению, с изданиями первой за нужный период ознакомиться не было возможности. Что касается «Сараевского цветника», то в нашем распоряжении оказалось несколько номеров по заявленной тематике, а также замечательный труд боснийской исследовательницы Сенады Диздар, составившей полную библиографию этой газеты⁶.

Еженедельное литературно-политическое издание «Сараевский цветник» выходило с 1868 по 1872 гг. Газета печаталась на четырех страницах и была двуязычной [османский⁷ и боснийский (сербская кириллица) языки⁸]. Главным редактором издания был директор вилайетской типографии и официальный переводчик с турецкого Мехмед Шачир Куртчехаич (1844–1872)⁹. Он же являлся основным автором статей. Издание было нацелено на поддержку всех начинаний и политики османских властей. На страницах «Сараевского цветника» много писалось о сербских экспансионистских планах по отношению к Боснии. В княжестве Сербия он был запрещен¹⁰.

За содержанием боснийских газет очень внимательно следил российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев. Как только появлялся материал, компрометирующий Россию, он отправлял вырезки начальству в Азиатский департамент МИД и Посольство в Константинополе.

В начале ноября 1870 г. в «Сараевском цветнике» вышла большая статья под заглавием «Русские отменили Парижский мирный договор 1856 г.»¹¹. Номер газеты, а также перевод статьи были отправлены Кудрявцевым в Петербург директору Азиатского департамента Петру Николаевичу Стремоухову (1864–1875 гг.) вместе с донесением № 191 от 18 (30) ноября 1870 г.¹².

В обозначенном донесении Кудрявцев писал: «Газета *Сараевский цветник* (курсив мой. — К. М.) считается одной из самых

лучших в провинциях Турецкой империи. Она имеет более 2-ух тысяч подписчиков и даже читается в Багдаде и Диарбекире (Диярбакыре. — К. М.). Редакция ее составлена из чиновников, доктора Кечета, поляка Арнольда и прочих его соотечественников, находящихся на турецкой службе. Во всяком случае, относительно Боснии, где она читается во всех санджаках и каза (уездах. — К. М.), она имеет неоспоримо влияние, ибо вызывает толки и рассуждения между мусульманскими жителями вилайета. Напечатанная <...> статья по поводу русской циркулярной депеши ясно указывает, каким приёмам этот орган печати держится и какое раздражение и возбуждение страстей вносит он в среду мусульманского мира в отношении к России, славянству и вообще к православию»¹³.

Статья действительно имела очень резкий тон. Автор не жалел эпитетов, характеризуя действия «варварской» и «всегда зловредной» России, привыкшей «действовать кнутом и жить по-казацки». «Мы же, знающие ближе Россию, менее других удивляемся и сердимся. Мы знаем, что Россия в состоянии чинить всё, кроме правды, что легче отучить кровожадного зверя от грабежей, чем Россию от захватов...», — говорилось в тексте¹⁴.

Автор статьи припоминал неудавшееся посольство Александра Сергеевича Меншикова (1787–1869)¹⁵ и поражение в Крымской войне: «Найдутся люди, которые скажут, что Россия знает положение дел в Европе и ведаёт поэтому, что творит. Она ведала также 17 лет тому назад, когда вызвала войну с Портой, что творила, и Меншиков полагал, что носит Порту в кармане и даже заявлял своим друзьям, что Турция и впредь будет питаться бараньим мясом, если только склонится на все притязания России, ибо, в противном случае, будет питаться свиным мясом. Но что же? Порта отбросила русские притязания, и вот уже 17 лет прошло, а турки продолжают есть баранье мясо, и русский воздушный шар исчез, как будто он и не существовал»¹⁶.

Кудрявцев гадал, кто же является автором статьи, и подробно разбирал состав редакции. Среди постоянных авторов газеты был Дабро-Боснийский митрополит Дионисий II Илиевич (1868–1871 гг.), который публиковался под псевдонимом *Любомир Босанчич*. В своих статьях он обрушивался с острой крити-

кой в адрес России и Сербии, чем вызывал недовольство в среде православного населения вилайета. В это время митрополит находился в конфронтации с местной православной общиной, которая не без помощи России вела борьбу за его отстранение¹⁷.

Корреспондентом газеты был уроженец Швейцарии Йозеф Кечет. После получения образования в Европе он перебрался в Османскую империю и стал военным врачом. Некоторое время служил Омер-паше Латасу. В 1862 г. тот начальствовал над турецкими войсками в Герцеговине и Черногории, так в эти края попал и Кечет. В 1864 г. он окончательно переехал в Сараево, где прожил до своей кончины. Кечет стал личным доктором боснийского генерал-губернатора Осман-паши (1861–1869 гг.), а затем и его личным секретарем. В разное время был городским и полицейским врачом¹⁸. Йозеф Кечет вел дневниковые записи на французском языке, в которых фиксировал историю Боснийского вилайета через призму работы его управителей с 1863 по 1875 гг. К сожалению, все его бумаги были уничтожены во время пожара 1875 г. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией Кечет возобновил работу, теперь уже над воспоминаниями. После его кончины записи были обработаны, отредактированы и опубликованы. В свет вышли две книги на немецком языке: «Из последних лет турецкого правления в Боснии» (Вена; Лейпциг, 1905)¹⁹ и «Осман-паша, последний великий визирь Боснии, и его преемники: сохранившиеся записи» (Сараево, 1909)²⁰. В своих многочисленных донесениях российские дипломаты давали негативные характеристики Кечету, выставя его ненавистником и врагом православного населения края²¹.

По мнению консула Кудрявцева, бо́льшая часть статей, транслирующих негативный образ России, принадлежала перу некоего поляка Арнольда²². На этой личности сто́ит заострить внимание. Упоминание об Арнольде встречается как в донесениях Кудрявцева, так и в воспоминаниях Кечета. Согласно записям швейцарского доктора, весной 1870 г. в Сараево прибыл поляк лет сорока и представился как «господин Арнольд». При себе у него было письмо от великого визиря Али-паши с просьбой обеспечить Арнольду защиту и предоставить всю необходимую информацию. Он говорил на ломаном французском и немецком

языках, вёл обширную переписку и любил окружать себя «нимбом секретной миссии». По словам Кечета, ему удалось узнать немного больше о таинственном поляке, обратившись к другу в Пере. Со слов последнего, настоящего имени Арнольда никто не знал, в Константинополе он был известен как польский интриган, которому удалось втереться в доверие к Али-паше. Великий визирь поручил ему создать из поляков секретное информационное бюро для тщательного наблюдения за славянскими агитационными комитетами по всей Европейской Турции. В это время в Боснии появились три польских инженера, о деятельности которых никто толком не знал. Кечет считал работу польского бюро сомнительной. В воспоминаниях он сообщал, что летом 1870 г. боснийский генерал-губернатор Сафвет-паша (1869–1871 гг.) получил брошюру «Панславистская агитация на Востоке», в которой разоблачалась сеть революционных комитетов, готовивших восстание в Османской империи, в том числе и в Боснии. Ознакомившись с брошюрой, Кечет пришёл к выводу, что это неумело сфабрикованная подделка. После кончины Али-паши в сентябре 1871 г. Арнольд покинул Сараево, «затихло» и таинственное польское агентство²³.

Кудрявцев также считал личность Арнольда подозрительной. По словам российского консула, он представлялся прусским подданным. На деле же оказалось, что его настоящее имя Аккорд и он бывший русско-подданный. Некогда пребывал в шестилетней ссылке в Сибири, откуда сбежал и оказался в Константинополе. Кудрявцев также подтверждает, что поляк в сентябре 1870 г. прибыл в Сараево в качестве корреспондента газет и состоял на службе или французского правительства, или *Hotel Lambert*²⁴, или «ассоциации *Internationale*»*. Он был благосклонно принят турецкой властью и австро-венгерским генеральным консулом, которому представил рекомендательное письмо от интернунция (посланника Австро-Венгрии при дворе султана. — К. М.). Со времени его приезда в Боснию в «Сараевском цветнике» стали появляться политические статьи, где Россия представлялась «врагом цивилизаций и человечества», Польша — мученицей,

* Так в тексте.

а «славянство — удочкой для честолюбивых замыслов северного колоса»²⁵. В апреле 1871 г. Арнольд опубликовал на страницах «Сараевского цветника» статью, восхваляющую Парижскую коммуны²⁶. После этого главный редактор обозвал его «вампи-ром» и прекратил с ним сотрудничество. Кудрявцеву также было известно о деятельности польских эмиссаров, но поручиться за правдивость этих сведений он не брался²⁷.

Боснийская исследовательница Сенада Диздар, составившая библиографию «Сараевского цветника», приписывает вышеуказанную статью авторству главного редактора Мехмеда Шачира Куртчехаича.

Всего же России и черноморскому вопросу за период с конца октября 1870 г. по март 1871 г. было посвящено 26 материалов «Сараевского цветника». Первый появился уже 26 октября (7 ноября) 1870 г. под заглавием «Россия требует территориальные изменения в свою пользу», спустя неделю последовала упомянутая выше статья предположительно Куртчехаича. Дабро-Боснийский митрополит Дионисий в обоих номерах также разместил свои критические материалы: «О русском “серболубии” и сербском “русолубии”» и «О русско-сербской политике», а еще через две недели вышла его статья «Нужны ли нам связи с Россией?», в которой он критиковал помощь православным церквям и школам вилайета, поступающую из России. К этому моменту сараевцы уже знали, кто скрывался под псевдонимом Любомира Босанчича, и, находясь в процессе завершения строительства кафедрального собора в Сараеве²⁸, возведение которого было невозможно без русской помощи, еще больше укрепились в не любви к своему архипастырю. Остальные же заметки носили информационный характер, освещая вопросы подготовки и проведения Лондонской конференции. Выделяются, пожалуй, лишь несколько анонимных материалов о неблагоприятной политике России относительно польских земель.

**Статьи о России и черноморском вопросе
в издании «Сараевский цветник» за период
с 31 октября 1870 г. по март 1871 г.***

№	Автор	Раздел	Название статьи
31 октября 1870 г. № 44	—	иностраннные вести	Российский посол Игнатъев сломал ногу в Одессе
7 ноября 1870 г. № 45	—	иностраннные вести	Россия требует территориальные изменения в свою пользу
7 ноября 1870 г. № 45	митрополит Дионисий (Любомир Босанчич)	вилайетские вести	О русском «серболобии» и сербском «русолобии»
14 ноября 1870 г. № 46	Мехмед Шачир Куртчехаич	вилайетские вести	Русские отменили Парижский мирный договор 1856 г.
	митрополит Дионисий (Любомир Босанчич)	вилайетские вести	Из Бая-Луки: о русско-сербской политике
28 ноября 1870 г. № 48	—	иностраннные вести	Лондонская конференция решит только черноморский вопрос
28 ноября 1870 г. № 48	—	иностраннные вести	Конференция в Лондоне о черноморском вопросе
28 ноября 1870 г. № 48	митрополит Дионисий (Любомир Босанчич)	вилайетские вести	Из Бая-Луки: нужны ли нам связи с Россией
5 декабря 1870 г. № 49	Мехмед Шачир Куртчехаич	иностраннные вести	Лондонская конференция и черноморский вопрос

* Здесь даты даются по григорианскому календарю.

26 декабря 1870 г. № 51	статья чиновника Высокой Порты из константинопольской газеты*	—	О храбрости русских
2 января 1871 г. № 1	—	—	На Лондонской конференции Высокую Порту представит Музурус-паша
2 января 1871 г. № 1	—	Англия	Лондонская конференция по черноморскому кризису откладывается
2 января 1871 г. № 1	—	Россия	Против дружбы Австро-Венгрии и Пруссии
2 января 1871 г. № 1	Мехмед Шачир Куртчеаич	—	Обзор наиважнейших событий 1870 г.
9 января 1871 г. № 2	—	Англия	О Лондонской конференции
23 января 1871 г. № 4	—	Англия	Лондонская конференция — вторая неделя
23 января 1871 г. № 4	—	Россия	В Польше отменена особая почтовая организация
30 января 1871 г. № 5	—	Англия	Лондонская конференция — третья неделя
6 февраля 1871 г. № 6	—	Англия	Лондонская конференция — третья неделя завершилась

* Название газеты не указано.

13 февраля 1871 г. № 7	—	Англия	Лондонская конференция — четвертая неделя отложена
23 января 1871 г. № 4	—	Англия	Лондонская конференция отложена
23 января 1871 г. № 4	—	Россия	О дружбе прусского и русского монархов
6 марта 1871 г. № 9	—	иностраннные вести	Тайный договор между Россией и Пруссией
13 марта 1871 г. № 10	—	иностраннные вести	Лондонская конференция завершила работу
13 марта 1871 г. № 10	—	иностраннные вести	Русские военные корабли в Черном море
27 марта 1871 г. № 12	—	Россия	Конфискация владений католической церкви в Польше

С донесением № 195 от 25 ноября (7 декабря) 1870 г. Кудрявцев переслал начальству перевод статьи «Наше время», напечатанной в № 124 новисадской газеты *Srbски народ* («Сербский народ»). В сопроводительном письме консул указал, что издание пользуется большой популярностью в Боснии. Несмотря на запрет распространения в вилайете, газета читалась тайно²⁹. Статья содержала множество восторженных эпитетов в адрес России, «единственной заступницы», именуемой «мстителем за страдания» славян. Вот некоторые выдержки из ее текста: «Мы невольно приходим к выводу, что всякое общественное и политическое движение России есть воскресение славянского богочеловека — славянского спасителя»; «Вся печать Австрии, как немецкая, так и венгерская проповедует теперь крестовый поход

против России. Не знаем, что и сказать об этом: глупость ли или самодурство нашло вдруг на венгров, что они думают серьезно, что славяне, в союзе с ними, готовы воевать против России»; «Россия не забавляется шутками <...>, едва Черное море покроется военными судами, как начнется крестовый поход; тогда для Сербии пробьет час отомстить азиатским варварам за косовское побоище и восстановить свою попорченную честь и честь своих предков»³⁰.

В донесении Стремоухову № 200 от 12 (24) декабря 1870 г. Кудрявцев докладывал, что «враждебные славянству элементы» использовали черноморский вопрос для того, чтобы посеять раздор между мусульманами и православными, и стараются убедить последних в том, что Россия преследует свои корыстолюбивые цели, нисколько не заботясь о будущем единоверцев³¹. «Во всех кружках здешнего города (Сараева. — К. М.), имеющего 60-тысячное население, конечно, за исключением христианских и, прибавлю, православных, идут толки о нашем настоящем дипломатическом поражении и о, предстоящем в скорости, военном поражении*», о том, что все наши поражения должны быть приписаны российскому послу в Константинополе, который, не зная хорошо политики Османского правительства, вверг Россию в целый ряд унижений; что Петербургский кабинет своей нечестной политикой, стараясь ныне заключить отдельный союз с Турцией и гарантировать целокупность ее территории, каковое предложение с презрением было, разумеется, отвергнуто, — разом потерял всякий кредит между славянами, которые смотрели на Россию как на своего спасителя и с которой желали находиться в самом тесном союзе. Таковые толки, распространяемые по всему вилайету и поддерживаемые турецкими властями, всеми иностранными агентами, шайкой поляков и отчасти католическим священством, идущим на буксире за австро-венгерскими агентами, конечно, возбуждают страсти против нашего государства и сеют самую ужасную вражду и ненависть против нас», — сообщал консул³².

В конце декабря 1870 г. представители сараевской православной общины передали российскому консулу письмо в поддержку «рыцарского поступка» А.М. Горчакова с выражением

* Подчеркивание в тексте документа.

симпатий к императору и министру иностранных дел: «Мы любим Россию, и <...> враги не имеют средств ни на волос поколебать преданность и симпатию [сербского] народа к России»³³. Под документом поставили подписи 15 человек, среди которых был священник, будущий Дабро-Боснийский митрополит Савва Косанович (1839–1903)³⁴. В тексте говорится, что натающую бурю в боснийских газетах («Сараевский цветник» и «Босния») против А.М. Горчакова и российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева поднял митрополит Дионисий.

В начале 1871 г. Кудрявцев переслал оригинал письма в Константинополь Н.П. Игнатьеву, копия и перевод были направлены директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову³⁵. Игнатьев отвечал консулу, что не следует придавать значения распускаемым недоброжелателями толкам и слухам: «Здравый смысл единоплеменников наших ручается за то, что они никогда не поддадутся подобным ловушкам и что грубые происки врагов славянства не в состоянии поколебать доверия и сочувствия их к единой России»³⁶. Посол также сообщал, что из разных уголков Европейской Турции он получил от консулов донесения о благоприятном впечатлении, произведенном циркуляром Горчакова, и просил Кудрявцева не сгущать краски³⁷. Последний же отвечал, что хотя «никогда Россия не стояла так высоко в глазах наших единоверцев как теперь, когда по одному её слову Европа должна видеть разрушенными все свои труды, усилия и обаяние на Востоке»³⁸, всё же не стоит умалять влияния издания «Сараевский цветник» на население Боснии, так как «окруженным чиновничьим людом и, не имея никаких почти сношений с центром, Сараевом, им труднее, чем другим, бороться с происками и интригами врагов православия и России»³⁹.

18 (30) марта 1871 г. Кудрявцев докладывал в Константинополь о реакции в Боснии и Герцеговине на принятие Лондонской конвенции: «Никогда Россия не стояла так высоко в умах и сердцах здешнего православного народа <...>, никогда также не ожидали враги ее <...>, что пред волей российского императора, изложенной в циркуляре г. государственного канцлера 19 октября, склонят головы все великие державы и погибнут безвозвратно все усилия, жертвы и плоды Крымской войны»⁴⁰.

Консул докладывал, что поляки свернули свою агитационную деятельность. Правда, он всё же отметил, что мусульмане вновь укрепились в патриотических чувствах, активно составляют общества для стрельбы в цель, обещают защищать вилайет, но, по его наблюдениям, это движение изменило направление в сторону княжеств Сербия и Черногория⁴¹. В заключение Кудрявцев делал вывод, что, по его мнению, сейчас самое время расширить деятельность на поле просвещения православного населения Боснии.



Если в конце 1850-х годов российские дипломаты в Боснии постоянно повторяли тезис об аморфности местного населения, лени и особенно ничем не интересующихся мусульманах⁴², то к началу 1870-х годов наблюдается уже несколько иная картина, по крайней мере в Сараеве. Циркуляр Горчакова от 19 (31) октября 1870 г. действительно не остался без внимания сараевцев, на время сместив с передовых полос газет сообщения о франко-прусской войне. Тема эта будоражила и консула Кудрявцева, который, порой в излишне эмоциональной манере, сообщал о реакции на решение Россией черноморского вопроса. Однако нельзя не отметить, что даже после замечаний Игнатьева с просьбой не сгущать краски, консул всё же не умалчивал и о том, что эта дипломатическая победа России способствовала углублению раскола между православным и мусульманским населением региона.

Приложение

ДОНЕСЕНИЕ
РОССИЙСКОГО КОНСУЛА В САРАЕВЕ А.Н. КУДРЯВЦЕВА
ПОСЛУ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ Н.П. ИГНАТЬЕВУ № 35.
САРАЕВО. 18/30 МАРТА 1871 г.

Милостивый государь, Николай Павлович!

Заключения Лондонской конференции и изменения, совершенные ею в точном смысле заявлений императорского правительства, не оставили произвести в здешнем обществе и населении сильное впечатление.

В христианах, наших единоверцах, так единодушно рукоплескавших решению России самой сложить с себя обязательства, оскорблявшие ее государственное и народное чувство, еще более выражается удивление к силе и могуществу нашего государя и его державы и симпатия с глубокой надеждой. Почитая себя счастливым повторить то, что я сказал три месяца тому назад*: «никогда Россия не стояла так высоко в умах и сердцах здешнего православного народа», имею честь присовокупить, что никогда также не ожидали враги ее, т.е. местное правительство, почти четыреста тысяч мусульман, довольно почтенная цифра католиков со своим духовенством на буксире, ведомых австро-венгерскими агентами, две печатаемые здесь газеты, шайка поляков и все иностранные агенты, что пред волей российского императора, изложенной в циркуляре г. государственного канцлера — 19 октября, склонят головы все великие державы и погибнут безвозвратно все усилия, жертвы и плоды Крымской войны.

Вследствие такого исхода, все враждебные в этом крае элементы приуныли и даже агитирующие поляки, после обмена телеграмм российского и германского императоров, остановили свои бесильные и обычные порывы грозить, хулить, издеваться над Россией и находить столько грандиозных планов для восстановления Речи Посполитой. Правда, мусульмане продолжают возбуждать себя взаимно, вызывают к патриотизму, составляют общества для

* См. донесение А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву № 23 от 20 февраля (2 марта) 1871 г. (Сараево) // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 19–20.

стрельбы в цель, обещаются встать поголовно в случае нападения на их вилайет, но всё это движение, начавшееся с открытием черноморского вопроса и предназначавшееся к отпору русских со всеми славянами, изменяет ныне русло свое и течет по направлению к Сербскому и Черногорскому Княжествам.

В особенности Сербия вызывает к себе всю ненависть фанатизма мусульман. Все печатные органы этого княжества почти в продолжении двух месяцев говорили о задаче своего правительства, состоящей в присоединении Боснии и Герцеговины, и этот шум, конечно, приносил лишь усиление единства между мусульманами и правительственными властями и расширение недоверия и недоброжелательности к неповинным христианским жителям сёл, но, в особенности, городов.

Всепочтительнейше донося о сём Вашему превосходительству, осмеливаюсь присовокупить, что при том высоком положении, в которое она себя поставила в глазах всех народов на Востоке, России открывается и в Боснии еще большее поприще деятельности на пути примирения ее братьев славян, разобщенных фанатизмом исповедуемых ими религий, на пути духовно-нравственного и умственного их развития и на пути материальных пожертвований в пользу церквей и православных школ.

Копия с сего донесения будет препровождена к г. директору Азиатского департамента.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугой,

А. Кудрявцев

*АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе.
Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 26–27 об.*

Примечания

¹ Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 гг. М., 1952. С. 103–107.

² Там же. С. 107–110.

³ О реакции на ноту в российском обществе и Европе см. напр.: История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 2018. С. 80–83.

- ⁴ Тютчев Ф.И. Да, Вы сдержали Ваше слово (1870 г.) // Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М., 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. С. 224.
- ⁵ Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 199.
- ⁶ Dizdār S. Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017.
- ⁷ Османский язык (osmanlica) — период развития турецкого литературного языка XV — середины XIX вв. См.: Недков Б. Осmano-турска дипломатика и палеография. Т. 1. София, 1972; Гузев В.Г. Староосманский язык. М., 1979; Грунина Э.А. Учебное пособие по османско-турецкому языку. М., 1988.
- ⁸ Официально язык издания именовался боснийским.
- ⁹ Мехмед Шачир Куртчегаич (1844–1872) — родился в местечке Бело Поле в семье кади. Самостоятельно овладел турецким языком. Рано поступил на государственную службу. Был писарем в различных государственных учреждениях в городах Плевле и Нови-Пазар, затем переехал в Сараево. Являлся главным редактором газет «Босния» и «Сараевский цветник». В 1869–1872 гг. — директор вилайетской типографии. Являлся официальным переводчиком османских властей в суде, входил в состав вилайетской скупщины, с 1872 г. — градоначальник Сараева. В июле 1872 г. отправился в Вену поправить здоровье, но в сентябре скончался от туберкулеза. Подробнее см.: *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo, 1978. S. 50–52; Ademović F. Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1999. S. 115–117; Dizdār S. Prvi bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine. God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67.*
- ¹⁰ *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 52.*
- ¹¹ Сарајевски цвјетник. 14. новембра 1870 / 3. рамазан 1287. № 46. С. 1.
- ¹² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 814. 1870 г. Сараево. Л. 115–122 об.
- ¹³ Там же. Л. 115 об.–116.
- ¹⁴ Там же. Л. 120 об.–121.
- ¹⁵ О посольстве А.С. Меншикова см.: История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012. С. 431–433.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 814. 1870 г. Сараево. Л. 121 об.–122.
- ¹⁷ См.: Мельчакова К.В. «Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е годы (по материалам донесений российских консулов) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018. С. 59–63.
- ¹⁸ *Masic I. One Hundred Fifty Years of Organized Health Care Services in Bosnia and Herzegovina // Medical Archives 72(5). October 2018. P. 382.*
- ¹⁹ *Idem. Aus Bosniens letzter Türkezeit. Wein, Leipzig, 1905.*
- ²⁰ *Koetschet J. Osman Pascha, der letzte grosse wesier Bosniens, und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909.*
- ²¹ См. напр.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2329. 1867 г. Сараево. Л. 34–35.
- ²² О поляках на службе в Османской империи см., напр.: *Kaim A.A. Ludzie dwóch kultur: wybrane przypadki transgresji kulturowej Polaków w Imperium Osmańskim w XVII, XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2020.*
- ²³ *Koetschet J. Osman Pascha, der letzte grosse wesier Bosniens... S. 50–52.*

- ²⁴ Отель Ламбер — наименование верхушки польской консервативной эмиграции середины XIX столетия, избравшей парижский особняк Ламбер своим политическим штабом.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 815. 1871 г. Сараево. Л. 4 об.—6.
- ²⁶ Проглашена Париска комуна // Сараевски цвјетник. 3. априла 1871. / 24. мухарема 1288. С. 4.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 815. 1871 г. Сараево. Л. 4 об.—6.
- ²⁸ Собор Рождества Пресвятой Богородицы был освящен в 1872 г.
- ²⁹ Уједињена Омладина српска и њено доба 1860–1875. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 162–163; АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 814. 1870 г. Сараево. Л. 125–126.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 814. 1870 г. Сараево. Л. 127–128.
- ³¹ Там же. Л. 129.
- ³² Там же. Л. 129–129 об.
- ³³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1987. С. 249–250.
- ³⁴ *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Сарајево, 2003.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 816. 1871 г. Сараево. Л. 6–6 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 142–143 об.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 19 об.
- ³⁹ Там же. Л. 20.
- ⁴⁰ Там же. Л. 26–27 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 26 об.—27.
- ⁴² См.: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

Российско-египетская конвенция 1875 г. и каирская школа Абед

После Крымской войны 1853–1856 гг. становится всё более очевидным, что Османская империя превращалась в колонию европейских держав. На политическом уровне это проявилось уже в 1860 г., когда христианский погром в Сирии повлек за собой не просто дипломатические шаги, но и отправку для защиты местных христиан французского экспедиционного корпуса. Эта интервенция, которая представляла собой вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенной страны, была воспринята османскими властями спокойно, хотя и нарушала 9 ст. Парижского договора 1856 г., по которой договаривающиеся стороны брали на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Империи. Но та же статья превращала в международное обязательство Высокой Порты хатт-и хумайюн того же года (Декрет о реформах), расширявший традиционные права и льготы немусульман.

В то же время Высокая Порта стремилась выстроить отношения с европейскими государствами таким образом, чтобы максимально сохранить суверенитет. Это было сделать не просто не только в силу системного кризиса в самой Империи, но и из-за устаревшей системы контактов с иностранными государствами, основанной на капитуляциях. Без ее отмены все попытки модернизации страны были обречены на провал.

Европейцы же, в свою очередь, не желали расставаться с капитуляционными привилегиями, которые в условиях постепенного ослабления Империи и всё более активной финансово-экономической экспансии европейских государств становились для последних особенно выгодными. В XIX веке капитуляции стали одним из важнейших инструментов включения Империи в мировую хозяйственную систему как колонии¹. В 1838 г. Великобритания

и Франция заключили с Портой торговые конвенции, которые расширяли капитуляционные права этих держав: их подданные могли вести торговлю на льготных условиях на территории всей Империи, а не только торговых факторий, одновременно отменялись государственные монополии и закупки.

Практика предоставления иностранцам (государствам или даже отдельным общинам) части юрисдикции на своей территории уходит своими корнями глубоко в средневековье². Начиная с XV века Османы, по примеру Византии, стали предоставлять также определенные права и привилегии на своей территории европейским паломникам и купцам с целью стимулирования торговли. Первыми такие права закрепили за собой венецианцы в 1403 г., многократно подтверждая их последующими соглашениями³. В 1536 г. французский король Франциск I получил из рук султана исключительные привилегии для своих купцов, что заложило основу процветания средиземноморских портов Франции, прежде всего Марселя. В этом договоре-капитуляции была зафиксирована неподсудность французских подданных османским судам и сформулированы основы консульской юрисдикции⁴. Со временем аналогичные соглашения с турками подписали многие европейские государства, а также США и Бразилия. Однако если поначалу эти договоры выглядели как акт уступки могущественных султанов более низким по рангу европейским монархам — не случайно в капитуляциях султан назывался *imperatore*, а европейские короли — *principe* и *re*, — то постепенно по форме они приобретали характер европейского равноправного договора, а по содержанию становились всё более кабальными для Империи. Турецкие историки справедливо указывают, что капитуляции стали порождать ситуации, «противоречившие суверенитету Османского государства»⁵.

Но заключая с европейцами договоры по их правилам, османская элита стремилась быть равноправной стороной в этих соглашениях. На переговорах в Париже в 1856 г. османский представитель Али-паша официально поставил вопрос о злоупотреблениях капитуляциями со стороны иностранцев⁶. Мерой, направленной на постепенную отмену консульской юрисдикции, можно считать введение смешанных судов. Они представляли собой кол-

легиальные органы, состоявшие частью из османских судей, частью из иностранцев. Первый опыт создания такого суда относится еще к 1820 г.⁷: в 1847–1848 гг. был создан первый смешанный суд при министерстве торговли Империи⁸. В 1850–1860-е годы процесс создания смешанных судов продолжился. В те же годы Империя активно выстраивала новую правовую систему, призванную заменить традиционные шариатские суды. Первые появившиеся в то время кодексы законов были во многом заимствованы из юридической практики европейских государств.

Тем же путем пошел и Египет, в 1867 г. получивший у Высокой Порты формальную автономию. Правитель страны Исмаил-паша стал официально называться хедивом. Некоторое время Египет оставался в стороне от вестернизаторских реформ в Империи, но в урегулировании отношений с западными государствами, которые пользовались правами консульской юрисдикции, он также был заинтересован. Таких государств было 15: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Россия, США, Франция, Швеция. Поэтому египетским властям приходилось иметь дело с пятнадцатью юрисдикциями, что весьма осложняло разрешение спорных вопросов. А при подготовке судебной реформы представителям хедива Исмаила пришлось вести переговоры с правительствами всех этих стран. Наиболее многочисленными экстерриториальными общинами на территории страны были греческая, французская и итальянская. Их члены были категорически против реформ, особенно сопротивлялась их проведению Франция⁹. Нередки были и случаи смены подданства в корыстных интересах. Переговоры, шедшие с 1867 г., были завершены только в 1875 г., и в январе 1876 г. смешанные суды официально приступили к работе.

Они не заменили, но дополнили прежнюю судебную систему, поскольку рассматривали лишь дела, связанные с участием иностранцев. Суды первой инстанции охватывали всю территорию страны, в Александрии располагался также апелляционный суд¹⁰. Их деятельность была основана на новом местном законодательстве, которое представляло собой адаптированные европейские, главным образом французские, кодексы¹¹. По представлению

русского дипломатического агента в Египте И.М. Лекса и при поддержке посла в Константинополе Н.П. Игнатьева в суд первой инстанции в Александрии был назначен представитель России А.К. Мурузи, а в апелляционный суд — бывший советник посольства А.М. Кумани. Последний, однако, не захотел надевать местную форменную одежду, включавшую феску, и вообще ему в Египте не понравилось. Поэтому он вскоре подал в отставку, а на смену ему был назначен юрист Н.Н. Абаза¹².

Введение смешанных судов требовало множества согласований, которые часто достигались путем заключения двусторонних соглашений. Одним из них стала российско-египетская конвенция о судебной реформе в Египте, подписанная в Каире 27 сентября (9 октября) 1875 г. С российской стороны ее подписал генеральный консул и дипломатический агент в Каире Иван Михайлович Лекс, с египетской — министр юстиции Риаз-паша. Текст конвенции был составлен по-французски и опубликован в сборнике договоров России с другими государствами в 1890 г.¹³.

Конвенция устанавливала количество российских представителей в смешанных судебных учреждениях Египта, оговаривала порядок рассмотрения некоторых сложных случаев, а также регламентировала подсудность консульских представителей России и служащих консульств. Здесь камнем преткновения был статус нештатных консульских представителей и служащих, которые были подданными египетского хедива. Традиционно местные жители стремились к службе в иностранных консульствах, поскольку это давало им покровительство соответствующей державы и консульскую защиту, а следовательно, изымало из юрисдикции местных властей. Эта практика стала встречать препятствия со стороны последних. Так, египетские власти противились назначению нештатных российских консульских агентов из числа местных жителей¹⁴.

Конвенция 1875 г. решала этот вопрос на компромиссной основе: местные жители могли занимать посты нештатных консульских служащих — консульских агентов, почетных драгоманов, кавасов и др., но изымались из юрисдикции местных властей только в отношении своих служебных обязанностей, а по вопросам личного характера оставались подсудными местным судам.

Отдельный параграф конвенции касался так называемой русской школы в Каире, которая находилась под покровительством российского генерального консульства. Конвенция оставляла школу в юрисдикции российского консульства, но ограничивала ее: школьное недвижимое имущество, а также ее персонал как отдельные физические лица переходили под юрисдикцию египетских властей. Отдельное упоминание этой школы в конвенции требует пояснений.

Школа была основана в 1861 г. на средства христианских купцов братьев Георгия, Анании и Рафаила Абед¹⁵. К моменту основания школы Георгий уже умер (1849), оставив будущей школе крупную сумму денег. Другой брат, Анания, был британским подданным и вёл торговлю в Лондоне. Поэтому непосредственно делами школы занимался третий брат, Рафаил, проживавший в Каире. Как многие османские купцы, Рафаил Абед решил воспользоваться выгодами положения иностранного подданства. Будучи православным, он посетил Россию и принял российское подданство.

Рафаил Абед построил здание школы и совместно с Ананией составил ее устав. Затем он обратился к российскому генеральному консулу в Египте А.Е. Лаговскому с просьбой взять школу под покровительство России. Российские власти отнеслись к этой инициативе благосклонно: в том же 1861 году было получено разрешение посланника в Константинополе А.Б. Лобанова-Ростовского на принятие школы под покровительство генерального консульства. Более того, посланник выразил благодарность основателям за «достойное и вполне похвальное дело»¹⁶, а через два года, когда школа продемонстрировала свою жизнеспособность, Р. Абед, единственный оставшийся в живых из трех братьев¹⁷, по ходатайству А.Е. Лаговского получил от Александра II почетную медаль¹⁸.

В то время, когда в Египте уже активно действовали западные, прежде всего, католические миссионеры, открывшие свои образовательные учреждения, школа братьев Абед стала первым православным учебным заведением в Каире¹⁹. Согласно Уставу школы, она создавалась для обучения православных мальчиков, но приверженцы других религий также могли быть в нее приняты²⁰.

Некоторые зарубежные исследователи считали хедива Исмаил-пашу союзником России и едва ли не славянофилом²¹, но на самом деле Египет не входил в сферу первоочередных интересов России. Это видно из переписки Н.П. Игнатьева с И.М. Лексом. Устав от конфликтов внутри эфории (управляющего совета школы), Лекс предложил передать школу в ведение Александрийского патриарха, с чем посол в принципе согласился: генеральному консульству предписывалось не вмешиваться во внутренние дела школы и оставить за собой только «нравственное наблюдение за преуспеянием заведения» и покровительство ему в делах с египетским правительством²².

Однако по здравом размышлении Игнатьев изменил свое мнение. Уже через полтора месяца он признал свое решение по этому вопросу поспешным и предписал Лексу «ни в каком случае не допускать уподобления Абедской школы другим православным училищам Египта, а напротив, всячески стараться сохранить присвоенное ей исключительное положение»²³. Изменение статуса школы было бы нарушением воли покойных основателей, закрепивших в ее Уставе, что председателем эфории по должности всегда является архиепископ Синайский, а не патриарх²⁴. Оно также пошло бы вразрез с принципами российской политики на Православном Востоке: Россия поддерживала стремление местных единоверцев освободиться от опеки «пропитанного духом эллинизма» греческого духовенства, навязывающего местным общинам — славянам и арабам — греческий язык и образование²⁵. Как полагал Игнатьев, отдавая школу под контроль архиепископу Синайскому, ее основатели предполагали «оградить училище, назначенное, главным образом, для православных арабов, от влияния ультраэллинского элемента Александрийской патриархии»²⁶. На самом деле имеющиеся в отечественных архивах документы не содержат сведений о том, что Р. Абеда интересовали вопросы этнической идентичности. А отдавать школу под контроль патриарху он не хотел по другой причине: в то время патриархия переживала внутренний кризис, а также имела напряженные отношения с местными православными общинами. Патриарх Каллиник (1858–1861 гг.) высказал желание отречься от престола, что повлекло за собой острую борьбу

между его местоблюстителем архимандритом Евгением (Дангосом) и архиепископом Синайским Кириллом II (1859–1867 гг.). Р. Абед был ее участником на стороне преосвященного Кирилла, поддерживая своего кандидата так активно, что Лаговский ходатайствовал о выдворении его самого из Египта²⁷.

Тем не менее, опасения Игнатьева в отношении того, что греки станут использовать школу исключительно в своих национальных интересах, вскоре подтвердились: уже в 1870-е годы она стала яблоком раздора между греками и арабами — греки старались вытеснить арабов из эфории²⁸. Статус покровителя школы, подтвержденный конвенцией 1875 г., позволял российскому генеральному консулу вмешиваться в дела школы ради соблюдения интересов обеих сторон.

Например, в 1880-е годы вскрылись крупные злоупотребления школьными финансами со стороны родственников покойных основателей, входивших в состав эфории. Попытки школы решить этот вопрос в судебном порядке не увенчались успехом: поскольку она была изъята из юрисдикции смешанных судов, то ей приходилось обращаться в суды тех государств, подданство которых имели ответчики. Это очень затягивало процессы и позволяло расхитителям школьного имущества успешно заматывать следы. В конкретной ситуации проблему удалось решить при активном вмешательстве российского представителя: дипломатический агент Александр Иванович Кояндер инициировал ревизию, по результатам которой главный виновник злоупотреблений Георгий (Гиргис) Аранги, племянник основателей школы, был отстранен от должности вице-председателя эфории²⁹. Решению этого дела по запросу Кояндера содействовало дипломатическое агентство Греции: Г. Аранги как греческий подданный был осужден консульским судом на целых 20 дней, которые провел в тюрьме греческого генерального консульства в Александрии³⁰. Этот эпизод демонстрирует сложность и запутанность египетской правовой системы того времени. Даже после введения смешанных судов в ряде случаев, оговоренных двусторонними соглашениями, решить вопрос удавалось только при проявлении доброй воли стран, пользовавшихся капитуляциями, особенно если они действовали сообща.

Российское дипломатическое агентство также отстаивало интересы школы перед египетским правительством. Так, в 1874 г. И.М. Лекс обращался к министру иностранных дел Египта Нубар-паше по поводу спора между школой и администрацией провинции Гарбия. Члены эфории полагали, что налоговая база на принадлежащий школе земельный участок в этой провинции была исчислена неправильно. В результате кадастровая комиссия пересмотрела оценку участка и ошибка была исправлена³¹.

В 1910 г. в Египте был повышен обязательный поземельный налог в пользу мусульманских начальных школ. Эфория и ее глава архиепископ Порфирий II были недовольны этой мерой и просили российского дипломатического агента Алексея Александровича Смирнова ходатайствовать об исключении для школы Абед: на тот момент школа бесплатно обучала и содержала свыше 500 учеников без различия веры и национальности³². Смирнов направил ноту министру иностранных дел Рушди-паше, на которую был получен компромиссный ответ, что исключены из налогообложения будут только здания школы, но не ее земельные владения³³.

Эти примеры демонстрируют эффективность российского консульского покровительства школе. Российское дипломатическое агентство, а с 1911 г. миссия, продолжали его оказывать вплоть до октября 1923 г., когда англо-египетские власти отказались признавать легитимность российских дипломатов.

Русско-египетская конвенция 1875 г. стала важным документом в двусторонних отношениях, разрешившим ряд спорных вопросов, касавшихся капитуляционных привилегий иностранцев в Египте. Изъятие каирской школы Абед из юрисдикции смешанных судов в некоторой степени затрудняло борьбу со злоупотреблениями внутри школы, но в конечном счете способствовало ее успешному функционированию.

Приложение

Соглашение, подписанное российским императорским дипломатическим агентом и генеральным консулом в Египте и египетским министром юстиции касательно судебной реформы в Египте 27 сентября (9 октября) 1875 г.³⁴

Его превосходительство господин де Лекс, агент и генеральный консул России в Египте и Его превосходительство Риаз-паша, министр юстиции Его высочества хедива, действуя по приказу и в соответствии с инструкциями своих правительств, желая засвидетельствовать окончательное согласие в отношении изменений, которые проект судебной реформы в Египте претерпел на основании протоколов, подписанных другими державами, пришли к соглашению о следующем:

1) Обвинения в мошенническом банкротстве, рассматриваемые во втором абзаце пункта G статьи 8 Органического регламента будут по-прежнему находиться в пределах юрисдикции обвиняемого.

2) После обращения правительства Египта по форме, предусмотренной для назначения советников Апелляционного суда, к Императорскому Российскому Правительству для выбора судьи первой инстанции, этот уже назначенный судья будет размещен предпочтительно в суде Александрии.

3) Один из членов прокуратуры будет выбран из числа представителей российского судейского корпуса, и стороны однозначно решили, что если в одном из судов Каира или Загазига будет создана вторая палата и, следовательно, штат прокуратуры будет увеличен, еще один член прокуратуры также будет выбран из числа российских судей.

4) Иммунитеты, привилегии, prerogatives и льготы, которыми в настоящее время пользуются иностранные консульства и зависящие от них должностные лица в силу дипломатической практики и действующих договоров, сохраняются в своей целостности; следовательно, генеральные консулы, консулы, вице-консулы, их семьи и все лица, находящиеся у них на службе, не будут подчиняться новым судам, и новое законодательство не будет применяться ни к их личностям, ни к их жилищам.

Консульские агенты и почетные драгомены, а также нештатные сотрудники и кавасы будут подчиняться новым судам по вопросам личного характера; но они, как и прежде, будут подчиняться консульским судам по вопросам, касающимся выполнения официальных функций, которые им поручены или будут им поручены.

Кроме того, школа, основанная в Каире покойным российским подданным Рафаэлем Абетом и находящаяся под защитой России, не будет подпадать под юрисдикцию новых судов и будет, как и раньше, подсудной российским консульским судам, за исключением, однако, вопросов, касающихся принадлежащей указанной школе недвижимости.

Стороны условились, что та же самая школа будет освобождена от юрисдикции новых судов только как корпорация, и что, следовательно, священник, учителя и все причисленные к ней лица, перейдут под юрисдикцию, установленную в Египте, в соответствии с национальностью, к которой они принадлежат.

5) Стороны условились, что новые законы и новая судебная организация не будут иметь обратной силы в соответствии с принципом, закрепленным в Гражданском кодексе Египта.

6) Иски против правительства Египта, уже находящиеся на рассмотрении, будут переданы в комиссию, состоящую из трех членов Апелляционного суда, выбранных по соглашению двух правительств. Эта комиссия будет принимать решения суверенно и без апелляции; она сама определит последующую процедуру.

7) Однако эти же жалобы, если заинтересованные стороны предпочтут и выразят это желание до рассмотрения дела, могут быть переданы в специальную палату первой инстанции и другую специальную апелляционную палату, состоящую из судей, принадлежащих, в первом случае к судам первой инстанции, во втором случае — к Апелляционному суду, созданному в соответствии с положениями, уже согласованными между правительством Египта и правительством Австро-Венгрии. Эти две палаты, хотя и функционируют в соответствии с регламентами новых судов, будут выносить решения по существу в соответствии с законами и обычаями, действовавшими на момент фактов, которые послужили основанием для исков.

8) Дела, касающиеся заявителей, принадлежащих к нескольким национальностям, будут рассматриваться в соответствии с тем,

какой из этих двух методов будет согласован между их соответствующими генеральными консулами.

9) Урегулирование этих дел начнется с открытием новых судов и продолжится в течение пятилетнего пробного периода.

10) Стороны условились, что преимущества, которые предоставлены или могут быть предоставлены в будущем египетским правительством другой державе в результате судебной реформы, будут также предоставлены *ipso facto* (явочным порядком) и России.

Каир, 9 октября (27 сентября) 1875 г.

Агент и генеральный консул России Иван Лекс

Министр юстиции Риаз

Урегулирование этих дел начнется с открытия новых судов и продолжится в течение пятилетнего испытательного периода.

Примечание³⁵. Устав смешанных судов в Египте и Кодексы, коими эти суды руководствуются в своей деятельности, не помещены в Сборнике, так как наименованные акты составляют целый том в 566 стр.

Пер. с франц. О.Е. Петруниной

Примечания

¹ Подробнее см.: *Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Ближневосточной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М.: Авиар, 1994. С. 289–298.

² Подробнее см.: *Мартенс Ф.Ф.* О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1873. С. 61–62.

³ *Theunissen H.* Ottoman-Venetian Diplomats: the 'Ahd-Names. The Historical Background and the Development of a Category of Political Commercial Instruments together with an Annotated Edition of a Corpus of Relevant Documents // *Electronic Journal of Oriental Studies*. Vol. 1. 1998. No. 2. P. 191–264.

⁴ Текст капитуляции: *Charrière E.* Négociations de la France dans le Levant, ou Correspondances, mémoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France à Constantinople et des ambassadeurs, envoyés ou résidents à divers titres à Venise, Raguse, Rome, Malte et Jérusalem, en Turquie, Perse, Géorgie, Crimée, Syrie, Égypte, etc., et dans les États de Tunis, d'Alger et de Maroc. T. I. Paris: Imprimerie Nationale, 1848. P. 285–294.

⁵ История Османского государства, общества и цивилизации / ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 363.

⁶ *Tait Slys M.* Exporting Legality. Graduate Institute Publications, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/iheid/806> (дата обращения: 09.11.2023).

⁷ *Augusti E.* From Capitulations to Unequal Treaties: The Matter of an Extraterritorial Jurisdiction in the Ottoman Empire // *Journal of Civil Law Studies*. 2011. № 4. P. 301–302.

- ⁸ История Османского государства... С. 366.
- ⁹ *Hoyle M.* The Origins of the Mixed Courts of Egypt // *Arab Law Quarterly*. 1986. Vol. 1. № 2. P. 220–230. Некоторые подробности переговоров сообщал в своих частных письмах послу Н.П. Игнатьеву генеральный консул и дипломатический агент в Египте И.М. Лекс // Румыния и Египет в 1860-1870-е гг. Письма российского дипломата И.М. Лекса к Н.П. Игнатьеву. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.Е. Петруниной. М.: Индрик, 2016. С. 87, 92, 106, 117, 124, 157, 186–189.
- ¹⁰ Подробнее об организации первых египетских смешанных судов см.: *Hoyle M.* The Structure and Laws of the Mixed Courts of Egypt // *Arab Law Quarterly*. 1986. Vol. 1. № 3. P. 327–345.
- ¹¹ *Codes des Tribunaux mixtes d'Égypte précédés du Règlement d'organisation judiciaire*. Alexandrie: Imp. L. Carrière, 1896.
- ¹² Румыния и Египет... С. 208, 209, 211, 216, 219, 222.
- ¹³ См. Приложение.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Особенности российской консульской службы в Османской империи в последней четверти XVIII — начале XX вв. // *История. Электронный научно-образовательный журнал*. 2023. Т. 14. Вып. 9 (131) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840028138-0-1> (дата обращения: 09.11.2023).
- ¹⁵ Машинописная копия письма архиепископа Синайского Кирилла вице-консулу в Каире Э. Лавизону от 6 (18) апреля 1866 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 677. Л. 2; Машинописная копия донесения генконсула в Египте Лекса послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву № 46 от 4 (16) апреля 1867 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 677. Л. 19–20 об.
- ¹⁶ Копия предписания посланника в Константинополе А.Б. Лобанова-Ростовского генеральному консулу в Александрии А.Е. Лаговскому № 152 от 28 февраля (12 марта) 1861 г. Опул. в: *Петрунина О.Е.* К вопросу о национальной идентичности основателей «русской» школы в Каире братьев Абедед // *Каптеревские чтения*. Вып. 21. М.: ИВИ РАН, 2023. С. 269.
- ¹⁷ Анеания Абедед скончался в 1862 г.
- ¹⁸ *Петрунина О.Е.* К вопросу о национальной идентичности... С. 267.
- ¹⁹ Подробнее о школе братьев Абедед см.: *Дмитриевский А.А.* Русская школа в Каире (из личных впечатлений) // *Церковно-приходская школа*. 1889. Кн. 4. Ноябрь. С. 228–241.
- ²⁰ Устав школы Абедед (франц. пер.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 683. Л. 169 об.
- ²¹ *Cox F. J.* Khedive Ismail and Panslavism // *The Slavonic and East European Review*. 1953. Vol. 32. No. 78. December 1953. P. 151–167.
- ²² Предписание посла в Константинополе Н.П. Игнатьева дипломатическому агенту и генеральному консулу в Египте И.М. Лексу № 46 от 20 января 1871 г. // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 683. Л. 174–175 об.
- ²³ Секретное предписание Н.П. Игнатьева И.М. Лексу № 171 от 3 марта 1871 г. // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 683. Л. 179 об.–180.
- ²⁴ Синайская православная церковь представляет собой автономию в составе Иерусалимского патриархата. Ее глава носит титул архиепископа Синайского, Фаранского и Раифского и является одновременно настоятелем монастыря Св. Екатерины на Синае. Монастырское подворье Джувания в Каире неоднократно было предметом конфликтов между Иерусалимским и Александрийским патриархами.

- 25 Секретное предписание Н.П. Игнатъева И.М. Лексу № 171... Л. 177 об.–178.
- 26 Там же. Л. 178 об.
- 27 Донесение генерального консула в Египте А.Е. Лаговского посланнику в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому № 359 от 20 февраля (4 марта) 1861 г. (на франц.яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1074. Л. 30 об.–31 об.
- 28 См., напр.: Письмо эфории школы Абед (франц. перевод) российскому дипломатическому агенту в Египте И.М. Лексу от 28 января 1879 г. // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 255. Л. 1–1 об.
- 29 Копия декрета консульского декрета А.И. Кояндера № 150 от 6 (18 июня) 1887 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 709. Л. 19–20; Протоколы аудиторской комиссии (на франц. яз.) // Там же. Л. 12–17 об.
- 30 Отношение дипломатического агентства Греции в Египте в Александрии в дипломатическое агентство России от 4 (16) октября 1887 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 708. Л. 82–82 об.
- 31 Письмо эфории школы И.М. Лексу от 26 апреля 1874 г. (на франц. и араб. яз.); Черновик ноты И.М. Лекса Нубар-паше № 209 от 30 апреля (12 мая 1874 г.) (на франц. яз.); Копия ответной депеши нового министра иностранных дел Риаз-паши № 651 от 8 сентября 1874 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 701. Л. 1–2 об., 11–11 об.
- 32 Письмо архиепископа Синайского Порфирия II российскому дипломатическому агенту и генеральному консулу в Египте А.А. Смирнову от 6 (19 июля) 1910 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 257. Л. 2–3 об.
- 33 Черновик ноты А.А. Смирнова министру иностранных дел Рушди-паше № 90 от 15 (28) июля 1910 г. и ответ на нее № 1156 от 8 ноября 1910 (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 257. Л. 9–10 об.
- 34 Перевод с французского оригинала, опубликованного в: Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890. С. 482–483.
- 35 Примечание на русском языке добавлено в публикации документа.

Доктор Красного Креста П.Я. Пясецкий и панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

12 (24) апреля 1877 г., исчерпав дипломатические возможности решения Восточного вопроса, Россия объявила Османской империи войну. Вступлению России в войну предшествовал небывалый духовный подъем во всех слоях российского общества, сочувствовавшего христианским народам Балканского полуострова, страдавшим от многовекового турецкого ига¹.

Заметный вклад в дело освобождения Болгарии внесла российская медицинская общественность. На театр военных действий в 1877 г. отправились такие известные доктора как Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, В.М. Бехтерев, Н.В. Склифосовский, А.А. Ген, А.К. Гаусман, С.П. Коломнин, оставившие интересные письменные свидетельства о войне². Они инспектировали госпитали в Румынии и Болгарии, проводили сложнейшие и совершенно новые операции в полевых условиях, подвергая свои жизни опасности. Всего обретению Болгарией независимости содействовали более 700 российских врачей и 800 фельдшеров³. Память представителей российской медицины, погибших на войне, впоследствии была увековечена в виде возведенного в 1884 г. в Софии так называемого Докторского памятника⁴.

Огромную роль в организации медицинской помощи на театрах военных действий и в тылу действующей армии сыграл Российский Красный Крест. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. может по праву считаться одним из первых масштабных военных мероприятий, которое показало слаженную работу и высокую результативность в действиях его учреждений.

Несмотря на то, что Россия объявила войну Турции 12 апреля 1877 г., участие в ней Общества попечения о раненых и боль-

* Цифры приведены без учета принимавших участие в войне ветеринаров, ветеринарных фельдшеров, фармацевтов, медицинских сестёр и санитаров.

ных войнах началось с осени 1876 г., т.е. с проведения всеобщей мобилизации. Общество сразу же развернуло широкую деятельность по основным направлениям программы военного времени. К их числу относилась организация временных госпиталей внутри страны, а также санитарных поездов, необходимых для эвакуации раненых с театра военных действий⁵.

В целом деятельность Российского Красного Креста в эту войну включала: формирование летучих отрядов, устройство перевязочных пунктов во время сражений, организацию санитарных и питательных этапов на пути до медицинских учреждений, а также эвакуационных пунктов для сортировки раненых и больных, формирование транспортной сети в виде обоза, самостоятельных временных госпиталей и санитарных поездов, их дезинфекцию, снабжение необходимыми материалами, лечебными средствами и медицинским персоналом⁶.

Столь масштабные задачи невозможно было решить с помощью действующей, хотя и достаточно многочисленной и разветвленной, структуры Общества попечения о раненых и больных воинах. Так, в 1877 г. Общество под руководством Главного управления состояло из 5 окружных управлений, 69 местных управлений на уровне губерний и во главе с губернаторами, вице-губернаторами, представителями высшего дворянства, церковными иерархами, 163 местных комитетов, 63 дамских комитетов и 5 крепостных комитетов⁷. Территория России была разделена на 7 районов во главе с главноуполномоченными Главного управления. С распространением же деятельности Общества на зоны боевых действий в тылу Дунайской армии были образованы еще 3 района, также во главе с главноуполномоченными⁸. Князь В.А. Черкасский был назначен главноуполномоченным в Болгарии, П.А. Рихтер — в Румынии, Н.С. Абаза — в Яско-Кишиневском районе⁹.

После успешного форсирования Дуная в июне 1877 г. у Зимницы-Систово русская армия вступила в Придунайскую Болгарию (Рис. 1). Согласно плану ведения войны, предполагалось, не втягиваясь в крепостную войну, стремительно пройти Придунайскую Болгарию и захватить балканские проходы, после чего перейти через Балканский хребет, откуда открывался путь на Адрианополь и Константинополь¹⁰.



*Рис. 1. П.Я. Пясецкий. Панорама Дуная под Систово
(1877–1878 гг. Бумага, акварель)*

В Придунайской Болгарии деятельность Красного Креста развернулась непосредственно на театре военных действий, зачастую под огнем неприятеля. На первый план в боевых условиях вышли такие направления работы как формирование летучих медицинских отрядов, устройство перевязочных пунктов во время сражений, создание госпиталей, обеспечение военно-лечебных учреждений всем необходимым для их функционирования¹¹. Среди этих направлений особую важность приобрела задача комплектования военных госпиталей врачебным персоналом. Несмотря на то, что многие доктора и даже студенты старших курсов Медико-хирургической академии отправились на фронт добровольцами, это не могло в полной мере обеспечить потребности фронта, особенно в действующей армии, в медицинском персонале. Поэтому роль Красного Креста в комплектовании штатов медицинских учреждений докторами была чрезвычайно важна.

Среди блестящей плеяды докторов от Общества Красного Креста, прошедших всю войну от начала до конца, видное место

занимает врач Клинического военного госпиталя П.Я. Пясецкий, одновременно являвшийся талантливым художником.

Павел Яковлевич Пясецкий (1843–1921) родился в Орле в семье чиновника. Уже в раннем детстве у него проявились незаурядные способности к рисованию, которыми он удивлял как родителей, так и школьных наставников. Так, по его собственному свидетельству, «в начальной школе он уже настолько владел карандашом, что ему, десятилетнему мальчику, начальство школы поручило сделать копию с устаревшего рисунка, представлявшего наружный вид дома этой школы, и копия оказалась лучше оригинала»¹². В 1861 г., по окончании гимназии лучшим учеником, Пясецкий, «...вследствие врожденной и рано сказавшейся склонности к изучению природы во всех ее областях и проявлениях», был принят без экзаменов на медицинский факультет Московского университета¹³.

Впоследствии он объяснял свой выбор «благотворным чувством к врачам, которые избавляли его от страданий в детстве», так как он рос болезненным ребенком¹⁴. В университете Пясецкий увлёкся естественными науками, особенно анатомией человека. При этом «карандаш и краски являлись для Павла Яковлевича драгоценным помощником при изучении анатомии»¹⁵. Так, профессор хирургии И.М. Соколов, прозвавший способного ученика «Рафаэлем», заказывал ему рисунки, которые использовал для своих публичных и университетских лекций¹⁶. За годы обучения в университете Пясецким по просьбе И.М. Соколова были исполнены карандашом и акварелью сотни рисунков по анатомии, хирургии, гистологии, кожным заболеваниям, судебной медицине¹⁷, которые служили наглядными пособиями для студентов. Так у П.Я. Пясецкого впервые проявился талант к популяризации научных знаний, который в дальнейшем раскроется благодаря его участию в различных экспедициях в качестве художника-путешественника.

Во время обучения Пясецкий специализировался на хирургии, углубленно занимаясь методикой трансплантации кожи. В 1871 г. он защитил диссертацию на тему «О возрождении эпителия», за что был удостоен степени доктора медицины. Разработанную им методику Пясецкий внедрил на практике в 1877 г.

в санитарном отряде в Габрово во время проводимых им операций. Параллельно с обучением медицине Пясецкий повышал свое мастерство рисовальщика в классах Строгановского училища технического рисования. По окончании университета дипломированный хирург Пясецкий намеревался продолжить академическую карьеру и стать профессором анатомии или хирургии, чему сбыться было не суждено¹⁸. Вместо этого он стал практикующим врачом в московской Старо-Екатерининской больнице, где служил в хирургическом отделении до 1872 г., когда ему предложили перейти на военно-медицинскую службу в Санкт-Петербург. 6 февраля 1872 г. Пясецкий был переведен в Военно-медицинское управление Санкт-Петербургского военного округа, где получил должность «врача для командировок», что предполагало пребывание в разъездах, чему любивший путешествовать Пясецкий был очень рад.

Служба в военном ведомстве предполагала работу в разных госпиталях Петербурга, что дало Пясецкому необходимый опыт работы, который, наряду с теоретическими знаниями, впоследствии пригодится ему на войне. Сначала он работал в Семеновском Александровском военном госпитале, затем, в 1873 г., в Клиническом военном госпитале, а с 1 марта 1874 г. был переведен на должность младшего врача Петрозаводского пехотного полка¹⁹. Как и в Москве, во время обучения в университете, по приезде в Санкт-Петербург Пясецкий поступил вольнослушателем в Императорскую академию художеств, где занимался живописью под руководством известного художника исторического жанра и портретиста, академика П.П. Чистякова²⁰.

По словам Пясецкого, «полученное знание в живописи было как нельзя более кстати»²¹, так как 12 марта 1874 г. он получил назначение в состав правительственной экспедиции в Китай. С участия в этой экспедиции и началась его карьера художника, путешественника и писателя²².

Вскоре после возвращения из экспедиции П.Я. Пясецкий опубликовал две брошюры: «О санитарных условиях и медицине Китая» (М., 1876) и «Как живут и лечатся китайцы» (М., 1882), которые он считал своими экспедиционными отчётами в качестве доктора. Но главным печатным произведением, посвященным

экспедиции, явилось его двухтомное «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.»²³, которое принесло ему славу литератора, большую золотую медаль императорского Русского Географического Общества и почетную награду Международного географического конгресса в Венеции.

После возвращения из экспедиции Пясецкий 20 декабря 1875 г. был снова направлен на службу в Клинический военный госпиталь в Петербурге, в котором проработал до начала русско-турецкой войны. За участие в учено-торговой экспедиции в Китай он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени²⁴.

Однако вершиной достижений Пясецкого и одним из важнейших «художественных» результатов экспедиции явилась панорама пройденного пути от г. Ханькоу до пограничного Зайсанского поста (или «стоаршинный акварельный рисунок»), созданная им в 1877 г.²⁵.

Можно предположить, что мысли о создании именно панорамы появились у художника во время пребывания в Китае, где он мог познакомиться с китайскими рукописными книгами, представлявшими по форме свиток-цзюань.

Вскоре после создания данной панорамы Пясецкий, по распоряжению военного министра Д.А. Милютина, представил ее на «Высочайший смотр и удостоился самых лестных отзывов Государя Императора»²⁶.

Практически сразу после представления панорамы в Зимнем Дворце Пясецкий 17 мая 1877 г. получил назначение в действующую армию. В качестве военного врача он был командирован в распоряжение Общества Красного Креста²⁷. Необходимо отметить, что Пясецкий горячо сочувствовал угнетенным братьям-славянам. Свои настроения в начале военных действий он описал так: «Россия в настоящее время приносит великую жертву во имя высокой идеи — освобождения родственного болгарского народа из-под тяжелого турецкого ига»²⁸.

Участие Пясецкого в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., помимо оказанной им помощи раненым солдатам и офицерам, способствовало появлению двух чрезвычайно важных в научном и художественном отношении памятников — воспоминаний и панорамы с изображением пройденного им пути и военных будней.

Воспоминания были написаны по горячим следам, то есть практически сразу после войны, и опубликованы в двух номерах журнала «Вестник Европы» под названием «Два месяца в Габрово»²⁹. Эти записки о войне создавались им в декабре 1877 г., когда он выздоравливал после тяжелого тифа, и описывали его работу в военном лазарете и болгарской больнице в Габрово в июле-августе 1877 г. Они написаны живым, ярким языком и помимо изображения окружающей его действительности содержат размышления впечатлительного автора, впервые столкнувшегося с ужасами войны.

Известно, что уже в мае 1877 г. Пясецкий отправился в Румынию, где находился около месяца, ожидая назначения на какой-либо пункт Красного Креста, затем был вызван в Бухарест. Оттуда он вместе с подвижным перевязочным пунктом Красного Креста отбыл в Болгарию, проведя перед переправой через Дунай две недели в Зимнице. Пясецкий был раздосадован этой задержкой, так как их отряд мог форсировать Дунай вместе с армией уже в день ее переправы 15 июня 1877 г. Поэтому неудивительно, что доктор проявлял недовольство как главноуполномоченным Красного Креста князем В.А. Черкасским, так и его подчиненными, обвиняя их в нераспорядительности³⁰. Однако, считая своё пребывание в Зимнице бесцельным, Пясецкий всё же сумел принести пользу, оказывая медицинскую помощь солдатам и офицерам, раненым во время переправы через Дунай. Так, в письме из Зимницы, датированном 17 июня 1877 г., личный врач Александра II, член Главного управления Красного Креста С.П. Боткин, сообщал: «... по приезде в Зимницу мы тотчас же отправились на перевязочные пункты, где во время переправы главным образом пришлось действовать военным врачам, фельдшерам, студентам и сёстрам Крестовоздвиженской общины... Красный Крест отдела Черкаского был извещён поздно и явился уже под конец почти всего дела. Благодаря усилиям личного состава Красного Креста и особенно Чудновского и Пясецкого, удалось захватить несколько раненых на перевязочный пункт Черкаского...»³¹. Сам Пясецкий свою деятельность в Зимнице оценивал невысоко. В частности, он сетовал на то, что «...нам удалось весьма мало послужить делу попечения о раненых и больных воинах...»³².

Проведя около двух недель в Зимнице, 1 июля 1877 г. во главе отряда, состоявшего из двух студентов Медико-хирургической академии, 6 сестёр и 4 санитаров, Пясецкий был отправлен в Тырново, чтобы присоединиться к корпусу генерала Ф.Ф. Радецкого. В Тырново доктор получил задание открыть перевязочный пункт в Габрово, куда и направился с сокращёнными наполовину отрядом, оборудованием и припасами и где проработал июль и август 1877 г. На непродолжительное время Пясецкий был направлен в Сельви и под Плевну, затем в середине сентября возвратился в Габрово³³. В конце сентября он, как и многие доктора и медицинские сёстры, стал жертвой широко распространившейся в Болгарии эпидемии тифа. Лишь в конце декабря 1877 г. он смог вновь приступить к исполнению своих обязанностей, отправившись на перевязочный пункт в селе Топлиш на Балканском хребте, откуда вскоре был возвращён в Габрово, где работал до конца января 1878 г., а затем получил назначение на должность санитарного врача в Адрианополь. Там он находился до конца марта 1878 г., когда был отправлен в отпуск в Россию для поправки здоровья. В отпуске Пясецкий привёл в порядок свои записки, которые охватывали период его работы хирургом в Габрово в июле-августе 1877 г. и были опубликованы в виде воспоминаний. К сожалению, в них не вошло описание военных будней доктора зимой-весной 1878 г. Однако это время и посещения им местности оказались зафиксированными на созданной им панораме.

В Габрово Пясецкий организовал работу передвижного врачебного отряда и параллельно руководил местной больницей, помогая болгарам — беженцам из других городов, спасавшимся от зверств турок³⁴. Доктору во всём помогали студент 5 курса Медико-хирургической академии Губарев и медицинские сёстры Энгельгардт, Теплякова и Юханцева³⁵. В этот период относительного затишья на фронте Пясецкий смог заняться рисованием. Об этом он писал в воспоминаниях: «...брал бумагу и краски, заставляя себя насильно идти в город, садился против красивого вида и начинал срисовывать его. Это отличное средство давать вниманию и мыслям иное направление, и я не раз благодарил судьбу за этот “дар напрасный, дар случайный”, как один прия-

тель называл мой рисовальный талант»³⁶. Так, видимо, появились наброски, которые художник впоследствии использовал при создании панорамы русско-турецкой войны.

Однако вскоре ситуация на театре военных действий изменилась. После второго неудачного штурма Плевны турецкое командование решило объединенными силами трех армий — Османа-паши со стороны Плевны, Мехмета-Али-паши во главе Восточно-Дунайской армии и Сулеймана-паши с юга — отбросить русские войска обратно за Дунай. Наиболее приоритетным считалось Шипкинское направление, где 6–14 августа 1877 г. происходило сражение между армией Сулеймана-паши и Балканским отрядом генерала Ф.Ф. Радецкого, в результате которого русские войска сумели отстоять Шипку³⁷. Сражение, длившееся 6 дней, было одним из самых тяжелых и кровопролитных. Раненных солдат и офицеров доставляли в Габрово. С 9 по 11 августа только Пясецкий, Губарев и сёстры милосердия принимали и перевязывали раненых. 11 августа прибыл еще один врач, что немного разгрузило отряд Пясецкого, а к сёстрам милосердия присоединилась жена командира Подольского полка Духонина³⁸. Однако, несмотря на подоспевшую помощь, Пясецкий оперировал с утра до ночи, о чём впоследствии вспоминал: «С пяти часов утра в лазарете кипела работа; в четыре часа пополудни мы сбегали домой, пообедать и отдохнуть; не более как через полтора часа вернулись опять и ушли в двенадцать часов ночи»³⁹. Период, когда Пясецкий спасал жизни раненым на Шипке, был самым тяжелым для него временем на войне, не считая, конечно, страданий от тифозной болезни, которой он переболел осенью-зимой 1877 г.

За проявленный героизм 1 декабря 1877 г. Пясецкий был награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, а 30 мая 1879 г., «в воздаяние неутомимой деятельности и самоотвержения по уходу за ранеными и больными воинами в течение войны 1877–1878 гг. пожалован орденом св. Анны 2-й степени»⁴⁰.

Война оставила неизгладимый след в памяти доктора, который наряду с литературным памятником в виде воспоминаний, как и ранее в случае с путешествием в Китай, увековечил память о ней и о своем пребывании в Болгарии художественными сред-

ствами, создав панораму русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — огромный акварельный рисунок длиной в 72 метра⁴¹.

Панорама, в числе других работ П.Я. Пясецкого, еще при жизни художника, была передана в Центральный географический музей, отсюда — в Музей революции, а в 1955 г. — в Государственный Эрмитаж, где и хранится в настоящее время.

Художник, считавший рисование отдушиной от тяжелого военного быта, изобразил путь и будни своего военно-санитарного отряда. Так, панорама начинается с карты-плана балканского похода, далее показан марш русской армии по низменному берегу Дуная, болгарское селение с мазанковыми домами, крытыми соломой. Художник представил мирное течение жизни болгар, как будто и не было никакой войны. Это подчеркивается рисунками аистов на крышах домов. По ходу движения санитарный транспорт делал остановки, что также изображено на панораме, в частности, привал у колодца. Далее видна панорама болгарского города с центральной улицей, в глубине которой церковь, Дунай с пароходом, военным лагерем на его берегу и мостами для переправы, санитарный палаточный городок и санитарный обоз. Определенное внимание художник уделил видам Габрово. Так, показаны вид одной из главных улиц, сбор санитарного отряда перед госпиталем (Рис. 2), добротное двухэтажное здание бывшей гимназии, где располагался болгарский госпиталь, интерьер самого госпиталя.

Известно, что в Габрово Пясецкий проживал в православном женском монастыре, описание которого он оставил в воспоминаниях, отметив, что «хорошо помня Зимницу, мы и помышлять не смели о подобном благополучии»⁴². Сам монастырь и его внутренний двор художник также изобразил на панораме.

В конце августа — начале сентября 1877 г. отряд Пясецкого находился в Сельви и под Плевной. Переход отряда, военные укрепления — редуты с войсками, палатки дивизионного лазарета (Рис. 3) нашли свое отражение на панораме.

Едва выздоровев от тифа, Пясецкий принял участие в зимнем переходе русской армии через Балканы. Он должен был устроить перевязочный пункт Красного Креста в селе Топлиш, на пути следования армии генерала М.Д. Скобелева. Но переход через Балканский хребт совершился с такой быстротой, что на пункт



*Рис. 2. П.Я. Пясецкий. Панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
Фрагмент. Санитарный обоз в Габрово
(1877–1879 гг. Бумага, акварель)*



*Рис. 3. П.Я. Пясецкий. Дивизионный лазарет
(1877 г. Бумага, акварель)*

в Топлиш были доставлены лишь два раненных офицера, из которых один — начальник штаба 16-й пехотной дивизии, подполковник А.Н. Куропаткин, будущий военный министр. Пясецкий два раза лечил Куропаткина, когда тот был ранен — 31 августа под Плевной и 27 декабря у деревни Имитли. О втором случае врачевания Пясецким Куропаткина упоминает участник войны, в будущем известный журналист и писатель В.А. Гиляровский: «Уже в виду Иметли ранят Куропаткина. Пуля пробивает ему плечо... Это правая рука Скобелева, надежда отряда... Наскоро доктор П.Я. Пясецкий делает первую перевязку...»⁴³. Возможно, именно эта сцена оказания врачебной помощи Куропаткину присутствует на панораме. Так, художник изобразил в интерьере перевязочного пункта Красного Креста сидящего спиной к зрителю офицера и себя самого, собирающегося перевязать рану при помощи находящейся рядом медицинской сестры (Рис. 4).

Встреча с Куропаткиным была судьбоносной для врача-художника — благодарный Куропаткин будет оказывать ему покровительство на протяжении всей его карьеры.

Зимний переход русской армии через Балканы художник, являвшийся его участником, также изобразил на панораме, в частности, остановки в пути, зимнее снаряжение госпиталя и транс-



Рис. 4. П.Я. Пясецкий. Панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Фрагмент. П.Я. Пясецкий оказывает помощь раненому офицеру (1877–1879 гг. Бумага, акварель)

порт. В конце января 1878 г. Пясецкий получил назначение на должность санитарного врача в Адрианополь, где оставался до конца марта⁴⁴. Находясь в Адрианополе, он изучил этот город, что нашло отражение в его рисунках. В частности, на панораме присутствуют виды города (Рис. 5): мост, старинные узкие улицы с домами, мечетями и минаретами, внутренний двор мечети с молящимися, интерьеры мечети, кладбище и улицы возле него.



Рис. 5. П.Я. Пясецкий. Панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Фрагмент. Панорама Адрианополя (1877–1879 гг. Бумага, акварель)

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на то, что ни одна война до этого так широко не отображалась в изобразительном искусстве (а в действующую армию отправились известные русские художники: Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, П.П. Соколов, В.В. Верещагин, Н.Н. Каразин, Е.К. Макаров, запечатлевшие наиболее важные и переломные события войны), П.Я. Пясецкий внёс особый вклад в создание иконографии этой войны. Его яркая, насыщенная цветом, 72-х метровая панорама не только демонстрирует высокое мастерство художника-акварелиста, но, благодаря точности и достоверности изображаемых объектов, позволяет представить будни военно-санитарного отряда Красного Креста, виды Болгарии и Балкан во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- ¹ *Захарова И.М.* Сцены русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в акварелях художника Е.К. Макарова // Военно-исторический журнал. 2017. № 12. С. 61.
- ² См., напр.: *Пирогов Н.И.* Военно-врачебное дело и частная помощь на театре военных действий в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. СПб.: Издание главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, 1879. Ч. 1–2; *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии. 1877 г. С двумя портр. авт. и видом болг. хаты. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893; *Ген А.А.* Этапный лазарет Государыни Цесаревны в турецкую кампанию 1877–78 года // Вестник Европы. СПб., 1878. Т. 4. Кн. VII. Июль. С. 297–320; *Санитар [Бехтерев В.М.]* Известия с театра войны // Северный вестник. СПб.: 1877. № 55. 24 июня. С. 3; № 62. 01 июля. С. 3; № 65. 04 июля. С. 2; № 67. 06 июля. С. 2–3; № 81. 20 июля. С. 2; № 85. 24 июля. С. 4; № 86. 25 июля. С. 2; № 88. 27 июля. С. 2; № 101. 09 августа. С. 3; № 102. 10 августа. С. 2–3; № 106. 14 августа. С. 3; № 116. 24 августа. С. 2–3; № 117. 25 августа. С. 3; № 120. 28 августа. С. 3; № 129. 07 сентября. С. 3; № 130. 08 сентября. С. 2; № 141. 19 сентября. С. 2; № 148. 26 сентября. С. 2; № 149. 27 сентября. С. 2; № 150. 28 сентября. С. 3; *Склифосовский Н.В.* Перевозка раненых на войне // Медицинский вестник. СПб., 1877. № 41. С. 457–459; № 42. С. 469–472; *Он же.* Наше госпитальное дело на войне // Медицинский вестник. 1877. № 45. С. 501–505; № 46. С. 513–516; *Он же.* В госпиталях и на перевязочных пунктах во время Турецкой войны // Военно-медицинский журнал. 1878. Ч. 132. С. 141–192; *Гаусман А.К.* Описание действий летучих санитарных отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1878; *Коломнин С.П.* Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 года. СПб: тип. А. Суворина и В. Лихачева, 1878. Вып. 1–2.
- ³ Дунайская армия [Отчёт по воен.-мед. части в Русско-Турецкую войну 1877–78 г.], Сост. по офиц. данным под руководством и при непосредств. участии д-ра медицины Н. Козлова, бывш. глав. воен.-мед. инспектора]. СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1885. Ч. 1. Отдел административный. С. 538–539.
- ⁴ *Дюлгерова Н.* Возведение Докторского памятника — эманация гуманизма // Докторский памятник в Софии. Исследования и документы / Пер. с болгарского яз. Н.С. Гусева. М.: ИстЛит, 2024. С. 15–17.
- ⁵ *Соколова В.А.* Российское общество Красного Креста (1867–1918). Диссертация... кандидата исторических наук. СПб., 2014. С. 138.
- ⁶ Заметки по вопросам, относящимся к деятельности Общества Красного креста в минувшую войну 1877–1878. СПб.: тип. А. Траншеля, 1879. С. 14–21.
- ⁷ Личный состав учреждений Общества попечения о раненых и больных воинах по 1 октября 1877 года. СПб., 1877. С. 3–32.
- ⁸ *Соколова В.А.* Российское общество Красного Креста... С. 138.
- ⁹ Обзор деятельности состоящего под покровительством Ея Императорского Величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. СПб.: Б.и., 1877. С. 31.
- ¹⁰ *Захарова И.М.* Сцены русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в акварелях художника Е.К. Макарова. С. 64.
- ¹¹ Обзор деятельности состоящего под покровительством Ея Императорского Величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. С. 14.

- 12 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 601. Половцовы А.В., Е.Н. Д. 1780. Пясецкий Павел Яковлевич. Автобиография. Л. 1.
- 13 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1780. Л. 1–2.
- 14 Там же. Л. 2.
- 15 Там же. Л. 2 об.
- 16 Там же. Л. 3.
- 17 *Афанасьев Н.И.* Пясецкий Павел Яковлевич // Современники: Альбом биографий. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1909. Т. 1. С. 232.
- 18 *Принцева Г.А.* Павел Яковлевич Пясецкий // П.Я. Пясецкий. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. М.: Паулсен, 2019. С. 10.
- 19 Там же.
- 20 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1780. Л. 4–4 об.
- 21 Там же. Л. 4 об.
- 22 *Принцева Г.А.* Сибирский путь Павла Пясецкого. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 15.
- 23 *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай) из дневника члена экспедиции П.Я. Пясецкого. СПб., 1880. Т. 1–2.
- 24 *Принцева Г.А.* Павел Яковлевич Пясецкий. С. 11.
- 25 *Захарова И.М.* Монголия глазами художника П. Я. Пясецкого. Из истории русской научно-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: Материалы II Междунар. науч. конф. (21–22 апреля 2015 г. Улан-Батор). СПб.; Улан-Батор, 2017. С. 79.
- 26 Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Кабинет Его Императорского Величества министерства Императорского Двора. Оп. 42. Д. 2024. О разрешении художнику доктору П.Я. Пясецкому представить на Высочайшее обозрение воспроизведенные им движущиеся панорамы и о пожаловании ему подарка. Л. 5 об.
- 27 *Принцева Г.А.* Павел Яковлевич Пясецкий. С. 11.
- 28 *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрове. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. // Вестник Европы. 1878. Т. 5. Сентябрь. С. 87.
- 29 Там же. Т. 5. Сентябрь. С. 83–124; Октябрь. С. 516–569.
- 30 Там же. Т. 5. Сентябрь. С. 84–85.
- 31 *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии. 1877 г. СПб., 1893. С. 29–30.
- 32 *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрове. Т. 5. Сентябрь. С. 84.
- 33 Там же. С. 86.
- 34 Там же. Т. 5. Октябрь. С. 524.
- 35 Там же. С. 529.
- 36 Там же. Т. 5. Сентябрь. С. 113.
- 37 *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978. С. 160–169.
- 38 *Старчевский А.А.* Памятник восточной войны 1877–1878 гг., заключающий в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб и обер офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и — отличившихся рядовых. СПб.: Издание М.Г. Назимовой, 1878. С. 304.

³⁹ *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрове. Т. 5. Октябрь. С. 542.

⁴⁰ Цит. по: *Принцева Г.А.* Сибирский путь Павла Пясецкого. С. 22.

⁴¹ Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. ЭРР-8563. Пясецкий П.Я. Панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 1877–1879 гг. Бумага, ткань; карандаш графитный, акварель. 7200 x 48,4 см.

⁴² *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрове. Т. 5. Сентябрь. С. 96.

⁴³ *Гиляровский В.А.* Шипка прежде и теперь. 1877–1902. М.: т-во И.Д. Сытина, 1902. С. 12.

⁴⁴ *Пясецкий П.Я.* Два месяца в Габрове. Т. 5. Сентябрь. С. 86.

Первая медицинская помощь во время сражений на западном фронте Дунайской армии в 1877 гг.

Реформы русской армии, проводимые после Крымской войны 1853–1856 гг. военным министром Д.А. Милютиным, изменили и военно-медицинскую службу. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась строгим экзаменом, который выявил как положительные, так и отрицательные стороны нововведений.

Среди дореволюционных изданий, освещавших деятельность военно-медицинских учреждений во время войны, следует прежде всего выделить «Очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствования императоров Александра II, Александра III и Николая II», вышедший в известной серии «Столетие военного министерства» в 1911 г.¹

В последующей историографии эта тема, как правило, изучалась специалистами-медиками. В 1978 г. появился фундаментальный труд на русском и болгарском языках «Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг.» генерал-лейтенанта медицинской службы А.С. Георгиевского (1908–1998) и генерал-майора Болгарской Народной армии, профессора медицины З.В. Мицова (1903–1986), участника обороны Ленинграда в 1941 г. Авторы подробно представили организацию военно-медицинской службы и системы управления средствами медицинского обеспечения войск на театре военных действий, рассмотрели вопросы об организации эвакуации, госпиталей в тылу русской армии и внутри России, о санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятиях на Балканах и т.д. Уже в XXI веке стала выходить серия книг «Очерки истории отечественной военной медицины», и одна из глав 2-го тома посвящена рассмотрению медицинской службы русской армии во время войны 1877–1878 гг.²

Большое содействие военным врачам оказало Общество попечения о раненых и больных воинах, которое во время войны чаще всего называли Обществом Красного Креста или просто Красным Крестом и которое в 1879 г. было переименовано в Общество Красного Креста. Для популяризации дела милосердия Общество издавало много брошюр, в которых рассказывалось и об оказании им разнообразной помощи раненым и больным воинам во время русско-турецкой войны.

В СССР этот сюжет не был столь популярным. В настоящее время печатаются работы, в которых раскрывается в основном деятельность местных отделений Общества внутри Российской империи. Много изданий посвящено беспримерному подвигу сестер милосердия. В XXI веке появились исследования истории Красного Креста до 1917 г., однако сюжеты, связанные с деятельностью Общества на Балканском театре военных действий, не занимают в них центрального места и еще ждут своего всестороннего и глубокого изучения.

Оказание первой помощи раненым во время сражения осуществлялось передовыми и главными перевязочными пунктами, которые формировались соответственно из полковых и дивизионных подвижных лазаретов тех частей войск, которые принимали участие в конкретном сражении. Затем раненых эвакуировали в военно-временные госпитали, перевозили через Дунайский мост до Фратешти, где погружали в санитарные поезда, двигавшиеся к Яссам по узкоколейным железным дорогам Румынии. Там раненых в очередной раз переносили в санитарные поезда, которые развозили их по госпиталям внутри Российской империи (по ширококолейной железной дороге).

В данной очерке будет рассмотрена работа медицинского персонала во время сражений у городов Систово (Свиштов), Никополя, Плевны (Плевен), Ловчи (Ловеч), Горного Дубняка (Горни-Дыбник) и Телиша, т.е. на западном фронте Дунайской армии, на основе значительного комплекса источников — официальных материалов, а также воспоминаний, записок, дневников, писем участников русско-турецкой войны, опубликованных большей частью до 1917 г., но которые практически не были ранее вовлечены в научный оборот. Кладезем ценной информации является

еженедельный журнал «Вестник народной помощи», издававшийся Обществом попечения о раненых и больных воинах в Санкт-Петербурге, но он всё еще не попал в фокус внимания историков. Привлечение столь обширного корпуса разнообразных материалов позволяет впервые воссоздать эпическую картину деятельности врачей, санитаров, сестер милосердия во время и после сражений.



Согласно «Своду военных постановлений» (1869 г.), во время войны на базе лазаретов в пехотных полках учреждались дивизионные подвижные лазареты, состоявшие из двух отделений на 166 мест (шесть офицерских и 160 для нижних чинов), и обоза, могущего перевезти 174 чел. Они должны были следовать за своими частями, оказывать медицинскую помощь заболевшим и раненым и безотлагательно эвакуировать тех, кто может быть транспортирован, в ближайшие военно-временные госпитали. Дивизионный подвижной лазарет находился в полном ведении дивизионного врача, который избирал медицинский персонал (по одному врачу, преимущественно хирурга, от каждого полка, а всего было 9 человек вместе с дивизионным врачом, 16 медицинских фельдшеров, 209 носильщиков)³. При пехотном полку (4-хбатальонного состава) служили 5 врачей, фельдшеры: медицинские — 5, ротные — 16, аптечные — 1, 96 носильщиков (по 6 носильщиков на роту), и разворачивался лазарет на 36 мест, имевший 5 лазаретных линеек* для транспортировки больных и 1 повозку для вещей. Кавалерийский полк, отдельный батальон и артиллерийская бригада (по 2 врача) имели лазарет на 12 мест и 1 линейку⁴.

* Линейка — конный пассажирский экипаж с продольной перегородкой, в котором пассажиры сидят двумя рядами спиной друг к другу, боком к направлению движения. Экипаж, возможно, получил свое название из-за значительной длины (по сравнению с другими типами экипажей) или из-за перегородки, вдоль которой сидели пассажиры. В Москве линейки стали курсировать в 1847 г. по трем радиальным маршрутам — от Красной площади до Смоленского рынка, Покровского (Электрозаводского) моста, Рогожской заставы, а также по диаметральному маршруту от Калужских ворот через центр города до Тверской заставы. «При чрезмерной ширине запряжки и частых остановках на улицах, они крайне затрудняют движение экипажей; при излишней тяжести они портят мостовые и разрушают их так, что в эксплуатируемой ими местности мостовые находятся постоянно в невозможном состоянии...», — указывалось в одном из докладов Городской Думы в 1873 г. (<https://a-dedushkin.livejournal.com/978808.html?ysclid=m77lscutmn888047247>).

Еще до начала войны 14 августа* 1876 г. Александр II по представлению Главного штаба приказал сформировать дивизионные подвижные лазареты при 41 пехотной дивизии с обозом, но в половинном составе, то есть на 83 места. К этому времени в 27 пехотных дивизиях не было всего обоза дивизионных подвижных лазаретов, а в 128 частях войск — всего полкового лазаретного обоза. В предвидении мобилизации, указывал полковник Генерального штаба М.А. Газенкампф, 14 августа 1876 г. было высочайше повелено во всех пехотных полках оставить только по две лазаретные линейки на каждый полк, а остальные отобрать и передать частью тем войскам, у которых линейек вовсе не было, частью — дивизионным подвижным лазаретам. Сформированный к августу обоз для 14 лазаретов разделили пополам и распределили по 28 пехотным дивизиям. Спешно принимались меры по изготовлению госпитальных повозок в казенных и частных обозных мастерских⁵. Таким образом, подвижные дивизионные лазареты были сокращены вдвое. Главный военно-медицинский инспектор Н.И. Козлов, опираясь на исследование Газенкампфа, в военно-медицинском отчете отмечал, что такое сокращение произошло в связи с невозможностью в срок заготовить имущество и обозы лечебных учреждений и из-за недостаточности размеров бюджета⁶.

Несоответствие количества заблаговременно заготовленного на случай мобилизации лазаретного транспорта числу мобилизуемых дивизий, по мнению профессоров А.С. Георгиевского и З.В. Мицова, играло не определяющую роль. Основное значение здесь имела недооценка сил противника, породившая уверенность верховного военного руководства России в возможности победоносного завершения военных действий на Балканах в кратчайшие сроки при минимальных потерях личного состава войск. Главный штаб предполагал возможным сокрушить турецкие войска одним мощным ударом Дунайской армии, имея в ее составе лишь четыре армейских корпуса, и достигнуть Константинополя в течение 4–5 недель. Поэтому так легко было принято столь роковое для всей последующей деятельности войсковой

* Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

медицинской службы решение, существенно ограничившее ее штатные возможности, без каких бы то ни было предварительных расчетов потребности действующей армии в силах и средствах, обеспечивающих во время сражений оказание врачебной помощи раненым и их эвакуацию с поля боя на перевязочные пункты, подчеркивали Георгиевский и Мицов⁷.

12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Османской империи, Дунайская армия была двинута к левому берегу Дуная через территорию Румынии. В ночь с 14 на 15 июня 1877 г. у г. Зимница (Зимнич) 14-я пехотная дивизия во главе с генерал-майором М.И. Драгомировым форсировала реку и штурмом овладела систовскими высотами. Турки имели близ пункта переправы: у Систова — 1500 чел. и у Вардена — 2900 чел. с артиллерией. Потери русских войск во время переправы и в бою 15 июня составили: 30 офицеров и 782 нижних чина⁸, при этом неприятелем было потоплено 19 понтонеров. Штабс-капитан А.И. Остапов, командир 1-й стрелковой роты Волынского полка, утверждал: «Бой выигран и выигран сравнительно небольшими жертвами: там, где предполагалось потерять тысячи, потеряли сотни благодаря соответствующему обучению и воспитанию дивизии в мирное время»⁹.

Особое внимание было уделено организации медицинской помощи раненым. Подвижные лазареты 9-й и 14-й пехотных дивизий должны были стать главными перевязочными пунктами. Все предварительные приготовления делались в строжайшей тайне: дивизионный врач 14-й пехотной дивизии Норейко наметил места для перевязочных пунктов, но шатры не разбивались. Из полковых врачей вызвались семь человек охотников переправиться вместе со своими частями на турецкий берег: Куклярский, Радулович, Кошляров (Котляров), Иванов, Верниковский, Струмило и еще один врач, фамилия, которого неизвестна. С ними были назначены от лазарета 100 человек носильщиков под командой командира санитарной роты¹⁰.

14 июня в 19 часов в с. Драча главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич под глубоким секретом сообщил полковому военно-медицинскому инспектору В.И. Приселкову о переправе через Дунай в Зимницу, куда тот немед-

ленно отправил профессора хирургической патологии и терапии Дерптского университета Э. Бергмана с тремя ассистентами, врачей-хирургов, состоявших при управлении, и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины*.

Передовой перевязочный пункт на систовском берегу был устроен с началом прибытия третьего рейса понтонов. «Работы было очень много, так что доктора Рудалович, Кошляров, Иванов и Куклярский при содействии фельдшеров и санитаров под неприятельскими выстрелами еле успевали перевязывать раны. Доктор Кошляров говорил: “Приходилось подавать помощь от штыковых ран, ударов ятагана и от огнестрельных снарядов. Ожидающих перевязки иногда набиралось около 50 человек, и, несмотря на обилие перевязочных средств, которые мы взяли с собой, скоро оказался в них недостаток. Были вынуждены рвать, что попадалось под руки, и этим тряпьем перевязывать раны, пока нам не доставили другой аптечный выюк”»¹¹, — вспоминал штабс-капитан А.И. Остапов.

На турецкий берег переправились на понтонах и священники. Благочинный 14-й пехотной дивизии и протоиерей 56-го пехотного Житомирского полка Александр Иоаннович Цитович распорядился, чтобы церковники** бесперебойно доставляли раненым холодную воду, так как все санитары и фельдшеры были заняты. Священник должен был не только успокаивать раненых, внушая им, что их раны не смертельны, но и укрывать от жгучих лучей солнца, поправлять постель, чтобы удобно было лежать. Он приходил к тяжелораненым и, учитывая их состояние, подготавливал их к исповеди и св. причастию; если же раненый находился в беспамятстве, то читал ему отходную молитву¹².

Второй перевязочный пункт разместился в лесу, у места посадки на понтоны, куда привозили раненых на возвращавшихся лодках. Затем их везли на главный перевязочный пункт, устроен-

* Крестовоздвиженская община сестер милосердия была создана по инициативе великой княгини Елены Павловны в 1854 г. на время Крымской войны. В 1856 г. она получила постоянный статус. В подготовке персонала участвовали выдающиеся русские медики Н.И. Пирогов и И.М. Сеченов, внесшие значительный вклад в организацию сестринского дела в России.

** Церковник — нижний чин для исполнения при полковой церкви обязанностей причетника; полагался по штату лишь в тех частях, при которых состояли священники.

ный в Зимнице в лазаретных шатрах 9-й и 14-й пехотных дивизий. Штабс-капитан Остапов свидетельствовал, что было немало раненых, которые после перевязки возвращались назад в строй. «Дух товарищества замечательно хорошо был развит у нижних чинов; в одном Волынском полку было около 20 человек, которые после перевязки явились опять в бой на подмогу товарищам»¹³, — писал он.

С рассветом главный хирург армии Н.М. Кадацкий с шестью хирургами (Духновский, Блюменфельдт, Симвулид, Финкельштейн, Франкир, Гольденберг) прибыли в Зимницу, на главный перевязочный пункт, где были заранее приготовлены: чай, сахар, спирт, вино, белый хлеб, солома, матрацы, 500 циновок и подвижная полевая кухня. По приказу инспектора госпиталей сюда были двинуты находящийся в его распоряжении интендантский транспорт (300 повозок) и все свободные повозки военно-временного госпиталей № 53 и 56. В лазарете 9-й дивизии хирургами и врачами руководил профессор Э. Бергман с тремя ассистентами, а в лазарете 14-й дивизии — профессор по кафедре хирургической патологии и терапии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии И.О. Корженевский. Здесь разместился также лазарет Красного Креста и отряд студента Рыжова*. Общее же наблюдение и руководство по медицинской части принял на себя В.И. Приселков, а по хозяйственной части распоряжался инспектор госпиталей генерал-майор В.Д. Косинский. Красный Крест в день битвы прислал сестер милосердия Крестовоздвиженской общины (в лазарет 9-й пехотной дивизии — 8 чел., в лазарет 14-й дивизии — 6 чел.), а также выдал

* 13 мая 1877 г. на заседании Исполнительного комитета Главного управления Общества Красного Креста было рассмотрено заявление титулярного советника Рыжова с сыновьями, студентами медико-хирургической академии, о его желании принять на себя формирование и полное содержание одного этапного санитарного пункта (больницы) в Румынии в ведении князя Черкаского, причём до 1 сентября 1877 г. Рыжов уже приискал врача и санитарный персонал, приобрел две палатки и один фургон (Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). ф. 1265. Оп. 12. Д. 17. Л. 13 об.). Отряд братьев Рыжовых следовал за армией в виде перевязочного пункта. Просторная палатка вмещала 25 кроватей. Во главе отряда стоял доцент медико-хирургической академии Попов, а при нем семь студентов-фельдшеров — Ланг, Бехтерев, Кривоногов, Рыжов, Токарев, Авдудевский и Крыловский, большей частью товарищи Рыжова (*Гарковенко П.* Война России с Турцией 1877–1878 года. М., 1879. С. 258). Деятельность этого отряда продолжалась около четырех месяцев, хотя рассчитывали только на три. После третьей Плевны весь перевязочный материал был израсходован, а оставшийся раздали госпиталям.

продукты, в том числе чай, сахар, бочонок вина и папиросы¹⁴. Чтобы не допустить переполнения дивизионных лазаретов, которые могли дать приют только 166 раненым, была предусмотрена интенсивная транспортировка тех больных и раненых, которые могли перенести перевозку, в 53-й военно-временный госпиталь, устроенный под руководством профессора Бергмана в Пятре, в 24 верстах от Зимницы*. С 16 по 22 июня сюда было транспортировано 434 человека¹⁵.

Профессор Бергман впоследствии рассказал о деятельности врачей 15 июня: «Большую часть раненых нам доставили в полдень, когда гром пушек уже замолк. Несмотря на помощь всех хирургов Главной квартиры и прибывшего к нам врача главкомандующего доктора Обермиллера**, мы едва могли справиться с работой. Благодаря обстоятельству, что раненых оказалось относительно не очень большое число, я мог дать себе и товарищам моим отдых на четверть часа и положил последнюю повязку в 11 часов вечера. Когда безостановочно в течение 15 часов ампутируешь, лигуешь***, накладываешь гипсовые повязки, то нервы приходят в такое возбуждённое состояние, что, несмотря на свою усталость, не чувствуешь даже позыва ко сну. Не могу выразить моей признательности доброму человеку, который дал мне кусочек хлеба и кружку красного вина, после чего я лёг на дунайский песок, заснул, и беспрестанно тревожим был во сне видом окровавленных людей»¹⁶.

Подводя итог всей военно-медицинской помощи во время сражения 15 июня, студент 4-го курса медико-хирургической академии В.М. Бехтерев, впоследствии известный ученый-невролог, отмечал, что она была организована «в возможно лучшем виде и в достаточном количестве». В первый же день

* В Пятре под госпиталь были взяты строения помещицкой усадьбы со всеми службами, кладовыми, конюшней и т.д. Поставили еще 50 киргизских кибиток или войлочных шатров, каждый на восемь кроватей. В доме была устроена операционная палата, в парадных комнатах поместили раненных офицеров // Вестник народной помощи. 17 июля 1877. № 7. С. 8.

** Александр Леонтьевич Обермиллер (1828–1892) — лейб-хирург, инспектор врачебной части министерства Императорского двора. Во время русско-турецкой войны — старший врач Главной квартиры Дунайской армии.

*** От *лигатура* (лат. *ligaturae* — повязка) — хирургическая нить; лиговать (мед.) — накладывать швы.

сумели перевязать и прооперировать почти всех раненых; те раненые, которые могли вынести перевозку, были немедленно эвакуированы в постоянные госпитали. На второй и третий день перевязывали уже только тех, кого не нашли на поле сражения в первый день¹⁷.

Александр II трижды посетил раненых (17, 18 и 19 июня), а 20 июня, почти в момент перебазирования лазарета в г. Систово, он созвал санитарный персонал и лазаретную прислугу, поблагодарил несколько раз лично военно-медицинского инспектора и всех врачей, участвовавших в лечении и уходе за ранеными, и обещал прислать несколько георгиевских крестов для раздачи санитарам¹⁸.

Иная ситуация сложилась после успешного штурма крепости Никополь 3 июля полками IX армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта барона Н.П. Криденера. 4 июля начальник крепости Гассан-паша и турецкий гарнизон (около 7 тыс. чел.) сдались. Корпус потерял убитыми 41 офицера и 1119 нижних чинов, ранеными 1442 чел.¹⁹.

Во время штурма Никополя дивизионный лазарет 5-й пехотной дивизии по личному указанию ее начальника генерал-лейтенанта Ю.И. Шильдер-Шульднера развернул главный перевязочный пункт в ста шагах от передовых пунктов, в зоне артиллерийского огня противника. Затем его перенесли в более безопасное место — с. Дебо, но раненых продолжали доставлять к первоначальному месту его дислокации, вследствие чего большей части врачей пришлось остаться здесь для оказания неотложной помощи. Старший врач 17-го Архангелогородского полка В. Попов был ранен²⁰.

Главный перевязочный пункт 31-й пехотной дивизии по указанию штаба корпуса разместили также в крайне неудобном месте, находившемся в двух верстах от ближайшего источника воды. «Воду носили и котелками, и вёдрами, и чем попало, носили и санитары, и местные жители болгары, и всё-таки ее не доставало»²¹. Уже с утра, по распоряжению штаба, были посланы полевые жандармы IX корпуса и казаки собрать все имевшиеся у населения телеги и арбы, на которых перевозили тяжелораненых в д. Марховицу, в главный перевязочный пункт²². Во время боя жандармы помогали санитарам отыскивать раненых в кукуруз-

ных полях, виноградниках и садах, перевозить их на перевязочные пункты. Военный корреспондент В.В. Крестовский писал, что явились и болгары, чтобы на оставленных турками возах доставлять раненых²³. «Наплыв раненых был огромный; в продолжение нескольких часов их собралось 663». Лазаретных шатров не хватало, часть раненых оставалась на земле под лучами палящего солнца; для их призрения потребовали из полков походные палатки, в которых они могли укрыться от жары и пыли. Многих раненых приносили не только без верхней одежды, но и в порванном белье; между тем белья на смену не было, лазарет имел его только на 83 человека. Для варки пищи взяли ротные котлы санитаров²⁴. В 5-й пехотной дивизии работали 2 хирурга, 15 врачей, 51 фельдшер, 233 носильщика и служителя; в лазарете 31-й пехотной дивизии было 4 хирурга, 5 врачей, 7 фельдшеров, 176 носильщиков²⁵.

Требовалось немедленно эвакуировать раненых из обоих лазаретов, но куда и как — сначала никто не мог решить, так как военно-временных госпиталей вблизи не было, не было и никаких перевозочных средств. К тому же подвижной лазарет 5-й пехотной дивизии должен был стать главным перевязочным пунктом для 1-й бригады дивизии, получившей 6 июля приказ занять Плевну. Необходимо было спешно транспортировать раненых в Никополь и готовиться к выступлению. Раненых перевозили на лазаретных линейках и болгарских подводах на волах, собранных общими усилиями из окрестных деревень. Благодаря новому коменданту крепости генерал-лейтенанту А.Д. Столыпину, назначенному 5 июля на эту должность и привлечшему местные ресурсы, были организованы размещение и питание раненых (дивизионные лазареты имели котлы для приготовления пищи на 83 человека).

Главкомандующий приказал транспортировать раненых водным путем вниз по Дунаю до Зимницы. Великий князь Алексей Александрович, начальник морских команд на Дунае, назначил пароход с баржей и несколько паровых катеров и баркасов, прибывших в Никополь 8 июля вечером. Сюда накануне приехал уполномоченный Общества Красного Креста П.Н. Исаков. Раненых из дивизионных лазаретов, расположенных в 10–12 вер-

стах от города, стали доставлять к пристани, где они скопились в большом количестве в ожидании отправления.

В течение 8 и 9 июля легкораненые были переправлены на паровых катерах и баркасах на румынский берег в с. Флаунду, оттуда частью на подводах, частью в фургонах румынского Общества Красного Креста отправлены в Пятру, в военно-временный госпиталь № 53. Пароход с баржей был предоставлен исключительно для тяжелораненых, с которыми он отошел от Никополя на рассвете 10 июля. Его сопровождали врач и студент Глоба, которого Исаков снабдил деньгами на покупку продовольствия для раненых в пути. Но на пристани остались еще тяжелораненые, и им пришлось ждать второго рейса. В течение 8 и 9 июля по распоряжению уполномоченного Исакова всем раненым были доставлены хлеб и вино, единственные продукты, которые можно было достать в то время в Никополе. На средства Красного Креста были наняты 50 подвод для ускорения перевозки легкораненых²⁶.

Однако в Зимнице раненые подверглись новым испытаниям. В военно-временном госпитале № 63 ожидали 300 человек, а прибыли более 600. Врачи работали всю ночь и едва справились с простой перевязкой. Главный врач А.Н. Аменитский констатировал, что роль госпиталя, рассчитанного на 630 мест (600 для нижних чинов и 30 для офицеров), с этого времени совершенно изменилась — он превратился в главный перевязочный и эвакуационный пункт при ограниченном медицинском персонале и без сестер милосердия. На следующий день доставили новую партию. Сюда привозили раненых и больных по несколько транспортов в день из Никополя, Тырнова, Рушукского отряда и затем отправляли далее через дунайский мост в Румынию. Трудно было обеспечить такую массу бельем, одеждой, питанием (сложно было доставать продовольствие, а также варить пищу и ее раздавать из-за недостатка котлов и посуды). Мест для больных и раненых не хватало, не только в шатрах и юртах, но и около них, от зноя раненые укрывались в соседних садах. Помощь Красного Креста на тот момент была ничтожна, раненые в тех же лохмотьях, порой полунагие, эвакуировались далее. Перевозочных средств госпиталю не полагалось, пытались набрать

подводы из окрестных сёл или получить разрешение на использование повозок интендантского транспорта. Все эти и другие неблагоприятные условия прежде всего сказывались на положении тяжелобольных и тяжелораненых²⁷.

Тем временем, генерал-лейтенант Криденер направил часть своего отряда, который получил название Западный, к Плевне. Было известно, что в городе находится небольшой турецкий гарнизон (три батальона пехоты, один эскадрон и 4 орудия, два из них крупновские 6-фунтовые) под командованием ливы* Атуф-паши. Однако 7 июля в Плевну вошло войско мюшира** Осман-паши (19 батальонов, 9 батарей с 54 крупновскими орудиями 6-, 4- и 3-фунтовыми, 5 эскадронов регулярной кавалерии и 150 черкесов), подошедшее сюда из Видина. Турки в основном были вооружены дальнобойными винтовками Генри (Пибоди)-Мартини и, занимая оборону, не экономили патроны, будучи в изобилии обеспечены ими благодаря иностранным закупкам Османской империи. А русский пехотинец, идя в бой, имел при себе всего 60 патронов и наказ их беречь, полагаться больше на штык. Неприятель открывал шквальный огонь по наступающим русским полкам, не допуская штыкового боя, в котором русский солдат был силён. 8 июля полки 1-й бригады 5-й пехотной дивизии атаковали турок у с. Буковлек, а 19-й пехотный Костромской полк — у Гривицы. Несмотря на ожесточенность наступления, силы были неравными, и русские отступили.

Ранним утром 8 июля на перевязочный пункт Костромского полка, расположенного в роще, стали прибывать раненые, число их росло, врачи оказывали помощь наиболее нуждавшимся, предоставляя остальных заботе фельдшеров. К полудню раненых было уже около 400 человек, работы санитаров (6 человек на роту) «почти не стало видно»: они «были переранены или убиты». Тогда иерей полка Иоанн Софронов решил привлечь к выносу раненых с поля боя к перевязочному пункту болгар,

* Звание «лива» в турецкой армии приблизительно соответствовало званию генерал-майора в русской или бригадного генерала в английской и французской армиях.

** Звание мюшира (мушира) (mushir) в турецкой армии эквивалентно званию фельдмаршала в австро-венгерской, германской, английской и генерал-фельдмаршала в русской армиях.

которые расположились невдалеке на возвышенности и являлись «зрителями непосильного боя» русских с турками. Их было около 300. Подъехав к ним, отец Иоанн выяснил, что говорить по-русски мог только архимандрит, не старый и благообразный на вид. Русский священник передал ему «свою покорнейшую просьбу» — «переносить раненных воинов, проливших кровь свою за други своя», «унести раненых от неминуемого зверства врага». «Задумчивые и угрюмые болгары обступили архимандрита. Едва архимандрит произнес несколько слов, как более 100 человек болгар поняли, в чём дело, и бросились бегом, пешими и на ослах, по направлению к Гривице спасать раненых», — вспоминал о. Иоанн²⁸. Он видел, что во время страшного боя болгары действительно добросовестно выполняли взятую ими на себя обязанность: «несли на себе и везли на ослах наших раненых, спасая их от острых башибузукских ятаганов»²⁹. Поручик Костромского полка К.К. Присненко свидетельствовал, что болгары из д. Гривица, вызванные с вьючными животными, оказали большие услуги по перевозке и переноске на себе раненых³⁰. Резким контрастом явилось поведение полковых музыкантов, которых священник обнаружил прячущимися за стогами. Возмущенный их откровенной трусостью он направил этих здоровых солдат (более 10 человек) на вынос с поля боя тела командира полка полковника И.М. Клейнгауза. Но стоило о. Иоанну чуть отъехать, как музыканты повернули назад к спасительным стогам³¹.

Около 13 часов на перевязочном пункте распространились слухи, что полк разбит и враг наступает. Врачи и особенно полковой священник о. Иоанн, который незадолго перед тем возвратился с поля сражения, где напутствовал умиравших, не без усилий успокоили раненых. Затем перевязочный пункт, сформировав собственное прикрытие из денщиков и легкораненых, начал медленно отходить, останавливаясь для перевязок у попадавшихся на пути источников воды. Отступление шло к с. Сга-левицы, где должен был стоять обоз и парки с патронами и снарядами, но те уже отошли к Турскому Трестенику, получив от перепуганных болгар известие, что будто бы турки наступают по плевно-рушукскому шоссе³².

Очень красноречива полевая записка от 8 июля командира 2-го дивизиона 2-го Кубанского конно-казацкого полка войскового старшины князя Кирканова командиру Кавказской казачьей бригады полковнику И.Ф. Тутолмину: «Костромской полк разбит. Командир убит. Мы отступаем на Сгалевицы»³³. Во время сражения Кавказская казачья бригада, заняв позиции сзади Костромского полка, «находилась в выжидательном положении». Содействие бригады выразилось в вывозе раненых с поля боя и охране отступавших. Полковник Тутолмин, как старший (полковник И.М. Клейнгауз, командир Костромского полка, был убит), принял команду над отрядом, который к вечеру отошел к Турскому Трестенику, откуда заведующим хозяйством полка специально были высланы повозки для раненых. 9 июля Тутолмин получил приказание командира IX корпуса об отправке раненых Костромского полка в Систово на подводах, которые нужно было собрать у жителей окрестных деревень реквизицией, обращаясь с требованием подвод к старшинам селений³⁴. Тутолмин вспоминал о трудностях, с которыми он столкнулся при этом. Для 420 раненых требовалось около 100 подвод. Для далекого пути в Систово иных раненых положили по одному человеку на подводу. Удалось собрать часть подвод, и нужно было добыть еще 60. Но тут полковник узнал, что из-за «неотступных болгарских просьб отпустить подводчиков за хлебом, собранные вчера подводы помимо его ведения отпущены на срок за хлебом. Но срок подходит, транспорт должен выступать, а болгаре не возвращаются; снова нужно набирать подводы из раскинутых деревень». И здесь главную спасительную помощь оказал прибывший интендантский транспорт, в разгрузке которого принимала участие Кавказская казачья бригада. На пустые телеги погрузили раненых и под прикрытием полусотни отправили в Систово³⁵.

Не менее отчаянное положение сложилось в 1-й бригаде 5-й пехотной дивизии. Следует указать, что подвижной лазарет 5-й пехотной дивизии смог двинуться от Никополя только в 3 час. ночи 8 июля и из-за загруженности дороги (обозы и шедший к Плевне 20-й Галицкий пехотный полк) прибыл на место к 9 час. утра, когда уже стали поступать раненые. В 14 час. лазарет полу-

чил приказ отступать к с. Трикладенцы, где набралось до 400 раненых и ожидалось прибытие новых, а разместить их было негде. Дивизионный врач Дылевский перевёз раненых в с. Муселиево и там устроил главный перевязочный пункт. Погода испортилась, пошел дождь, стало холодно, поэтому раненых помещали в шатры, болгарские избы, сараи. От стоявших вблизи полков потребовали еще 4 врачей и 8 фельдшеров. Но ожидали возобновления сражения, поэтому носильщики находились на позиции при войсках. В лазарете не хватало прислуги. До 1000 человек прошли через руки пяти врачей в течение ночи и трех последующих суток, потому не было никакой возможности ни оперировать, ни накладывать гипсовые повязки, едва успевали делать простые, чтобы защитить раны от воздействия внешней среды. Было добыто несколько турецких котлов для варки пищи, но 8 июля не было продуктов, чтобы ее приготовить. Ночью с 8 на 9 июля наскоро сварили похлебку из консервов. Начальнику корпусного штаба была послана записка с просьбой о присылке соломы, 200 болгарских подвод и помощи для ухода за ранеными, положение которых было безотраднее, чем в никопольском деле. Многие раненые помогали себе сами как могли: кто мог идти, тот отправлялся самостоятельно в Никополь или в окрестные деревни.

9 июля сюда приехал комендант Никополя генерал Столыпин. Увидев положение лазарета, он прислал полковника л.-гв. Финляндского полка Ф.А. Прокопе, начальника гражданского управления вновь учрежденного округа, с казаками, которые разъехались по деревням и заставили болгар свозить имевшуюся у них солому, носить воду и вообще помогать уходу за ранеными. К 10 июля стали прибывать болгарские подводы, собранные казаками. Тогда появилась возможность отправить первый транспорт в Никополь. 12 июля был вывезен четвертый и последний обоз с ранеными. Все четыре транспорта сопровождали по очереди врачи (Мигулин, Круковский, Шклявер и Селинтовский) при двух фельдшерах и от 4 до 6 человек лазаретной прислуги³⁶.

8 июля под Плевной работали 3 хирурга, 17 врачей, 57 фельдшеров, 184 носильщика кроме ротных, 34 лазаретных служителя, имелись 21 лазаретная линейка и 200 воловьих подвод³⁷.

Мы помним, что к 10 июля в Никополе еще оставались раненные после сражения 3 июля. А сюда на пристань стали прибывать новые, после штурма Плевны, которых вскоре скопилось до 2000 человек. Чтобы перевязать всех и несколько облегчить положение тяжелораненных, находившихся на пристани под палящим солнцем, полковник Прокопе приказал раскинуть несколько турецких палаток, а уполномоченный Исаков в помощь к трем военным медикам командировал врача Красного Креста Янчица.

Вечером 10 июля Исаков перевёз в Турну-Магурели 22 раненных офицеров, разместив их в особо отведенном городскими властями доме. Уход за ними взял на себя врач осадной артиллерии Старженко. Исаков поручил доставку продовольствия и всех необходимых вещей уполномоченному Красного Креста Лебедеву. 11 июля заведующий медицинской частью в Румынии действительный статский советник Жданко предупредил Исакова о том, что дальнейшая эвакуация раненых в Пятру и Зимницу должна быть приостановлена, поскольку военно-временные госпитали № 53 и № 63 были уже переполнены*. Тогда Исаков решил принять оставшихся на берегу без приюта 265 раненых, в том числе 16 турок, на свое попечение. В тот же день их перевезли на левый берег Дуная и поместили в только что отстроенное здание румынской казармы без окон и дверей, где раненные лежали на соломе, «только немногие из них имели тюфяки». В этом импровизированном госпитале распоряжался врач Духновский, в помощь ему были уполномоченные Красного Креста Исаков и Лебедев, которые снабдили этот «случайный» госпиталь всем необходимым. Прибыли вызванные по телеграфу врачи Красного Креста Черепнин и Гвинторн, студент Панютин и сёстры общины св. Георгия — Королёва, Пущина, Безносикова и Кучевская — с аптекой и значительным запасом разных госпитальных принадлежностей. И уже на третий день этот «внезапно возникший» госпиталь принял совершенно благоустроенный вид. В первый же день раненых накормили горячей пищей, а затем они ежедневно получали обед, ужин, чай и

* В Пятре вместо 630 было 960 больных (Врачебная часть в армии // Вестник народной помощи. 1877. № 19. С. 5).

вино. Прислуга в госпитале была составлена частью из нанятых Исаковым в Турне людей, частью из румынских военных санитаров, присланных румынским врачом Лебие, принимавшим всё время личное участие в уходе за ранеными как в Никополе, так и в Турну-Магурели, сообщалось в статье, опубликованной в журнале «Вестник народной помощи»³⁸.

Однако профессор Н.В. Склифосовский, прибывший в Турну-Магурели 14 июля со своим ассистентом доктором А.С. Таубером и заставший еще около 250 раненых, отметил не столь «благостную» ситуацию с лазаретной прислугой, какая была представлена неизвестным автором на страницах вышеупомянутого издания. Профессор подчеркнул «чувствительный» недостаток «прислуги, которую нельзя было добыть никоим образом; <...> приходилось вербовать прислугу из местных жителей, которые не хотели нести тяжелой службы госпитального служителя ни за какие деньги». «Здесь обнаруживалась вся тяжесть зависимости от исключительных обстоятельств войны; в чужом городе, незнакомые с бытовыми условиями, вдали от центра военно-полевого управления, мы были поистине в беспомощном положении. <...> И это положение создавалось в стране нам дружественной, среди союзников... Мы были в таком положении, что врачи должны были исполнять всё то, что исполняет обыкновенно сиделка или госпитальный служитель», — констатировал профессор Склифосовский³⁹.

Генерал-адъютант Н.П. Игнатьев, находившийся при Императорской Главной квартире, в письме к супруге от 12–13 июля возмущался, что румыны в Турну отказались «лечить и призреть раненых наших. Доктора румынские пальцем не пошевелили, и страданий было много, потому что госпиталь военный не поспевал, а Красного Креста, по нераспорядительности Черкасского и Paul Tolstoy*, не было близ поля сражения**»⁴⁰. Великий

* Толстой Павел Павлович (1843–1914) — Голенищев-Кутузов-Толстой, сын П.М. Толстого, адъютанта Николая I; в 1878 г. — статский советник в звании егермейстера Императорского двора, в 1904 г. — обер-егермейстер Двора Его императорского величества.

** В этом обвинении Н.П. Игнатьев абсолютно неправ. Командование IX корпуса не нашло нужным уведомить полевое военно-медицинское управление о предстоящем деле. В военно-медицинском отчете причина этого не указывалась. [«Основывалось ли это на желании сохранить тайну, на уверенности ли, что и наличного

князь Алексей Александрович, 6 июля посетивший Никополь, подтвердил сведения Игнатьева и то, что врачи-румыны «отказывались оказывать медицинское пособие русским раненым»⁴¹. Игнатьев тогда сделал «строжайший выговор» румынскому представителю при Императорской Главной квартире князю И.Г. Гике, и тот обещал провести следствие⁴².

В этой связи следует вспомнить статью профессора Склифосовского «В госпиталях и на перевязочных пунктах во время турецкой войны». В мае 1877 г. он посетил в качестве консультанта военно-временные госпитали № 51 и № 45, которые были размещены в городах Галац, Яссы, Фокшаны, Бакэу, и с огорчением отметил, что в богатых румынских городах, таких, как Галац, или «чистеньких и уютных городках» как Фокшаны, «не нашлось места для больного нашего солдата»: под отделения госпиталей были отведены старые заброшенные казармы «без всяких гигиенических приспособлений» (в Галаце, Фокшанах), в ветхом здании больницы с гнилыми полами и оконными рамами (Яссы), или неудобное и неопрятное здание еврейской больницы (Бакэу). При таких условиях кое-где сложилась сложная инфекционная обстановка. Лишь получение 50 палаток за несколько дней до перехода русских войск через Дунай позволило военно-временному госпиталю № 51 покинуть зараженную казарму в Галаце⁴³.

Кроме 16 раненых турок, помещенных во временном лазарете Красного Креста в Турну-Магурели, в Никополе оказалось еще до 300 турок, из которых легкораненые были отправлены 12 июля вместе с партиями пленных. Остальные оставались в Никополе до 17 июля. 40 тяжелораненых, требовавших немедленной операции, были по указанию и выбору профессора Склифосовского привезены в Турну-Магурели и помещены в лазарет Красного Креста в отведенной для них обширной палате. Для перевязки остальных турок ежедневно вплоть до 17 июля ездил в Никополь один из врачей Красного Креста в сопровож-

врачебного персонала будет достаточно для врачебной помощи, или на предположении, что полевое медицинское управление, находясь при Главной квартире, должно само узнать о планах военных действий и соображаться с ними относительно врачебной помощи» [Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–78 гг. ч. 2. СПб., 1886. С. 194]].

дении сестры милосердия. По мере получения сведений об освобождаемых местах в военно-временных госпиталях, раненые из случайного лазарета направлялись частью на подводах, частью в румынских фургонах в Пятру. В течение 14, 15, 17 и 19 июля были вывезены 22 офицера и 196 нижних чинов, так что в лазарете на 20 июля оставалось всего 82 человека тяжелораненых. 25 июля в Пятру были эвакуированы все раненые кроме шести, которые, по заключению врачей, не были в силах перенести перевозку. Они были сданы на попечение румын, принявших в свое заведование устроенный Исаковым лазарет⁴⁴.

Итак, в результате сражения под Плевной 8 июля из трех полков из строя выбыли 2463 нижних чинов и 77 офицеров, из них 22 были убиты, пятеро умерли от тяжелых ран в тот же день, из трех полковых командиров двое сложили головы на поле боя⁴⁵.

Через 10 дней последовало второе сражение у Плевны. Главнокомандующий направил для усиления IX армейского корпуса части XI и IV армейских корпусов, которые поступили под начальство командира XI корпуса генерал-лейтенанта князя А.И. Шаховского. При подготовке второго сражения за Плевну много внимания уделялось организации оказания медицинской помощи раненым. Профессор Склифосовский вместе с отрядом врачей (ассистентом Таубером и четырьмя хирургами — Духновским, Блюменфельдом, Экком и Масловским) выехал из Никополя к Плевне. Уполномоченный Красного Креста Исаков вместе с сестрой милосердия Георгиевской общины У. Королёвой и двумя фельдшерицами (Поляковой и Яковлевой) также поспешил из Турну-Магурели к Плевне, взяв с собой запасы белья и перевязочных средств на 500 человек. Он поручил Лебедеву найти в Турну новое помещение для лазарета и просил полковника Прокоева направить часть турецких палаток, бывших в его распоряжении, в Новое село, которое находилось на полпути между с. Гривица и Никополем, и устроить там этапную станцию⁴⁶. К Плевне был послан главный хирург армии Н.М. Кадацкий, которому поручалась эвакуация раненых после перевязки в ближайшие удобные помещения.

В отряде князя Шаховского (левый фланг), помимо врачей и хирургов дивизионного лазарета 32-й дивизии и полковых

врачей, работали профессор И.О. Корженевский с двумя ассистентами, хирурги Блюменфельд, Масловский, Каминский и др. С передового перевязочного пункта после оказания первой медицинской помощи снабженные санитарными книжками раненые отправлялись на главный перевязочный пункт, находившийся вблизи д. Радишево. Здесь же производились операции в особой операционной палатке. Носильщики, санитары и фельдшеры под неприятельским огнём выносили раненых, многие и сами были ранены. По словам очевидца, младшего врача 114-го пехотного Ярославского полка И.И. Максимовича, в дивизионном лазарете, «размещенном в большом порядке, кипела усиленная работа... врачи дивизионного лазарета работали ловко, успешно и уверенно, несмотря на близость падающих снарядов»⁴⁷. Но после 20 часов, когда через перевязочные пункты стали проходить отступавшие, возникли слухи, что неприятель займет Радишево и башибузуки перережут раненых. Врачи не поддались панике и продолжали свое дело вплоть до приказа генерал-майора П.А. Полторацкого, командира 1-й бригады 30-й пехотной дивизии, о немедленном отступлении в Порадим. В виду экстренности врач XI армейского корпуса В.Н. Радаков приказал дивизионному врачу 32-й дивизии Штейнбергу не убирать палатки, а оставить их на месте, с собой взять только медикаменты, инструменты, бельё и перевязочные средства. «Несмотря на самые энергичные меры, посадка раненых могла окончиться не ранее 10 часов, и только после того, как удостоверились, что все раненые забраны с мест расположения перевязочных пунктов, транспорты двинулись совершенно в темноте по направлению к Порадиму». Дорога была запружена войсками и артиллерией, что в темноте создавало беспорядок, а также увеличивало страх попасть в руки турок. Корпусный врач Радаков стал вооружать врачей и санитаров ружьями, взятыми у раненых, чтобы сформировать прикрытия для транспорта⁴⁸. Утром следующего дня собранные из Радишево «болгары с помощью нижних чинов и под их наблюдением разобрали раненых, которых разместили частью на каруцах, а частью на импровизированных носилках из шинели, циновки и простыней», и двинулись на Порадим, а затем на Болгарене⁴⁹.

В отряде генерал-лейтенанта Н.Н. Вельяминова, командира 31-й пехотной дивизии (правый фланг), находились главный хирург армии Кадацкий и профессор Склифосовский с ассистентом Таубером, отряд уполномоченного Красного Креста Исакова, хирург Кёхер, медицинский персонал дивизионных лазаретов 5-й, 30-й и 31-й дивизий и врачи военных частей, входивших в состав отряда. Склифосовский сначала разделил всех врачей на три группы: оперирующих у двух операционных столов, гипсующих и перевязывающих, а затем прибавил еще четвертую группу — сортирующих. После артиллерийской подготовки началась атака Гривицкого редута, и раненые стали прибывать массами: разделение врачей на группы оказалось несостоятельным. Врачи работали «на просторстве, заваленном ранеными». «К исходу дня, — писал Склифосовский, — палатки были переполнены ранеными, раненые лежали вокруг палаток на земле, заняв огромную площадь. Тут лежало более 2000 человек. Стоны, говор тысячи голосов, суeta измученной прислуги — всё это в ночной темноте производило своеобразный гул, который мог бы огласить огромное пространство, если бы непрерывный треск ружейного огня не заглушал его. При мне находилось пять или шесть измученных врачей; выбившаяся из сил прислуга, видимо, уклонялась от работы. Что оставалось предпринять среди такого хаоса? <...> Я занялся исключительно сортировкой раненых, но дело продвигалось медленно, в темноте, при свете одного тусклого фонаря и почти без прислуги»⁵⁰. «Врачи с фельдшерами, не разгибаясь, на коленях, спешно перевязывали раненых; но в 9 часов вечера командир IX корпуса приказал погасить фонари, так как ружейная перестрелка приближалась к перевязочному пункту, а наша цепь отступала. Приказание это было равносильным прекратить всякую работу, между тем именно в это время деятельность врачей была самой настоящей». Поэтому, укрыв несколько фонарей, они продолжали работать, несмотря на близкую опасность. В 11 часов ночи подъехал к перевязочному пункту полевой хирург Кёхер, состоявший при корпусном штабе, и лично передал дивизионному врачу 5-й дивизии Дылевскому от имени генерал-лейтенанта барона Криденера приказание немедленно сниматься с ранеными и направиться

к Болгарене, куда двигаются и войска. В 12 часов ночи были подобраны все раненые и после окончательного осмотра места, бывшего под перевязочными пунктами, направились около часа ночи в Болгарене. Подвод оказалось мало, многим раненым пришлось идти пешком, а легкораненые стали уходить еще раньше толпами⁵¹.

В обоих отрядах из мест сражения было вывезено до 4 тыс. человек. Трудно определить точное число раненых, так как для записей и ведения санитарных книжек не хватало времени. К тому же легкораненые часто уходили, минуя все лечебные пункты. В то же время немалое число тяжелораненых, с наступлением темноты оставшихся не вынесенными с поля сражения под Гривицким и другими редутами, сделались добычей башибузуков. Но доктора и весь медперсонал трудились самоотверженно и без усталости. 21 июля великий князь Николай Николаевич посетил в Болгарене лазарет 5-й пехотной дивизии. Обойдя все шатры и осмотрев раненых, главнокомандующий несколько раз благодарил медиков за их деятельность. («Врачи в эту войну стоят на высоте своего призвания»⁵².)

Всего на перевязочных пунктах работали 20 хирургов, 47 врачей, 174 фельдшера, 1590 носильщиков. Было сделано 669 операций, наложено 1424 гипсовых повязок, из них сложных — 176⁵³.

Рано утром 19 августа турецкие войска под общим командованием Осман-паши (19 таборов, три артиллерийские батареи, 8 эскадронов, всего около 10–11 тыс. человек) вышли из Плевны со стороны Радишево, сбили аванпосты русских и повели наступление на позиции у Сгалевицы и Пелишат, обороняемые 14 батальонами IV армейского корпуса. Сражение было ожесточенным: укрепления у с. Пелешат несколько раз переходили из рук в руки. Отбившим все атаки русским войскам не удалось развить контрнаступление из-за недостатка кавалерии. В 16 часов турки ретировались.

Медицинская помощь во время сражения оказывалась, прежде всего, в подвижном лазарете 30-й дивизии, который располагался между Сгалевицей и Порадимом, недалеко от поля битвы, и являлся главным перевязочным пунктом, а также в лазарете 16-й дивизии, стоявшем позади с. Порадима. В них рабо-

тали 8 хирургов, 23 врача, два студента медико-хирургической академии, 90 фельдшеров, 573 носильщиков и служителей. Была сделана 131 операция, наложены 77 гипсовых повязок. Шатры в обоих лазаретах были переполнены, и раненых пришлось укладывать на землю, на солому, под открытым небом, но благодаря хорошей погоде подобное размещение не отразилось на ранах. В последующие дни раненые были транспортированы в военно-временные госпитали⁵⁴.

Студент Бехтерев, прибывший на поле боя 20 августа, записал свои воспоминания, которые считаем важным привести полностью: «На войне не одни только стонущие раненые, протирающие свои руки за помощью, часто, увы, бесполезной, надрывают душу ухаживающего врачебного персонала, но и убитые. Как сейчас помню впервые поразившую меня картину осмотра трупов после бывшего сражения (при Порадиме). Представьте себе разложенными на земле плечо к плечу трупы убитых в одну ширину на протяжении многих сотен сажен. Прежде, чем их схоронить, врачу приходится удостовериться, что дело идёт о действительно убитых, а не обмерших из числа тяжелораненых. И вот вы переходите от одного трупа к другому, беря каждый труп за руку, чтобы убедиться в холоде смерти и проследить, имеется ли пульс, прислушиваетесь к его дыханию, открываете веки, чтобы убедиться, что взор уже потух навеки. Вы невольно при этом всматриваетесь в черты его лица, отражающие последние страдания, и пред вами проносится картина не только этих страданий, но и того безысходного горя, о котором его семья еще не знает, но оно уже повисло над её головой и, быть может, неизбежно связано с её гибелью. Да и скоро ли семье станет известным, что близкого ее уже не стало? Долго ли она будет еще жить иллюзией обманчивой надежды, и, когда, наконец, эта надежда превратится в бесконечный давящий мрак скорби. Все эти мысли невольно приходят в голову при осмотре этой длинной вереницы мёртвых тел, часто без всякой возможности даже узнать об их имени. (Имя и фамилия солдата тогда почему-то клеймились на его верхней одежде, так что, если раненный солдат сбрасывал с себя верхнюю одежду, чтобы быть облегчённым в пути, и затем умирал на перевязочном

пункте, то об его имени после смерти даже не было возможности узнать, он входил лишь в общий итог выбывших из строя убитыми.) В результате душевное подавление, вызванное этой процедурой осмотра достигает такой степени, что нет никакой возможности выдержать его до конца, и поневоле весь осмотр затем обращается в одну формальность. Да и вас торопят, ибо для трупов уже вырыты глубокие и просторные братские могилы, в которые их будут тотчас же складывать под номерами, как поленицу дров, в несколько перекрещивающихся рядов один над другим; уже ждёт вас церковный притч, чтобы пропеть над погибшими погребальные песнопения и “вечную память”, и уже стоят в ожидании приказа живые товарищи погибших с лопатами, чтобы засыпать их землёй и возвести холм над их братской могилой»⁵⁵. Потери убитыми и ранеными у русских составляли 1027 (по другим данным — 1350) чел., из них 43 офицера⁵⁶ (635 раненых, из них смертельно — 40 чел.⁵⁷).

После того, как защитники Шипки отбили атаки Сулейман-паши, главнокомандующий решил произвести штурм Ловчи, а потом Плевны⁵⁸. К Ловче были стянуты войска (25,5 батальонов, 13 эскадронов и сотен, 92 пеших и 6 конных орудий — около 20 000 штыков и около 1500 сабель⁵⁹), командование которыми доверили генерал-майору князю А.К. Имеретинскому. 22 августа Ловча была взята после 12-часового боя, несмотря на упорное сопротивление неприятеля, занимавшего естественно неприступную и прекрасно укрепленную позицию. Потери были значительны: 1516 человек убитыми и ранеными⁶⁰ (по другим данным: 46 офицеров и 1637 нижних чинов⁶¹).

С огромным напряжением работали врачи. С отрядом находился один только дивизионный лазарет 2-й пехотной дивизии. Ближайшие военно-временные госпитали размещались в 70–80 верстах от Ловчи. Город Сельви поэтому был выбран для размещения раненых, но на короткое время. Организованный в домах местных жителей временный госпиталь мог принять и обеспечить питанием примерно 1500 раненых*. Для их транспорти-

* В г. Сельви было найдено помещение на 200 человек тяжелораненых (с бельём и кроватями); 1000 чел. разместили по домам с продовольствием сроком на 10–20 дней и 500 чел. на неопределенное время (Военно-медицинский отчёт... С. 296).

ровки с главного перевязочного пункта от полков и артиллерии потребовали все провиантские фургоны (80 шт.), а из болгарских окрестных сёл забрали до 3000 воловых подвод. Перевозка раненых с поля сражения осуществлялась на 29 лазаретных линейках. Передовые перевязочные пункты были размещены на флангах отряда, а в 3 км от них, у фонтана близ шоссе, дивизионный лазарет 2-й пехотной дивизии развернул главный перевязочный пункт. За войсками двигались передовые перевязочные пункты, так что в конце сражения расстояние между ними и главным перевязочным пунктом увеличилось до 10 верст. В самом лазарете остались 4 врача и 9 фельдшеров. После сражения отрядный врач Сущинский собрал весь медицинский персонал и распорядился, чтобы каждый врач при двух фельдшерах, с санитарями и 15 фургонами немедленно направлялся в разные места сражения, чтобы подобрать с поля боя (почти 15 квадратных верст*) оставшихся на нем раненых и оказать им помощь. Таким образом образовалось до 10 отдельных передвижных пунктов. Раненых приходилось разыскивать с фонарями, но только к вечеру следующего дня они были подобраны, наскоро перевязаны и транспортированы в Сельви. Поступил приказ, чтобы лазарет закончил свое дело к 6 часам вечера 23 августа и немедленно двинулся с отрядом к Плевне. «В виду всех этих соображений о санитарной отчетности и сложных хирургических операциях нельзя было и думать, даже гипсовые повязки можно было наложить лишь немногим. На всю хирургическую помощь 1166 раненым лазарет имел всего 1,5 дня»⁶².

К концу августа у Плевны было сосредоточено русских войск около 46500 штыков, 5600 сабель при 316 орудиях, в союзных румынских войсках состояло около 29000 штыков, 3600 сабель и 108 орудий. Всего в Западном отряде было 75500 штыков, 8600 сабель при 424 орудиях⁶³. Войска Осман-паши насчитывали 43000 человек при 70 орудиях. После четырехдневной артиллерийской подготовки штурм укреплений Плевны был назначен на 30 августа.

Битва за Плевну, которая за отсутствием единоначалия и общего руководства, распалась на три отдельные сражения: лобовая

* 1 верста = 1,0668 км.

атака на центр турецких позиций была отбита, на правом фланге был взят Гривицкий редут № 1, а захваченные генерал-майором М.Д. Скобелевым редуты на Зеленых горах пришлось отдать туркам, которые 31 августа обрушили все свои силы на русских воинов, не получивших от своего командования резервов.

За время сражения с 26 по 31 августа русские войска потеряли: 297 офицеров и 12471 нижних чинов (войска генералов князя Имеретинского и Скобелева понесли убыль в 65%⁶⁴); румынские войска — до 3000 человек. Турки лишились до 3000 человек. Русские взяли в Гривицком редуте № 1 три орудия и одно знамя и потеряли в Скобелевском редуте № 1 три орудия⁶⁵.

Ошибки в деле оказания первой медицинской помощи и призрачения раненых под Плевной 18 июля побудили русское командование к составлению предварительного плана устройства и расположения передовых и главных перевязочных пунктов, а также к обеспечению эвакуации и увеличению количества военно-временных госпиталей, расположенных по маршруту транспортировки раненых. Были открыты военно-временный госпиталь № 63 у Булгарене, отстоявший от позиций на 20 верст, затем, через 30 верст, — у Горного Студня, в Систове и Зимнице — еще три военно-временных госпиталя и четыре от различных благотворительных обществ.

При выборе места размещения главных перевязочных пунктов, функции которых выполняли передвижные дивизионные лазареты, на первый план было поставлено обеспечение раненых водой и перевозочными средствами для доставки их в военно-временные госпитали. К персоналу врачей пяти дивизионных лазаретов, состав которых был определен законом, были присоединены профессора хирургии: Склифосовский, Корженевский, Бергман, Грубе, Левшин, Каде, Пелехин с их ассистентами, санитарные отряды Красного Креста с богатым перевязочным материалом, с запасами вещей, белья, вина и проч., туда же были направлены сестры милосердия, студенты и студентки⁶⁶.

Лазарет 2-й пехотной дивизии с 29 августа находился в боготском овраге, 31 августа он отступил вместе с войсками за с. Богот, а 1 сентября получил приказ отойти к Сгалевице, что смог выполнить только 4 сентября. В лазарете работали 7 врачей, 2 сестры

милосердия, 4 студента, а раненых поступило 2898 чел. Из-за малочисленности врачебного персонала у большинства легко-раненых перевязки, наложенные на передовых пунктах, оставались без перемены. Не хватало всего, а при вынужденном передвижении — перевозочных средств. Доставка раненых с поля сражения и с передовых перевязочных пунктов в лазарет (помимо носильщиков до 500 чел.) производилась в линейках, как самого лазарета (29 шт.), так и войск. Красный Крест доставил еще 10 линеек. Казаки, посланные по окрестным сёлам, смогли собрать не более 100 каруц, на которых можно было отправить самое незначительное число раненых. Лазарет эвакуировал в военно-временный госпиталь № 63 всего 1208 чел. 1616 раненых ушли в Булгарене пешком, 74 чел. умерли в лазарете⁶⁷.

Подвижной лазарет 16-й дивизии располагался у Тученицы рядом с водой — чешмой (3 врача, 4 ординатора, окончившая Женские медицинские курсы при Военно-медицинской академии С.И. Больбот, отряд студента Рыжова (7 человек), профессор Бергман с двумя ассистентами и 14 сестрами милосердия на 2208 раненых). Лазарет сразу приступил к немедленной эвакуации раненых: первый транспорт в 15 час. вывез 190 раненых (с врачом Дианиным) в госпиталь № 63, в 18 час. второй обоз увёз еще 176 чел. (с врачом Горбачевским). На следующий день с утра было отправлено 900 чел. (с врачом Альбертом), вечером еще 261 чел. (с врачом Ольшевским). 2 сентября были транспортированы последние 659 раненых. Остальным пришлось идти пешком, в лазарете осталось 9 чел. безнадежных⁶⁸.

Подвижной лазарет 5-й дивизии раскинул свои шатры недалеко от Сгалевицы. Несмотря на то, что сюда были присланы профессора Пелехин и Новацкий со своими ассистентами, летучий отряд Общества Красного Креста*, врач пешего конвоя

* По соглашению с военно-медицинским инспектором и с разрешения главнокомандующего был снаряжен и выслан в Плевну особый летучий перевязочный отряд под руководством уполномоченного графа А.Э. Сиверса. Отряд состоял из врачей Черепнина и Беляева, студентов 5-го курса Игнатьева, Попова и Засимовского, фельдшерниц Дамского лазаретного комитета Яковлевой и Поляковой и Св.Троицкой общины Давыдовой 1-й и 2-й, Бочаровой и Малыгиной и сестры Свято-Троицкой общины Збухиревой. При отряде находились две большие рессорные лазаретные фуры, 9 подвод с приспособлениями инженера А.С. Завадовского [веревочная система для телег и возов для перевозки больных и раненых воинов] и пять ослов

Главной квартиры Фанъюнг, фельдшер из канцелярии полевого медицинского управления, докторá Каде и Конради, врачей тем не менее не хватало. К тому же два врача (Корнилович и Квицинский) находились с лазаретными линейками на поле битвы, и двое (Круковский и Сементовский) по болезни убыли из лазарета. Дивизионный врач Дылевский пригласил также для помощи врачей 13-го подвижного артиллерийского парка Рубиновича и 4-го запасного батальона Змиградского. Ветеринарный врач 13-го артиллерийского парка Гофман сам явился в лазарет и помогал делать перевязки. Профессор Боткин и лейб-хирург Обермиллер неоднократно посещали этот лазарет, а также многие генералы из свиты Александра II и главнокомандующего. Из 1048 раненых, поступивших в лазарет, 995 были отправлены в госпиталь, 50 — в свои части, а трое умерли на месте⁶⁹.

Подвижной лазарет 30-й дивизии остановился у дороги между Пелишатом и Тученицей. В день штурма сюда поступали раненые преимущественно из пехотных 2-й и 16-й дивизий и 3-й стрелковой бригады. 30 августа врачебный персонал состоял из следующих лиц: главный врач Гриценко, два старших и два младших ординатора, профессор Пелехин, доцент Попов, врач Красного Креста Черепнин и главный хирург Кадацкий, шесть студентов академии (Гопадзе, Семенов, Панютин, Крейтон, Витте и Березкин), сестра милосердия, девять фельдшеров, четыре фельдшерицы и 60 человек санитаров и служителей. В течение двух дней (30–31 августа) в лазарет доставили 1730 раненых⁷⁰.

В подвижном лазарете 31-й дивизии, располагавшемся в день штурма у радишевских батарей, работали, помимо главного врача Архангельского, два штатных ординатора, профессора Корженевский и Грубе, прозектор анатомии Парижского медицинского факультета* Булле с помощником, доктор Беренс и три врача

с вьюками для перевозки воды и вина; перевязочных средств было взято на 1000 человек (запас этот оказался достаточный на гораздо большее число раненых), 300 перемен белья, много вина, коньяку, чаю, сахару и табаку. Отряд возвратился в Зимницу 5 сентября. Об этом сообщалось в «Отношении главноуполномоченного в Румынии П.А. Рихтера от 15 сентября 1877 г.», которое было опубликовано в журнале «Вестник народной помощи» (1877. № 18. С. 5).

* Медицинский факультет Парижского университета являлся частью Парижского университета с 1794 г. и начинал свою историю от медицинского факультета Парижа, основанного около 1200 г. В 1794 г была создана Парижская школа здравооо-

евангелической больницы, находившейся в Систове. Благодаря относительно небольшому числу раненых (1149 чел.), сравнительно с другими лазаретами, врачебная помощь шла успешно, раненые по мере возможности транспортировались в Болгарене⁷¹.

Следует сказать, что проблемы у всех подвижных лазаретов были примерно одинаковыми. При огромном числе раненых с началом и во время сражения медицинского персонала не хватало, все медики работали до изнеможения. Так, В.М. Бехтерев, находившийся в отряде студента Рыжова, писал, что несмотря на все «капитальные приготовления к помощи раненым, не оставляющие желать ничего лучшего, <...> врачебных сил оказалось не вполне достаточно ввиду того количества раненых, какое нас ожидало под Плевной, — обстоятельство неустрашимое на войне, где никакой расчёт не может быть верным»⁷².

Шатров и палаток также не хватало, они были набиты битком, нередко раненые устраивали в них давку, прячась от непогоды. Раненых приходилось раскладывать вокруг шатров под открытым небом на мокрой земле, чуть ли не в грязь, хорошо, если вовремя находились сено и солома, на которые можно было положить страждущих и прикрыть их. Многократно усиливала бедствие разбушевавшаяся стихия — холодный ветер и дождь, из-за которых палатки и шатры наполнялись влагой, начинали течь... Всего под Плевной получили медицинскую помощь 9979 чел.⁷³.

Профессор Бергман из Дерптского университета прибыл в Тученицу 28 августа с богатым запасом перевязочного материала, которым его снабдил дерптский дамский комитет. В селении проживали турки, не отличавшиеся от болгар, по мнению профессора, ни обликом, ни домашней обстановкой. Они послушно исполняли приказания врачей, приносили яйца и кур, поставляли фуры для перевозки раненых. До сражения 30 августа в главном перевязочном пункте лазарета 16-й дивизии все были уверены, что врачебного персонала было много, а перевязочный запас — просто громадный. С 15 часов сюда начали

ранения, взявшая на себя функции медицинского факультета бывшего Парижского университета, в которой шла подготовка будущих хирургов для армий Французской Республики. В 1808 г. она стала называться «Парижский медицинский факультет» (Faculté de Médecine de Paris).

прибывать фуры с ранеными, одна за другой. К вечеру здесь собралось около 2000 чел. «Сначала руки, было, опустились, но затем все энергически принялись за работу», — рассказывал Бехтерев. Прежде всего необходимо было дать кров раненым, а в наличии имелось всего семь палаток, рассчитанных на 200 человек, по 25–30 человек на каждую. День был дождливый, кругом палаток грязь стояла непролазная. Поневоле пришлось поместить около 100 человек в палатку, они лежали вповалку; не оставалось свободного пространства для прохода врачам, но «всё-таки эти раненые были в счастливейшем положении». Прибывавших затем раненых укладывали в фургоны и телеги, на которых они были привезены, устроили навес, и тем не менее около тысячи человек оставались под открытым небом, занимающая всё пространство до д. Тученицы, находившейся в саженях 100 (213 м) от перевязочного пункта. Для них была положена только солома. «Но вы представьте весь ужас положения и врача, которому приходится быть бесполезным в данном случае, и раненых, которым приходится лежать во время холодной ночи на грязной земле, слегка покрытой соломой, почти без всякого покрова (благо, у кого есть шинель или сюртук, а другой оставил на поле сражения последнюю сорочку). А тут еще дождь хлещет чуть ли не ливнем, вы ходите вокруг больных с фонарем как шальной, шатаясь из стороны в сторону по непролазной грязи, и не знаете, что делать. Один скрежещет зубами, другого бьёт сильная лихорадка, и он с силой стискивает челюсти. Кругом вас стон и крик от голода», холода и ран. Бехтерев вспоминал: «Сердце разрывается на части при виде этой ужасной картины. Подбегаешь к одному, к другому, к третьему, забываешь всякий отдых, делаешь всё, что можешь, и всё-таки чувствуешь себя бессильным уменьшить страдания несчастных хоть наполовину, что приводит человека в крайнее раздражение»⁷⁴.

Профессор Бергман сравнивал обстановку в клинической аудитории, где «всякий присутствующий следит, притаив дыхание, за движением ампутационного ножа», и на перевязочном пункте, где «вокруг тебя со всех сторон вопли, стоны, страшные крики. Тут ворчит и ругается легкораненый, там умирающий молится, другой уже хрипит, и сестра милосердия смачивает

ему иссохшие губы; священник читает отходную над окровавленным телом, и посреди всего этого наш операционный стол!» «Какое, однако, благодеяние дано человечеству в хлороформе: ведь между всеми страждущими тут один тот, кого оперируют, спит ровным, спокойным сном, спит еще долго после операции». Врачи не жалели хлороформа, применяли его не только при больших операциях, но и при извлечении пуль, наложении болезненных повязок на переломы. Около операционного стола Бергман устроил из сундуков еще три места для наложения гипсовых повязок (одно для верхних конечностей, другое для колен, третье для бёдер). При каждом состоял доктор с ассистентами и с крестовоздвиженскими сестрами. Профессор имел возможность окидывать взглядом все три места и в промежутках между операциями подходить «туда пособлять». Впоследствии он писал: «Это распределение работ дало нам возможность в течение 30 и 31 августа доставить первую, важнейшую помощь 3400 раненым. С тех пор имел я случай видеть многих мною записованных и убедиться на деле, что работа наша была не напрасна»⁷⁵.

К утру 31 августа подоспели новые фуры, на которых привезли еще около 1000 раненых. К счастью, на следующий день вышло солнце, и их можно было свободно помещать на открытом воздухе. На перевязочном пункте устроили кухню, сложив очаг. Мясо, капусту и хлеб доставило интендантство. Кипели исполинские самовары, в чай добавляли ром, затем, когда он закончился, водку и вино. Лазаретная посуда была рассчитана на сотни людей, а кормить приходилось тысячи. Первые раненые прибыли на госпитальных повозках, а потом жандармы поехали отыскивать повозки по окрестностям. «Какое счастье, что у нас были одеяла, и Рыжов тоже снабдил нас, это дало возможность прикрыть наших раненых, которые большей частью растеряли свои шинели»⁷⁶.

Бехтерев сообщал, что через его перевязочный пункт прошло около 3000 человек (согласно официальной статистике, как указывалось выше, — 2208 раненых). Благодаря неустойчивости и усердию врачебного персонала за три дня все раненые были транспортированы в госпиталь «в самом лучшем виде». «Все случаи для ампутаций были оперированы; все случаи для гип-

сования были загипсованы. На всех были наложены лучшие повязки благодаря богатству хорошего перевязочного материала, имевшегося в большом запасе как у профессора Бергмана, так и у г. Рыжова»⁷⁷.

Профессор Бергман дал очень высокую оценку студентам отряда Рыжова: «Я видел, как эти молодые люди, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, работали искусно, ретиво, с величайшей готовностью, не уклоняясь ни от какой, даже самой черной работы, исполняя все мои поручения добросовестно и без противоречия. Желаю только всем молодым дерптским друзьям своим иметь в подобных случаях таких же добрых и искусных помощников и свидетельствую, что страна, имеющая таких студентов, может сквозь смуты спокойно взирать на будущее: оно обеспечено той горячностью и энергией труда, какие мы встречаем в нашем юношестве»⁷⁸.

Пройдя через подобные испытания, Бехтерев обратился к сторонникам войны: «Пусть те, кто более всех настаивали на войне и кричали о ней из своих кабинетов, придут сюда и взглянут на эти тысячи несчастных, которые с замечательной покорностью судьбе, без всякого ропота и упреков кому-либо, переносят адские муки (а многие ли из них понимают, за что они терпят, страдают и мучаются!). Пусть послушают они этот стон, разрывающий душу, этот предсмертный лепет и последний вздох, вызывающий слёзы на глазах у самого крепкого человека! Неужели у них не содрогнётся сердце, не заслезятся глаза при виде умирающего, который просит только не оставить без присмотра, без помощи его жену и малолетних детей, забывая себя и свою участь!»⁷⁹.

Лейб-медик императора С.П. Боткин так описывал те страшные дни: «Медицинский персонал с бледными, измученными лицами продолжал работать; ни одного не видал без дела, все копошились. Перевязочные пункты представляют тяжелое зрелище: это не те умытые, переодетые, перевязанные раненые, которых встречаешь в госпитале, — нет, тут кровь льется ручьями, бельё как будто из красной материи сшито; врачи все в крови, в гипсе. Больные стонут и просят то пить, то перевязки. Тяжелая картина!»⁸⁰.

П.М. Гудим-Левкович, кавалерийский офицер, ординарец при генерал-лейтенанте П.Д. Зотове, рассказывая о работе подвижных лазаретов, задумывался о мире: «Палатки были битком набиты теми ранеными, которым представлялась еще возможность оказать какую-либо помощь: им отрезали изуродованные члены, пилили кости, извлекали пули и т.п., причём слышались страшные стоны, сливавшиеся в непрерывный почти гул. Масса раненых разложена была вплотную в несколько длинных параллельных рядов на мокрой земле без какой бы то ни было подстилки. Тут большинство состояло из “безнадёжных”, то есть таких, которым никакие операции не помогут, но были также и такие, для которых не хватало места в палатках. От стонов этих несчастных стоял какой-то непередаваемый словами гул, смешанный с храпением, захлёбыванием кровью, скопившейся в горле, и каким-то невнятным бормотанием, ещё более ужасающим, чем громкие крики оперируемых. Запах крови и пота был здесь до невыносимости удушливый, чему способствовали туман, усиливший испарение, и совершенная неподвижность воздуха, от чего испарения эти висели над рядами тел неподвижной тучей. Картины, изображающие последствия международных боен, производят потрясающее впечатление видом изуродованных человеческих тел, оторванных снарядами членов и т. п., но на картине не могут быть воспроизведены ни стон страдальцев, ни запах истекающей из них крови, почему мне кажется, что непосредственное участие в ужасах войны может послужить наиболее убедительной проповедью в пользу мира»⁸¹.

С перевязочных пунктов раненые перевозились сначала в ближайший военно-временный госпиталь № 63, который из Зимницы перебазировался в Болгаренскую долину в с. Дервьешки, за мост на р. Осме (у с. Болгарене). Здесь были разбиты 37 шатров, но и их вскоре не хватило, так что пришлось укладывать раненых прямо на земле под открытым небом. Медицинский персонал, вместе со студентами и слушательницами женских врачебных курсов, доходил до 20 человек. Профессор Склифосовский как и при второй Плевне попытался разделить врачей на три группы — сортирующих, оперирующих и гипсующих, но и в этот раз ничего не получилось. Сортирующим было не

по силам вести различные записи санитарной отчетности. Для этой работы были собраны все, кто мог писать, даже священника с псаломщиком пригласили. Гипсующие также не справлялись со своей работой из-за огромного скопления раненых. В течение двух недель через этот госпиталь прошло около 10000 раненых. Не хватало рабочих рук не только для переноски раненых, но и для раздачи пищи, а также самой посуды. 2 сентября перед посещением госпиталя Александром II министр императорского двора граф А.В. Адлерберг и некоторые другие генералы, приехавшие сюда во время раздачи пищи, слыша жалобы раненых на голод, пожелали помочь госпиталю личным трудом, сами начали наливать пищу из разносных ведер и подавать раненым. Но затем были обречены на продолжительное бездействие, пока раненые не съедят содержимое чашек. Таким образом, генералы практически убедились, что в данном случае существовал не только крайний недостаток рабочих рук, но и посуды, отмечал главный врач А.Н. Аменитский. Затем приехал император и осмотрел госпиталь. Много раненых за неимением помещения лежали всё еще на большой площади между кухней и шатрами. «Картина была очень печальная и неблагоприятная для впечатления», но монарх выразил медикам свою благодарность за уход за ранеными. Высочайшая благодарность была принята персоналом с восторгом и придавала энергию неутомимым работникам, подчеркивал Аменитский⁸².

Неоценимую помощь во время сражений под Плевной оказал Красный Крест как своим медицинским персоналом, так и медикаментами, бельем, одеждой, продуктами, перевозочными средствами. Сам главноуполномоченный князь В.А. Черкасский руководил вывозом раненых (638 чел.) из-под огня в лазареты 2-й и 30-й дивизий, предоставив 18 венских карет (эти кареты были специально заказаны в Вене)⁸³. Красный Крест организовал четыре питательных пункта: в Порадимае, Болгарене, Систове и близ дунайского моста. С 26 августа по 5 сентября в Болгарене были накормлены 218 раненых офицеров и 9200 нижних чинов. Военно-временный госпиталь № 63, рассчитанный на 630 чел., не справился бы с этой задачей, подчеркивал в своем отчете князь Черкасский⁸⁴.

В Систове к оказанию медицинской помощи подключился летучий отряд Красного Креста в составе 80 чел., в том числе 8 врачей, который был организован согласно воле императрицы Марии Александровны и послан на Балканы вслед за гвардией «в помощь военно-медицинским силам». Он был соединён с этапным лазаретом имени цесаревны и поручен одному и тому же уполномоченному А.С. Петлину. Летучий отряд был снабжён запряженными повозками, верховыми лошадьми, шатрами и всевозможными медикаментами и перевязочными материалами для содействия войсковым перевязочным пунктам во время сражения, а также для лечения 30 больных и раненых.

В конце августа, переправившись через Дунай, его медицинский персонал немедленно подключился к работе военновременного госпиталя № 50, поскольку наплыв раненых после третьей Плевны был огромным, а в помещениях госпиталя, разбросанных по всему Систову, оставались раненые после предыдущих сражений. Врачам и сестрам милосердия пришлось «перевязывать транспорты в 2–3 тыс. человек, то лагая с одной повозки на другую, то переходя на коленках от одного раненого к другому, работая и под палящим солнцем на берегу Дуная, и под дождем в слякоти систовских улиц»⁸⁵. Нашлось немало раненых, нуждавшихся в наложении сложных повязок и в серьезной оперативной помощи. Один из домов был немедленно очищен, на его балконе устроили операционную залу, комнаты были обращены в палаты с кроватями, где помещались оперированные. Запас перевязочных средств, белья, вина и проч. дал возможность обставить больных надлежащим образом. Каждое утро, начиная с 8 час., делали три-четыре больших операции под наркозом, сообщал главный врач этапного лазарета доктор медицины А.А. Ген⁸⁶.

Эвакуация из-под Плевны продолжалась до 4 сентября. Бесконечная вереница повозок с ранеными направлялась к Зимнице, где также возникли затруднения и беспорядки. 5 сентября заведовавший хозяйственной частью расположенных здесь госпиталей генерал Штольценвальд телеграфировал военно-медицинскому инспектору В.И. Приселкову в Горный Студень: «В Зимнице в госпитале № 47 и 58 на 1250 мест 6102 раненых и

больных; отсюда крайний недостаток палаток, белья, посуды и прочего; беспорядочность продовольствия и ухода»⁸⁷.

«Правда, что санитарная часть наша в нынешнюю войну оставляет желать немало лучшего, именно относительно чрезвычайного переполнения госпиталей, относительно жалкого состояния эвакуационной системы и отделения заболевших от раненых, которое невозможно осуществить за недостатком места», — констатировал профессор Бергман. Он сравнил дело попечения о раненых на перевязочных пунктах в 1877 г. с недавним прошлым в России, а также со сражением при Кенигсгреце* во время австро-прусской войны 1866 г., в котором он принимал участие как врач, заявляя, что тогда проходило несколько дней прежде, чем оказывалась «самая нужнейшая помощь» раненым. Профессор подчеркивал, что только «в исключительных случаях переломы костей снимались у нас с перевязочного пункта без крепкой надежной перевязки. Успехи, достигнутые в этом реформами новейшего времени в военной санитарной части, замечательны по своей важности»⁸⁸.

После летних неудач русское командование отказалось от новых штурмов Плевны и приняло решение блокировать войско Осман-паши, для чего следовало овладеть турецкими укреплениями, расположенными на софийском шоссе. Это дело поручили подошедшему из России на Балканы Гвардейскому корпусу. Генерал-адъютант И.В. Гурко назначил для атаки на Горный Дубняк 20 батальонов (15613 штыков), 17 эскадронов и сотен при 48 орудиях с резервом в 12 батальонов (9476 штыков) и с 32-мя орудиями. Горный Дубняк обороняли 6 турецких батальонов (3600 штыков)⁸⁹. Согласно диспозиции на 12 октября, л.-гв. Егерский полк с его артиллерией и 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и одной сотней (4 батальона — 3271 штык, 8 пеших орудий, 7 эскадронов, 6 конных орудий и одна сотня) под общим начальством полковника А.А. Челищева, командира л.-гв. Егерского полка, должен был атаковать турецкие укрепления у Телища, которые защищали 7 батальонов (4200 штыков) с тремя

* Сражение при Кенигсгреце (Кениггреце) или Садовой произошло 3 июля 1866 г. и было самым крупным в австро-прусской войне 1866 г. Австрийская армия вместе с союзными саксонскими войсками потеряла около 15 тыс. убитыми и ранеными, у пруссаков потери не превышали 9 тыс. чел.

орудиями. Правда, из-за отсутствия серьезной предварительной разведки Гурко был уверен, что в Телише всего лишь несколько рот пехоты, и с ними л.-гв. Егерский полк легко справится⁹⁰.

12 октября русские войска захватили большой редут при Горном Дубняке, но понесли значительные потери: убитыми — 3 штаб-офицера, 16 обер-офицеров и 851 нижних чинов; ранеными и контуженными — 3 генерала, 16 штаб-офицеров, 93 обер-офицера и 2496 нижних чинов; без вести пропавшими — 65 нижних чинов. Убыль составляла 32% общего числа офицеров и 18% нижних чинов⁹¹. Общие потери отряда полковника Челищева были: убитыми — 8 офицеров и 428 нижних чинов, ранеными и контуженными — 21 офицер и 480 нижних чинов⁹². В л.-гв. Егерском полку, которому пришлось отступить, общие потери составляли 57% офицеров и 42% нижних чинов.

В «Приказании войскам гвардии и кавалерии Западного отряда на 12 октября 1877 года» генерал Гурко распорядился, чтобы передовые перевязочные пункты в составе двух полковых врачей и половины ротных фельдшеров (8 человек) следовали за каждым наступающим полком. Главные перевязочные пункты надлежало развернуть в каждой из колонн с началом боя на расстоянии одной версты от передовой. Предписывалось создать центральный перевязочный пункт у Чирикова в шести верстах от главных перевязочных пунктов в качестве своеобразного сборно-сортировочного этапа, где должны были быть разбиты казачьи шатры Казачьего № 4 полка и собраны воловь подводы для транспортировки раненых с главных перевязочных пунктов. Здесь должен был находиться корпусный врач, которому придавалось по одному медику от дивизии и достаточное число фельдшеров, носильщиков и перевязочных средств⁹³. Ближайший военно-временный госпиталь № 69 находился в Боготе.

Организация медицинской помощи во время сражения 12 октября получила высокую оценку у военных врачей XX века А.С. Георгиевского З.В. Мицова. Исходя из приказа Гурко, они, в частности, отметили, новые прогрессивные и рациональные приемы и способы организации лечебно-эвакуационного обеспечения войск: «Во-первых, конкретное планирование лечебно-эвакуационного обеспечения предстоящего сражения, оформленное

в виде приказа начальника отряда; во-вторых, развертывание передовых и главных перевязочных пунктов не по территориальному принципу, как это предусматривалось официальными положениями, а по принадлежности к частям (соединениям); в-третьих, организация в непосредственной близости к полю сражения сборно-сортировочного этапа, который дополнил и завершил работу главных перевязочных пунктов по оказанию медицинской помощи раненым и обеспечил возможность их более планомерной дальнейшей эвакуации в военно-временные госпитали*»⁹⁴. Однако, судя по воспоминаниям офицеров и медицинского персонала, 12 октября были допущены серьезные упущения и недочёты, обернувшиеся лишними страданиями для раненых. Благодаря обнаруженным автором данного исследования отчету уполномоченного А.С. Петлина и отношению от 22 октября 1877 г. в Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах главноуполномоченного князя В.А. Черкасского становится ясна причина возникновения «очередной беды» при оказании помощи раненым.

11 октября Петлин получил приказ генерал-адъютанта Гурко, согласно которому два летучих санитарных отряда Красного Креста при Гвардейском корпусе должны были следовать за 2-й дивизией этого корпуса. В последний момент Гурко изменил свой прежний приказ, и дивизионные лазареты не были допущены в места боевого действия и были оставлены в Боготе, в 30 верстах от Горного Дубняка, где также находились третий летучий отряд Красного Креста, этапный госпиталь цесаревны и военно-временный госпиталь № 69. Такие меры были приняты из-за «опасности тыла для наших войск» и для «облегчения отступления на случай необходимости», сообщал Петлин⁹⁵. Данная информация о том, что «движение к Чирикову дивизионных лазаретов было приостановлено ввиду неполной уверенности в безопасности обратного пути на случай отступления», была подтверждена и князем Черкасским⁹⁶. Лазареты лишь выслали

* Авторы анализировали приказ генерал-адъютанта Гурко и имели в своем распоряжении «Военно-медицинский отчет...», в котором организация оказания помощи раненым во время сражения у Горного Дубняка освещена весьма необъективно и неполно.

отряд из двух врачей (один дивизионный), двух фельдшеров, роты носильщиков и трех легких фургонов с инструментами и перевязочными припасами⁹⁷.

Деятельность передовых перевязочных пунктов хорошо раскрывается на примере таковых л.-гв. Финляндского и Павловского полков. В начале сражения передовой перевязочный пункт л.-гв. Финляндского полка разместился в двух верстах от редута, у софийского шоссе; скоро его пришлось отодвинуть назад на ½ версты, так как до него стали долетать турецкие пули и появились случаи вторичного ранения. Из-за громадного числа раненых в полку, отсутствия перевозочных средств и значительного удаления главного перевязочного пункта многим раненым пришлось пробыть на передовом перевязочном пункте более суток. В записной книжке старшего полкового врача доктора медицины К. Недатса помещена следующая заметка: «Перевязочные места плохо устроены, нет никакого известия и сношения с дивизионным перевязочным местом*, куда нельзя и не на чем отправлять тяжелораненых, которые валялись около трех дней на поле, в холоду и без надлежащей оперативной помощи. Руки коченели от холода, ночной мороз довольно порядочный... На четвертый день после сражения солдаты моего полка и офицеры других частей: Московского, Измайловского и Гродненского гусарского полков жалуются, что нет никого для перевязок, другие сутки они не перевязываются, раны засохли, горят... умоляют их перевязать». Уборка раненых с поля сражения запаздывала, так как носильщики не могли всюду поспеть, а из перевозочных средств в л.-гв. Финляндском полку имелась лишь одна лазаретная линейка⁹⁸.

Передовой перевязочный пункт л.-гв. Павловского полка был открыт по указанию старшего врача доктора медицины Н.И. Уверского в полутора верстах позади боевой линии в кукурузном поле, недалеко от воды. Медицинский персонал полка состоял из 4 врачей, 15 ротных и медицинских фельдшеров, 120 человек санитаров, носильщиков и лазаретной прислуги, а средства для эвакуации раненых заключались в двух фурго-

* Врачи, вероятно, не знали, что их подвижной дивизионный лазарет был задержан в Боготе.

нах, запряженных четверкой, и 48 носилках. Полк был снабжен в изобилии перевязочными средствами*, Уверский посчитал нужным раздать офицерам перевязочные косынки, предварительно прочитав целую лекцию о перевязках различных ран. Необходимые медикаменты для первой помощи раненым имелись также в большом количестве. В аптечной одноколке возили коньяк, спирт, чай и бульон Либиха**. Всего на этот пункт было доставлено 268 раненых. Всем были наложены повязки, после чего легкораненые отправлялись пешком в с. Чириково, тяжело-раненые были перевезены в фургонах вечером. Из-за дефицита телег на самом пункте остались ночевать до 60 человек. Врачи Кондратьев и Браецкий с командой носильщиков при свете ручных фонарей обходили поле, поднимали и препроводили на пункт 40 человек. Доктор Уверский командировал врача Лебедева в большой редут для оказания помощи раненым, где тот провел всю ночь⁹⁹.

Подпоручик л.-гв. Саперного батальона М.Н. Соколович был ранен в ногу, но самостоятельно дошел до передового перевязочного пункта. «Работа там кипела», вспоминал он, то и дело приносили раненых, которым оказывали первую помощь, и, если были свободны носильщики, их сейчас же переправляли в Чириково. Фельдшер Павловского полка сделал подпоручику перевязку, и тот заночевал у стогов, где провели эту ночь более 100 раненых. Их поили чаем, укладывали на сено, сверху также прикрывали сеном, так как было холодно. Далеко за полночь по полю битвы всё еще ходили санитары, отыскивая раненых¹⁰⁰.

Уполномоченный Петлин по соглашению с врачом 2-й дивизии С.С. Васильевым организовал перевязочный пункт в 2,5 верстах от с. Горный Дубняк, рядом с дорогой и колодцем. В его распоряжение была предоставлена рота носильщиков с 50 носилками,

* Имелось 2 500 косынок (из которых 1 тыс. пожертвовала графиня Шувалова), 3 тыс. аршинов бинта, 100 аршинов марли, 16 полевых турникетов (длинная и относительно узкая полоска какого-либо материала, которая накладывается для временной остановки кровотечения из крупных кровеносных сосудов), несколько резиновых бинтов, взамен турникетов.

** Барон Ю.Фр. фон Либих (1803–1873), немецкий химик-органик, разработал метод промышленного производства концентрированного говяжьего экстракта (говяжьего бульонные кубики), который пользовался популярностью из-за возможности длительного хранения, удобства транспортировки и простоты использования.

с собой Петлин привез еще 25 носилок, поэтому он отправил 36 носилок на правый фланг, а сам с 39 носилками двинулся на левый фланг дивизии, где пришлось собирать раненых прямо с поля сражения. При этом был убит один санитар Павловского полка, другой ранен, сам Петлин благополучно отделался простреленной полою сюртука. Впоследствии из-за недостатка носилок раненых переносили на палатках и шинелях, прикрепленных к ружьям. Всего сюда поступили 680 чел.; их перевязали и к 2 час. ночи перевезли на подводах до Чирикова¹⁰¹.

В воспоминаниях доктора А.К. Гаусмана положение на этом перевязочном пункте не было столь отрадным, как его охарактеризовал Петлин. «Количество работы, — писал он, — далеко превосходило наличные врачебные силы*, и потому тщательно перевязывались только тяжелые ранения, а легкие только наскоро прикрывались»¹⁰². Студент А.И. Ядовин вспоминал, что сначала на перевязочном пункте записывали все сведения о раненых в выданные санитарные книжки, но «потом работы была такая масса», что не успевали перевязывать, «заниматься же письмоводительством при этом не было положительно никакой возможности»¹⁰³. Ядовин рассказал, что на перевязочный пункт доставили первого офицера с раненой рукой, у которого поверх нового сюртука была повязана белая косынка. Врач из отряда Красного Креста сказал студентам, бывшим в замешательстве, как поступить — резать ножницами одежду, не жалея ее: «Помните, что жизнь для раненого гораздо дороже новенького гвардейского сюртука! Тут нечего медлить, пока вы снимете платье!» Ядовин отмечал, что и потом в важных случаях приходилось разрезать ножницами не только грудь и спину мундиров, но и шитые золотом гвардейские воротники¹⁰⁴.

Около 16 час. среди раненых стали распространяться слухи, что кругом этого перевязочного пункта, в кустах, засели черке-

* В состав летучего отряда входили врачи Веймар, Янковский и Гаусман; студенты медико-хирургической академии Емельянов, Киприянов (впоследствии за переход через Балканы получил солдатского Георгия), Конопасевич, Гласко (тоже получившие Георгия) и Попов; студенты Санкт-Петербургского университета Титов и Ляндаггер, фельдшер Львов и четыре санитары, из которых «неимоверно трудился» Чехов. В этот список студентов Ядовин себя не включил. Петлин указывал, что в отряде было 9 студентов. Ядовин также свидетельствовал, что на этом перевязочном пункте работали еще 4 военных врача (Ядовин П.И. Под Горним Дубняком. Очерки и воспоминания: В память годовщины боя 12 октября 1877 г. Варшава, 1882. С. 19–20, 54).

сы и башибузуки, что гвардейцы отступают... Доктор Гаусман подчеркивал, что подобные настроения, в чём ему пришлось убедиться и позже, были обычным явлением на перевязочных пунктах, даже в самых удачных сражениях¹⁰⁵. Ядовин рассказал об этом инциденте более подробно. От генерала Гурко прискакал курьер с известием, что гвардейцы начинают отступать, что скоро начнут бить «отбой» и что Гурко приказал переправить всех раненых за р. Вид. «Стоны и крики раненых в это время усилились до невероятности». Врачи начали эвакуацию раненых, но подвод не хватало. Чтобы успокоить гвардейцев, врачи пошли на хитрость, объявив, что отправляют их за Вид, потому что там приготовлен обед. Но кто-то простонал «спасайтесь», и «вмиг масса двинулась по дороге, кто полз, кто шел, опираясь на палку, кто плёлся с раненой ногой, опираясь на ружье, телеги переполнялись массами искалеченных в этот день людей. Иные отстали и не могли двигаться дальше». Поздно вечером, когда летучий санитарный отряд с ранеными перебрался в Чириково, с быстротой молнии облетело всех радостное известие, что Горный Дубняк с его твердыней — большим редутом — взят¹⁰⁶.

Передовой перевязочный пункт л.-гв. Егерского полка был устроен в балке у с. Свинар. Полковые врачи А.А. Несслер, М.П. Фаворский, Фомин и Макроусов* при большом и быстром наплыве раненых выбивались из сил: всего здесь было перевязано 309 человек. Остальным была оказана помощь на перевязочных пунктах л.-гв. Гусарского и л.-гв. Драгунского полков. Повозки, назначенные для транспортировки раненых в Чириково, прибыли очень поздно в количестве всего 15 штук. «Очевидно, никто не рассчитывал, что под слабо укрепленным, защищаемым несколькими ротами Телишем мог разыгаться такой серьезный бой», — с грустной иронией замечал автор глав о русско-турецкой войне подполковник Е.И. Мартынов¹⁰⁷.

* За сражение под Телишем доктор Несслер был удостоен ордена св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом, врачи Фаворский, Фомин и Макроусов — ордена св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; за переход через Балканы доктор Несслер был награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом, врачи Фаворский и Макроусов — орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Фомин умер в Филлиппополе (Пловдиве) от тифа (История л.-гв. Егерского полка за сто лет. 1796—1896. Список офицерским чинам. С. 179. Приложение. СПб., 1896. С. 151, 155).

Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка Н.А. Зноско-Боровский описывал солдат во время и после сражения: «Страшен и грозен русский солдат в бою! Но надо его посмотреть за уборкой раненых. Как нянька обращается с малым дитятей, так он бережно перекладывает пострадавшего на носилки; легко действуют его загрубелые руки и нежно укладывают, поворачивают и перевязывают раненого»¹⁰⁸.

Студент-медик Ядовин писал, что раненых доставляли к Чирикову на подводах. Большая их часть состояла из болгарских каруц, крайне неудобных для перевозки по труднопроходимым дорогам Болгарии. Многие из тяжелораненых погибали в пути только из-за этих каруц и тяжелых условий перевозки. «Но что делать в таких случаях? Где найти все удобства среди всяких трудностей и неожиданностей, среди этого хаоса войны!»¹⁰⁹

Доктор Гаусман рассказывал, что «в Чирикове или лучше сказать на поле за Видом мы застали такую страшную картину страданий, притом беспомощных, что нужна была большая энергия для сохранения бодрости духа, особенно после тяжелой дневной работы. До 2 тыс. раненых лежали в довольно свежую ночь под открытым небом, на голой земле и молили о тепле и помощи»¹¹⁰.

Петлин в отчете, опубликованном 6 ноября, констатировал, что в течение двух дней в Чириково прибыло 2 865 раненых, которые в первый день перевязывались врачами летучего отряда при содействии врачей, подоспевших из 2-й дивизии, при этом употребляя перевязочные средства исключительно из запасов летучего отряда (пять повозок с перевязочными средствами, которых хватило даже на перевязки раненных пленных турок).

Петлин заблаговременно привез в Чириково и запасы продуктов, частью закупленные, а большей частью приобретенные у товарищества продовольствия армии под квитанции: 1820 хлебов, 155 пудов галет, 18 ведер вина, четыре четверти круп, пять пудов соли, девять пудов сахара, 30 фунтов чаю и 2 800 порций гороховых консервов и бульона, а также два быка, 48 баранов, 30 кур и 20 гусей. 13 октября на помощь Красному Кресту прибыли подвижной лазарет 2-й гв. дивизии и отряд профессора Бергмана с сестрами милосердия, 14 октября — подвижной лазарет 1-й гв. дивизии, а вечером 16 октября — 3-й гв. дивизии¹¹¹.

К Горному Дубняку из Систова добирался и отряд из 12 сестер милосердия Красного Креста, которых курировала принцесса Е.М. Ольденбургская, помощница императрицы Марии Александровны. В нем находилась сестра милосердия Петриченко, дочь офицера, воевавшего в Туркестане*. Но в Чириково были направлены только три сестры милосердия, которые подошли туда к вечеру 12 октября. «До сих пор не могу вспомнить без крайнего ужаса и содрогания ту картину, которая представилась тогда моим глазам. Вся площадь холма была буквально покрыта ранеными, то лежащими без движения с искажёнными от муки лицами, то корчившимися в предсмертных судорогах; приходилось лавировать, проходя, чтобы не задеть кого из них; отовсюду раздавались раздирающие душу стоны», — вспоминала Петриченко¹¹². Были разбиты пять больших палаток и маленькие для докторов. Поскольку другие дивизионные лазареты еще не подошли, а раненых было около 4 000**, то в палатках разместили только офицеров, а всем остальным пришлось лежать под открытым небом, на соломе. Одна из палаток предназначалась для операций (ампутаций). Раненные генералы и многие из офицеров были отосланы в Богот.

Петриченко рассказывала: «Работали мы всю ночь, при свете фонарей, переходя от одного раненого к другому, не останавливаясь ни минуты, но что же это могло значить при такой массе раненых. Нас было три, да ночью еще прибыло четыре сестры Крестовоздвиженской общины, и только... а раненые всё прибывали. <...> Обмываешь и перевязываешь какую-нибудь страшную рану, а тут рядом, кругом воспаленными устами то просят пить, то мучатся в агонии... то молятся: “а меня, сестрица, меня!” Руки дрожат, голова кружится, и от сознания своего бессилия, от невозможности помочь всем в сердце какая-то острая

* К сожалению, других сведений о ней нет, не сообщила она и свои инициалы. В наградных списках сотрудников Красного Креста значится Екатерина Петриченко, которая удостоилась медали (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 11. Л. 10).

** В воспоминаниях и отчетах указывались разные цифры. Например, в своем отчете от 17 октября, который был рассмотрен на заседании Исполнительной комиссии Главного правления Общества попечения о раненых и больных воинах 11 ноября 1877 г., Петлин указывал, что членам летучего отряда за отсутствием дивизионных лазаретов пришлось в течение трех дней перевязывать раны 3 160 чел. и принять на свой счёт весь расход по их содержанию (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 12. Д. 19. Протокол № 113 от 11.11.1877 г. Л. 166 об).

боль... так и кажется, что сама умрешь тут же, не вынесешь этой чужой муки, которая делается как бы своей»¹¹³.

Ночи в октябре были очень холодными, руки у сестер милосердия коченели от холода и «зуб на зуб не попадал». Они не взяли с собой вещей, оставив даже бурнусы* в Боготе, и ходили в одних холстинковых** платьях. Утешали себя тем, что солдаты не меньше страдали от морозных ночей. «Неблагоприятные условия, в которых находились раненые, были причиной большой смертности между ними. Видеть их агонию и не быть в силах ничем помочь им было так тяжело, что многие из офицеров, заходившие к нам на полчаса, находили, что быть в огне, то есть в сражении, несравненно легче», — свидетельствовала сестра милосердия***¹¹⁴. П.И. Ядовин вспоминал: «Стоны страдальцев и умирающих наполняли холодный воздух всю ночь. На следующее утро агонический бред умирающих, из которых иные с вечера не были покрыты даже шинелью, а иные были без сюртуков, сменился печальной картиной замерзших, обледенелых трупов»¹¹⁵.

Гаусман писал, что первые три ночи медицинский персонал спал только по нескольку часов, тут же, на соломе, вместе с ранеными, и питались теми же гороховыми консервами, которые готовились для больных¹¹⁶.

13 октября в Чириково прибыла комиссия, занявшаяся перевозкой и отправкой раненых в Богот. Тут были: полевой военно-медицинский инспектор доктор Приселков, хирурги Каде, Бергман, профессор Валь и др. Начались операции. Профессор Бергман устроил отделение, где накладывались гипсовые повязки¹¹⁷. Князь Черкасский распорядился отправить в Чириково венские кареты Красного Креста, которые перевезли в Богот 50 гвардейских офицеров.

В Боготе открылся этапный лазарет цесаревны: два дивизионных шатра, большой шатер (бывший походной церковью),

* Бурнус — очень широкий, просторный мужской или женский плащ с капюшоном из сукна или тонкого войлока.

** Холстинка — легкая полотняная или бумажная ткань.

*** К концу октября у Петриченко, вероятно, от инфекции распухли руки и на пальцах образовались раны, затем присоединилась лихорадка, и девушку отправили лечиться в Россию.

разделенный перегородкой на две половины — в одной помещались больные, другая служила и операционной комнатой, и главным складом. Кроме того, имелось 12 палаток: из них семь служили для больных, две для малого склада и аптеки, две для помещений медицинского персонала и одна для покойников. За отсутствием железных кроватей, которые были отправлены в Систово, раненых укладывали на соломе, поверх которой стелили тюфяки, набитые морской травой (для офицеров) и соломой (для нижних чинов). Солома возобновлялась каждую неделю. Лазарет мог вместить одновременно не более 100 человек больных. С 12 октября до 8 ноября, когда он был закрыт, здесь была оказана помощь 320 чел., из них 55 офицерам. Следует отметить, что в лазарете за время его работы в Боготе не умер ни один раненый после большой операции. Всех умерших прямо от ран было 4 человека, из них один офицер и трое солдат, которых привезли в безнадежном состоянии¹¹⁸. Врачи А.А. Ген, В.А. Кукол-Яснопольский и А.Н. Бабаев при содействии фельдшера Лейзевера (Лейзенера) и 4 студентов оперировали, накладывали гипсовые повязки, перевязывали. «Лазарет наш можно было назвать образцовым, — отмечал санитар Н.И. Свешников, — изобилие медикаментов и перевязочных средств, хорошие постели и белье и самый тщательный уход вполне успокаивали раненых. Лазарет наш несколько раз был посещаем государем императором, главнокомандующим, князем Черкасским, Пироговым и Боткиным и всегда получал похвальные отзывы»¹¹⁹.

Офицер А. Шведов с восторгом вспоминал этот лазарет, поскольку подобного ухода и внимания нигде более не встретил. Будучи ранен в ногу, он провел ночь в доме, 13 октября прибыл в Чириково, где находился 42 часа, а затем в одном из фургонов Красного Креста был отправлен в Богот, куда был доставлен вечером 14 октября. В дороге фургоны сопровождал князь Черкасский. В Боготе Шведов «блаженствовал» два дня, а затем в тех же фургонах раненых повезли в Зимницу в сопровождении хирурга Пелехина¹²⁰.

Летучие санитарные отряды Красного Креста, как правило, придавались в помощь подвижным дивизионным лазаретам, которые являлись во время сражений главными перевязочными

пунктами. В сражении при Горном Дубняке летучий санитарный отряд при Гвардейском корпусе, несмотря на обилие перевязочных средств, не смог заменить дивизионные лазареты: не хватало врачей, хирургов, фельдшеров, санитаров, перевозочных средств. Селение Чириково, которое, согласно приказу генерал-адъютанта Гурко, должно было стать центральным сборным пунктом для главных перевязочных пунктов, превратилось, из-за их отсутствия, в единственный главный перевязочный пункт. Свозимые и приходявшие сюда сами раненые не получали своевременной и надлежащей медицинской помощи, питания и крова, что вызвало большую смертность среди них. Вероятно, поэтому военно-медицинский отчет не содержал исчерпывающую информацию об устройстве медицинской помощи раненым в этом сражении, пришлось умолчать о той ошибке командования, которая повлекла лишние потери среди раненных гвардейцев.

28 ноября Осман-паша с войском в 40 тыс. чел. попытался прорвать блокаду и вырваться из окружения, но тщетно: на его пути встал Гренадерский корпус под командованием генерал-лейтенанта И.С. Ганецкого. К сожалению, несмотря на то, что со дня на день ожидалась битва с турками, русское командование заранее не озаботилось обеспечением медицинской помощи раненым во время сражения: местá для устройства перевязочных пунктов ни раньше, ни в начале боя не были указаны. А подвижные лазареты были слишком удалены от поля боя и находились в Дольнем Дубняке (2-й гренадерской дивизии) и Смерет-Трестенике (3-й гренадерской дивизии). Половина подвижного лазарета 5-й пехотной дивизии, по приказанию генерал-лейтенанта Криденера, была направлена к Дольнему Метрополю. Врачебно-санитарный персонал с лазаретными линейками, собравшись у кургана Копана могила, расположенного в центре укреплений первой линии, сам устроил перевязочный пункт, но здесь не было воды. Санитары подбирали и укладывали в линейки раненых, которых перевозили в Горный Метрополь. Сюда шли раненые и своим ходом, сюда же прибыла часть врачей из пехотных полков, чтобы организовать второй перевязочный пункт. По окончании сражения из Трестеника переместился лазарет 3-й гренадерской

дивизии. 29 ноября подъехали уполномоченный и врачи от общества Красного Креста с запасом гипса, вина, консервов, белья и теплой одежды. «Раненых и убитых наших могли окончательно подобрать только на следующий день, не говоря уже о турках. Перевозочных средств не было почти вовсе, по крайней мере, в день боя, за исключением лазаретных линейек. По открытому листу* генерала Тотлебена и по распоряжению полевого военно-медицинского инспектора (В.И. Приселкова. — М. Ф.) собрали интендантские подводы и болгарские каруцы только в следующие дни за сражением. Доктор Кёхер, врач отряда обложения Плевны, по этому поводу как бы в свое оправдание доносил полковому военно-медицинскому инспектору 2 декабря 1877 г., что “это событие произошло так скоро, что нельзя было раньше никаких мер предпринять”», — сообщалось в «Военно-медицинском отчете за войну с Турцией 1877–78 гг.»¹²¹.

Благочинный 3-й гренадерской дивизии и полковой священник 9-го гренадерского Сибирского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (Старшего) полка В.В. Гурьев подробно описал те незабываемые дни. Лазарет 3-й гренадерской дивизии действительно очень поздно получил приказание выдвигаться к полю боя: в 12 часов вестовой казак пришел пешком (едва таща на поводу уставшую лошадь) и принес лаконичную записку начальника штаба, написанную карандашом на клочке бумаги и посланную еще в 9 часов утра. В одну минуту поднялась тревога, и весь лазарет снялся с места, оставив свои шатры и 250 больных. Между тем в Тресте-ник начали прибывать раненые, и военный священник взял на себя ответственность за их обустройство. Раненных офицеров он поместил в своем доме, вызванному сельскому старосте из болгар (чорбаджи) приказал «сейчас же очистить еще 20 землянок, наносить в них соломы, поставить воды, а если можно, то хлеба, молока, собрать всех болгар, чтобы помогли выносить и укладывать раненых». Затем отец Вакх поспешил к позициям.

Страшно было смотреть на кровавое поле битвы у Плевны, усеянное обезображенными трупами, брошенными орудиями,

* «Открытый лист» — это разрешение на право производства каких-либо действий; в данном случае, на право сбора транспорта у населения. В дипломатии «открытый лист» (*Laissez passer*) — это пропуск на беспрепятственный проезд.

разбитыми патронными ящиками, ранеными гренадерами и турками, многие из которых были в предсмертной агонии... «Видеть всё, что я видел и не иметь ни сил, ни средств облегчить ужасное положение несчастных страдальцев, слышать их стоны, их вопли и мольбы и проходить мимо с одним пустым соболезованием — это такая душевная пытка, такое терзание сердца, что я умею только всё это чувствовать, но пересказать не могу, не умею!.. Картина свежего поля битвы ужасна, неизобразима!..» «Что вокруг делается, — вспоминал о. Вакх, — невозможно рассказать, сообразить: врачи, санитары, офицеры, простые солдаты, болгары ведут, несут, тащат — кругом стон, вопль, один какой-то гул, душу раздирающий гул, среди которого, как отдельные аккорды какой-то адской музыки, пронесутся то сильный вопль, то скрежет, то предсмертное хрипенье, прерывчатое, клокочущее...». Священник со своим саквояжем также пошел по полю — кому-то дает глоток коньяка, к кому-то подзывает санитаров, кого-то укрывает, кого-то причащает...

В лазарете в те дни работы было «свыше сил человеческих!». Помимо гренадер сюда доставили еще 45 тяжелораненных турок, имевших по две, по три раны каждый. «Красивый народ, здоровые, плотные; все гвардейцы; между ними были три или четыре негра, черные как уголь... Замечательно терпеливый народ эти турки, а особенно негры». В последующие дни о. Вакх оказывал психологическую помощь при операциях, ассистировал хирургам, перевязывал раны, менял повязки, в условиях крайнего дефицита медперсонала выполнял обязанности брата милосердия — кормил и поил покалеченных. Ему пришлось хоронить не только мертвых, павших героев, но и ампутированные в операционной палатке руки и ноги воинов¹²².

Нелегкое дело было накормить, напоить чаем два раза в день около тысячи человек, поступивших в течение двух дней, когда штат лазарета был рассчитан всего на 83 человека. «Как и откуда всё бралось у нашего достойнейшего комиссара П.А. Койленского, об этом знает только его высокочестная, добрая душа!..» — писал о. Вакх¹²³.

«Врачей мало, перевязочных средств еще менее, лубков нет, шин, гипсу, марли, вошанки, дренажей — да почти ничего необхо-

димого нет; кормить раненых нечем, помещать негде, положить не на чем, прикрыть нечем...». Военный священник недоумевал, почему в ожидании неминуемого сражения с Осман-пашой военно-медицинская администрация никаких предварительных мер не предприняла. «А где наш окружной врач?» Лишь на третий день после сражения приехал от него «оператор Н-ов, и только на четвертый день явился он сам, но не как врач, а как начальник, как инспектор, обошел лазаретные шатры и некоторые (не все) болгарские землянки, осмотрел лежащих в них страдальцев, нашел, что всё у нас обстоит благополучно и затем... затем — уехал себе так же важно, как и приехал, пробыв в нашем лазарете не более двух часов...»¹²⁴. Правда, вскоре в помощь лазарету были командированы хирурги Назаров из Главной квартиры (30 ноября), а 1 декабря Рибо и Худяков из 2-й гренадерской дивизии, Хлопицкий из 16-й пехотной дивизии.

Совсем иначе действовали представители Красного Креста. По приказу главноуполномоченного князя В.А. Черкасского уже 21 ноября был сформирован летучий санитарный отряд из уполномоченного князя И.А. Накашидзе, доцента медико-хирургической академии доктора В.Н. Попова и студента 5-го курса той же академии Маляревского, снабженный значительным перевязочными средствами, медикаментами, хирургическими инструментами, полущубками, одеялами, бельем, котлами, посудой и продовольствием, уложенными в четыре шестиконные кареты. Поскольку предполагалось, что Осман-паша изберет ловченское или софийское шоссе, то отряд ожидал сражения в двух верстах от с. Брестовац, места расположения штаба дивизии генерал-лейтенанта М.Д. Скобелева. Рано утром 28 ноября князь Черкасский отправил состоящего в его распоряжении чиновника гражданской канцелярии С.В. Шаховского* в этот санитарный отряд, чтобы направить его на Софийское шоссе. В 9 час. утра

* В РГВИА сохранился отчет князя С.В. Шаховского от 2 декабря 1877 г., который при отношении князя Черкасского был послан в Главное управление Общества Красного Креста. В Петербурге (25 декабря 1877 г.) распорядились передать отчет в редакцию «Вестника народной помощи» (РГВИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 4. Л. 10–21 об.), и уже 1 января 1878 г. он был напечатан (Отчет о деятельности летучего санитарного отряда Красного Креста, командированного под руководством уполномоченного князя Накашидзе при участии князя Шаховского для оказания помощи под Плевной 28 ноября 1877 года // Вестник народной помощи. 1878. № 1. С. 4).

отряд выступил за 16-й пехотной дивизией, ночь застала его у с. Медован. На следующее утро генерал-лейтенант Ганецкий направил отряд в с. Дольный Метрополь и Горный Метрополь, куда были транспортированы раненые 3-й гренадерской дивизии. В Дольном Метрополе около 70 чел. раненых были «вполне обеспечены уходом за ними полевых докторов». Отряд двинулся далее, прибыв в 14 час. в Горный Метрополь, где обнаружил более 400 раненых в самом ужасном положении. Все болгарские землянки и дома были переполнены, многие раненые лежали под открытым небом на холодной земле. Большинству была сделана лишь одна перевязка на передовом перевязочном пункте, немало было таких, которые вовсе не были перевязаны. Летучий отряд немедленно открыл перевязочный пункт у церкви. Князь Накашидзе принял самые энергичные меры к скорейшему приготовлению для раненых супа и жареной баранины, немедленно по всей деревне были скуплены имевшиеся готовые хлеба и сделан запас хлеба. Пока готовилась пища, князь отправился по домам и землянкам разносить раненым водку и хлеб. Прибыл транспорт из 16 подвод, везший в сопровождении штабс-ротмистра Ёлкина со склада из Богота по указанию князя Черкасского 175 полушубков, 100 теплых шапок, 100 рубах, 100 кальсон, 75 одеял¹²⁵.

О. Вакх, проезжая мимо, познакомился с доктором В.Н. Поповым и уполномоченным Красного Креста князем Накашидзе: «Первого я застал на площади в одной сорочке, в окровавленном фартуке, с запачканными в гипсе руками — он быстро накладывал какому-то раненому гипсовую повязку; а князь неутомимо раздавал белье, фуфайки, шапки, одеяла, спешил отправкой первого транспорта в Богот»¹²⁶.

До глубокой ночи при свете фонарей безостановочно шла работа на перевязочном пункте, а князя Накашидзе и Шаховской в сопровождении начальника 3-й гренадерской дивизии генерал-майора М.П. Данилова разносили как русским, так и турецким раненым по землянкам теплую пищу. 30 ноября работа началась с раннего утра как на перевязочном, так и на питательном пунктах. Воспользовавшись прибывшими 59 повозками интендантского вольнонаемного транспорта, а также 16 повозками штабс-

ротмистра Ёлкина и 4 каретами Красного Креста, эвакуировали в Богот 142 чел. (в том числе 4 офицеров, 1 турецкого солдата и 1 турецкого офицера) в сопровождении князя Шаховского и студента Маляревского¹²⁷. К полудню 2 декабря все оставшиеся раненные были перевязаны и также эвакуированы.

Доктор Попов и князь Накашидзе*, приняв новый транспорт из Богота с различными вещами, утром 3 декабря прибыли в с. Трестеник и сразу включились в работу лазарета 3-й гренадерской дивизии. Здесь отряд выдал раненым и больным вдобавок к госпитальным порциям чай, сахар, водку и красное вино, а также чистое белье, полушубки, шерстяные фуфайки, одеяла, теплые шапки, чулки, нагрудники и табак. Врачи готовили к отправке второй транспорт с более тяжелоранеными (168 чел.), и теплые вещи, «это величайшее благодеяние», по выражению о. Вакха, пришлось как нельзя кстати. Летучий санитарный отряд, выполнив свое предназначение, вернулся в Богот в ночь на 5 декабря¹²⁸. О. Вакх, перечисляя богатство и разнообразие нужных медикаментов, вещей и продуктов, которые щедрой рукой раздавали представители Красного Креста, указывая на беспримерный труд медицинского персонала при оказании помощи раненым, подчеркивал, что в отличие от сотрудников военно-медицинской администрации, Красный Крест, кроме того, привез с собой «свое христиански сострадающее, братское сердце, полное самого тёплого участия к горькой судьбине наших страдальцев»¹²⁹.

4 декабря был отправлен последний обоз с ранеными. Только тогда хирург Назаров, «скинув с себя свой ужасный операционный костюм», обратился к главному врачу подвижного лазарета А.И. Ваттерну: «Теперь я считаю себя вправе поздравить вас, Александр Иванович, с окончанием славного Плевненского дела...». «Начались самые искренние рукопожатия, поздравления; подошли еще кое-кто из врачей, и у нас составила очень одушевленная, горячая беседа...». Затем врачи лазарета стали

* 9 декабря 1877 г. князь И.А. Накашидзе составил отчет о действиях летучего отряда после 30 ноября в дополнение к отчету князя Шаховского, который князь Черкасский также отправил в Главное управление, правда, уже из Адрианополя 3 января 1878 г. (РГВИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 4. Л. 42–46 об.). И этот отчет появился на страницах «Вестника народной помощи» (1878. № 16. С. 4.).

прощаться с дорогими гостями — Назаровым, Рибо, Худяковым и Хлопицким. Проводы и прощание были самые задушевные, дружеские...¹³⁰.

По окончании войны о. Вахх решил издать свои письма к супруге книгой, в качестве заключения к которой высказал свои критические замечания по поводу организации подвижных дивизионных лазаретов и всей военно-медицинской администрации с тем, чтобы в будущем эти недостатки были устранены. Он, в частности, указывал, что медицинский персонал подвижных дивизионных лазаретов формировался из состава полковых врачей, любая убыль у лазаретных врачей также пополнялась из кадров полковых врачей, а замены им не предполагалось, «или нужно было поднимать длиннейшую переписку с полевым военно-медицинским управлением, а этого все избегали, насколько было возможно...»¹³¹. Некомплект полковых врачей существенно уменьшал возможности оказывать медицинскую помощь больным и раненым в своем полку.

Полевое военно-медицинское управление организовало аптечный склад в Систове, там же находились и резервные врачи. В течение 5-месячных военных действий под Плевной, в отличие от Красного Креста, оно не удосужилось устроить еще один аптечный склад вблизи позиции, как например, это сделал князь Черкасский в Боготе. Оно удерживало при себе и весь контингент запасных врачей, за которыми надо было посылать в Систово, а ведь «медицинская помощь на войне очень часто требуется экстренно, в данную минуту, на данном месте, и чем ближе эта помощь, тем она действительнее»¹³². О. Вахх предлагал направлять запасных врачей в корпусные штабы или еще удобнее — в подвижные дивизионные лазареты, тогда их помощь всегда могла бы быть своевременной.

Военные врачи, подчиняясь «строгой, хотя и устарелой регламентации», были лишены инициативы и самостоятельности: «без надлежащих распоряжений, предписаний, командирований они не имели права поспешить куда-нибудь на помощь, хотя бы и знали, и видели, что помощь их в данном месте экстренно необходима». 28 ноября основной удар Осман-паши пришелся на 3-ю гренадерскую дивизию. «В нескольких верстах от поля

битвы, по обеим его сторонам, стояли несколько дивизионных лазаретов (2-й гренад., 3-й гвардейс., 16-й пехот., 5-й пехот., 4-й румын.); но ни один врач из всех этих лазаретов не осмелился поспешить на помощь к выбивавшимся из сил своим коллегам облитой кровью дивизии...». В Боготе, при Главной квартире состоял в это время особый отрядный врач, распоряжавшийся медицинской частью всего Отряда обложения Плевны; «в Боготе же были все медицинские знаменитости, <...> и никто из них не признал нужным поспешить, поскакать». Спустя четыре дня в лазарет 3-й гренадерской дивизии, как уже говорилось выше, явился отрядный врач Кёхер и прибыли командированные им врачи. «Но три—четыре дня после больших сражений — это ужасные дни в лазаретах!» — восклицал о. Вакх и вопрошал: «Отчего же Красный Крест явился на перевязочный пункт в самый день битвы, а официальные врачи только на четвертый?»¹³³. Военный священник отмечал, что во время войны 1870—1871 гг. прусские генералы пользовались широким правом самостоятельной инициативы и являлись на помощь друг другу по собственному своему соображению, не дожидаясь надлежащих предписаний и диспозиций. «Это широкое право самостоятельной инициативы не мешало бы предоставить на войне и не одним только генералам, а всего более нашим военным врачам; тогда бы они могли являться на помощь к своим коллегам, по крайней мере, не на четвертый день после больших сражений», — считал о. Вакх¹³⁴.

Военный священник понимал, что всего нельзя было предусмотреть перед войной, но «печальный и тяжкий опыт первой и второй Плевны в состоянии был навести полевое медицинское управление на подобные соображения, и до несчастной третьей Плевны уже неотложно следовало бы изменить неудачную организацию не только подвижных дивизионных лазаретов, но и всех военно-временных госпиталей и учреждений. Ничего подобного сделано не было»¹³⁵.

Нельзя не согласиться с критическими замечаниями о. Вакха. Реформа 1860-х годов военно-медицинского ведомства, высоко оцененная в полевых условиях профессором Бергманом, имела и множество упущений и недочётов. В первую очередь, как

оказалось, слишком малы были передвижные дивизионные лазареты и военно-медицинские госпитали, которые не смогли обеспечить полноценную медицинскую помощь огромному количеству раненых. Полевое военно-медицинское управление, столкнувшись с этой проблемой, было не в силах изменить саму систему оказания медицинской помощи, увеличив количество мест в лазаретах с соответственным обеспечением медицинским персоналом, медикаментами, вещами и снаряжением. Это было не в его компетенции. Ни Александр II, ни военный министр Д.А. Милютин, видевшие эту проблему, сразу не могли ее решить: не было ни материальных, ни подготовленных людских ресурсов. Кроме того, сама система военно-медицинского управления была негибкой, и нередко чиновники от медицины, как подчеркивал о. Вакх, не утруждали себя, чтобы хотя бы паллиативными мерами улучшить положение. Недочёты системы усугублялись ошибками русского командования, допущенными в отношении размещения главных перевязочных пунктов при подготовке к тому или иному сражению. Общество Красного Креста, не скованное жесткими дисциплинарными положениями, трудившееся во имя милосердия и распоряжавшееся значительными материальными средствами, пожертвованными русским обществом, было более свободно и предприимчиво в своих действиях. Но оно являлось только подспорьем и не могло собой заменить созданную в результате реформ систему оказания помощи раненым и больным воинам. В ходе боевых действий выяснилось, что военное ведомство и Главный штаб, уже не в первый раз, готовились к иной войне, не учитывая вполне возможностей современного для того времени оружия. И словно набат прозвучали тогда слова известного врача С.П. Боткина: «Все медицинские меры военного ведомства вместе с Красным Крестом не в состоянии удовлетворить потребности теперешних способов истребления людей»¹³⁶.

Примечания

¹ Столетие военного министерства. Восточная война 1853–56 гг. Очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствования императоров Александра II, Александра III и Николая II. Т. 8. Ч. 4. СПб., 1911. 564 с.

- ² Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. 2. Медицинская служба русской армии. 1853–1905 гг. СПб., 2009. С. 76–121.
- ³ Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 4. Кн. 16. Заведения военно-врачебные. СПб., 1893. С. 318–319.
- ⁴ Военно-медицинский отчёт по Дунайской армии за войну с Турцией 1877–78 гг. Составлен по официальным данным под руководством и при непосредственном участии доктора Н.И. Козлова. Т. 1. Ч. 2. Отдел лечебно-статистический. СПб., 1886. С. 163.
- ⁵ Газенкампф М.А. Военное хозяйство в нашей и в иностранных армиях в мирное и военное время. СПб., 1880. Т. 2. С. 83–86.
- ⁶ Военно-медицинский отчёт... С. 289.
- ⁷ Георгиевский А.С., Мицов З.В. Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М., 1978. С. 71.
- ⁸ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 2. СПб., 1901. С. 156.
- ⁹ Остапов А.И. 14-я пехотная дивизия в войну 1877–1878 гг. (Из записок участника) // Военный сборник (далее — ВС). 1881. Т. 142. № 12. С. 410.
- ¹⁰ Военно-медицинский отчёт... С. 186.
- ¹¹ Остапов А.И. 14-я пехотная дивизия в войну... С. 408–409.
- ¹² Цитович А. Из памятной книжки полкового священника (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1878. № 7. С. 128–129.
- ¹³ Остапов А.И. 14-я пехотная дивизия в войну... С. 409–410.
- ¹⁴ Военно-медицинский отчёт... С. 187–188.
- ¹⁵ Вестник народной помощи (далее — ВНП). 1877 г. № 10. С. 6–7.
- ¹⁶ Из заметок доктора на театре войны // Гарковенко П. Война России с Турцией 1877–1878 года. Подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу. М., 1879. С. 183.
- ¹⁷ Бехтерев В.М. Письма с фронта русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Профессор В.М. Бехтерев и наше время (155 лет со дня рождения) / под ред. А.А. Скоромца, М.М. Одинака, Н.Г. Незнанова, М.А. Акименко. СПб., 2012. С. 427.
- ¹⁸ Из заметок доктора на театре войны. С. 189.
- ¹⁹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 3. СПб., 1898. С. 26.
- ²⁰ Столетие военного Министерства. Т. 8. Ч. 4. СПб., 1911. С. 279.
- ²¹ Военно-медицинский отчёт... С. 195.
- ²² Вонлярлярский В.М. Воспоминания ординарца о войне 1877–1878 г. СПб., 1891. С. 51.
- ²³ Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. СПб., 1879. Т. 1. С. 479–480.
- ²⁴ Военно-медицинский отчёт... С. 195.
- ²⁵ Там же. С. 197.
- ²⁶ Помощь Красного Креста после дела под Никополем и Плевной 4, 8 и 18 июня 1877 года // ВНП. 1878. № 7. С. 4–5.

- 27 *Аменитский А.Н.* Заметки о деятельности 63-го военно-временного госпиталя во время турецкой войны 1877 и 1878 годов // Военно-медицинский журнал. 1880. Ч. 137. Кн. 1. С. 43–45; Военно-медицинский отчёт... С. 200–201.
- 28 *Софронов И.* Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–1878 гг. // СМ. Вып. 20. СПб., 1901. С. 85–86.
- 29 Там же.
- 30 *Присенко К.К.* Первая Плевна и 19-й пехотный Костромской полк в русско-турецкую войну 1877–1878 года. СПб., 1900. С. 27–29.
- 31 *Софронов И.* Из дневника полкового священника... С. 81, 83.
- 32 *Тутолмин И.* Кавказская казачья бригада в Болгарии. 1877–1878 (Походный дневник). СПб., 1879. С. 148.
- 33 СМ. Вып. 25. СПб., 1899. С. 144.
- 34 Там же. С. 162.
- 35 *Тутолмин И.* Кавказская Казачья бригада... С. 155, 157.
- 36 Военно-медицинский отчёт... С. 198–199; Описание русско-турецкой войны... Т. 3. Ч. 2. СПб., 1905. С. 321–322.
- 37 Военно-медицинский отчёт... С. 202.
- 38 Помощь Красного Креста после дела под Никоподем и Плевной 4, 8 и 18 июня 1877 года // ВНП. 1878. № 7. С. 5.
- 39 *Склифосовский Н.В.* В госпиталях и на перевязочных пунктах во время турецкой войны // Военно-медицинский журнал (далее — ВМЖ). 1878. № 7. С. 157–158.
- 40 *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 122.
- 41 Там же. С. 130.
- 42 Там же.
- 43 *Склифосовский Н.В.* В госпиталях... С. 142–147.
- 44 Помощь Красного Креста после дела под Никоподем... С. 5.
- 45 СМ. Вып. 3. С. 36.
- 46 Помощь Красного Креста после дела под Никоподем... С. 5.
- 47 Цит. по: *Георгиевский А.С., Мицов З.В.* Медицинская общественность и военная медицина... С. 125.
- 48 Военно-медицинский отчёт... С. 209–210.
- 49 *Рудницкий А.И.* Вторая Плевна. Действия отряда ген.-л. кн. Шаховского // ВС. 1888. Т. 184. № 11. С. 231, 234.
- 50 *Склифосовский Н.В.* Избранные труды. М., 1953. С. 393.
- 51 Военно-медицинский отчёт... С. 210–213; Приселков В. А. А. Непокойчицкому. 22 июля 1877 г. // СМ. Вып. 32. СПб., 1902. С. 177–178, 193–197.
- 52 Описание русско-турецкой войны... СПб., 1905. Т. 3. Ч. 2. С. 340–341; *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии. С. 559–561.
- 53 Военно-медицинский отчёт... С. 220–221.
- 54 Там же. С. 233–235.
- 55 *Бехтерев В.* Впечатления из поездки в Болгарию и воспоминания о событиях освободительной войны 1877–1878 г. // Славянский мир. 1911. № 4–5. С. 11–12.
- 56 Описание русско-турецкой войны... Т. 4. Ч. 2. СПб., 1906. С. 82.

- 57 Военно-медицинский отчёт... С. 234.
- 58 СМ. Вып. 2. СПб., 1898. С. 356.
- 59 *Зайончковский А.* Сражение под Ловчей 22 августа 1877 г. СПб., 1895. С. 26–27.
- 60 *Куропаткин А.Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ч. 1. СПб., 1885. С. 186.
- 61 *Дружинин К.И.* Русско-турецкая война // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 11. С. 97.
- 62 Военно-медицинский отчёт... С. 235–237.
- 63 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. СПб., 1903. С. 80–81.
- 64 Описание русско-турецкой войны... Т. 6. СПб., 1911. С. 39.
- 65 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 256.
- 66 *Бехтерев В.М.* Отклик врача из действующей армии // ВМП. 1877. № 22. С. 9.
- 67 Военно-медицинский отчёт... С. 244–246.
- 68 Там же. С. 246–247.
- 69 Там же. С. 247–248.
- 70 Там же. С. 249–252.
- 71 Там же. С. 252.
- 72 *Бехтерев В.М.* Письма с фронта... С. 431.
- 73 Военно-медицинский отчёт... С. 243–255.
- 74 *Бехтерев В.М.* Письма с фронта... С. 432–433.
- 75 Раненые под Плевной // ВМП. 1877. № 21. С. 6.
- 76 Там же. С. 6–7.
- 77 *Бехтерев В.М.* Письма с фронта... С. 432–433.
- 78 Раненые под Плевной. С. 6.
- 79 *Бехтерев В.М.* Письма с фронта... С. 432–433.
- 80 *Боткин С.П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 190.
- 81 *Гудим-Левкович П.М.* Записки П. М. Гудим-Левковича о войне 1877–78 года // Русская старина. 1905. Т. 124. № 12. С. 550–551.
- 82 *Аменитский А.Н.* Заметки о деятельности 63-го военно-временного госпиталя... С. 54–62; Военно-медицинский отчёт... С. 200–201.
- 83 Вестник народной помощи. 1877. № 20. С. 2.
- 84 Размеры и виды помощи Красного Креста под Плевною // ВМП. 1877. № 28. С. 4.
- 85 *Гаусман А.К.* Описание действий летучих санитарных отрядов общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 1.
- 86 *Ген А.А.* Этапный лазарет государыни цесаревны в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Вестник Европы. 1878. Кн. 7. С. 301.
- 87 Чит. по: Военно-медицинский отчёт... С. 253.
- 88 Раненые под Плевной. С. 6.
- 89 Там же. С. 241.
- 90 История лейб-гвардии Егерского полка за 100 лет. 1796–1896. СПб., 1896. С. 401.
- 91 Описание русско-турецкой войны... Т. 6. С. 269.
- 92 Там же. С. 280.
- 93 СМ. Вып. 48. СПб., 1906. С. 197–198.

- ⁹⁴ *Георгиевский А.С., Мицов З.В.* Медицинская общественность и военная медицина... С. 139.
- ⁹⁵ *Петлин А.С.* Летучий санитарный отряд Гвардейского корпуса // ВНП. 1877. № 23. С. 12.
- ⁹⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 327. Ч. 1. К. 56. Ед. хр. 11. Л. 7 об.—8.
- ⁹⁷ Военно-медицинский отчёт... С. 266.
- ⁹⁸ *Гулевич С.А.* История лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906 гг. Ч. 3. СПб., 1906. С. 271–272.
- ⁹⁹ История лейб-гвардии Павловского полка. 1790–1890. СПб., 1890. С. 329–330.
- ¹⁰⁰ *Соколович М.Н.* Рассказ сапера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб., 1878. Т. 3. С. 253.
- ¹⁰¹ *Петлин А.С.* Летучий санитарный отряд... С. 12.
- ¹⁰² *Гаусман А.К.* Описание действий... С. 4.
- ¹⁰³ *Ядовин П.И.* Под Горним Дубняком. Очерки и воспоминания: В память годовщины боя 12 октября 1877 г. Варшава, 1882. С. 23.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 21–22.
- ¹⁰⁵ *Гаусман А.К.* Описание действий... С. 4.
- ¹⁰⁶ *Ядовин П.И.* Под Горним Дубняком. С. 24–25.
- ¹⁰⁷ История л.-гв. Егерского полка за сто лет. С. 425.
- ¹⁰⁸ *Зноско-Боровский Н.А.* Эпизоды из истории л.-гв. Измайловского полка. 4-й батальон под Горным Дубняком 12-го октября 1877 г. // СВР. Т. 4. СПб., 1879. С. 60.
- ¹⁰⁹ *Ядовин П.И.* Под Горним Дубняком. С. 45–46.
- ¹¹⁰ *Гаусман А.К.* Описание действий... С. 5.
- ¹¹¹ *Петлин А.С.* Летучий санитарный отряд Гвардейского корпуса. С. 12.
- ¹¹² *Петриченко.* Записки сестры «Красного Креста» // Колосья. 1884. № 7/8. С. 340.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же. С. 341–342.
- ¹¹⁵ *Ядовин П.И.* Под Горним Дубняком. С. 49.
- ¹¹⁶ *Гаусман А.К.* Описание действий... С. 5.
- ¹¹⁷ *Ядовин П.И.* Под Горним Дубняком. С. 58.
- ¹¹⁸ *Ген А.А.* Этапный лазарет... С. 304–305.
- ¹¹⁹ *Свешников Н.И.* Воспоминания пропавшего человека // Исторический вестник. 1896. Т. LXIV. С. 534.
- ¹²⁰ *Шведов А.* По пути с поля битвы в госпиталь (из частного письма) // ВНП. 1877. № 24. С. 7.
- ¹²¹ Военно-медицинский отчёт... С. 252, 276–278.
- ¹²² *Гурьев В.В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 1883. С. 66–72, 84.
- ¹²³ Там же. С. 85.
- ¹²⁴ Там же. С. 312.
- ¹²⁵ Отчёт о деятельности летучего санитарного отряда Красного Креста, командированного под руководством уполномоченного князя Накашидзе при участии князя Шаховского для оказания помощи под Плевной 28 ноября 1877 года // ВНП. 1878. № 1. С. 4.

¹²⁶ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 75.

¹²⁷ Отчёт о деятельности летучего санитарного отряда Красного Креста... С. 4.

¹²⁸ Деятельность летучего санитарного отряда Красного Креста после взятия Плевны // ВМП. 1878. № 16. С. 4.

¹²⁹ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 312.

¹³⁰ Там же. С. 89.

¹³¹ Там же. С. 310.

¹³² Там же. С. 307.

¹³³ Там же. С. 309.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 311.

¹³⁶ *Боткин С.П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 190.

**«Прощение еще не есть признание»:
пребывание болгарской делегации
в Санкт-Петербурге в июне-июле 1895 г.
(по материалам русской прессы)**

Одной из сложнейших проблем российской дипломатии на Балканах в первой половине 1890-х годов был болгарский вопрос. Появившееся на европейских картах после Берлинского конгресса 1878 г. Болгарское княжество сразу заняло особое место во внешней политике России, являясь для Петербурга политическим оплотом на Балканах¹. Однако ожидания беспрекословного следования Софии в фарватере политики Петербурга стали скоро рассеиваться. Своевольные действия болгарского князя Александра Баттенберга и экономическое проникновение Австро-Венгрии в Княжество привели к постепенному охлаждению во взаимоотношениях Петербурга и Софии.

Разразившийся осенью 1885 г. болгарский кризис не прибавил симпатий Петербурга к Баттенбергу. Российское правительство, не отказывавшееся от идеи объединения Болгарии в дальней перспективе, отрицательно отнеслось к воссоединению Восточной Румелии с Болгарским княжеством, что в немалой степени было связано с личной неприязнью Александра III к Баттенбергу². Дальнейшие же события лишь усугубили кризис.

Провалившаяся попытка переворота русофильски настроенных болгарских офицеров и отъезд Баттенберга из Болгарии после отказа российского императора поддержать возвращение князя привели к власти правительство во главе со С. Стамболовым, во взаимоотношениях с которым у российского правительства сразу возникли осложнения. Направленная для восстановления русского влияния в Болгарии миссия генерала Н.В. Каульбарса, действовавшего весьма жесткими мерами, провалилась. С отъездом Н.В. Каульбарса из Софии в ноябре 1886 г. дипломатические отношения между Россией и Болгарией были прерваны³.

Разрыв дипломатических отношений был невыгоден обеим странам. Российская дипломатия в Княжестве потерпела поражение, что позволило дипломатам Англии и Австро-Венгрии почти на 10 лет установить преобладающее влияние своих стран в Болгарии⁴. Для неё же разрыв дипломатических отношений означал отдаление перспективы освобождения от вассальной зависимости, а также ухудшение положения из-за подчинения экономики Княжества Австро-Венгрии и Германии посредством займов в Вене и Берлине⁵.

В течение 1886–1894 гг. как в России, так и в Болгарии разрабатывались различные комбинации, которые должны были привести к восстановлению отношений. Однако эти планы не могли быть реализованы вследствие сохраняющегося недоверия между Санкт-Петербургом и Софией. Реальная возможность примирения возникла лишь в конце 1894 г., когда с уходом с политической сцены премьер-министра Стамболова, проводившего антироссийскую внешнюю политику, и кончиной Александра III, упрямо следовавшего ранее намеченному курсу на игнорирование дел Болгарии, была устранена субъективная преграда на пути к восстановлению отношений⁶.

После отставки С. Стамболова в мае 1894 г. новое правительство К. Стоилова стало искать возможности для примирения с Россией. Налаживание отношений с Санкт-Петербургом отвечало и интересам болгарского князя Фердинанда Кобургского, избрание Народным собранием которого в 1887 г. не было признано европейскими державами из-за отказа России признать законность выборов⁷. Однако российское министерство иностранных дел и после отставки С. Стамболова продолжало придерживаться прежнего курса, официально отвергая какую-либо возможность примирения с Болгарией при княжении Фердинанда⁸.

Смерть российского самодержца 20 октября (1 ноября) 1894 г. стала серьезным толчком к активизации действий болгарского правительства по примирению с Россией. Во-первых, София питала определённые надежды на смену курса России по отношению к Болгарии при новом императоре Николае II. Во-вторых, смерть Александра III для болгарского правительства являлась прекрасной возможностью сделать первый шаг к примирению⁹.

По распоряжению Фердинанда в армии был объявлен траур, а по всей стране проводились панихиды по почившему императору. В Санкт-Петербург были посланы телеграммы с выражением соболезнований¹⁰. Помимо этого, Народное собрание приняло решение об отправке делегации в Санкт-Петербург для возложения венка на гробницу Александра III. Однако российский МИД в мягкой форме отказал правительству К. Стоилова в возможности пребывания болгарской делегации на похоронах Александра III, тем самым подтвердив сохраняющееся непризнание существующего в Болгарии порядка¹¹.

Однако в начале 1895 г. отношение к Болгарии в высших правительственных кругах постепенно начало меняться. В феврале министром иностранных дел был назначен А.Б. Лобанов-Ростовский, который всё чаще стал поднимать болгарский вопрос в разговорах с Николаем II. Новый министр, объясняя необходимость примирения с Болгарией стремлением укрепить спокойствие на Балканах прежде переноса внимания российской дипломатии на Дальний Восток, убедил молодого царя пересмотреть стратегию России по отношению к Княжеству¹².

Петербург ожидал от Софии инициативы. Однако Фердинанд, не уверенный в готовности России ответить на шаги к примирению, не спешил вновь открыто проявлять инициативу. Лишь заручившись согласием французского правительства оказать посредничество во взаимоотношениях с Санкт-Петербургом, болгарский князь вновь предложил послать депутацию в российскую столицу. На этот раз болгарская делегация, в состав которой были включены известные своей симпатией к России лица, получила разрешение на прибытие в Россию¹³.

События, разворачивавшиеся по другую сторону Чёрного моря, волновали не только российское правительство, но и общество. Вести из Болгарии весьма активно обсуждались на страницах русской периодической печати с момента начала болгарского кризиса. В годы разрыва дипломатических отношений количество публикуемых в русской прессе заметок, посвященных Княжеству, несколько снизилось из-за серьезных затруднений, которые встречали русские корреспонденты при работе в стране¹⁴.

События же мая–октября 1894 г. вновь поставили перед российским обществом на повестку дня вопрос о возможности нормализации русско-болгарских отношений, что нашло отражение и в российской периодике.

Отношение прессы к событиям 1894–1896 гг. редко привлекало внимание историков, хотя именно в это время шаги Санкт-Петербурга и Софии навстречу друг другу заложили фундамент для восстановления отношений. Российская же пресса, которая не только отражала общественные настроения, но и сама оказывала существенное влияние на формирование общественного мнения, имела определенное воздействие на ход дел в Болгарии¹⁵. В связи с этим представляется важным изучить отношение русской периодики к русско-болгарскому сближению и охарактеризовать роль прессы в этом сближении на примере первого серьезного шага к примирению Болгарии и России, которым стал визит в Санкт-Петербург болгарской делегации в июне–июле 1895 г.

В качестве источников в настоящем исследовании были использованы следующие газеты и журналы: «Московские ведомости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», «Вестник Европы».

«Московские ведомости» являлись одним из крупнейших органов российской ежедневной печати в 60–80-е годы XIX в. За выпусками газеты следили иностранные дипломаты, что говорит о значимости газеты для понимания настроений общественного мнения России того периода¹⁶. Во многом «Московские ведомости» были обязаны своей популярностью редактору М.Н. Каткову, который не боялся критиковать российскую дипломатию. После смерти М.Н. Каткова в 1887 г. редактором газеты до 1896 г. являлся С.А. Петровский, не претендовавший на политическое влияние и согласный следовать в фарватере внутренней и внешней политики правительства¹⁷.

Газета «Новое время», редактором которой на момент визита болгарской делегации являлся А.С. Суворин, уже снискавший к этому времени славу блестящего журналиста и литератора, являлась одним из немногих изданий, которое было востребовано у представителей разных слоев населения¹⁸. Что касается

болгарского вопроса, то газета в целом придерживалась политики правительства¹⁹. Однако редакция считала необходимым освещать разные мнения, поэтому на страницах газеты нередко появлялись заметки, отличавшиеся по тону от предыдущих публикаций.

Редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» в течение 1880 — начала 1890-х годов являлся В.Г. Авсеенко, который в основных вопросах не подвергал критике решения правительства. Лишь с приходом князя Э.Э. Ухтомского, в одном из выпусков пообещавшего не скатываться к стандартному консерватизму и вести полемику с «прогрессивно-радикальной прессой»²⁰, на страницах издания стали появляться критические заметки в адрес правительства, в том числе по вопросу русско-болгарских отношений.

«Гражданин» в годы правления Александра III получал существенные субсидии от правительства, что позволило газете стать ежедневным изданием. Правительственная поддержка «Гражданина» во многом объясняется теплыми взаимоотношениями с царем князя В.П. Мещерского, редактора газеты. Учитывая его близость к императору, неудивительна поддержка редакцией жесткого курса Александра III в отношении к Болгарии, сохранявшаяся даже после смерти самодержца. При этом взгляды газеты В.П. Мещерского на Болгарию были, пожалуй, наиболее агрессивными среди всех российских периодических изданий. Сам же князь не раз задавался вопросом: «Не проще ли из Болгарии сделать русский народ и русский край?»²¹.

«Вестник Европы» издавался под редакцией петербургского профессора истории М.М. Стасюлевича, разделявшего мировоззрение западников, что позволило журналу в пореформенный период стать центральным органом либеральной оппозиции²². Редакция журнала часто не совпадала с правительством во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику, что позволяло Главному управлению по делам печати характеризовать «Вестник Европы» как «проникнутый недоброжелательством ко всем мероприятиям правительства», при этом, правда, отмечалось, что журнал «старается избежать резких выражений, неприличных выходов»²³.

21 июня (3 июля) 1895 г. в столицу Российской империи прибыла болгарская делегация. Стоит несколько подробнее осветить её состав. Пожалуй, наиболее известным российской аудитории членом делегации являлся митрополит тырновский Климент, который получил образование в Киевской духовной академии, а на родине до принятия сана успел прославиться как писатель. По замечанию «Нового времени», митрополит «...имел счастье дважды, в 1879 и 1886 гг., представляться во главе депутатий... императору Александру III»²⁴. В годы нахождения у власти С. Стамболова Климент за свое несогласие с проводимой правительством политикой был заключен в тюрьму, о чем активно писали российские газеты²⁵. После отставки С. Стамболова Климент был освобожден и вернулся в Тырново, где, по выражению газеты А.С. Суворина, «... с энтузиазмом был встречен всем населением»²⁶.

В состав делегации входил также и председатель болгарского Народного собрания Т. Тодоров, получивший известность «...красноречивой защитой митрополита Климента в процессе, возбужденном против митрополита Стамболовым». Интересно отметить, что Т. Тодоров, получивший первоначальное воспитание в родном городе, впоследствии слушал курсы в императорском Новороссийском университете.

В российскую столицу также прибыл И. Гешов, который служил секретарем при русском генерал-губернаторе Восточной Румелии. В годы княжения Фердинанда И. Гешов был избран депутатом в Народное собрание от филиппопольского округа.

В числе болгарских делегатов был и депутат Народного собрания, воспитанник Московского университета доктор Моллов. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а после освобождения Болгарии занимал некоторое время пост министра народного просвещения. Во время сербо-болгарской войны 1885 г. он являлся главным врачом действующей армии, ему же принадлежала инициатива учреждения в Болгарии отделения Красного Креста.

Образование в России получил и П. Наботков, воспитывавшийся в Петербургском техническом институте. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он состоял при русских вой-

сках, а затем занимал разные должности в Восточной Румелии. На момент визита в Санкт-Петербург П. Наботков являлся членом Народного собрания.

Последним членом делегации из числа представителей Народного собрания являлся доктор Минчевич, получивший медицинское образование в Афинах и Париже. Он успел побывать губернатором Варненской губернии, после чего был избран в Народное собрание.

Помимо представителей Народного собрания и митрополита Климента, в Россию прибыл поэт И. Вазов, принимавший активное участие в восстании против Османской империи в 1876 г.

Через три дня болгарская делегация в полном составе была принята А.Б. Лобановым-Ростовским. Официальная встреча ограничилась обменом речами и общей беседой. Однако весьма доброжелательный тон русского министра, который в ответ на речь митрополита Климента дал понять, что не исключает возможности примирения, ободрил болгарских гостей. Через некоторое время состоялась неофициальная встреча министра иностранных дел России с председателем Народного собрания Т. Тодоровым, на которой обсуждались конкретные шаги к примирению двух стран. Тодоров сообщил министру о готовности Фердинанда присоединить малолетнего наследника престола Бориса к православию в качестве шага для возвращения Болгарии благосклонности России. И хотя А.Б. Лобанов-Ростовский не дал болгарскому делегату никаких конкретных заверений, однако намекнул, что в случае православного вероисповедания наследника болгарского престола Петербург может признать Фердинанда законным князем Болгарии. Далее делегация исполнила свою официальную миссию по возложению венка на гробницу Александра III, после чего митрополит Климент отслужил в Петропавловском соборе торжественную панихиду по почившему императору²⁷.

Русские периодические издания, разумеется, не могли оставить без внимания пребывание болгарской делегации в российской столице. В первую очередь газеты и журналы интересовались целями болгарской миссии. Было очевидно, что депутаты прибыли не только для возложения венка. «Московские ведомо-

сти», изначально весьма прохладно относившиеся к возможному визиту болгарских гостей, отказывали в наличии у делегации каких-либо политических инструкций, поскольку «...пока в Болгарии не будет законного правительства, никакие переговоры ее с Россией невозможны, ибо России не с кем их вести»²⁸. При этом газета замечала, что вряд ли возложение венка является единственной целью депутации. «Московские ведомости» полагали, что «...в Болгарии желают осведомиться о настроении общественного мнения в России по отношению к Болгарии, чтобы потом знать, с какой стороны и как начинать официальные шаги к “примирению”»²⁹.

Схожей позиции по поводу целей прибывшей в Санкт-Петербург делегации придерживалось и «Новое время»: «Действительно, болгарские депутаты приехали просить дружбы России..., но у них нет никакой определенной политической миссии»³⁰. «Санкт-Петербургские ведомости» же, предвосхищая обсуждение в российской и западной прессе вопроса о возможной смене курса России по отношению к Болгарии, отмечали, что российское правительство занимало в болгарском вопросе «слишком твердое и ясное положение, чтобы круто повернуть в противоположную сторону только по той причине, что в Петербург приехала болгарская депутация с неопределенными полномочиями от непризнанного нами правительства»³¹.

Интересная полемика развернулась в газетной среде по поводу отношения «Нового времени» к болгарской делегации. Газета А.С. Суворина с самого её прибытия отличалась более мягкой риторикой по отношению к болгарским гостям. При этом весьма тёплое общение одного из корреспондентов газеты с митрополитом Климентом, согласившимся дать интервью, сделали тон издания еще более доброжелательным, за что оно подверглось резкой критике со стороны других, также весьма влиятельных периодических изданий.

В авангарде критики «Нового времени» за слишком доброжелательный тон в отношении болгарских гостей стояли «Московские ведомости». В одной из заметок за авторством Д.И. Иловайского газета А.С. Суворина называлась «непрощеным адвокатом виноватой Болгарии». Под критику попала также

и сама болгарская делегация: «... под словами “примирение”, “дружба” и “забвение прошлого” депутация разумеет прежде всего официальное признание Кобургской узурпации»³². Интересно заметить, что критике со стороны Д.И. Иловайского подверглось даже описание делегатов, помещенное на страницах «Нового времени». В одном из его номеров было опубликовано анонимное сообщение, в котором один из членов делегации, доктор Моллов, был охарактеризован как человек «с выразительным чисто русским лицом и окладистой русской бородой»³³. На это Д.И. Иловайский в «Московских ведомостях» заметил следующее: «... когда речь идет о таком важном вопросе..., право, нам не до окладистой бороды; подобные приёмы только еще более оттеняют легкомыслие и политический индифферентизм (точнее было бы сказать обскурантизм) данного органа печати»³⁴.

К критике «Нового времени» за «любезности» с болгарами присоединился и «Гражданин», вменявший газете А.С. Суворина в вину стремление забыть долгие годы напряженных отношений между Санкт-Петербургом и Софией: «... вот в какие-нибудь десять минут беседы с газетными репортерами всё это поучительное прошлое стёрто слюнями, потекшими из уст газетных болтунов»³⁵. Подобная оценка «Гражданина» вызвала одобрение «Московских ведомостей», которые не преминули заметить: «“Гражданин” (№ 174) достойно оценивает отношение “Нового времени” к болгарской депутации и к Болгарии вообще»³⁶.

Подобная критика не могла остаться без ответа, который был дан лично А.С. Сувориным. В одном из своих «Маленьких писем» он, в ответ на слова «полу-историка, полу-фельетониста» Иловайского о «непрощенном адвокате» Болгарии в лице «Нового времени», отметил следующее: «Но, Боже мой, эта непрощенность-то и хорошая наша черта... Мы искренние люди и говорим, что думаем, не ожидая того, что нас попросят»³⁷. Далее А.С. Суворин заметил, что «принц Фердинанд, его министры и парламент болгарский — одна сторона, но есть другая сторона — народ, общество, и сюда мы должны преимущественно направлять... свои слова дружбы и одобрения», тем самым обосновывая весьма теплое отношение своей газеты к болгарской депутации, несмотря на отсутствие официальных отношений

между Петербургом и Софией³⁸. На эту заметку от издателя «Нового времени» вскоре последовала другая заметка, уже от издателя «Гражданина» князя В.П. Мещерского. На страницах своей газеты, в разделе «Дневник», он отмечал, что если бы А.С. Суворин был министром иностранных дел, то «...он давно бы сидел в объятиях болгарских депутатов и пел бы с ними на арфе песни мира и всезабвения»³⁹. В.П. Мещерский критиковал предлагаемые доброту и всезабвение по отношению к болгарской депутации, характеризуя это отношение «Нового времени» и его издателя как слабодушие. При этом, в отличие от А.С. Суворина, часть вины за враждебность Болгарии в предыдущие годы по отношению к России он возлагал не только на софийское правительство, но и на сам болгарский народ: «15 лет против России действовали не отдельные лица, а болгарский народ в лице болгарского собрания»⁴⁰.

Тем временем 5 (17) июля в Петергофе болгарская депутация была принята Николаем II. Сначала император имел конфиденциальный разговор с митрополитом Климентом. Весьма вероятно, что митрополит так же, как и в разговоре с А.Б. Лобановым-Ростовским, обсуждал с Николаем II вопрос о возможном переходе в православие наследника болгарского престола княжича Бориса — в качестве российского условия для примирения с Софией⁴¹. После разговора с Климентом император принял болгарскую делегацию в полном составе, а по окончании аудиенции, по воспоминаниям советника российского министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, сказал: «Надеюсь, что в скором времени наступят для Болгарии лучшие времена и что отношения ее к России исправятся»⁴². Пробыв еще некоторое время в Санкт-Петербурге, делегация болгарского Народного собрания 8 (20) июля выехала в Москву.

Во время пребывания в Москве и визита болгарских гостей в Троице-Сергиеву Лавру корреспондент «Московских ведомостей» Духовецкий уличил момент для разговора с делегатами. Интересно отметить, что митрополит Климент в разговоре с ним не преминул указать на негативное влияние жесткого тона русских газет по отношению к Болгарии: «Русские газеты могут сослужить хорошую службу общему делу. Для этого нужны не на-

падки на Болгарию, а добрые советы»⁴³. Эта фраза митрополита Климента, разумеется, относилась и к редакции «Московских ведомостей». Пробыв еще некоторое время в Москве, болгарская делегация выехала в Киев, куда прибыла 14 июля. В Киеве болгарские гости приняли участие в мероприятиях по случаю праздника святого князя Владимира, после чего вернулись в Софию⁴⁴.

Визит болгарской делегации стал важным событием в период восстановления русско-болгарских отношений, явившись первым открытым шагом на пути к примирению двух стран. Теплый прием, оказанный болгарской делегации, говорил об определенном сдвиге в деле нормализации отношений между Санкт-Петербургом и Софией⁴⁵. В дипломатических кругах весьма позитивно смотрели на перспективу дальнейшего русско-болгарского сближения. В.Н. Ламздорф в связи с пребыванием болгарской делегации в Санкт-Петербурге оставил в дневнике следующую запись: «Давно бы так! Я всё больше и больше сожалею о том, что мой бедный дорогой покойный министр (Н.К. Гирс. — Д. А.) не настоял на приеме делегации в октябре 1894 года»⁴⁶.

В российской периодической печати подавляющее большинство изданий также весьма позитивно оценивали визит болгарской делегации. «Вестник Европы» считал, что «...некоторые признаки дают основание заключить, что депутация, предводимая митрополитом Климентом, имела успех и что желанное забвение прошлого не заставит себя долго ждать»⁴⁷. «Новое время», положительно оценив визит болгарской делегации, призывало найти выход из аномального положения «...именно теперь, когда у болгарского народа является надежда на готовность России облегчить ему его трудную задачу»⁴⁸. Особенно отчетливо изменения в отношении к болгарской делегации проявились у «Московских ведомостей». Изначально газета весьма прохладно высказывалась о возможном визите болгарских гостей, поскольку «...отношения Болгарии к России при покойном Государе вовсе были не таковы, чтобы мы могли охотно поощрять подобные миссии»⁴⁹. Однако через несколько недель пребывания болгар в российской столице газета скорректировала свое мнение, оценив визит как серьезный шаг на пути к восстановлению отно-

шений. «Московские ведомости» писали, что «...митрополит Климент неоднократно и открыто выражал раскаяние болгарского народа..., и слова его услышаны. Россия простила»⁵⁰. Тем самым практически все ведущие периодические издания Империи высказывали свое одобрение наметившемуся сближению. Из более-менее крупных и заметных изданий лишь «Гражданин» сохранял жесткую риторику по отношению к Болгарии⁵¹. Сложившуюся в прессе ситуацию весьма точно в своих воспоминаниях охарактеризовал В.Н. Ламздорф: «Почти вся наша пресса склонна к сближению... одна лишь газета “Гражданин” издается над нашим чрезмерным добродушием...»⁵².

При всём этом русская пресса утверждала, что визит болгарской делегации не приведет к признанию законности княжения Фердинанда. «Московские ведомости» считали, что «прощение еще не есть признание», поскольку «условия, при которых состоялось избрание князя, нисколько... не изменятся, и оно из незаконного не сделается законным»⁵³. В данном вопросе с московской газетой солидаризировались и другие печатные органы. Газета «Новое время», отвечая на слухи в иностранной прессе, касавшиеся готовности России признать Фердинанда, замечала: «Болгарские депутаты увезли из Петербурга только осознание, что Россия не делает ни народа их, ни духовенства ответственными за образ действия софийских правителей»⁵⁴. Вопрос о признании законности порядка в Болгарии суворинская газета считала сложным, поскольку узаконение положения «...немыслимо иначе, как путем выбора нового князя, кандидатура которого будет одобрена Россией и всеми остальными державами, подписавшими берлинский трактат»⁵⁵. Схожего мнения придерживалась и редакция «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Принц Кобургский, должно быть, убедился, что Россия за несколько теплых слов не отказывается от продуманной и последовательной политики»⁵⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что визит болгарской делегации стал важным шагом на пути примирения России и Болгарии. Отношения двух стран существенно потеплели, что видно на примере изменения отношения русской прессы к болгарским гостям. Если в начале визита она весьма противоре-

чиво оценивала миссию, то с отъездом делегации практически все крупные и влиятельные периодические издания позитивно оценили итоги пребывания болгар в российской столице. Даже весьма критично настроенные к Болгарии «Московские ведомости» изменили свое отношение. В данном случае стоит предположить, что такая «корректировка мнений» произошла под влиянием приема болгар министром иностранных дел и императором, что сигнализировало об отходе России от политики полного игнорирования дел Болгарии. Однако на официальном уровне Петербург сохранял прежнее отношение к личности принца Кобургского, заявляя о незаконности его пребывания на болгарском престоле. При этом важно заметить, что российское правительство именно после приезда болгарской делегации взяло курс на восстановление отношений путем признания Фердинанда при условии присоединения Бориса к православию⁵⁷. Однако такое изменение отношения российского правительства к личности князя Фердинанда осталось за кулисами дипломатии.

Именно «закулисной дипломатией» следует объяснить тот факт, что российская пресса, несмотря на позитивную оценку итогов пребывания болгарской делегации в столице, продолжала заявлять о невозможности официально признать существующее в Болгарии положение дел. Отношение прессы к личности Фердинанда начало меняться лишь на фоне появившихся осенью 1895 г. слухов о намерении князя присоединить сына Бориса к православию, что являлось явным шагом к официальному примирению с Россией. Так, со страниц «Нового времени» исчезли слова о невозможности признания Россией Фердинанда, уступив место мнению о «первом шаге» князя к примирению с Россией после миропомазания сына⁵⁸. Заметки схожего тона стали появляться и в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁵⁹. «Московские ведомости», продолжая с определённым опасением относиться к действиям Фердинанда, с осени 1895 г. уже не допускали резких выпадов в адрес болгарского правителя⁶⁰. Однако вплоть до момента миропомазания Бориса 2 (14) февраля 1896 г. и восстановления русско-болгарских отношений российская пресса не верила, что дело официального признания Фердинанда решится так скоро, как это произошло на самом деле. Уже в марте 1896 г.

с выдачей князю султанских фирманов болгарский вопрос в его прежней форме был решен⁶¹.

Не отрицая того, что русская пресса сыграла определенную позитивную роль в деле нормализации русско-болгарских отношений, о чем писали ранее в отечественной историографии⁶², следует заметить, что подготовка восстановления официальных отношений между Петербургом и Софией в первую очередь велась в дипломатической среде. Тем самым представляется возможным говорить, что русская периодика в 1895–1896 гг. скорее реагировала на события, чем тем или иным образом влияла на ход русско-болгарских дел. Это явно прослеживается на примере истории с пребыванием в России в июне–июле 1895 г. болгарской делегации.

Примечания

- ¹ Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: Б. и., 1991. С. 1.
- ² Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 65–67.
- ³ Там же.
- ⁴ Косик В.И. Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении русской печати 1894–1896 гг. // Балканские исследования. Вып. 10: Балканские исследования. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII–XX вв. / отв. ред. Г.Л. Арш. М.: Наука, 1987. С. 86.
- ⁵ Дюлгерова Н. Политика России и Австро-Венгрии в отношении Болгарии в конце XIX — начале XX вв. (1896–1903 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1985. С. 50–51.
- ⁶ Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1967. С. 286.
- ⁷ Киняпина Н.С. Балканы и проливы... С. 97–98.
- ⁸ Косик В.И. Восстановление русско-болгарских... С. 93; он же. Время разрыва. Политика России в Болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 74–75.
- ⁹ Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения... С. 41–42.
- ¹⁰ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. Т. 4. С. 36.
- ¹¹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 84.
- ¹² Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896) // Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский — кузнец внешней политики: дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер. Сборник / сост.: Е.С. Федорова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 405.
- ¹³ Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения... С. 58–59.

- 14 *Толстая М.А.* Болгарский вопрос в восьмидесятые годы XIX столетия и общественное мнение России // *Россия и славянский мир: история, язык, культура: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Викторович, А.Б. Мазуров. М.: Три квадрата, 2008. С. 180.*
- 15 *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России: Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 126.; *Косик В.И.* Восстановление русско-болгарских... С. 87; *Толстая М.А.* Болгарский вопрос... С. 186.
- 16 *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М.: Наука, 1977. С. 181.
- 17 *Кругликова О.С.* «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // *Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 252, 257.*
- 18 *Иванова Л.Д.* Система газетной прессы на рубеже XIX–XX вв. // *Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 2. С. 7.*
- 19 *Толстая М.А.* Болгарский вопрос... С. 182–183.
- 20 Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 3 I. С. 1.
- 21 *Толстая М.А.* Болгарский вопрос... С.183–184.
- 22 *Кайль А.В.* «Гражданин» князя В. П. Мещерского // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения: Научный журнал. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 17–18; Туманов А.Г.* Журнал «Вестник Европы» как источник по истории Викторианской Англии последней трети XIX века // *Запад–Восток: Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. С. 53–54.*
- 23 *Толстая М.А.* Болгарский вопрос... С. 184.
- 24 Новое время. 1895. 26 VI. С. 2.
- 25 Московские ведомости. 1894. 25 II. С. 4; Новое время. 1894. 26 I. С. 2.
- 26 Новое время. 1895. 26 VI. С. 2.
- 27 *Кушнарев И.С.* Жизнь и государственная деятельность... С. 407–408; *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения... С. 61–62.
- 28 Московские ведомости. 1895. 28 VI. С. 1.
- 29 Там же.
- 30 Новое время. 1895. 25 VI. С. 2.
- 31 Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 30 VI. С. 1.
- 32 Московские ведомости. 1895. 28 VI. С. 4–5.
- 33 Новое время. 1895. 25 VI. С. 2.
- 34 Московские ведомости. 1895. 28 VI. С. 4–5.
- 35 Гражданин. 1895. 27 VI. С. 3.
- 36 Московские ведомости. 1895. 29 VI. С. 4.
- 37 Новое время. 1895. 30 VI. С. 2.
- 38 Там же.
- 39 Гражданин. 1895. 1 VII. С. 4.
- 40 Там же.
- 41 *Дюлгерова Н.* Руски щрихи към източния въпрос (1894–1904): Амбиции и планове на имперската дипломатия. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1997. С. 127–128.
- 42 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. С. 227.

- 43 Московские ведомости. 1895. 10 VII. С. 1.
- 44 Московские ведомости. 1895. 8 VII. С. 2; Московские ведомости. 1895. 11 VII. С. 2–3; Московские ведомости. 1895. 19 VII. С. 2–3.
- 45 *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы... С. 120; *Косик В.И.* Восстановление русско-болгарских... С. 95.
- 46 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. С. 223.
- 47 Вестник Европы. 1895. Т.4. Кн. 7/8. С. 827–835.
- 48 Новое время. 1895. 7 VII. С. 1.
- 49 Московские ведомости. 1895. 21 VI. С. 4.
- 50 Московские ведомости. 1895. 9 VII. С. 2.
- 51 Гражданин. 1895. 25 VII. С. 2.
- 52 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. С. 227.
- 53 Московские ведомости. 1895. 9 VII. С. 2; Московские ведомости. 1895. 26 VII. С. 1.
- 54 Новое время. 1895. 10 VII. С. 1.
- 55 Новое время. 1895. 24 VII. С. 1.
- 56 Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 29 VII. С. 1.
- 57 *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения... С. 70.
- 58 Новое время. 1895. 27 X. С. 1.
- 59 Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 1 XI. С. 1.
- 60 *Косик В.И.* Восстановление русско-болгарских... С. 96.
- 61 *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения... С. 83–84.
- 62 *Косик В.И.* Восстановление русско-болгарских... С. 97.

Российские «миротворческие» силы на Балканах в начале XX века.

***«Для нас было бы большим благом,
если нам удастся оттуда благополучно убраться»***

В течение всего XIX и начала XX веков «восточный вопрос» и поиски путей его решения занимали центральное место как в политике России, так и европейских государств. Балканы и их роль в международных отношениях всегда приходится рассматривать как в общеевропейском политическом контексте, так и в контексте внутренних процессов данного региона. С одной стороны, это международная проблема Черноморских проливов, вопрос контроля над которыми был важнейшей частью российской внешней политики, это и общие проблемы Средиземноморья, где сталкивались интересы ведущих европейских государств. С другой стороны, нельзя не учитывать как кризисные процессы, происходившие в Османской империи на протяжении XVIII–XX вв., так и внутрибалканские проблемы, включающие в себя, помимо межэтнических, социально-экономических, политических и прочих проблем, взаимоотношения балканских народов с Турцией. Всё это способствовало, с одной стороны, постоянному изменению позиций европейских государств и России по отношению к Балканам, а с другой, приводило к многочисленным как локальным, так и общеевропейским военным столкновениям в данном регионе.

Постепенное вытеснение Османской империи с территории Балканского полуострова сопровождалось созданием здесь независимых государств, стремившихся к доминированию над всей территорией Балкан. Но ни один из балканских народов не добился независимости собственными силами — борьба за нее проходила при активном участии великих держав, что поставило молодые балканские страны в зависимость от общеевропейских

противоречий, сделало их составной частью «восточного вопроса», в событиях которого они активно участвовали, но не могли оказывать решающего влияния на его решение. Поэтому не случайно еще В.О. Ключевский отметил, что политике европейских держав по отношению к Османской империи было свойственно обособлять ее составные части, «или деля их между сильными державами Европы, или восстанавливая из них государства, некогда существовавшие в пределах нынешней Турции. Отсюда развивается двойная политика по отношению к Турции — политика ее международного раздела, подобного польским, и политика исторических реставраций. Оба эти стремления иногда причудливо смешивались в одних и тех же планах, но оба эти стремления были совершенно чужды религиозно-племенным принципам»¹.

Именно поэтому вторая половина XIX века ознаменовалась новым обострением балканского кризиса, приведшего в результате к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Однако данная война не только не разрешила, но и еще больше обострила противоречия на Балканском полуострове. Несмотря на провозглашение независимости Сербии, Черногории и Румынии, создание автономного Болгарского княжества, Австро-Венгрия получила возможность оккупировать территорию Боснии и Герцеговины, а Болгария оказалась расчлененной на две части. Также не был решен вопрос о статусе Македонии.

По решениям Берлинского конгресса 1878 г. территория Македонии осталась под властью Османской империи. Договор предусматривал предоставление местному населению религиозной свободы, а также проведение в Македонии административных реформ на основе критского Органического устава 1868 г.². Эти решения были неодобительно встречены христианским населением Македонии, причем, особое неудовольствие выражала его болгарская часть. Именно она явилась организатором восстания 1878 г., которое охватило восточную и часть северо-восточной части Македонии. Однако несогласованность действий повстанцев, а также отрицательная реакция на это выступление великих держав, требовавших выполнения решений Берлинского договора, привели к его поражению.

Обострению обстановки в регионе способствовал и раскол среди православного духовенства. Еще в феврале 1870 г. султан подписал фирман об образовании самостоятельной болгарской церкви, глава которой получил титул экзарха. Он избирался высшими болгарскими церковными иерархами и должен был быть утвержден патриархом и султаном. Большая часть земель Македонии и Фракии получили право на церковно-национальное самоопределение через плебисцит. События 1875–1878 гг. помешали провести плебисцит до конца, а проблемы, связанные с определением границ экзархата и решением вопроса о внутренней организации новой болгарской церкви, повлекли за собой дальнейшее углубление национальных противоречий в Македонии и вызвали новый раскол среди православного населения данного региона, тем более, что с начала 80-х годов XIX в. территория Македонии стала ареной политической борьбы между Болгарией, Сербией и Грецией. Обосновывая правомочность своих претензий, эти страны ссылались, прежде всего, на «историческое право» обладания данной территорией, а также на этнический состав населения, который трактовался ими в зависимости от их политических интересов. Так, в 1886 г. в Белграде было учреждено «Общество св. Саввы», целью которого была просветительская деятельность в Старой Сербии и Македонии. В 1902 г. в Сербии возникла четническая организация, одним из руководителей которой стал С. Симич³. В Греции была создана организация «Этники Этерия», занимавшаяся аналогичной деятельностью, т.е. не только пропагандой, но и засылкой на территорию Македонии греческих добровольцев и формированием на ее территории вооруженных отрядов из числа местных греков. В 1893 г. в Салониках Д. Груев, П. Арсов и М. Татарчев заложили основы ВМРО — Внутренней Македонской революционной организации. Подобные организации формировались и в Болгарии: в 1895 г. образовался Верховный Македонский комитет (ВМК), целью которого также была засылка на территорию Македонии вооруженных чет для дестабилизации обстановки в крае⁴. Причем, в Болгарии идея обладания Македонией возносилась в ранг национальной идеологии. Российский офицер Александр Бианко, командированный в начале 1903 г.

в Софию по распоряжению генерала Пузыревского для получения сведений о состоянии болгарской армии, отмечал: «Болгарская армия во времена стамболовского режима, воспитавшая питомцев своих в духе враждебном России и посылая лучших офицеров в итальянскую школу генерального штаба, выбирая их из уроженцев Македонии, как более чуждых идее славянской конфедерации, в настоящее время поставила их во главе войсковых частей и вверила руководству их мобилизационные планы страны. <...> Бедность, необходимость в большинстве случаев поддерживать семью и, наконец, принадлежность к простому классу по рождению делает эту военную молодежь слепым орудием в руках умелого командира и предвестницей революционных течений среди болгарского населения. Из 24 полков — 11 вверены македонцам, которые, поддерживаемые тайными симпатиями князя, выработали особую программу и план действий на случай восстания. <...> Войска ждут призыва к огню, сам князь охвачен этим настроением и наглядно подчеркивает его переводами и назначениями начальников дивизий, сочувствующих македонскому движению, в Южную Болгарию и Румелию. Эти дивизии должны быстро вторгнуться в пределы Турции, вытащить на своих плечах армию султана в Румелию, отдав ее без боя врагу, и, заняв и укрепив горные переходы и дефиле, поднять партизанские четы двухмиллионного населения Македонии — бить турок с тыла и фронта»⁵.

Кульминацией развития событий стало начало 20 июля (2 августа) (Ильин день) 1903 г. восстания, более известного как Илindenское. Это выступление было жестоко подавлено турецкими властями, однако с этого времени македонский вопрос еще более обострился.

События в Македонии не могли оставить равнодушными европейские правительства, поскольку могли в перспективе вызвать крупный вооруженный конфликт на Балканах, нарушить хрупкое русско-австрийское соглашение 1897 г. о сохранении здесь «статус кво». Тем более, что к этому подталкивали славянские народы и некоторые российские общественные деятели. Так, например, в августе 1903 г. в Софию, для участия в Славянском съезде, приехал представитель Московского славянского

го общества А.И. Череп-Спиридович⁶. Речь, произнесенная им, оказала большое влияние на болгарских политических деятелей, особенно на Бориса Сарафова — одного из руководителей восстания. Подчеркнув, что за автономию Македонии никто из великих держав бороться не будет, Череп-Спиридович высказал идею мирного ее раздела между Сербией и Болгарией, что по его мысли могло бы стать первым шагом к формированию славянского союза. При этом Болгария должна была уступить сербам территории к западу от Вардара, оставив себе восточную Македонию. «Ничто не мешает через 10–15 лет, после того как всё в Восточной Македонии будет ассимилировано, обратиться к сербам с предложением уступить вам всё (за исключением Косовского вилайета) взятое в Македонии, обещая за это военную помощь, которую вы им дадите, для того, чтобы вырвать Боснию и Герцеговину из австрийских рук»⁷. Его идеи оказались весьма востребованы несколько позднее — в 1908–1909 гг. в связи с развитием аннексионного боснийского кризиса, когда видные представители политической элиты балканских государств высказывали похожие мнения. Так, министр иностранных дел Сербии Милованович прямо указывал, что соглашение о разделе Македонии в случае распада Османской империи могло бы иметь только позитивные результаты. «Не представляется трудным добиться соглашения на счёт наделения не только Сербии, Болгарии и Черногории, но и Греции землями, которые тяготеют к каждой из них в силу племенного родства»⁸. А вот что писал министр иностранных дел России А.П. Извольский послу в Белграде Н.Г. Гартвику в ноябре 1909 г.: «У некоторых болгарских деятелей, не лишенных политического значения, по-видимому, существует и другое мнение о способах решения македонского вопроса. <...> Македония продолжала бы оставаться в составе Турции до тех пор, пока последняя не распадется, а в этом случае, который считается весьма возможным даже в недалеком будущем, Македония должна стать автономным государством в пределах Сан-Стефанского договора, с присоединением Салоник. До того же времени Македония служила бы буфером и даже объединяющим звеном между государствами, которые ныне стремятся к ее разделу. Вместе с тем, при таких условиях

Македония уже ныне послужила бы и для России, и для Италии точкой опоры для их деятельности и осуществления девиза «Балканы для балканских народов». При осуществлении такого плана немецкому натиску были бы положены три препоны: первая — славянские государства, вторая — Россия и Италия, третья — Франция и Англия. Турция могла бы присоединиться к любой из этих держав»⁹.

Вернемся, однако, к событиям 1903 года. В октябре в австрийском городке Мюрцштег представители России и Австро-Венгрии, в виде обмена нотами, разработали проект реформ в Македонии, который предусматривал ее новое административно-территориальное деление, преобразование судебных и административных учреждений. В соответствии с положениями Мюрцштегской программы создавалась международная жандармерия, были определены зоны ответственности: за Россией закреплялась юго-западная часть Македонии, за Австро-Венгрией Ускюбский санждак (ныне Скопье). Автором этого проекта был австро-венгерский военный агент в Османской империи полковник В. фон Гизль. Ее непосредственное проведение было доверено итальянскому генералу Джорджису, к которому прикреплялись по одному офицеру Генерального штаба от России, Австро-Венгрии и Англии. Франция отправила подполковника жандармерии. Кроме того, этот проект предусматривал прикомандирование к главному турецкому инспектору Хильме-паше двух гражданских инспекторов — представителей России и Австро-Венгрии.

В начале 1904 г. в Македонию стали прибывать иностранные военные офицеры. Российскую «миротворческую миссию», в которой к окончанию первого года реорганизации было 12 офицеров, возглавил пятидесятилетний опытный офицер, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-майор Ф.А. Шостак — бывший начальник российского экспедиционного отряда на Крите. Однако, при всём обилии работ по истории Македонии, и несмотря на то, что в фондах архивов РГВИА и АВПРИ содержится довольно обширная коллекция документов, освещающих деятельность международной жандармерии, о самой миссии Шостака есть только отдельные, фрагментарные упоминания. Пока в российской историографии наиболее полное

освещение миссии генерала Шостака представлено лишь в двух работах — в опубликованной в 1999 г. статье О.Н. Исаевой «Мюрцштегский опыт “умиротворения” Македонии»¹⁰ и в статье «Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (из истории реализации мюрцштегской программы)», вышедшей в 2009 г. из-под пера Ю.В. Казановой¹¹.

Мюрцштегская программа реформ в ноябре 1903 г. был принята турецким правительством, однако, в ней ничего не говорилось о предоставлении Македонии автономии¹², а ситуация в регионе запуталась окончательно, тем более, что соседние балканские государства не отказались от намерения получить свой кусок турецкого пирога. Так, в 1904 г. начались сербо-черногорские переговоры по заключению военного союза. В проекте союзного договора, основанном на принципе «Балканы для балканских народов», говорилось, что «оба правительства обязуются всеми силами и средствами, которыми располагают, стараться, чтобы Старая Сербия (границы которой обнимают Косовский вилайет с Новопазарским санджаком и северо-западную часть Битольского вилайета) приобрела чисто сербский характер и ни в коем случае не могла быть включена в автономную область с Македонией»¹³. Россия предприняла шаги, чтобы расстроить нарождающийся союз. Российский МИД полагал, что «лучше расстроить нарождающийся сербо-черногорский союз, чем дать мелким государствам возможность заключать политические сделки без ведома и контроля России»¹⁴. На черногорского князя Николу было оказано соответствующее давление, в результате которого он отказался подписывать этот договор.

На первых порах деятельность европейских офицеров дала определенные результаты. Русско-австрийский контроль помог предотвратить не одно столкновение различных групп населения, началось возвращение в родные места беженцев, а сами жандармы с изменением их статуса стали выполнять функции провинциальной полиции, при этом обладали правом предварительного судебного расследования. Однако ограниченные полномочия жандармерии и противодействие со стороны турецких властей, особенно Хильми-паши, мешали эффективному выполнению возложенных на них задач. Вот что по этому поводу

отмечал Ф.А. Шостак: «Хотя число жалоб и уменьшилось, но причин их подач не стало меньше, ведь осталась та же турецкая власть в полной силе. Объяснением уменьшения подачи жалоб может служить в очень многих случаях безрезультатность их, которая явилась следствием трех главных причин:

1) В некоторых случаях жалобы оказывались неосновательными.

2) Производимые расследования по жалобам нашими офицерами, не являясь законным документом, имеющим силу в суде, не имели ровно никакого значения для местной власти.

3) Назначенные Хильми-пашой контрдознания производились лишь турецкими чиновниками без участия европейцев. Имея официальную законность, они принимались за непреложные, а отсутствие при производстве их европейцев давало полную возможность турецким чиновникам бесконтрольно опровергать всякую правдивость донесений наших офицеров, сильно дискредитируя в глазах населения значение их заступничества»¹⁵. Кроме того, Хильми-паша учредил «Чрезвычайный суд» для разбора политических преступлений. Его решения были безапелляционны и находились вне компетенции европейских наблюдателей.

Российский представитель фактически признавался в неспособности европейских офицеров влиять на политику турецких властей, цель которой была уничтожить, прежде всего, болгарское влияние на территории Македонии, разжигая при этом национальную и религиозную вражду среди славянского населения данного региона. «Присланные офицеры сделались зрителями тому, что творилось, и турецкое правительство, придав особенное значение вражде христиан, распорядилось привлечь как можно больше войск на борьбу с болгарскими четами, представив также возможность и греческой пропаганде, под предлогом эллинизации, уничтожать и терроризировать мирное население славян»¹⁶.

Не ускользнула от внимания Шостака и активизация «миссионерской» деятельности греческого духовенства. «Греческое духовенство, видимо, поддерживается втайне турецкой властью и пользуется такой поддержкой для достижения своих целей: закрепления за патриархом прихожан, тяготеющих к экзарха-

ту — причем, не стесняется прибегать к мерам насилия (при содействии турецких властей: запрещение экзархистам совершать богослужения даже под открытым небом; неправильные записи о вероисповедовании в паспортах). По отношению к русскому гражданскому агенту и русским офицерам Хильми-паша играет двойную роль, желая поскорее от них избавиться»¹⁷.

Усиление активности греческой пропаганды подтверждается и российским военным агентом в Афинах подполковником Хольмсенем, отмечавшим в своем донесении от 17 марта 1904 г.: «Македонские греки потеряли голову, особенно с момента, когда главный покровитель славянских народностей Россия вовлечена в войну на Дальнем Востоке и когда Болгария, Сербия и Черногория более чем когда-либо склонны оставаться в покое»¹⁸.

Однако подобные действия турецкого правительства имели за собой далеко идущие планы. Османская дипломатия попыталась создать антиболгарский союз балканских государств и начала предпринимать в этом направлении вполне конкретные дипломатические шаги. И надо отметить, что подобные действия Османской империи были вполне оправданны. Так, в своем донесении в Петербург 11 марта 1907 г. министр-резидент в Цетинье П.В. Максимов писал о настроениях среди сербов и черногорцев, проживающих в Константинополе, а также среди лиц, имеющих связи в сербской и черногорской дипломатических миссиях: «Россия бесспорно являлась на Балканском полуострове покровительницей православных славян, но по отношению к сербству ее расположение имело нередко отрицательное значение, что помогло Австрии овладеть Дубровником и укрепить свою власть в Поморье, а после последней русско-турецкой войны занять не только Боснию и Герцеговину, но и Новопазарский санджак и тем разделить еще более чем то было во время турецкого владычества две неразделенные части Сербского государства — Зету с Черногорией и саму Сербию.

От настоящего Мюрцштегского соглашения сербству не приходится ожидать много добра. При самых блестящих результатах Македония, в тех пределах, в которые ныне распространяется компетенция гражданских агентов, будет устроена, быть может, в автономную провинцию, что может быть на руку одной

Болгарии, которая уже теперь с радостью предвидит в этом разрешении вопроса пролог румелийского воссоединения. Между тем, местности с сербским населением будут по-прежнему опустошаться турками и обливаться православной славянской кровью. Этого Сербия не может допустить, и если к этому должны быть сведены ее надежды на будущее, то для нее уже лучше будет открыто встать под покровительство Австрийской империи. Но прежде чем пережить столь позорное национальное банкротство, сербы попытаются еще бороться. И тут сербские патриоты допускают союз оборонительный и наступательный с Турцией против Болгарии, на тот случай, если бы последняя пошла на разрешение так называемого македонского вопроса, не придя к предварительному соглашению с Сербией»¹⁹. Причем, желая укрепить этот альянс, турецкое правительство сквозь пальцы смотрело даже на появление в Косовском вилайете вооруженных сербских отрядов, а Хильме-паше было дано указание не предпринимать против них энергичных мер, «так как они немногочисленны и нападают пока на одних болгар и вследствие этого создают препятствия к сближению между Сербией и Болгарией, каковое было бы опасно для Турции»²⁰.

Деятельное участие в переговорах между Турцией и балканскими государствами приняла Франция, желавшая упрочить свое положение на Балканах в противовес австрийской политике. Именно французский кабинет выступил посредником в этих переговорах. Наби-бей, поверенный в делах Турции в Париже, доносил: «Французский министр иностранных дел, коего я посетил вследствие полученного от него приглашения, сказал мне, что он как нельзя доволен тем, что сделанное им Мюнир-паше (послу Османской империи во Франции. — *Я. В.*) заявление относительно грозных последствий, которые может повлечь за собой настоящее положение дел на Балканском полуострове, было принято в соображение. Напомнив о своих предыдущих советах, министр иностранных дел заявил, что, по его мнению, побудить Болгарию терпеливо выжидать осуществления предпринятых в Македонии реформ возможно лишь в том случае, если удастся отнять у нее всякую надежду на содействие других балканских государств.

Г-н Пишон* присовокупил, что он всеми зависящими от него средствами готов содействовать Турции в видах осуществления этой комбинации»²¹.

И именно Франция предприняла шаги, чтобы вовлечь в нарождающийся союз Грецию. Вот что писал в одном из своих доносений в Петербург российский посланник в Константинополе И.А. Зиновьев: «Принимая в соображение невозможность вовлечь одновременно как Румынию, так и Грецию в комбинацию, о которой идет речь, г-н Пишон полагает, что включение в эту комбинацию Греции было бы весьма выгодно, как с политической, так и с военной точки зрения. В таком случае исчезло бы нерасположение, которое Черногория питает против Греции, и три балканских государства образовали бы группу, между членами коей не существовало бы ни соперничества, ни недоверия, чего едва ли было бы возможно достигнуть, если бы в предполагаемой комбинации место Греции заступила Румыния»²². Вот почему турецкие власти смотрели сквозь пальцы на бесчинства греков.

Как замечает Ю.В. Казанова, «самым действенным методом утверждения греческого влияния в регионе были угрозы расправиться со всеми, кто отказывался признать власть Константинопольского патриарха, и их выполнение. Примерно так же действовали и болгары»²³. В этой связи нам хочется привести конкретный пример греческой пропаганды в Македонии, показавшийся нам наиболее характерным для того времени: «Пропаганда идей эллинизма, обыкновенно скрытая, благодаря необращению на нее внимания со стороны властей, дошла в своей смелости до того, что переполнила даже терпение турок: 30 января в греческой школе в д. Гюмендже в присутствии военных и гражданских властей и около 200 патриархистов** проходил экзамен; зал, как при всех подобных случаях, был декорирован греческими флагами и знамёнами. В конце экзамена между двумя учениками, изображавшими отца и сына, произошел приблизительно следующий диалог:

* Стефан Пишон (1857–1933) — известный французский политический деятель Третьей Республики.

** Патриархисты — приверженцы (сторонники) Константинопольского патриархата.

– Сегодня, возвращаясь из школы, ты затеял ссору с болгарским мальчиком. Не стыдно тебе? Какая была этому причина?

– Выйдя из школы, я встретил по дороге одного болгарского мальчика, который мне сказал: “Боже, что за фигура! И греки хотя́т иметь право на Македонию. С такой физиономией Македонии быть вашей?” Я возмутился и оскорбленный в своих патриотических чувствах бросился на мальчика, схватив его за горло со словами: “Какое вы имеете право на Македонию? Она принадлежит нам, грекам!” Бил его до тех пор, пока он не сказал: “Да, Македония ваша — греков-эллинов; болгары не имеют на неё никакого права”. Вот и причина моей ссоры.

– Bravo, дитя! Это ссора не была простой; она возникла из желания защиты территориальных прав нации. Твое поведение достойно награды и восхищения.

Присутствовавшие начали кричать “bravo” и аплодировать; однако задетые за самолюбие турецкие власти арестовали одного директора школы и учителя»²⁴.

В самой же Греции для засылки на территорию Македонии началась подготовка добровольческих отрядов под командованием кадровых офицеров греческой армии. Одним из таких отрядов командовал Павлос Мелас, погибший в стычке с турецким отрядом и считающийся сегодня национальным героем Греции. В 1905 г. только в Битольском вилайете действовало от 800 до 1000 греческих партизанских отрядов²⁵. «Борьба между вооруженными отрядами партизан, добровольцами из Греции, Болгарии и Сербии, с одной стороны, а также между ними и османскими воинскими и жандармскими подразделениями, с другой, превращали Македонию в территорию, где война всех против всех в начале XX века превращалась в повседневную реальность», — отметил российский историк Ар.А. Улунян²⁶.

В результате угрозы, похищения, убийства и поджоги стали обычным делом в спорных районах. При этом донесения Ф.А. Шостака в российский Генеральный штаб изобилуют конкретными примерами «освободительной деятельности» как болгарских, так и сербских и греческих чет, занимавшихся грабежом, насилием местного населения и захватом заложников. «Уведенный разбойниками в марте сын местного домовладельца Абота, по-

сле успешного окончания переговоров с разбойниками, возвращен 15 апреля родителям после предварительно посланного выкупа в 15000 лир (130000 руб.)»²⁷. Резюмируя свои выводы, Ф.А. Шостака отмечал: «С вмешательством Европы деятельность банд окончательно утратила свое прежнее освободительное значение: само население стремится от них отделаться и зачастую отказывается от платежа налога»²⁸.

Российский Генеральный штаб отнесся к донесениям Шостака с должным вниманием. На их основании были составлены аналитические записки о положении в Македонии, при этом особо было отмечено недостаточно полное освещение Шостаком происходивших событий: «Человеку, незнакомому с турецким бытом, рапорт генерал-майора Шостака ровно ничего не дает, а освоившийся с турецким бытом может только по отдельным, случайным фразам догадываться, в чем тут дело»²⁹. Однако вывод, сделанный российским Генеральным штабом на основании донесений Шостака, не потерял своей актуальности и сегодня: «Наши попытки вводить в чужом государстве какие-то реформы при заведомом противодействии местной государственной власти составляют крайне печальную и неудачную канцелярскую выдумку, никогда и ни в каком случае не обещавшую ни малейшего успеха и всегда грозившую поставить нас в рискованное и даже безвыходное положение. Приводимое в рапорте мнение “почти всех христиан, что все беспорядки, существовавшие десятилетиями, вернутся к старому (N.B.: если не вмешается Англия), как только наши офицеры уедут”, — святая истина, а любопытство прежнего командира батальона при выезде его под давлением нашего гражданского агента: “долго ли еще продолжатся здесь реформы и когда реформаторы предпочитают уехать?” — обличает в нем тонкого знатока турецких порядков.

Во всяком случае, положение наших офицеров тяжелое, и для нас было бы большим благом, если нам удастся оттуда благополучно убраться. Но это есть задача не военного ведомства»³⁰.

И российский Генеральный штаб был совершенно прав. 3 июля 1908 г. началась Младотурецкая революция. И именно в Македонии офицеры-младотурки подняли на мятеж гарнизон крепости Ресна. Внутренний кризис в Османской империи активизировал

политику Австро-Венгрии, прежде всего в Боснии и Герцеговине, что привело к аннексионному кризису 1908-1909 гг. В то же время была признана независимость Болгарии. Все эти события коренным образом изменили ситуацию на Балканах, окончательно превратив регион в «пороховой погреб Европы». Балканский союз, за образование которого так ратовала Турция, всё-таки был создан в 1912 г., но направлен он был уже не против Болгарии, а против самой Османской империи. Однако сербо-болгарские противоречия разрешены не были. Македония послужила разменной монетой в сложной политической игре балканских и европейских государств, что вызвало Вторую Балканскую войну и последующее вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии. В том же 1908 году иностранные военные офицеры покинули Македонию.

Примечания

¹ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 545.

² В 1858 г. на Крите вспыхнуло восстание против власти Османской империи с целью воссоединения острова с Грецией, которое было жестоко подавлено турецкими властями. Однако сопротивление продолжалось и особенно усилилось в 1866 г. В события на острове активно вмешивалась Греция, стремившаяся усилить свои позиции на Балканах. Однако греческое правительство, несмотря на заключение в 1867 г. союзного договора с Сербией о совместной борьбе с Османской империей, не решилось пойти на открытую конфронтацию с Турцией. Восстание на Крите было подавлено турецкими и египетскими войсками, однако в 1868 г. на острове был введен «Органический статут», по которому христианское население получало широкие права в управлении Критом, уменьшался налоговый гнет.

³ См.: Симић С. Српска револуциона организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903–1912. Београд, 1998.

⁴ Истоки формирования данных организаций, их программы и деятельность явились предметом изучения М. Л. Ямбаева. См., напр.: Ямбаев М. Л. Македония в 1877–1912 гг. // «В пороховом погребе Европы». 1878–1912. М., 2003.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 204–204 об.

⁶ Артемий Иванович Череп-Спиридович (1868–1926) являлся не только одним из правых политических деятелей России начала XX века, но и крупным промышленником — владельцем торговой флотилии на Волге, акционером многих прибыльных предприятий угольной и нефтяной отраслей, сахарозаводчиком. После октябрьских событий 1917 г. эмигрировал в США, где издал книгу «Скрытая рука», в которой объяснял все мировые катаклизмы XIX–XX вв. деятельностью евреев, особенно Ротшильдов, стоящих, по его мнению, во главе «тайного мирового правительства». См.: Череп-Спиридович А. И. «Скрытая рука». М., 2006.

- ⁷ ГАРФ. Ф. 505. Ед. хр. 82. Л. 70.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340. Оп. 584. Д. 25. Л. 1.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 25. Л. 3 об.—4.
- ¹⁰ *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99.
- ¹¹ *Казанова Ю.В.* Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы) // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Иванович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том VI. М.: Модест Колеров, 2009. С. 91–111.
- ¹² *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии. С. 82–83.
- ¹³ Секретная депеша А.Н. Щеглова. Цетинье 30 апреля 1904 г. // АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 102. Л. 4.
- ¹⁴ Секретная депеша А.Н. Щеглова. Цетинье 11 (24 июня) 1904 г. // Там же. Л. 13 об. См. также: *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория. М., 1993. С. 197–205.
- ¹⁵ Краткий обзор положения дел в Солунском санджаке к концу 1906 года // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 866. Л. 6 об.—7.
- ¹⁶ Там же. Л. 7 об.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6839. Л. 52.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 855. Л. 20.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 113. Л. 23 об.
- ²⁰ Там же. Л. 3 об.
- ²¹ Весьма секретная депеша д.т.с. Зиновьева. Пера, 20 января (2 февраля) 1907 г. // Там же. Л. 9.
- ²² Там же. Л. 10.
- ²³ *Казанова Ю.В.* Русская военно-инструкторская миссия в Македонии. С. 95.
- ²⁴ Донесение Шостака от 3 марта 1907 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 866. Л. 45–45 об.
- ²⁵ См.: *Ямбаев М.Л.* Указ. соч. С. 313.
- ²⁶ *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. М., 1998. С. 88–89.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 866. Л. 55.
- ²⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6839. Л. 53.
- ³⁰ Там же. Л. 53–53 об.

Россия и Балканские войны 1912–1913 гг.: старые союзники и новые вызовы

Тема политики России на Балканах накануне Первой мировой войны традиционно относится к числу наиболее дискуссионных аспектов европейской истории указанного периода. Диапазон оценок и подходов в отечественной и мировой историографии имеет максимально широкий характер. На одном фланге — позиция приверженцев американских исследователей Барбары и Чарльза Елавичей, обвинявших Россию в стремлении взять под свой контроль весь регион Юго-Восточной Европы, руководствуясь в том числе и в особенности идеями славянской взаимности и панславистскими настроениями в российском обществе. На другом фланге — сторонники так называемой «школы Покровского», которые в качестве ключевого фактора российской политики на Балканах и в более глобальном масштабе видят исключительно стремление установить контроль на Черноморскими проливами, считая поиском обходного пути к ним в том числе и русско-японскую войну 1904–1905 гг. Впрочем, известное и весьма справедливое высказывание самого Михаила Николаевича Покровского из озвученного в 1928 г. доклада «Общественные науки в СССР за 10 лет» о том, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое», во многом объясняет остроту продолжающихся дискуссий на тему политики России на Балканах.

Если попытаться сформулировать некоторые ключевые, по нашему мнению, аспекты и факторы данной политики, то они могут звучать следующим образом:

1. Стремление России укрепить собственные военно-политические позиции в ключевом европейском и евроазиатском регионе;
2. Исторически сложившийся курс на оказание поддержки национально-освободительным движениям балканских

народов, в том числе (но не только) исходя из их этно-конфессиональной близости;

3. Реализация экономических интересов посредством выхода на новые рынки сбыта;
4. Обеспечение династических интересов посредством укрепления связей с балканскими правителями;
5. Понимание важности региона как одного из ключевых геополитических полигонов выстраивания общей системы международных отношений в Европе и взаимоотношений между ведущими мировыми державами.
6. Личные настроения и симпатии российских дипломатов в отношении балканских народов.

При этом вряд ли можно отрицать, что и сами балканские народы исторически стремились играть всё более активную роль в европейских делах, одновременно оставаясь в тени более сильных государств и при этом находясь в пересечении их интересов. Это, в свою очередь, ставит в научную повестку дня решение более общей задачи, которая может быть сформулирована как «комплексная проблема национальных движений на Балканах и формирования государственности у народов этого региона».

10 августа 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор между пятью балканскими государствами — Болгарией, с одной стороны, и Грецией, Румынией, Сербией и Черногорией, с другой. Вторая (Межсоюзническая) Балканская война завершилась¹.

Однако проблем, болевых точек и вызовов в регионе меньше не стало — даже для заметно увеличившей свои владения Сербии². В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Косово. Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии — прежде всего, в глазах других югославянских народов.

Но нельзя недооценивать опасное политическое значение Балканских войн, особенно в контексте начавшегося менее чем через год общеевропейского военного пожара. Говоря словами русского балканиста В.Н. Виноградова, «Бухарестский договор, заключенный правителями балканских государств само-

стоятельно, без вмешательства великих держав, посеял зёрна новых конфликтов на полуострове. Используя перекрещивающиеся претензии Бухареста, Белграда, Софии, Афин, Цетинье и Стамбула, дипломаты Антанты и Тройственного союза начали большую игру по заманиванию их в свой лагерь»³.

По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей Первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители — ставшие большими по территории и более мощными — остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия всё еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на “великую Грецию”, включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впереди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года — она потеряла 25.000 человек и была поставлена на грань революции»; теперь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»⁴.

Справедливости ради следует отметить, что причины Второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует искать в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развития ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фейя о том, что «хотя албанский компромисс (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — П. И.) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриа-

тики. — *П.И.*) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»⁵.

Представители великих держав⁶ хорошо понимали всю условность и зыбкость решения вопроса о границах Албании. Выступая 12 августа 1913 г. в палате общин британского парламента, председательствовавший на Лондонском совещании послов министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил буквально следующее: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего сохранить согласие между самими великими державами»⁷. Правда, само это согласие тоже было весьма относительным. Как справедливо отмечал российский исследователь Ю.А. Писарев, именно на Балканском полуострове «сталкивались и переплетались интересы противостоящих друг другу коалиций: Тройственного союза и Тройственного соглашения, которые, готовясь к кровавой схватке, пытались заполучить на Балканах новых союзников»⁸. Впрочем, дело было не только в поиске новых союзников. По мнению А. Митровича, в период между 1908 г. и 1914 г. и особенно после Первой Балканской войны «Австро-Венгрия путем ликвидации независимости небольшого соседа на юге хотела проложить путь к расширению на юго-восток и продемонстрировать мощь у себя дома, где ситуация складывалась неблагоприятно. Для Германии подобная австро-венгерская политика предоставляла возможность с ее помощью вызвать военные действия, в ходе которых она бы сумела создать фантастическую империю в Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Африке и на некоторых океанических архипелагах, империю, задуманную как сложное образование, состоящее из расширенной территории Рейха, государств-сателлитов, сфер жизненных интересов и огромных колоний»⁹.

Привлекательность Балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами — незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее все-

го данную особенность Балкан — выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов — выразил югославский историк М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона¹⁰. Вместе с тем, по словам историка, «его географическое положение, которое “открывает ворота трех континентов”, сделало Балканы постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века...»¹¹. По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию в регионе, он приходит к выводу, что «балканская бочка с порохом» не являлась результатом воли самих балканских народов, а скорее «выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, но их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹².

Балканские войны легли тяжелым бременем на все стороны экономической и политической жизни и победительницы-Сербии. Ее потери в живой силе только за период Первой Балканской войны составили 22.000 человек убитыми. Финансовые резервы были опустошены. Только содержание 402-тысячной армии обошлось государственной казне в 250 млн динаров. Если же к этой внушительной сумме прибавить дополнительные расходы, составившие еще 120 млн, то общий итог составит 370 млн динаров — именно в такую сумму обошлись для Сербии Балканские войны¹³. Финансовые эксперты Австро-Венгрии, оценивая стоимость военных кампаний для экономики Сербии, назвали цифру в 450 млн франков¹⁴. Имелись и другие оценки, определявшие общие потери Сербии в Балканских войнах в один миллиард франков¹⁵.

В ходе Балканских войн значительно ухудшились условия труда на сербских предприятиях. Для примера — в городе Пожега продолжительность рабочего дня для работников металлургической отрасли выросла с 10 до 18 часов¹⁶.

Серьезные потери понесла и сербская армия. В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, глава сербского кабинета Н. Пашич следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400,000 человек пехоты и 100.000 человек, связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и поддержания общественного порядка в стране. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10 % от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов¹⁷.

Неудивительно, что среди членов высшего политического и военного руководства Сербии преобладало представление о желательности для страны «мирной передышки» — в том числе и с точки зрения проведения более активной политики на «югославянском направлении». Многоопытный сербский премьер Н. Пашича отдавал себе отчет в неготовности страны к новой войне — в частности, для освобождения южнославянских областей монархии Габсбургов: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим всё настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»¹⁸. А российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман на пороге Первой мировой войны отмечал, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»¹⁹.

Правда, это мнение не было единодушным. Еще 27 июня 1913 г. на заседании парламентского клуба депутатов-радикалов министр финансов Сербии Лаза Пачу призвал не рассматривать присоединение к Королевству Старой Сербии и Вардарской Македонии в качестве полного выполнения сербской национальной задачи. По его словам, итоги Первой Балканской войны закономерно поставили в повестку дня достижение глобального объединения с югославянами Австро-Венгрии. Значительным в сербском обществе явился и морально-психологический эффект от сербских побед и воссоединения со Старой Сербией. Как отмечал в 1912 г. Миодраг Попович, крестьяне, «вдохновленные примером героев Косовского мифа и любимого народом богатыря Марко Кралевица, ожесточенно сражались с турками и завоевывали победы»²⁰.

Вместе с тем, и сам министр финансов, и многоопытный Н. Пашич не могли не понимать, какие военные и хозяйственные потери понесла Сербии, и каких средств потребует освоение вновь присоединенных областей²¹.

Во многом ситуация вернулась на 35 лет назад — в эпоху Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и работы Берлинского конгресса 1878 г., занявшегося «обустройством» Балкан в новых военно-политических условиях. И слабость, и противоречивость принятых тогда великими державами решений явились следствием как раз попыток нарисовать на Балканах сбалансированную картину — в том числе в плане определения границ. Балканы — один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы

искусственно сужались за счёт македонских земель, когда на три части оказывался разделенным сербский этнос, когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев.

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» — транспортные пути. Главная водная артерия региона Дунай объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через Черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Именно в конце 1870-х годов перед балканскими странами встала настоящая задача употребить усилия на хозяйственное освоение приобретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов и новых межнациональных — то есть заняться тем, что с присущим им красноречием сербы называли «консолидацией военных завоеваний». Эти задачи балканские народы и государства решили лишь отчасти, в том числе и по сугубо внутренним причинам, среди которых не следует недооценивать «запоздалость, слабость капиталистического развития и обусловленные ею особенности соотношения классовых сил»²².

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой, сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые — македонский, косовский, добруджанский, боснийский и целый ряд других. При этом наибольшие выгоды — в том числе территориальные — извлекли из балканского кризиса две державы, не принимавшие непосредственного участия в собственно военных действиях — Англия и особенно Австро-Венгрия. Монархия Габсбургов смогла утвердиться в двух стратегически важных районах Балкан —

Боснии и Герцеговине и Новопазарском санджаке, где получила документальное разрешение держать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты военной и гражданской инфраструктуры. Несколько в тени находились «восточные» планы Германии, но по своим масштабам они явно превосходили вожеления и Вены, и даже во многом Лондона. Как указывает российский исследователь Б.М. Туполев, «осуществление грандиозного плана сооружения единой сети железных дорог, призванных соединить Анатолию с Сирией и Месопотамией, вплоть до Персии, а также с Аравийским полуостровом и Египтом, означало бы установление германского контроля над огромной территорией и всестороннее ее использование в экономических и политических интересах Германской империи»²³.

Стремление Сербии военным путем расширить свою территорию в 1912–1913 гг. во многом как раз явилось следствием решений, принятых (а тем более, не принятых) в 1878 г. в Берлине. По итогам Балканских войн общее население новых сербских областей составило свыше 1.600.000 человек (до войны на этих территориях проживало около 1.700.000 человек; уменьшение численности явилось следствием эмиграции), причем, по сведениям сербского правительства, 200.000 из них составляли албанцы. Правда, справедливость последней цифры ставилась под сомнение независимыми наблюдателями в плане ее искусственного занижения²⁴.

Какие международно-правовые документы имели на руках великие державы и Сербия накануне нового раунда дипломатических — и не только — маневров вокруг Албании и сербо-албанского разграничения? Положение самого Албанского государства регулировалось документом о внутреннем устройстве Албании, принятым на заседании Совещания послов великих держав в Лондоне 29 июля 1913 г. В его основе лежал австро-итальянский проект. Этот документ не признал ни решение о независимости Албании, принятое во Влэре 28 ноября 1912 г., ни образованное неделю спустя Временное албанское правительство во главе с Исмаилом Кемали, состоявшее из семи министров — мусульман и христиан²⁵. К числу ключевых фигур кабинета Кемали, отвечавших, в частности, за организацию албанских

правительственных войск, относились Риза-бей из Джяковицы и Иса Болетини, который незадолго до этого, отступая перед сербской армией, прибыл во Влёру через Люму²⁶.

Между тем, на следующий день после провозглашения независимости, Исмаил Кемали направил телеграммы министрам иностранных дел ведущих европейских государств, а также Турции, в которых он проинформировал их о принятых во Влёре решениях и призвал признать албанскую независимость и защитить албанцев «от любого посягательства на их национальные права, а территорию от расчленения». В документе говорилось, что «албанцы, входящие в семью народов Восточной Европы и гордящиеся тем, что они являются ее древнейшим народом, преследуют только одну-единственную цель: жить в мире со всеми балканскими государствами и стать стабилизирующим началом в регионе»²⁷. В телеграммах, адресованных странам Балканского союза, содержались требования прекратить враждебные действия и вывести свои войска с албанских земель.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов оперативно проинформировал о решениях Всеалбанского конгресса российских дипломатических представителей в Белграде, Софии, Париже, Лондоне, Вене и Берлине. Он особо отметил важность того, чтобы Сербия в сложившейся непростой ситуации соблюдала осмотрительность в албанском вопросе и, в частности, отказалась от планов присоединения прибрежных областей Центральной Албании: «Сербы не должны ставить нас перед необходимостью публично отречься от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним»²⁸.

Однако в плане практических действий великие державы проигнорировали обращение Всеалбанского конгресса. Ответ поступил лишь от турецкого правительства, но — негативный. А уже 3 декабря греческий флот атаковал Влёру, однако Австро-Венгрия и Италия предупредили Афины о недопустимости захвата порта, явив таким образом очередное свидетельство сложного переплетения интересов великих держав и балканских стран вокруг Албании, где взаимодействие сменялось враждой и наоборот²⁹.

В результате длительного обсуждения Совещание послов великих держав в Лондоне отвергло планы Турции сохранить

Албанию в качестве своей провинции, но наряду с этим оно отказалось признать ее независимым государством — что вполне соответствовало планам Австро-Венгрии и Италии, подготовившим соответствующий совместный проект³⁰. Согласно принятому 29 июля 1913 г. на форуме решению о государственно-правовом статусе Албании она провозглашалась «суверенным, наследственным и нейтральным княжеством под протекторатом великих держав». Данный протекторат должна была осуществлять специальная комиссия в составе семи членов — шесть от великих держав и один от Албании, на которую возлагалась обязанность расформировать существующие органы власти, разработать для страны «Органический статут» и организовать международный корпус жандармов³¹.

Более конкретно основные положения документа, принятого великими державами, сводились к следующим 11 статьям:

1. Албания провозглашается в качестве автономного, суверенного и наследственного княжества с правом наследования по первородству под гарантиями шести держав. Правительство будет определен шестью державами.

2. Любая форма сюзеренитета между Турцией и Албанией исключается.

3. Албания является нейтральной; ее нейтралитет гарантирован шестью державами.

4. Контроль над гражданской администрацией и финансами Албании должен быть передан Международной комиссии, включающей в себя делегатов шести держав и одного делегата из Албании.

5. Полномочия данной комиссии продлятся десять лет и в случае необходимости могут быть продлены.

6. Комиссия будет уполномочена подготовить проект детальной организации всех ветвей администрации Албании. В течение шести месяцев, она представит державам доклад о результатах своей работы и своих решениях по административной и финансовой организации страны.

7. Правительство будет назначен в течение шести месяцев. До его назначения и до создания окончательного национального правительства, деятельность существующих местных властей и жан-

дармерии будет находиться под контролем Международной комиссии.

8. Общественный порядок и безопасность будут обеспечены посредством международной организации жандармерии. Данная организация будет находиться в руках иностранных офицеров, которые будут осуществлять эффективное командование жандармерией.

9. Данные офицеры будут набраны из состава шведской армии.

10. Миссия иностранных офицеров и инструкторов не будет покушаться на единство службы или на привлечение местных комиссованных и не комиссованных офицеров и жандармов.

11. Жалование этим офицерам будет обеспечено из доходов страны, гарантированных державами.

Несомненное внутреннее противоречие первой статьи, провозглашавшей Албанию одновременно «автономным» и «суверенным» княжеством, было связано с предшествующими решениями Лондонского совещания. Так, еще 17 декабря 1912 г. на своем первом заседании представители великих держав договорились создать «автономную, жизнеспособную» Албанию «под суверенитетом или сюзеренитетом султана», и председательствовавший на конференции Э. Грей «стремился сохранить преемственность между формулировками от 17 декабря 1912 г. и 29 июля 1913 г., определявшими международно-правовой статус Албании»³².

Весомый вклад в обеспечение в целом благоприятной для Албании позиции великих держав внесла активность самих албанцев, которые организовали в своей стране массовые акции протеста против действий сербских и черногорских войск. Так, 18 апреля 1913 г. российским консульством в Янине было получено официальное сообщение председателя организационного комитета одного из подобных митингов, в котором подчеркивалось, что «захват Черногорией Скутари (Шкодер. — *П.И.*) идет вразрез с волей великих держав, представляя собой смертельный удар для Албании», и содержался призыв к мировой ответственности не допустить осуществления черногорским королем Николой «вопиющего завоевания на глазах у всей Европы двадцатого века»³³.

Что же касается границ нового европейского государства, то компромисс был достигнут путем, с одной стороны, сохранения за Албанией Шкодера, на которую претендовало черногорское руководство (территория Албанского государства в результате составила 28.000 кв. км. с населением приблизительно 800.000 человек), а с другой — передачи Сербии и Черногории обширных территорий с преобладающим албанским населением, в том числе Косово и плато Дукагин с городами Призрен, Печ, Джяковица, а также Дебара (Сербии) и городов Плав и Гусинье (Черногории)³⁴.

Решения, принятые великими державами 29 июля 1913 г., фактически признавали наличие в Албании трех «правительств», или «существующих местных властей»³⁵. Помимо базировавшегося во Влёре правительства Исмаила Кемали, на территории Албании действовали Международная военная комиссия в Шкодере (разместившаяся там после вывода из города черногорских войск 14 мая 1913 г.), а также администрация крупного феодала и военачальника Эссад-паши Топтани, охватывавшая обширные территории Центральной Албании. Именно там, в первую очередь в районе Тираны и Дурреса, располагались его обширные земельные поместья. После того, как в июне 1913 г. Албанию покинули турецкие войска, являвшиеся во многом опорой Эссад-паши, последний согласился на предложение Исмаила Кемали войти в состав его кабинета и занял в нем пост министра внутренних дел.

Что же касается столь важного для Белграда выхода на Адриатическое море, то министры великих держав согласились предоставить Сербии исключительно коммерческий доступ к акватории через нейтральный и свободный порт на североалбанском побережье, который должна была связывать с Сербией железная дорога, находящаяся под международным контролем и охраняемая международными жандармами. Черногорские претензии на Шкодер не получили даже и такого удовлетворения³⁶.

Наконец, албано-греческая граница после долгих дискуссий между странами Тройственного согласия и примкнувшей к ним Германией, с одной стороны, и Австро-Венгрией и Италией, с другой (Рим выступал против чрезмерного расширения территории Греции в северном направлении, которое могло привести к установлению Афинами своего контроля над проливом

Корфу), была установлена Международной разграничительной комиссией, работавшей на месте в течение полутора месяцев, и зафиксирована во Флорентийском протоколе 17 декабря 1913 г. Согласно этому документу, за Албанией сохранялись Корча и Гирокастра, однако Янина и большая часть области Чамерия с преобладающим албанским населением закреплялись за Грецией³⁷.

Ориентировочная площадь Албании составляла около 28.000 кв. км, а население — 800.000 человек. Более точные цифры должны были появиться после окончательного исправления границ Албании двумя международными разграничительными комиссиями³⁸. Работа одной из них, занимавшейся определением северной и северо-восточной границ Албании, так и не была завершена в 1913 г. из-за ожесточенных споров входивших в нее делегатов и тяжелых климатических условий в горных районах Албании.

Бухарестский договор от 10 августа 1913 г. подтвердил основные территориально-этнические параметры Албанского государства, которые были установлены великими державами в Лондоне на основе компромисса между диаметрально противоположными требованиями, в первую очередь России и Австро-Венгрии.

Основной задачей российской дипломатии на «албанском направлении» являлось не только и не столько защита интересов Сербии и Черногории, а противодействие попыткам Австро-Венгрии «добиться преобладающего влияния в Албании»³⁹.

Позиция же Австро-Венгрии по албанскому вопросу с самого начала указанных событий во многом определялась ее нежеланием допустить усиление Сербии. Опираясь на поддержку Германии, она разработала проект предоставления Албании автономии. По словам начальника Генерального Штаба австро-венгерской армии генерала Конрада фон Гетцендорфа, эта страна «должна быть принята во внимание не только как сила, противостоящая Италии, но и как союзник против Сербии и Черногории»⁴⁰. Италия, со своей стороны, также выступила с поддержкой указанного плана, опасаясь нежелательного для ее стратегических интересов в регионе выхода Сербии на Адриатическое море.

Однако на Балканах далеко не все согласились верить дело албанского разграничения исключительно в руки великих держав.

И в первую очередь это касалось Сербии. Ведь вопрос о границах Албании, как не раз отмечалось на заседаниях Совета министров Сербии и в заявлениях самого Пашича, являлся, с момента отказа от Дурреса, той проблемой, вокруг которой были сосредоточены все помыслы сербов⁴¹. Так, говоря еще в период работы Лондонского совещания послов великих держав о выдвинутом австро-венгерской делегацией требовании присоединения к Албании Джяковицкого и Дебарского округов, сербский премьер отметил, что Россия должна самым энергичным образом выступить против этого требования. По его словам, «ни армия, ни сербский народ никогда не согласятся очистить земли, занятые ценой неисчислимо тяжелых жертв, и ни одно правительство не в силах будет противиться патриотическому народному движению». Одновременно российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг сообщал 8 февраля 1913 г. из Белграда, что и в сербской армии, и в политических кругах всё более проявляется недовольство правительством Пашича из-за его уступчивости, в связи с чем, по мнению российского дипломата, удержаться у власти оно может лишь при условии благоприятного для Сербии разрешения сербо-албанского пограничного вопроса. В противном случае, по его наблюдениям, существовала вероятность возникновения в стране серьезных внутривластных осложнений и перехода власти от радикалов к военной партии, которая будет вооруженными методами бороться против реализации постановлений международной мирной конференции, идущих, по мнению ее представителей, вразрез с сербскими национальными «вожделениями»⁴².

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции, представители великих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской терри-

тории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата, касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп⁴³, а кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны⁴⁴.

Глава сербского правительства имел в виду, в первую очередь, две статьи Берлинского трактата. Статья XXIII гласила, что «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии»⁴⁵.

Статья XXXV уже напрямую относилась к сербским реалиям. В ней говорилось, что «в Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами»⁴⁶.

Кроме того, Пашич заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что хотя главнокомандующий сербской армии уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с оккупированных албанских территорий, тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени⁴⁷.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Н.Г. Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым доверительным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болетинацем (Иса Болетини. — *П. И.*) и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях, по мнению Пашича, отзывание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»⁴⁸.

В итоге, ссылаясь на соображения государственной безопасности и охраны общественного порядка, сербское правительство не признало возможным сразу распространить действие конституции на присоединенные к Сербии территории (это было сделано лишь в конце 1913 г.) и постановило регулировать их устройство особым «Наказом об организации освобожденных областей», утвержденным королевским декретом от 31 августа 1913 г.

Согласно статье 82 данного документа, министр просвещения и церковных дел осуществлял надзор за деятельностью право-

славной церкви в соответствии с принципами сербского законодательства и церковных канонов. Аналогичный надзор министр осуществлял и в отношении неправославных и нехристианских религиозных организаций, разрабатывая «предписания и инструкции, в целях обеспечения их устойчивого функционирования, в соответствии с основными принципами этих учреждений, а также с учетом государственных интересов»⁴⁹.

Согласно статье 92, данное предписание должно было действовать до тех пор, пока сербская скупщина не присоединит предусмотренным законом путем освобожденные области к Сербскому королевству, что предполагалось осуществить на ее очередной сессии⁵⁰. Неудивительно, что данный документ стал предметом оживленных дебатов как в самой Сербии, так и за ее пределами⁵¹.

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Джяковица и Дебар и о выводе сербских войск со всей албанской территории, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий — «при условии, конечно, соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»⁵².

Однако несколько дней спустя, во время своей встречи с поверенным в делах России в Сербии В.Н. Штрандтманом Спалайкович сообщил, что председатель сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев; последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы⁵³.

Еще более колебаний и непоследовательности было проявлено правительством в вопросе о выводе из Северной Албании оставшихся там сербских войск. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих

албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, защищающих горные проходы, ведущие в Сербию. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самой Сербии, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией, встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Сербии всякого страха перед соседней монархией, а в ответ на напоминание о том, что зимой 1912 г. та не начала военные действия против Сербии в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»⁵⁴.

Ситуация в соседней Албании действительно не могла внушать оптимизма сербскому правительству. Ведь албанские лидеры также не сидели сложа руки. Они решили не дожидаться начала работы разграничительных комиссий и уже в августе снарядили депутацию в Италию и Австро-Венгрию. Как сообщал в Санкт-Петербург 26 августа 1913 г. российский представитель в итальянской столице Крупенский, «в Рим приехала на днях албанская депутация в составе албанского министра Муфид-Бея и некоторых других правительственных лиц. Эти господа были приняты в Консульте парламентским товарищем министра иностранных дел, князем ди Скалеа, и были также у министра иностранных дел в Валломброза.

По сообщенным мне сведениям, албанцы благодарили итальянское правительство за его поддержку в вопросе о южной границе Албании и настаивали на необходимости, чтобы долина Аргирокастро (Гирокастра. — *П. И.*) и разные другие спорные местности были присуждены Албании». Характерно, однако, то, что, окказав, по словам Крупенского, албанской депутации «предупредительный» прием, «обещаниями итальянское правительство себя не связало»⁵⁵.

Дипломатические усилия албанские лидеры пытались подкрепить вооруженными акциями. В течение всего августа по на-

ущению австро-венгерских агентов и на венские деньги албанские отряды осуществляли нападения на передовые сербские части — в первую очередь, в районе Дебара. Целью являлось создать у великих держав впечатление о широком недовольстве албанцев намеченной на Лондонском совещании послов великих держав сербо-албанской пограничной линией и побудить их пересмотреть принятые решения по разграничению⁵⁶.

Красноречивые данные содержались в российской дипломатической переписке. Так, 3 октября 1913 г. российский дипломатический представитель в Афинах С.Д. Урусов направил в Санкт-Петербург примечательную подборку документов. Как отмечалось в сопроводительном донесении, речь шла о выдержках «из очередных донесений вице-консула нашего в Авлоне (Влёра. — *П. И.*), свидетельствующих об усилившемся расколе среди албанского правительства и об анархическом состоянии в созидаемом албанском государстве»⁵⁷.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению. — *П. И.*) окончательно еще не установленную»⁵⁸. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское прави-

тельство намеревается дать и на новое коллективное заявление великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции⁵⁹.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения МИД России следующее заявление кабинета, что и было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.: «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нарекания со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»⁶⁰.

Тем не менее, сообщив о принятом на заседании кабинета решении российскому и французскому дипломатическим представителям, Спалайкович еще раз повторил оговорку о неизбежном, по мнению сербского правительства, возникновении новых беспорядков в Албании и о вероятном новом занятии сербскими войсками тех же позиций, что позволяло реально оценить отношение Пашича к принятому им самим решению. Действительно,

в тот же день австро-венгерскому поверенному в делах было заявлено не об очищении территории Албании, а об отводе сербских войск на правый берег реки Черный Дрин как на крайнюю возможную линию их отхода.

Это несоответствие было объяснено российскому представителю простым недоразумением, происшедшим вследствие того, что Спалайкович передал данное сообщение фон Шторку не лично, а через начальника политического отдела министерства иностранных дел. Однако последний в беседе со Штрандтманом подчеркнул, что в данном случае Спалайковичем была сделана сознательная попытка, во-первых, удовлетворить австро-венгерское правительство минимально уступкой из опасения навлечь на себя неудовольствие Пашича слишком поспешным решением вопроса, а во-вторых, вызвать затяжку времени в расчёте на то, что какие-либо новые антисербские выступления албанцев убедят Международную разграничительную комиссию в необходимости изменить в пользу Сербии постановления лондонского совещания послов великих держав относительно сербо-албанской границы, в первую очередь, в том, что касается Люмы⁶¹.

Однако внешнеполитические планы сербского правительства распространялись не только на Люмский округ. Управляющий МИД в своих беседах со Штрандтманом постоянно возвращался к вопросу об Охридском озере, которое решениями Лондонского совещания было частично присуждено Албании. В ответ на сообщение российского поверенного в делах, сделанное согласно прямому распоряжению товарища министра иностранных дел России А.А. Нератова, о неизбежности установленной великими державами пограничной линии, пересекающей озеро от деревни Лин до монастыря Св. Наума. Спалайкович настоятельно просил еще раз поставить перед министерством иностранных дел вопрос о том, что Сербия предвидит для своих жизненных интересов «гибельные последствия от доведения албанской границы до Охридского озера, которое таким образом будет служить исключительно удобным местом для совершения албанцами всякого рода разбоев»⁶².

Во время уже упоминавшейся встречи Спалайковича с дипломатическими представителями России и Франции, состоявшей-

ся 18 сентября 1913 г., представитель МИД Сербии сообщил, что по имеющимся у его правительства сведениям албанское население прилегающих к сербо-албанской границе округов, а также Ново-Пазарского санджака готовит антисербское восстание. В сложившихся условиях в Белграде было решено усилить сербские гарнизоны, расположенные на границах с Албанией и Черногорией, а также закрыть доступ албанцам в города Джяковица и Дебар⁶³. Спустя всего месяц после завершения Второй Балканской войны в регионе снова стремительно стало нарастать военно-политическое напряжение, и России вновь предстояло решить нелегкую задачу обеспечения собственных интересов в столь беспокойном европейском уголке.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 132–133.

² История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 657; *Rothert R. Aus Albaniens Werdetagen*. Berlin, 1914. S. 3.

³ Краткая история Румынии. М., 1987. С. 285.

⁴ *Martel G. The Origins of the First World War*. London — NY, 1987. P. 63.

⁵ *Фей С. Происхождение мировой войны*. Т. I. М., 1934. С. 308.

⁶ Великие державы — «термин, принятый для обозначения государств, играющих ведущую роль в международных отношениях и несущих особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности» // *Дипломатический словарь*. Т. I. М., 1984, с. 178. В ходе работы Венского конгресса 1814–1815 гг. было признано существование пяти великих держав — России, Пруссии, Австрии, Англии и Франции. После испано-американской войны 1898 г. в качестве великой державы были признаны США, в конце XIX в. — Италия, после русско-японской войны 1904–1905 гг. — Япония. В результате Первой мировой войны Австро-Венгрия перестала существовать в качестве великой державы, а Германия после своего объединения в 1871 г. заняла место Пруссии. Начиная с конференции 1945 г. в Сан-Франциско, великими державами принято называть пять государств — СССР, США, Китай, Францию и Великобританию, которые, согласно Уставу ООН, стали постоянными членами Совета Безопасности. США лишь после Балканских войн установили дипломатические отношения со странами Балканского региона (за исключением Турции), назначив Ч. Воличку своим дипломатическим представителем одновременно в Болгарии, Сербии и Румынии (где находилось его постоянное представительство). // См.: *Пантев А., Петков П. САЩ и България по време на Първата световна война*. София, 1983. См. также: *Велике силе и Србија пред први светски рат*. Београд, 1976.

⁷ Цит. по: *За балканскими фронтами Первой мировой войны*. М., 2002. С. 51.

⁸ *Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны*. М., 1985. С. 3.

⁹ *Mitrović A. Prodor na Balkan*. Beograd, 1981. S. 439.

- 10 *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd. 1986. S. 277.
- 11 Ibidem.
- 12 Ibid. S. 278.
- 13 Ibid. S. 52–53.
- 14 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.
- 15 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 196; *Skakun M.* Op. cit. S. 52–53.
- 16 Упеник В.А. Положение рабочего класса Сербии перед первой мировой империалистической войной // Ученые записки Института славяноведения. Т. XI. М., 1955. С. 299.
- 17 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.
- 18 Споменница Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1925. С. 721.
- 19 Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 13.
- 20 *Дороница Р.Ф.* Сербская литература в преддверии войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 75.
- 21 Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. С. 383.
- 22 *Мадиевский С.А.* Различия социальных структур формирующихся буржуазных наций и некоторые отражения их в политических институтах и духовной культуре (на примере Болгарии и Румынии) // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977. С. 65.
- 23 *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». М., 1991. С. 51. О роли железных дорог в развитии военно-политической ситуации на Балканах подробнее см.: *Искендеров П.А.* Балканские железные дороги как фактор геополитики (1878–1914) // Вопросы истории. 2023. № 12-2. С. 4–21.
- 24 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 3.
- 25 *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 21; *Grothe H.* Das Albanische Problem. Halle, 1914. S. 12–13.
- 26 *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 84–85.
- 27 Цит. по: *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 56.
- 28 Там же.
- 29 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London — NY, 1995. P. 69.
- 30 *Puto A.* La question albanaise dans les actes internationaux de l'époque imperialiste. Vol. II. Tirana, 1988. P. 284–286.
- 31 Цит. по: *Castellan G.* Op. cit. P. 23.
- 32 За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 45, 451.
- 33 АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 21. Л. 81.
- 34 В целом, по примерным оценкам, в 1913 г. в состав Албании вошла в лучшем случае лишь половина собственно албанских земель, если рассматривать территории и албанское население, проживавшее в прежней Османской империи // *Castellan G.* Op. cit. P. 23; *An Outline of the PSR of Albania.* Tirana, 1978. P. 31; *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 26.
- 35 Краткая история Албании. М., 1992. С. 249.
- 36 *Балуџић Ж.* Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С. 518–523; *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 83–86; *Vojvodić M.* Skadarska kriza 1913. godine. Beograd, 1970. S. 125–137, 145–151; *Ismail Qemalli.* Permbledhje

- dokumentesh 1889–1919. Tirane, 1982; Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књига VI. Свеска 1. Београд, 1986. С. 135, 389–393, 395, 411, 415, 460, 495–496, 506, 521, 527; Там же. Књига VI. Свеска 2. Београд, 1986. С. 23, 43, 80, 87–89, 108, 124.
- 37 Constantopoulos D.S. Zur Nationalitätenfrage Sudosteuropas. Aumuhle, 1940. S. 12.
- 38 Подробнее см.: Zickel R., Iwaskiw W. Albania. A Country Study. Washington, DC., 1994.
- 39 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 334.
- 40 Цит. по: Писарев Ю.А. Указ. соч. С. 150.
- 41 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 9. Как подчеркивает российская исследовательница Е.Ю. Гуськова, хотя великие державы создавали независимую Албанию, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, называя их «святой землей» сербского народа, с которой начиналась сербская государственность. Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5.
- 42 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 12.
- 43 Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности. Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197.
- 44 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.
- 45 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 192.
- 46 Там же. С. 197.
- 47 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 315, 317.
- 48 Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 337.
- 49 Уредба о уређењу ослобођених области. Београд, 1913. С. 25.
- 50 Там же. С. 27.
- 51 Подробнее см.: Искендеров П.А. Экономические корни геополитики (на примере Балкан) // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 123–131.
- 52 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 355.
- 53 Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 334; Д. 530. Л. 164.
- 54 Там же. Д. 530. Л. 165.
- 55 Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 75. Л. 157.
- 56 Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књига VI. Свеска 3. Београд, 1986. С. 294–295.
- 57 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 332. Л. 129.
- 58 Там же. Д. 531. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как

признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц» // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11. В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов — по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению. Подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 531.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.

⁶⁰ Там же. Л. 343.

⁶¹ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Сербо-албанский конфликт осени 1913 г. и европейская политика // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 63–74.

⁶² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 166.

⁶³ Там же. Д. 531. Л. 345.

Идея религиозного содружества в рамках проекта общебалканского объединения (1930–1934 гг.)

Призван ли Балканский полуостров служить извечным полем для распрей, споров, раздоров и смут? На заре тревожного XX века, как и сейчас, однозначного ответа на этот вопрос не существовало. Одни из первых специалистов, по совместительству политики и ученые, составлявшие в 1913 г. отчет по итогам Балканских войн 1912–1913 гг. для Фонда Карнеги в защиту мира, были уверены: объединение возможно, но в идеалистической, автономной от остального мира форме. Почему? Слишком много заинтересованных в судьбе Балкан сторон, слишком велики аппетиты новоявленных государств, слишком пёстр по народонаселению Балканский полуостров. «Итоги двух Балканских войн засвидетельствовали ясную и объективно понятную вещь: объединившись, народы Балканского полуострова способны творить чудеса, которые могущественная, но разрозненная Европа даже не могла себе представить»¹, — писал французский представитель Комиссии от Фонда Карнеги Поль Анри Бенжамен д'Эстурнель де Констан. Однако это объединение слишком хрупко и недолговечно. Ведь «сегодня борьба на Балканах, впрочем, как и в остальной Европе, Америке, идёт не между угнетателями и угнетенными. Эта борьба двух политических концепций: политики вооружения и политики прогресса. В один день торжествует сила ума и рациональности, но уже на следующий закипают страсти, повышенная ревность к соседям, что ведет к новым запросам на вооружение, и политическая партия войны вновь поднимает голову»², — резюмировал представитель Франции.

Это противостояние двух партий — войны и прогресса — явно ощущалось в жизни региона на всём протяжении первой половины XX в. Даже на заре столетия, несмотря на воинствен-

ные настроения и прогнозируемые столкновения, националистическую пропаганду в СМИ, в общественно-политической среде появлялись и находили отклик резонансные проекты мира. Например, в 1909 г. в Салониках возникла Социалистическая рабочая федерация, выступавшая с идеей Балканской конфедерации в рамках существовавшей Османской империи. С началом Первой Балканской войны 1912 г. организация выпустила антивоенный манифест, где «авторы высказывались против раздела Османской империи на национальные государства, предложив в качестве альтернативы федеративную политическую структуру на основе автономии национальностей при сохранении политического единства»³.

В межвоенный период общественно-политическая элита балканских стран (большинства из них), наученная горьким опытом Балканских и Первой мировой войн, ощущая зыбкость сформированной Версальской системы мирных договоров, стала всё чаще прислушиваться к партии прогресса и, в частности, к инициативам, направленным на конструктивное сотрудничество. Плоды этого разворота стали заметны во всём: в смене внешнеполитической риторики, активизации двусторонних отношений, подписании новых дружественных договоров. Наиболее яркими акторами этого процесса стали Турция и Греция. В 1930 г. между странами был подписан договор о дружбе, нейтралитете и арбитраже, послуживший спусковым механизмом для формирования новой политики в регионе, направленной на реализацию принципа «закрытые и независимые Балканы для балканских народов». Началось активное привлечение и других игроков регионального поля с целью построения блокового союза, способного изолировать полуостров от опасных военизированных и революционных тенденций внешнего мира.

Чутко реагировала на вызовы времени и общественная мысль. В частности, в Греции с благосклонной подачи и поддержки властей зародилось движение общебалканского миротворчества. В конце 1920-х годов идея Балканского союза была предложена главным социалистом Греции, соратником крупнейшего политического деятеля страны Элефтериоса Венизелоса Александром Папанастасиу. Идея союза зиждилась на трех китах государственного

развития — политике, экономике и культуре. В свою очередь, каждый сегмент вмещал в себя множество дополнительных блоков и частей. Экономика подтягивала рынок, науку, финансы, сферу услуг, кооперативное движение, социальную сферу, медицину; культура — образование, искусство, спорт, театр. Рассматривался даже фактор привлечения феминистических организаций для распространения идеи мира среди молодых и активных женщин Балкан.

Несмотря на то, что идея Балканского союза разрабатывалась и проповедовалась прежде всего социалистами, участники миротворческого проекта не обошли своим вниманием и Церкви. Последняя осознавалась как мощнейший механизм духовного развития каждой нации, способный внести неоценимый вклад в процесс примирения и сотрудничества балканских государств.

В 1932 г. на страницах общевалканского журнала «Ле Балкан» — печатного органа Балканских конференций* — вышла статья албанского корреспондента Г. Натчи «Церковный союз и балканское движение за мир»⁴. В ней автор, заочно полемизируя со своими коллегами-социалистами, участниками балканского движения за мир, напрямую заявлял: «Те, кто осознают важность религии, ее структурообразующую роль, понимают востребованность и актуальность религиозного союза на Балканах. Но те, кто отвержен четкому и антимистическому настрою XX в., рассматривая религию только как крепость, подлежащую взятию и разрушению, должны осознать судьбоносность момента и важность религии для наших народов»⁵.

Изучая религиозный фактор, роль церкви в жизни общества, влияние религии на политические механизмы, автор задавался вопросом: «Если церковь является фактором неизбежности в полити-

* Балканские конференции (1930–1933 гг.) были проведены в четырех крупнейших городах Балканского полуострова — в Афинах, Анкаре, Бухаресте и Салониках. Участие в них приняли представители общественно-политических сил шести стран полуострова: Албании, Болгарии, Греции, Королевства Югославии, Румынии, Турции. Были выработаны важнейшие документы и предложения, направленные на сотрудничество государств во всех сферах жизни общества: в политике, экономике и культуре. Однако в результате межгосударственных противоречий, прежде всего между Болгарией и Грецией, Болгарией и Югославией, крепкого содружества достичь так и не удалось. В 1934 г. был заключен пакт Балканской Антанты, вынесший за рамки объединения Албанию и Болгарию.

ке государств, почему бы не использовать ее в проекте миротворчества на Балканах?»⁶ Безусловно, и албанский корреспондент это подчеркивал: мыслящая часть общества (и прежде всего мужчины) антицерковна, если не открыто атеистична. Но балканские страны — это прежде всего аграрные государства с преобладающим сельским населением, воспитанным в рамках традиций, которые неразрывно связаны с религией, причем, не только в обрядовом плане. «Священник, хаджа могут внести огромный вклад в идею общеполитического союза, в особенности проповедуя его блага в наших деревнях. И если политически они не могут повлиять на молодежь, а в большинстве своем и на взрослое мужское население, то его призывы будут услышаны нашими матерями, женами, сестрами, что принесет не меньшую выгоду нашей цели по объединению балканских народов»⁷, — писал албанский автор. Его слова были созвучны воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченко) (1880-1961), составленным по итогам встреч с подвижниками веры и благочестия XX века. Митрополит писал: «В давние времена христиане причащались вообще без исповеди, жили свято, за исключением особых случаев. И эта практика существует доселе в Греческой, Сербской, Сирийской Церквях. Слышал от очевидцев, как греческий смиренный священник после литургии шел еще со Святой Чашей по селу и причащал тех, кто по хозяйственным препятствиям не был в церкви: и эти — большей частью женщины — выбегали из своих хижин на улицу в чем были, кланялись в землю и с детскою верою причащались Святым Божественным Таин. Картина такой первобытной чистой веры была умилительна»⁸.

На первую половину XX столетия и межвоенное время пришелся действительно уникальный по своей силе и яркости период духовных поисков и борьбы в обществе. Наряду с ростом левых, социалистических идей, обмирщением духовной жизни городов, шел параллельный расцвет религиозности, пламенной веры в сельской местности, деревнях; активный процесс формирования православных братств — «интересного феномена Православной церкви XX в.»⁹. В Греции с призывом «обновить церковную жизнь», сделав ее более духовной, далекой от политики и государствообразующих механизмов, выступали народные

проповедники, богословы, причем, как миряне, так и монашествующие. Именно под их влиянием создавались первые греческие православные братства, наиболее известным из которых стало «Братство богословов Зои», основанное в 1907 г. иеромонахом Евсеем. «Идеальный порядок и дисциплина в сочетании с безусловным подчинением начальству позволили открыть отделения “Жизни” (по-греч. Зои) не только в крупных городах, но и в небольших населенных пунктах, и на островах»¹⁰. Деятельность братств возродила духовную составляющую жизни страны, разрядив атмосферу канцеляризма и апатии, а порой и бунтующего неприятия церковного мира. В деятельности «Зои» были, правда, и свои недостатки: выхолащиваемое отношение к богослужениям, применение миссионерской практики западных религиозных сообществ. Но вместе с тем движение оказало большое влияние на сохранение живой веры в Греции, улучшило ситуацию с монашеством — многие участники братства впоследствииполнили стены афонских монастырей.

Еще одним импульсом, инициировавшим оживление и усиление религиозной жизни в Греческом государстве, стало прибытие в страну массовых волн беженцев-малоазийцев, вынужденно переселенных на новые территории их исторической, но незнакомой родины по итогам Лозаннской конференции (1922–1923 гг.) и греко-турецкого Договора об обязательном обмене населением 1923 г. На берега континентальной Эллады новые жители ступили бедными и обездоленными с точки зрения материальной культуры, но при этом неизмеримо богатыми, принимая во внимание их любовь и тоску по оставленным очагам. С собой они привезли забытые в Греции восточные традиции (в частности, музыкальную, кулинарную), а также истовую религиозность. Например, известным иконописцем, просветителем, ратующим за возрождение иконописи, музыки, богослужений, их возвращения к византийскому образцу стал малоазиатец Фотий Кондоглу, а широко почитаемым в современной Греции и за пределами страны святым — выходец из Каппадокии Паисий Святогорец. На пожертвования беженцев строились новые храмы, туда переносились ценнейшие реликвии. Так, на острове Эвбея в деревне Нео Прокопион (по аналогии с малоазийским Прокопионом, но

с приставкой Нео, что означает по-гречески «новый») появился храм во имя святого Иоанна Русского. Именно туда и были перенесены каппадокийскими греками мощи глубоко почитаемого в Малой Азии и Греции святого. Стоит сказать, что память о святом сохранилась и на просторах Каппадокии. В турецком Ургюпе (бывшем греческом Прокопионе) до сих пор находится дом Аги, «в подвале которого провел свою жизнь русский пленник, и скальная церковь святого Георгия, где он был погребен»¹¹.

Всплеск религиозности наблюдался в межвоенный период и в Сербии. Способствовала тому богатая миссионерская деятельность одного из выдающихся богословов прошлого столетия святителя Николая Сербского. Благодаря его проповедям, нестяжательству, активной просветительской работе в обществе возрастал уровень грамотности и религиозной осознанности. Именно епископ Николай (Велимирович) увидел в богомольческом движении на территории Сербии необходимую основу для реанимирования и активизации духовной жизни Королевства. Благодаря его стараниям произошла «консолидация разрозненных групп в единую организацию — учрежденное в 1920 г. Православное народное христианское объединение»¹². ПНХО отвечало за миссионерское, катехизаторское служение, занималось благотворительностью. Главной целью движения являлось моральное возрождение сербского народа. Уже в 1935 г. количество богомольцев возросло до нескольких сотен тысяч человек. «Доподлинно известно, что постоянных членов насчитывалось 200 000. В 1939 г. в штаб-квартире ПНХО было зарегистрировано около 450 братств по всей стране, а тираж главного издания богомольцев, журнала “Миссионер”, составил 150 000»¹³.

Можно предположить, что определенному всплеску духовного сознания в высших кругах сербского общества поспособствовали и волны российской эмиграции после революции 1917 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) стало прибежищем для огромного числа представителей военной интеллигенции, выпускников духовных заведений, тоскующих по России и воспринимавших церковь как малый островок покинутой родины.

Интеллигенция Российской империи, представители духовенства, наследники священнических семей нашли свое приста-

нище и на землях Болгарии. Российский ученый М.В. Шкаровский отмечал: «В этот период русское духовенство играло значительную роль в жизни страны. Оно было более образованно, активно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: содействовало развитию монашества, богословской науки, созданию духовных учебных заведений и т.д.»¹⁴. Именно на межвоенный период пришёлся расцвет богословской деятельности таких людей, как Николай Никанорович Глубоковский — член-корреспондент Российской академии наук, один из создателей богословского факультета Софийского университета им. Климента Охридского; святителя Серафима Соболева — глубоко чтимого в Болгарии святого и общепризнанного подвижника современного православного мира. Епископ Серафим смог сплотить вокруг себя русскую общину, а также расположить к себе сердца болгарского населения. Как писал М.В. Шкаровский, «святитель Серафим, несомненно, был наиболее значительной и даже выдающейся фигурой русской церковной эмиграции в Болгарии. Владыка имел большое количество духовных детей и последователей»¹⁵.

В итоге мы видим, что в трех православных государствах Балкан на фоне титанических сдвигов в системе международных отношений и общей антигуманности XX века происходил параллельный расцвет веры и религиозного сознания. Вот почему вопрос объединения балканских государств на духовной основе был действительно актуальным и справедливо избранным в качестве важнейшего фактора для единения и согласия народов.

Но каким же видел автор этот религиозный союз? Прежде всего, и это объяснимо, как объединение православных церквей. К концу 1920-х годов на Балканах существовало четыре христианских и лишь два мусульманских государства с примесью православного населения. В частности, в Албании, согласно переписи 1930 г., из 1 003 068 албанцев 696 000 принадлежало к мусульманской религии, 200 008 — к православной вере и 105 000 — к католической¹⁶. Несмотря на провозглашенное в конституции 1928 г. равенство всех религий перед законом, государство оказывало особую материальную помощь лишь мусульманской и

православной общинам. При этом количественный перевес мусульманского населения по отношению к другим религиозным конфессиям приводил к тому, что лучшие административные и рабочие места распределялись только среди албанцев-мусульман. В будущем это могло спровоцировать серьезные конфликты на межрелигиозной почве. Однако в межвоенный период, когда государственность Албании лишь осваивала азы независимости, «теократическая империя султаната пала, а константинопольский патриарх отказался от своих прав на участие в политической деятельности, разнообразие религиозных течений должно было способствовать тому, чтобы религия стала частью жизни каждого человека, а не споров и войн между населением и государствами»¹⁷, — отмечал в своей статье редактор журнала «Ле Балкан» Ксенофонт Левкопаридис.

Турецкая республика, несмотря на светские реформы кемалистского правительства, обмирщение общественного сознания, обеспечение свободы вероисповедания, оставалась законной наследницей религии Османской империи — мусульманства. Второй по значимости конфессией являлось православие. Несмотря на послевоенную эмиграцию многих христианских семей, а также выселение малоазийских греков в 1923 г., на территории Турецкой республики продолжали жить представители греческих, болгарских и сербских общин. Более того, за Константинополем (Стамбулом) был подтвержден титул патриаршего города.

В отличие от Албании и Турции, доминирующую роль в духовной жизни остальных государств Балканского полуострова играла христианская религия. В Болгарии, в соответствии с переписью 1920 г., из 4 846 971 человек 4 061 829 принадлежало к православию, 690 734 — к мусульманству, 34 072 — к католицизму. В Румынии около 13 000 000 причисляли себя к православной религии, 1 350 000 — к греко-католической церкви, 1 224 000 — к католицизму, 162 000 — к мусульманству. По Греции не приводилась статистика пропорционального распределения приверженцев той или иной религиозной конфессии: вследствие конституционного закрепления восточно-православной ветви христианства в качестве господствующей религии, считалось, что в стране проживает преобладающее число православных

греков. В Королевстве СХС процентное соотношение православных и католиков было практически равным. Согласно переписи 1921 г. представителей православной веры насчитывалось 5 602 277 человек, католической — 4 735 154; количество граждан Королевства, исповедовавших ислам, составляло 1 337 687 человек¹⁸.

Таким образом, православную религию исповедовала большая часть граждан четырех балканских государств. Следовательно, именно за ней сохранялось право стать одним из важнейших базисов объединительного движения на полуострове. Однако в реальности она явилась еще одним камнем преткновения, маркером разобщенности балканских стран.

Причины существующего разлада в православном мире Балкан автор проекта видел в жесткой централизованной политике Константинопольского патриархата (Фанара), предусматривавшей сохранение греческого языка, а порой и назначенцев из греческого духовенства в независимых национальных церквях. Как писал албанский корреспондент, однобокий взгляд патриархии «привел к печальным последствиям: симпатия переросла в борьбу против всего того, что считалось греческим. Начало же борьбы против греческих священнослужителей и про-греческих традиций привело к войне как против самой церкви, так и патриарха. В итоге греческая националистическая политика последнего привела к отделению румын, болгар, сербов и впоследствии албанцев от единого церковного организма»¹⁹.

Ярким подтверждением этих слов явилась сложная межцерковная ситуация в Албании и Болгарии, достигшая апогея к началу 1930-х годов. Как отмечал греческий историк Константинос Якумис, политика Фанара в отношении православной церкви Албании, а также использования албанского языка в богослужебной практике начала ужесточаться с конца XIX в. на фоне роста националистических настроений. Константинопольский патриархат старался купировать национальное движение в Албании, боясь национализма, а также активного проникновения в страну западноевропейских религиозных учений (некоторые албанские переводчики Библии тесно сотрудничали с представителями протестантских церквей)²⁰. В свою очередь, росла

ненависть и неприязнь албанских националистов к Фанару, активно демонизировался облик последнего. Как писал греческий историк, «роль внешнего врага отводилась прежде всего Вселенскому Патриархату и его «агентам» в регионе, зарождающемуся греческому государству с его ирредентистскими планами, а также Сербской и Румынской Церквам, которые своим присутствием в Албании, по словам епископа Виссариона Хувани, «оскорбляли национальное достоинство Албанской Церкви». Вселенский Патриархат систематически обвинялся представителями Албанского Возрождения как инструмент греческого национализма»²¹. В 1908 г. в Албании были сделаны первые шаги по выходу местной православной церкви из юрисдикции Константинопольского патриархата. В ответ на угрозу отлучения борьба за независимость была перенесена в Америку. В 1919 г. в США была создана Албанская православная епархия, главой которой был избран епископ Фан (Феофан Ноли — будущий руководитель Албанского государства). В 1920 г. на территории Албании была создана Православная лига, выступавшая против эллиназации духовной жизни албанцев-христиан. А через два года «при активном участии архимандрита Фана в Берате состоялся православный Церковно-народный собор священнослужителей и мирян, на котором Албанская Православная Церковь впервые была провозглашена автокефальной»²². Попытки найти взаимовыгодный консенсус с Фанаром не увенчались успехом. В итоге вопрос был разрешен непосредственно албанским правительством. В 1929 г. в Албании была создана автокефальная православная церковь, так и не признанная Константинополем.

В Болгарии еще ранее, в 1870 г. султаном Абдул-Азизом была утверждена Болгарская Православная Церковь со статусом экзархии. В 1872 г. экзарх Анфим I объявил Болгарскую Церковь автокефальной. В ответ на это Фанар обвинил болгар в ереси, в результате чего поместная Болгарская Церковь перешла на положение схизматичной, то есть непризнанной. Отмена схизмы последовала лишь в 1945 г. Интересен факт, что под «определением Константинопольского собора 1872 г., объявившего болгар схизматиками, подписались исключительно патриарх и митрополиты греческой национальности»²³.

Ситуация, в которой оказались две церкви — Албанская и Болгарская, была достаточно показательной. В ней, как в зеркале, отразились заинтересованность греческого мира в сохранении централизованного влияния и по возможности управления в вопросах православной веры на полуострове, а также всевластие Фанара, стремившегося упрочить собственное положение в региональных церквях, купирова национализм и филетизм — национальное обособление поместных церквей. Однако причины подобной линии Константинополя были не только внутренние — статусность, политическая и административная власть: против Константинополя играли серьезные изменения в международной политике.

В 1922 г. в рамках заседаний Лозаннской мирной конференции, решающей судьбу Турции — наследницы Османской империи, впервые был поднят вопрос о статусе Фанара. Анкара была настроена категорично: патриаршая кафедра — механизм иноземного влияния, политический проводник эллинизма на ее территориях — должна быть удалена с турецких земель. Греция, как побежденная сторона, не могла опротестовать этого решения, но в защиту Фанара выступили великие державы, прежде всего Франция и Англия. Как подчеркивали российские ученые А.А. Чибисова и П.В. Ермилов, сохранение патриаршего местоблюстительства в Константинополе соответствовало экономической выгоде Лондона и Парижа: «Великобритания и Франция боялись нанести вред своим коммерческим интересам, так как в управлении большинством располагавшихся в Стамбуле иностранных компаний и местных банков были заняты именно греки. Резонно было предполагать, что изгнание греческого духовенства из Турции могло повести за собой окончательный исход греческого населения. Кроме того, Великобритания связывала определенные надежды с деятельностью патриарха Константинопольского Мелетия IV, который занял пост во многом благодаря английской поддержке, имел тесные контакты с правящими кругами Великобритании и фактически являлся проводником английских интересов в Стамбуле»²⁴.

Попыткой переиграть турок стала общественно-просветительская кампания в СМИ Европы и Америки, направленная на

защиту Константинопольского патриархата. Журналистами был удачно найден, а впоследствии «раскручен» тезис о вселенском характере патриаршего местоблюстительства в Константинополе. По мнению западноевропейских СМИ, Константинопольский патриархат, теряя узкие рамки своего греческого происхождения и исторической привязки к эллинизму, становился восточным Ватиканом, а патриарх приравнялся в своих правах и привилегиях к Папе Римскому в православном мире. Как писали А.А.Чибисова и П.В. Ермилов, «парадоксальность ситуации заключалась именно в том, что претензии Фанара на первенствующую роль в православной Церкви стали активно развиваться в тот момент, когда само существование Константинопольского патриархата было поставлено под вопрос, тем самым идея о его вселенском первенстве стала отражением не особенного авторитета патриархата, а напротив крайней слабости его положения. Раньше, лишь формально именуясь вселенским, Константинопольский патриархат имел реальную силу и влияние. После Лозаннской конференции вселенский статус был возведен в святыню всехристианского масштаба, в то время как реальные авторитет, власть и влияние остались в прошлом»²⁵.

По итогам конференции Фанар сохранил территориальную привязку к Константинополю, но лишился политических и административных функций. Именно поэтому духовному началству в Константинополе было столь важно сохранить остатки своей власти над паствой Болгарии и Албании: статус вселенского патриарха подтверждался бы не только частью приходов в Европе, но и поместными балканскими церквями. Последнее значительно улучшало позиции и функциональность Константинопольского духовного лидера. Можно предположить, что в могуществе Фанара была кровно заинтересована и Элладская Церковь. После гонений на Русскую Православную Церковь, утратой ею своего влияния в христианском мире греческие духовные лидеры стремились нарастить собственный потенциал и силы в регионе Балкан и Ближнего Востока.

Осознавал ли со всей очевидностью сложность и запутанность межцерковных взаимоотношений адепт идеи религиозного союза Г. Натчи? Сложно ответить на этот вопрос однозначно.

Предложения Натчи о возможных путях разрешения существующих трудностей были слишком поверхностны и незатейливы. В частности, вопреки общемировым настроениям он предлагал перенести центр Православия из Константинополя в другой город, разрешив таким образом проблему жёсткого централизованного правления Фанара. Девять лет прошло с окончания Лозаннской мирной конференции, лишь только утихла шумиха по итогам общественной кампании в мировых СМИ, ратующих за сохранение Константинопольского патриархата. И вот албанский делегат заново возвращает вопрос в повестку дня, причем, в очень наивной форме. Возможно, Натчи предполагал разрешить данный вопрос кулуарно и непосредственно балканскими государствами без привлечения великих держав. Да и цель этого переноса была значимой — религиозный союз всех балканских церквей. Другое дело, что подобное предложение было изначально нереализуемо. За сохранение Фанара, как отмечалось российскими исследователями, стояли английские правительственные круги, а также французские коммерческие интересы. Не желал переноса и сам Фанар. Во-первых, утрачивалась преемственность, богатая историческая память: патриархат существовал в границах Константинополя еще во времена Византийской империи, а в условиях османского ига и вовсе обрёл статус духовного окормителя и лидера всех православных народов Балкан. Переезд Фанара в любой другой город полуострова перечеркивал многовековую историю данной духовной организации и фактически обнулял его статусность. Во-вторых, неясность сохранялась с новой территориальной резиденцией патриарха. Расположение патриархии в одном из государств Балкан либо нивелировало роль последней, либо возрождало новые трения, претензии и диспуты.

Характерным явилось и второе предложение Натчи: избирать на высшие церковные должности иерархов других национальностей, не только греков. Религиозный союз балканских государств предполагал единство православных церквей — Элладской, Сербской, Румынской, под вопросом — непризнанной Болгарской. Во всех этих церквях высшее духовенство, да и младший клир являлись выходцами из собственного народа. Другое

дело — Албанская Православная Церковь, находящаяся на пике борьбы с Фанаром за собственную идентичность. Для нее вопрос клира, его национальной принадлежности действительно был актуален. Следовательно, албанский корреспондент просто ретранслировал видение и пожелания собственного народа, православной общины Албании. Другое дело, что решение этого вопроса было столь же бесперспективно, как и перенос резиденции Фанара. Назначение клира из местных жителей предполагало независимый статус Албанской Церкви, ее выход из юрисдикции Константинополя, к чему последний был совершенно не готов. Верность этого вывода подтвердил сам ход истории. Уже в конце XX в., в 1991 г., с возрождением православной общины албанского государства Вселенский патриарх Димитрий назначил на место Патриаршего экзарха в Албании митрополита Элладской Церкви Анастасия (Яннулатоса). История независимой Албанской Церкви, сделав небольшой выдох, вновь возвратилась на круги своя.

Какой же вывод можно сделать из предложений албанского автора, адепта религиозного союза на Балканах? Несмотря на сильные позиции православной церкви в регионе, консолидация церквей в единый механизм была невозможна. Причинами тому являлись сложность межцерковных взаимоотношений, сохранение неясности в статусе части поместных церквей, а также жесткая позиция Фанара, утратившего свои политические и административные функции, но ведущего борьбу за собственные влияние и статус в православном мире.

Удивительно, но информация о попытках создания единого православного фронта всё же появилась впоследствии на страницах журнала «Ле Балкан». Летом 1934 г. на балканской сессии конгресса «Церковной международной ассоциации во имя мира» о своем участии заявили представители балканских православных церквей. В текстах принятых резолюций было озвучено множество пожеланий, «сопутствующих духу сотрудничества на Балканах», а именно: поддерживать усилия правительств, направленные на сохранение роли и значимости Лиги Наций, свободу вероисповедания, а также введение в школах религиозного воспитания. Таким образом, надежды балканских миротворцев

на отклик церкви в отношении собственных инициатив по объединению и умиротворению Балкан начинали оправдываться, правда, пунктиром и в малых формах.

Однако, как мы понимаем, дальнейшего прогресса в выстраивании равноправных союзнических отношений православных организаций в регионе для реализации миротворческой повестки не следовало ожидать ни в кратковременной, ни в долгосрочной перспективе. Как и в политике, в церковном вопросе на Балканах было слишком много неразрешенных болезненных вопросов, взаимных обид и подозрений. Всего того, что отвергало любую надежду на союз и плодотворное сотрудничество.

Примечания

¹ *D'Estournelles de Constant*. Introduction // Carnegie Endowment for International Peace. Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914. P. 15.

² Ibid. P. 16.

³ *Дамье В.В.* Социалистическая рабочая федерация Салоник 1909–1918: пример интернационалистской альтернативы на Балканах // Балканские войны 1912–1913 гг. Далекие предпосылки и долгое эхо. Колл. монография / Отв. ред. Н.С. Гусев, Б.С. Котов. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 156.

⁴ *Natchi G.* L'Union des Eglises et le mouvement balkanique // Les Balkans. Athens. 1932. № 1–2.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Ibid. P. 11.

⁷ Ibidem.

⁸ *Федченко В.* Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1997. С. 53.

⁹ *Зоитакис А.Г., Тимонина Е.С.* Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг. // Славянский альманах. М., 2024. № 1–2. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ *Свистунова И.* От Стамбула до Каппадокии. Христианские тайны городов Турции. Российский институт стратегических исследований. М., 2016. С. 40.

¹² *Зоитакис А.Г., Тимонина Е.С.* Миссионерская деятельность православных братств... С. 66.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ *Шкаровский М.В.* Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-tserkovnaya-emigratsiya-v-bolgarii-v-1920-e-gg/viewer> С.44. (дата обращения: 12 марта 2025 г.)

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ *Lefcoparidis X.* Numero special consacre a l'Albanie // Les Balkans. Athens. 1934. Vol. VI. № 7. P.4.

- ¹⁷ Ibid. P. 4-5.
- ¹⁸ The Near East Year Book. A comprehensive, up-to-date survey of the affairs, political, financial, commercial, industrial and social of Albania, Bulgaria, Greece, Roumania, Turkey and Yougoslavia, with text of Near Eastern Treaties and maps. London, 1930. P. 248, 634, 1009.
- ¹⁹ *Natchi G.* L'Union des Eglises et le mouvement balkanique... P. 13.
- ²⁰ *Giakoumis K.* The Policy of the Orthodox Patriarchate Toward the Use of Albanian in Church Services. *Albanohellenica*, 2011. V. 4. P. 160.
- ²¹ Ibid. P. 149.
- ²² *Шкаровский М.В.* Албанская Православная Церковь в годы II Мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2007. № 3 (24). С. 133.
- ²³ *Петрунина О.Е.* Церковь и национальная идея в Греции в XIX — начале XX вв. // Балканы знакомые и незнакомые: события, личности и нарративы. XVIII–XXI вв. Колл. мон. / под общ. ред. Т.В. Волокитиной, К.В. Мельчаковой, М.М. Фроловой. М: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 27.
- ²⁴ *Чибисова А. А., Ермилов П. В.* «Всеpravославный лидер»: Лозаннская конференция и роль константинопольского патриархата в православном мире // Диалог со временем. М., 2018. Вып. 63. С. 188.
- ²⁵ Там же. С. 198.

Советский Союз и Балканы в период конференции в Монтрё 1936 г.*

Конвенция Монтрё о статусе Черноморских проливов, подписанная в 1936 г., поныне остается одним из немногих документов 1930-х годов, сохраняющих силу и значение. Это стало возможным прежде всего потому, что конвенция, как справедливо отмечают современные исследователи, «стала шагом вперед не только в обеспечении безопасности Черноморского региона, но по признанию прав черноморских стран в вопросе о проливах»¹. Такие события начала XXI века, как южноосетинский конфликт 2008 года, военная операция России в Сирии и начавшаяся в 2022 г. спецоперация на Украине, в еще большей степени высветили ее значение для обеспечения коммуникации между Черным морем и Восточным Средиземноморьем, а также безопасности южных рубежей Российской Федерации.

Важность данного документа обуславливает непреходящий интерес к обстоятельствам его принятия. В отечественной и зарубежной историографии достаточно подробно изучены позиции советской, британской, французской и турецкой делегаций на конференции². Вместе с тем в силу географического положения балканских государств решение проблемы судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы непременно должно было быть достигнуто с учетом их интересов. Однако дипломатия как союзниц Турции по созданной в 1934 г. Балканской Антанте (Греции, Румынии, Югославии), так и страны-ревизиониста Болгарии в отечественной литературе освещена не столь подробно, хотя и нашла отражение в трудах балканских исследователей³.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Воображаемые регионы» между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>.

В рамках представленного исследования будут освещены контакты Советского Союза с балканскими государствами в период подготовки и проведения конференции в Монтрё 1936 г. Целью автора является определение степени влияния советского фактора на формирование позиции правительств стран Юго-Восточной Европы по вопросу пересмотра статуса Черноморских проливов и их консолидацию в условиях англо-советского соперничества, обозначившегося на полях конференции.

Весной 1936 г. главным событием международной жизни стала ремилитаризация Рейнской области. Германское правительство создавало важный прецедент по пересмотру мирных договоров, заключенных по итогам Первой мировой войны, путем их прямого нарушения в одностороннем порядке. Безнаказанность германских действий могла побудить к аналогичным действиям и другие государства, потерпевшие поражение в Великой войне. Об этом, в частности, предупреждала газета «Таймс» («Времена»): «Турецкая общественность усматривает в действиях Германии прецедент, ведь если Германии позволят остаться безнаказанной, а ее примеру последуют Венгрия и Болгария, Турция будет вынуждена тем самым вновь поднять на повестку дня вопрос о проливах, и, если она увидит, что ее законные требования вновь будут отвергнуты великими державами, она придет к выводу, что в мировой политике имеет вес только грубая сила»⁴.

Подобное развитие событий вызывало немалое беспокойство у стран Балканской Антанты. В той же Румынии значительная часть буржуазии опасалась, что агрессия Германии «подтолкнет Венгрию и Болгарию к ревизии военных и территориальных статей Трианонского и Нейиского договоров»⁵. Аналогичный страх испытывали и в Белграде, в связи с чем югославский премьер-министр М. Стоядинович заверил французского посланника в Белграде Р. де Дампьера, что Франция может рассчитывать на полную поддержку Югославии и ее армии в случае войны с Германией⁶. А вот греческая газета «Проя» («Утро») обращала внимание на то, что турецкое правительство стремится к укреплению Черноморских проливов в первую очередь из-за страха перед агрессивной политикой Италии. В связи с этим она писала: «Все знают..., что по ту сторону Эгейского моря с недо-

вольством наблюдают за работами по укреплению Додеканеза. Министр иностранных дел Турции... использует всякий повод, чтобы создать благоприятную атмосферу для турецкой просьбы, и в удобное время поставит вопрос перед Лигой Наций»⁷.

И действительно: Турция не последовала примеру Германии и предпочла действовать в соответствии с международным правом. Вместо нарушения Лозаннского договора 1923 г. в одностороннем порядке турецкое правительство нотой от 11 апреля 1936 г. предложило пересмотреть его усилиями всех держав, подписавших предыдущую конвенцию о проливах. Этот метод противопоставлялся действиям Германии и Италии, что, в частности, было отмечено в Лондоне: «За турецким правительством признаётся заслуга в том, что оно прибегло к правильной процедуре, находящейся в соответствии с его правами»⁸. Реакция французской прессы была более сдержанной. Как писала «Пти паризьен» («Маленький парижанин»), «несмотря на то, что Турция избрала для осуществления своих желаний процедуру, которая будет встречена с симпатией всем миром, ее решения неизбежно будут поставлены в один ряд с недавними решениями Германии и Австрии»⁹. Кроме того, во французской прессе подчеркивалось: «... Турецкие требования должны взбудоражить государства Малой и Балканской Антант, ибо удовлетворение этих требований или даже постановка этого вопроса должны... разжечь ревизионистские аппетиты Венгрии и Болгарии в сторону возвращения им свободы их вооружений»¹⁰.

Однако первоначальная реакция общественности балканских стран на турецкую ноту оказалась весьма благоприятной. Еще до официального предъявления ноты греческая газета «Кати-мерини» («Ежедневная»), обсуждая слухи о желании Анкары провести ремилитаризацию проливов, писала: «Если принять во внимание, что все страны лихорадочно вооружаются, нельзя считать неосновательным желание Турции укрепить проливы для защиты дверей своего дома. Но это укрепление зависит от определенных условий, которые, мы думаем, дружественная нам соседка не будет игнорировать»¹¹. Югославская газета «Време» («Время»), в свою очередь, сообщала: «Югославия изучит дарданелльский вопрос с величайшей благосклонностью, стре-

мь совместно с другими государствами Балканской и Малой Антант к соответствующему решению предложенного Турцией вопроса»¹². Аналогичные заявления были и в румынской газете «Адеверул» («Правда»): «Искренняя дружба и сотрудничество с Турцией в Балканской Антанте, а также наши хорошие отношения с Советским Союзом обеспечивают возможность такого решения вопроса, при котором интересы Румынии были бы согласованы с пожеланиями Турции»¹³.

Вслед за прессой о согласии с Турцией заявили и правительства балканских стран. Правительство М. Стоядиновича в Белграде, дав положительный ответ на турецкую ноту, рассчитывало взамен на помощь Турции в случае итальянской агрессии против Югославии¹⁴. Греция, согласившись с требованиями Турции, в то же время выступила против пересмотра Нейиского договора с Болгарией, а также выдвинула взаимные требования об укреплении Эгейских островов¹⁵. Более скептически к идее ремилитаризации проливов отнесся министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску. Как сообщали югославские и австрийские газеты, правительство Румынии «заявило протест против позиции греческого правительства в вопросе об укреплении Дарданелл», объявило, что «укрепление Дарданелл было бы ударом по сотрудничеству государств, входящих в Балканскую Антанту», и требовало снять вопрос об укреплении Дарданелл с повестки грядущей конференции Балканской Антанты¹⁶. Однако после переговоров с генеральным секретарем министерства иностранных дел Турции Н.Р. Менеменджиоглу Н. Титулеску всё же согласился с турецкой нотой¹⁷. Подобные заявления демонстрировали готовность балканских стран поддержать требования Турции.

Окончательно позиция стран-участниц Балканской Антанты была согласована на конференции, прошедшей в Белграде 4–6 мая. Хотя, согласно заявлениям турецкого министра иностранных дел Т.Р. Араса, вопрос о проливах не входил в компетенцию Балканской Антанты, присутствовавшие на конференции представители стран-участниц союза, в частности, Н. Титулеску, одобрили стремление Турции «изменить существующий режим проливов, не касаясь территориальных вопросов»¹⁸.

Что касается Болгарии, где у власти было правительство Г.И. Кёсеиванова, то, как сообщил в доверительной беседе американскому послу в Анкаре Т.Р. Арас, София дала понять, что она «не будет возражать против турецкого демарша»¹⁹. Как отмечал болгарский историк Л. Спасов, правящие круги Болгарии считали, что «успех Турции будет также успехом болгарской ревизионистской политики»²⁰, одной из главных задач которой было добиться пересмотра Нейиского договора и получить доступ к Эгейскому морю. В первые же дни после публикации турецкой ноты болгарские дипломаты начали прорабатывать почву в Будапеште на предмет совместного выступления в Лиге Наций²¹.

Кроме того, согласно сообщениям румынской печати, в болгарской внешней политике соперничали два течения: «Первое течение, сообразуясь с народными желаниями, стремится к узкой совместной работе с Югославией под покровительством Франции и Советского Союза. Второе течение стремится к независимости Болгарии и ориентируется на Италию, Венгрию, а в последнее время даже и на гитлеровскую Германию»²². Стремясь усилить первое течение, Москва выражала определенное сочувствие устремлениям Софии: заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков сообщал болгарскому послу Н. Антонову, что считает естественным желание болгарского правительства отменить ограничения, связанные с Нейиским договором, но рекомендовал добиваться этого по примеру Турции — путем дипломатических переговоров, а не односторонних действий²³.

Подобные устремления Софии учитывали и непосредственные соседи Болгарского царства. Со страниц румынской печати звучали следующие призывы: «Единственный выход для Болгарии — это дружба с Советским Союзом и с ее непосредственными соседями. Все остальные спекуляции — это самообман и преступление против болгарских интересов, могущих привести к третьей национальной катастрофе»²⁴. Чтобы подтолкнуть правительство Г.И. Кёсеиванова к проведению соответствующей политики, на конференции стран Балканской Антанты 4–6 мая было принято решение в случае, если Болгария поднимет вопрос о пересмотре Нейиского договора, пойти последней на уступки при соблюдении ею следующих условий: отказа от территориаль-

ных претензий, оформления выхода к Эгейскому морю не в виде уступки земель других стран, согласия на ликвидацию демилитаризованной зоны в Черноморских проливах и присоединения к Лондонской конвенции об определении агрессии 1933 г.²⁵

Согласившись с созывом конференции по пересмотру статуса Черноморских проливов, Белград, Бухарест, Афины и София оказывались перед новым вопросом: какую позицию они займут на самой конференции? В немалой степени это зависело от их внешнеполитической ориентации. Румыния и Югославия являлись членами не только Балканской, но и Малой Антанты, ориентировавшейся на Францию. Слабая реакция Парижа на ремилитаризацию Рейнской области порождала опасения в Бухаресте и Белграде, что Франция проявит еще меньше энергии в случае нарушения послевоенных мирных договоров противниками Малой Антанты²⁶. Однако последовавшая за этим победа Народного фронта на парламентских выборах создавала возможность «для возврата французской внешней политики на рельсы коллективной безопасности», что позволяло восстановить авторитет Франции в Дунайском регионе и на Балканах²⁷.

Доминантой французской дипломатии на данном этапе являлось укрепление франко-советского партнерства, оформившегося в связи с заключением пакта о взаимопомощи 1935 г., в связи с чем французские дипломаты, по замечанию историка Э.Р. Делуки, «горячо и открыто приняли советские предложения касательно проливов и последовательно поддерживали советские инициативы во время переговоров в Монтрё»²⁸. Соответственно аналогичную позицию были готовы занять и Румыния с Югославией.

Первую к сотрудничеству с СССР подталкивало и то, что с июня 1935 г. Москва и Бухарест также вели переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, который, по словам Н. Титулеску, являлся «жизненной необходимостью для Румынии»²⁹. Однако переговоры продвигались крайне медленно и тяжело из-за стремления Бухареста добиться от советской стороны признания аннексии Бессарабии, осуществленной в 1918 г., а также вследствие желания румынского министра иностранных дел связать советско-румынский пакт с советско-французским по образцу

пакта между СССР и Чехословакией. В самой Румынии переговоры вызывали недовольство как короля Кароля II, придерживавшегося прогерманской ориентации, так и правой оппозиции — прежде всего Железной гвардии*. За пределами страны политика Н. Титулеску подвергалась критике со стороны Третьего рейха, Польши и даже союзной Югославии, чей регент Павел Карагеоргиевич пытался убедить Кароля II в том, что Н. Титулеску «немногим лучше советского шпиона, что обманывает всех и вся»³⁰. Тем не менее румынский министр иностранных дел продолжал отстаивать курс на сотрудничество с Парижем и Москвой и заверял советского полпреда в Бухаресте, что на предстоящей конференции Румыния практически по всем вопросам «пойдет за СССР»³¹.

Что касается Белграда, то, несмотря на господствовавшие в Югославии антисоветские настроения, он был вынужден уступить давлению своих союзников по Малой Антанте, Румынии и Чехословакии (последняя, как и Франция, заключила в мае 1935 г. пакт о взаимопомощи с СССР), помощь которых была необходима Югославии для противодействия венгерскому ревизионизму³². Также укрепление отношений с Францией и Советским Союзом должно было укрепить положение Белграда на случай итальянской агрессии: в Париже и Москве было известно, что в начале 1936 г. Б. Муссолини предлагал руководству Третьего рейха разграничение итальянских и германских зон влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, причем Югославию, по его замыслу, следовало поделить между Болгарией, Венгрией и Италией³³. Несомненно, французские дипломаты предупреждали о замыслах дуче своих югославских коллег, чтобы подтолкнуть их к более тесному сотрудничеству с Третьей Республикой и Страной Советов.

Немаловажным фактором было и внутривосточное давление со стороны оппозиции. Например, лидер Хорватской крестьянской партии В. Мачек, рассуждая о причинах отказа Белграда от восстановления отношений с Москвой, заявлял в одном

* Ультранационалистическое антисемитское клерофашистское движение и политическая партия в Румынии, сформированная в 1930 г. как военизированное подразделение Легиона архангела Михаила, созданного в июле 1927 г. К.З. Кодряну. Упразднена в январе 1941 г. после попытки свержения Й. Антонеску.

из интервью: «Я думаю, что главной причиной является то, что Югославия сейчас ориентируется на Германию. Я и мои друзья — за восстановление отношений с Советским Союзом»³⁴. За установление отношений между Белградом и Москвой выступала и газета «Пролетер» («Пролетарий»), утверждавшая, что перед югославским правительством стоит следующий выбор: «Или с Советским Союзом, Францией, Англией и другими государствами, которые хотят мира, или с фашизмом — с гитлеровской Германией и ее друзьями, которые стремятся к войне и порабощению малых народов»³⁵. Соответственно, взаимодействие на полях грядущей конференции в Монтрё могло стать первым шагом на пути к восстановлению дипломатических отношений между Югославией и СССР.

Особый случай представляла позиция Афин. С апреля 1936 г. премьер-министром Греции являлся И. Метаксас, со времен правления Константина I (1914–1917 гг., 1920–1922 гг.) считавшийся германофилом³⁶. Усиление Германии после ремилитаризации Рейнской области, равно как и укрепление международных позиций Италии после аннексии Абиссинии в мае 1936 г., подталкивали его к переориентации на лагерь стран-ревизионистов. Важным шагом в этом отношении стало заявление И. Метаксаса на конференции Балканской Антанты в Белграде о том, что Греция предпримет военные действия в соответствии с пактом 1934 г. только в случае агрессии со стороны балканской державы, но если нападение на члена Балканской Антанты совершит небалканская держава (под которой в первую очередь подразумевалась Италия), то Греция останется нейтральной. В то же время была сделана важная оговорка: если небалканская держава будет вовлечена в войну с Великобританией и Францией вместе с членами Балканской Антанты, Греция приступит к консультациям с правительством Великобритании касательно оказания помощи или участия в войне³⁷. Подобные заявления позволяли предположить, что на предстоящей конференции о статусе проливов греческая делегация будет блокироваться с британской, поскольку последняя в наибольшей степени была склонна учитывать интересы Берлина и Рима, выступавших против пересмотра конвенции о проливах в интересах СССР.

Вместе с тем наблюдалось и определенное потепление в греко-советских отношениях. Свидетельством тому были, например, сообщения греческой прессы относительно проекта новой конституции СССР. Так, газета «Имерисиос Кирикс» («Ежедневный вестник») писала: «Россия... возвращается на нормальный путь и перестала быть зачинщиком социальных революций в других странах. Россия быстро трансформируется в республику, совершенно безопасную для буржуазных государств»³⁸. Соответственно, сохранялась возможность склонить греческую делегацию на конференции к поддержке советских предложений относительно проливов.

Что касается болгарской делегации, то ей была дана правительственная инструкция в ходе предстоящей конференции демонстрировать дружеские чувства к Турции и поддержать ее ревизионистские требования, не затрагивая напрямую вопросов о демилитаризованных зонах во Фракии, созданных согласно Лозаннскому договору 1923 г., о перевооружении Болгарии и получении выхода к Эгейскому морю³⁹. Подобные вопросы следовало ставить деликатно, в кулуарных беседах, подготавливая почву для будущих изменений. Это означало, что болгарская делегация готовилась занять на конференции осторожную позицию, подразумевавшую поддержание хороших отношений как с великими державами, так и с балканскими соседями. При этом предпосылок для того, чтобы болгары на конференции заняли просоветскую позицию, было немного: в апреле 1936 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов и болгарский посланник в Москве Н. Антонов признавались друг другу в обоюдном неудовлетворении состоянием советско-болгарских отношений, восстановленных в 1934 г., причем глава НКВД обвинял Софию в том, что попытки сближения со стороны советского полпреда не встречали «достаточного отклика с болгарской стороны»⁴⁰.

На открывшейся 22 июня 1936 г. конференции в Монтрё практически сразу обозначилось противостояние делегаций от СССР и Великобритании. В дебатах советской и английской делегаций, по словам прессы, «столкнулись два противоположных тезиса, две концепции международного права. Английский тезис основан на праве довоенного периода — право воюющих сторон,

военной необходимости, нейтральности. Советский тезис основан на новом праве — уважении к Уставу Лиги наций»⁴¹. Делегации балканских стран должны были определиться, чей проект в большей степени соответствует их интересам.

В ходе конференции обозначился отход Турции от дружбы с Советским Союзом и ее переориентация на Англию, готовую согласиться с турецкими требованиями о демилитаризации проливов и вместе с тем проводящую линию на сдерживание СССР⁴². Серьезное недовольство у советской стороны вызвало предложение Т.Р. Араса «закрыть конференцию, ограничившись отменой демилитаризации проливов и оставив в силе весь остальной лозаннский режим», так как это противоречило «интересам безопасности как Черного моря, так и самих проливов»⁴³. Данное 6 июля согласие турецкой делегации положить в основу обсуждения будущей конвенции английский проект, который, по оценкам историков, «ставил Турцию в невыгодное положение и наносил удар по ее престижу», наталкивало советских дипломатов на мысль о том, что позиции англичан и турок были согласованы заранее⁴⁴. Французский посол в Москве Ш. Алфан считал, что поддержка турками английского проекта отражала стремление Анкары продемонстрировать свою независимость от Москвы, и отмечал рост британского влияния в Анкаре⁴⁵. Так постепенно проявлялось отчуждение между СССР и Турецкой республикой, хотя еще весной глава СНК СССР В.М. Молотов называл советско-турецкие отношения «примером лучшего развития дружественных отношений»⁴⁶.

При этом, нуждаясь в поддержке советской делегации в Монтрё, турецкие дипломаты были вынуждены лавировать между требованиями и предложениями Лондона и Москвы. Исполняющий обязанности министра иностранных дел Турции М.Ш. Сараджоглу заверял советского полпреда в Анкаре, что турецкое правительство не одобряет позиции своей делегации в отношении английского проекта и намерено «дать Арасу инструкции прекратить демонстративное сотрудничество с Англией против СССР»⁴⁷. Представители турецкой общественности также пытались сгладить острые углы в советско-турецких отношениях. Например, редактор газеты «Джумхуриет» («Республика») Ю. Нади отвергал

заявления советской «Правды» о том, что на турецкую политику оказывают давление враждебные СССР силы, и утверждал, что целью турецкой делегации в вопросе укрепления проливов «является лишь одно, а именно — обеспечение безопасности Турции. Это — первая и единственная цель, которая не может быть подчинена иным соображениям»⁴⁸. А председатель турецкого союза журналистов Ф.Р. Атай заявлял в официозном органе «Улус» («Нация»): «Мы считаем излишними такие фразы, как заявление “Правды” о том, что наши предложения недружественны по отношению к Советской России. Со всей искренностью непоколебимой дружбы мы в особенности хотим возразить против разговоров, что причиной этого являются некоторые иностранные влияния на политику Турции»⁴⁹. Подобного рода заявления частично помогли преодолеть разгоравшийся кризис в советско-турецких отношениях, однако их дальнейшая динамика подтверждает справедливость оценки, данной А.В. Болдыревым в его недавней работе: «Корни отчуждения Турции от Советского Союза обозначились со времени принятия конвенции Монтрё, переведшей проблему проливов в новый формат»⁵⁰.

Остальные страны Балканской Антанты в начале конференции заявили о поддержке требований Турции — своего «друга и союзника»⁵¹. Выразителем их интересов стал глава румынской делегации Н. Титулеску. В своей первой речи на конференции румынский министр иностранных дел подчеркнул, что «если для Турции проливы являются сердцем, то для Румынии они служат легкими»⁵². Он напоминал, что является «известным противником ревизионизма», но вместе с тем признавал, что «не Турция открыла главу ревизий нетерриториального характера» и что «процедура, к которой обратилось турецкое правительство, не только никому не навредила, но, наоборот, укрепила веру в договоры»⁵³.

Ему вторили главы греческой и югославской делегаций — Н. Политис, избранный вице-председателем конференции, и И. Суботич. Первый отдал должное «либеральному и практическому духу», который «вдохновил» проект новой конвенции о проливах, а второй назвал долгом Белграда «откликнуться на призыв друзей и союзников, чье дело нам дорого и чья безопасность

интересует нас в высшей степени»⁵⁴. С ними солидаризировался и глава болгарской делегации, генеральный секретарь министерства иностранных дел и культов Болгарии Н.П. Николаев, одновременно подвергший критике принципы разоружения и демилитаризации, провозглашенные в мирных договорах после Первой мировой войны, и указавший на несостоятельность принципа коллективной безопасности, не поддержанного достаточным уровнем вооружения малых государств⁵⁵. Тем самым болгарская делегация закладывала основу для последующих требований о пересмотре не только Лозаннского, но и Нейиского договора.

Однако в отличие от турок их союзники по Балканской Антанте отказались поддержать английские предложения, предпочтя им советский проект. Западная пресса усматривала в этом рост влияния СССР на страны Юго-Восточной Европы. Итальянская газета «Лаворо фашиста» («Фашистский труд») объясняла это тем, что Малая и Балканская Антанты «видят невозможность для себя опираться в дальнейшем на политику Франции и Англии, всё более уклоняющихся от политики коллективной безопасности»⁵⁶. Чехословацкая газета «Лидове новины» («Народная газета»), в свою очередь, писала: «Все великие державы рассматривают Дарданеллы как стратегический пункт первого значения, в особенности в связи с нынешней тенденцией организовывать различные блоки стран. Балканская Антанта, поддерживаемая Малой Антантой и Советским Союзом, может многое сделать для поддержания мира на Средиземном море»⁵⁷. Наиболее же верно причину подобной позиции членов Балканской Антанты определил временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Великобритании лорд Галифакс: в меморандуме от 13 июля он признавал, что поправки к конвенции, внесенные Советским Союзом при поддержке Франции и Румынии, призваны «способствовать функционированию франко-советского пакта и франко-румынского союза и, в меньшей степени, Балканской Антанты, обязав Турцию проявлять особое отношение к этим пактам»⁵⁸.

Важную роль играло и стремление румынского министра иностранных дел достичь договоренностей с СССР по вопросу о заключении пакта о взаимопомощи. В интервью газете «Универсул»

(«Универсум») он прямо заявил, что «сближение... с Советским Союзом является наилучшим способом, позволяющим существующим союзам Румынии в полной мере реализовать свою ценность»⁵⁹. Как следствие, румынская делегация неизменно блокировалась с делегациями Франции и СССР, особенно при обсуждении статьи о проходе военных судов в случае военных действий. Критикуя позицию англичан, выступавших против прохода военных кораблей даже в случае исполнения Турцией обязательств по заключенным пактам (в частности, по Балканской Антанте), Н. Титулеску прямо задал англичанам вопрос: «Почему в Монтрё вы выступаете против принципа региональной безопасности, который сами защищали в Женеве?»⁶⁰ Обвинив Англию в попытках подрыва франко-советского и франко-румынского пактов, а также Балканской Антанты, румынский министр в начале июля покинул зал заседаний, «отправившись на поезд до Бухареста, не дожидаясь возражений англичан»⁶¹ (впрочем, после консультаций с королем он вернулся обратно).

При этом в самой Румынии позиции министра слабели день ото дня. Опубликованные в разгар конференции заявления румынского правительства о том, что оно выступает «за соглашение с СССР, союзником наших союзников — Франции, Чехословакии и Турции, соглашение, единственно могущее обеспечить реальную ценность союзов с этими странами», оказались, как справедливо отмечал в свое время отечественный исследователь А.А. Шевяков, «насквозь фальшивыми»⁶². Король Кароль II при поддержке внутренней реакции и внешних сил (в первую очередь Германии) выступал против идеи коллективной безопасности и возможного участия в ней Румынии как союзника СССР. На это сетовал сам Н. Титулеску, писавший в письме королю в конце июня 1936 г.: «Наша внутренняя борьба продолжает вызывать на международной арене самые неблагоприятные отклики и ставит меня как министра иностранных дел во всё более тяжелое положение... По мере того как наши отношения с Советами ослаблялись, наше положение в отношении Франции и внутри Балканской Антанты и Малой Антанты становилось более слабым. С глубокой печалью я вижу разрушение того, что достигнуто усилиями многих лет жизни»⁶³. Фактиче-

ски румынскому министру иностранных дел приходилось идти вслед за советской делегацией в Монтрё для того, чтобы убедить М. М. Литвинова в искренности своих намерений и добиться прогресса в переговорах о заключении пакта о взаимопомощи.

Главы делегаций Югославии и Греции, И. Суботич и Н. Политис, проявляли намного меньшую активность, несмотря на то что последний являлся вице-председателем конференции. Югославская делегация поддерживала все инициативы румынских коллег, что позволило впоследствии говорить о «блестящей защите» системы взаимопомощи румынами и югославами⁶⁴. Н. Политис, в свою очередь, имея в виду укрепление безопасности Греции, параллельно с обсуждением проекта конвенции о проливах в кулуарах высказывался о возможности присоединения Италии к «джентльменскому соглашению» о взаимопомощи, заключенному между Великобританией, Турцией, Грецией и Югославией в декабре 1935 г., однако данные предложения не нашли поддержку у других делегатов⁶⁵. В целом же И. Суботич и Н. Политис, заинтересованные в успешном завершении конференции, выступали за компромиссное разрешение споров по поводу различных статей будущей конвенции (особенно по вопросу исполнения Турцией обязательств по Уставу Лиги Наций и Балканскому пакту 1934 г.)⁶⁶.

Предпочитая сохранять единство в рядах Балканской Антанты, на заключительных заседаниях конференции главы югославской и греческой делегаций заявили об однозначной поддержке советско-французского проекта⁶⁷. В результате консолидированная позиция Румынии, Югославии и Греции заставила турецкую делегацию снять свои возражения против подготовленных делегациями СССР и Франции поправок к проекту конвенции. Перед угрозой изоляции английская делегация была вынуждена пойти на определенные уступки. При согласовании последних статей конвенции Н. Политис заявил среди всеобщих аплодисментов: «Наша конференция — первый шаг к восстановлению международной законности»⁶⁸. Одновременно глава греческой делегации сделал реверанс в сторону Турции, объявив, что последняя завершила работу на конференции, «значительно укрепив свой моральный авторитет в роли знаменосца международной законности»⁶⁹.

Наиболее близкой к турецкой оказалась позиция болгарской делегации, чьей главной задачей, по словам Л. Спасова, было обеспечить свободу прохода через проливы торговых кораблей и обеспечить безопасность собственной береговой линии⁷⁰. Этим задачам в большей степени соответствовал английский проект, из-за чего болгары вместе с турками выступали в его поддержку. Это подметил глава советской делегации М.М. Литвинов, заявивший болгарским делегатам в ответ на поздравление с его 60-летием: «Не могу похвалить Вас за Ваше отношение к проливам. Но оно естественно, и мы это вполне понимаем»⁷¹.

Однако английский проект подразумевал ограничения для прохода через проливы подводных лодок (прежде всего с целью воспрепятствовать выходу в Средиземное море подводному флоту СССР), что накладывало бы новые ограничения на болгарский флот, в то время как София искала возможность ослабить военные статьи Нейиского договора. Поэтому болгарская делегация поддержала франко-советское предложение разрешить проход через проливы подводных лодок, построенных за пределами черноморской акватории и направляющихся в порт приписки, а также отправленных в порт за пределами Черного моря для ремонта⁷².

Кроме того, болгары опасались, что предложенная делегациями СССР и Франции широкая трактовка статьи о режиме прохода военных кораблей через проливы во время войны, оговаривавшая возможность подобного прохода в случае помощи государству, явившемуся жертвой нападения, в силу договора о взаимной помощи, участником которого является Турция, слишком укрепляла позиции Балканской Антанты и могла быть использована последней в случае конфликта с Болгарией. Свои возражения против статьи болгарская делегация сняла только после обещания Т.Р. Араса внести в турецкий парламент предложение о продлении болгаро-турецкого договора о дружбе 1929 г. еще на пять лет и признании другими участниками конференции оговорок болгарской делегации касательно условий применения указанной статьи⁷³.

20 июля состоялось подписание конвенции о статусе проливов, на следующий день конференция завершила свою работу. В основу договора был положен советский проект, поддержан-

ный в первую очередь делегациями Франции и балканских стран, в связи с чем немецкая пресса заявляла, что его принятие «означает стопроцентную победу франко-большевистского союза»⁷⁴. О победе Советского Союза писала и румынская печать, подчеркивавшая значение заключенной конвенции для обеспечения безопасности стран Малой и Балканской Антант: «В случае войны французский флот сможет снабжаться румынской и советской нефтью»⁷⁵. В определенной степени конвенция Монтрё о проливах действительно символизировала победу советской дипломатии, но, как верно подмечали историки, «эту победу держала в руках Анкара», поскольку применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Турции⁷⁶. Тем не менее советской делегации удалось добиться максимально возможного результата, и успех СССР был бы немыслим без поддержки со стороны не только Франции, но и балканских стран, отдавших приоритет существующим пактам о взаимопомощи и принципу неделимости безопасности.

Тем самым Балканская Антанта демонстрировала, что она могла служить в качестве механизма стабилизации Версальского порядка и его мягкой ревизии с учетом интересов безопасности всех заинтересованных сторон. Последнее положение, в частности, обеспечило поддержку советского проекта со стороны Болгарии, видевшей в успехе конференции первый шаг на пути к ревизии Нейиского договора (которая фактически состоялась в 1938 г. с подписанием Салоникского соглашения между Болгарией и Балканской Антантой). Однако дальнейшее раскрытие стабилизирующего потенциала Балканской Антанты оказалось крайне затруднено как в связи с внутривосточными изменениями в балканских странах (отставка и изгнание Н. Титулеску в августе 1936 г., установление в Греции режима 4 августа после роспуска парламента И. Метаксасом, после чего в греческой прессе «развернулась как будто по сигналу бешеная антисоветская кампания»⁷⁷), так и в связи с общим ухудшением международной обстановки в Средиземноморском бассейне после начала гражданской войны в Испании.

Примечания

- ¹ Болдырев А.В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С. 437.
- ² См., напр.: Дранов Б.А. Черноморские проливы (международно-правовой режим). М.: Юриздат, 1948; Альтман В.В. Из истории борьбы СССР за мир (Конференция в Монтре) // Из истории рабочего класса и революционного движения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 498–523; Постников А.С. Конференция в Монтре 1936 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время. Свердловск: УрГУ, 1983. С. 19–32; Рябоконь С.И. Позиция английской дипломатии в период конференции в Монтре 1936 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 25–41; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Междунар. отношения, 1999; Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: Институт российской истории Российской академии наук; Центр гуманитарных инициатив, 2020; Deutsch R. Die Entstehung des Meerengenvertrages von Montreux 1936. Bukarest: Akademie-Verlag, 1971; Morf J. Die Dardanellenfrage an der Konferenz von Montreux 1936. Bern: Lang, 1977; Deluca A.R. Great Power Rivalry at the Turkish Straits: the Montreux Conference and the Convention of 1936. Boulder: East European Quarterly; Columbia University Press, 1981.
- ³ См., напр.: Опря И.М. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест: Изд-во Академии Социалистической Республики Румынии, 1970; Бистрицки В. Балканские государства и проблема безопасности в 1936–1938 г. // Studia Balcanica 7: Les grandes puissances et les Balkans a la veille et au debut de la deuxieme guerre mondiale 1937–1941. Conference intern. Sofia, 21–26 avril 1971. Sofia: Acad. bulg. des sciences, 1973. P. 273–284; Кузманова А. Балканската политика на Румъния, 1933–1938. София: Изд. на БАН, 1984; Спасов Л. България, великите сили и балканските държави, 1933–1939 г. София: СД «Габриел», 1993; Спасов Л.И. България и СССР, 1917–1944 г. (политико-дипломатически отношения). Велико Търново: Фабер, 2008.
- ⁴ Turkish Support for Conciliation // The Times. 1936. 12 March. P. 13.
- ⁵ Рябоконь С.И. Рейнский кризис и Балканская Антанта (март–май 1936) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943). Свердловск: УрГУ, 1979. С. 9.
- ⁶ Documents diplomatiques français 1932–1939 (далее — DDF). 2e serie (1936–1939). Tome I. Paris: Impr. nationale, 1963. P. 476.
- ⁷ К вопросу об укреплении Дарданелл. Афины, 31 марта 1936 // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 8.
- ⁸ Майорский Н. Английская печать о турецкой ноте // Правда. 1936. 14 апреля. С. 5.
- ⁹ «Пти паризьен» о решении турецкого правительства. Париж, 11 апреля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 12.
- ¹⁰ Французские отклики на турецкую ноту. Париж, 12 апреля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 14.
- ¹¹ К вопросу об укреплении Дарданелл. Афины, 31 марта 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 8.
- ¹² Югославские отклики на турецкую ноту // Правда. 1936. 18 апреля. С. 1.
- ¹³ Румынская печать о ноте Турции // Правда. 1936. 21 апреля. С. 1.

- 14 *Рябоконь С.И.* Позиция английской дипломатии в период конференции в Мон-тре 1936 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. С. 28.
- 15 *Дженкинс.* Греция намерена укрепить свои острова // Известия. 1936. 16 апреля. С. 2.
- 16 Румыния и вопрос о проливах. Вена, 21 апреля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 22.
- 17 Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (далее — ADAP). Ser. C: 1933–1936. Bd. V, 1: 5. März bis 25. Mai 1936. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. S. 450.
- 18 DDF. 2e serie. Tome II. Paris: Impr. nationale, 1964. P. 253.
- 19 Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1936. Vol. III: The Near East and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1953. P. 515.
- 20 *Спасов Л.* България, великите сили и балканските държави, 1933–1939 г. С. 73.
- 21 *Спасов Л.Й.* България и СССР, 1917–1944 г. С. 286–287.
- 22 «Эндепанданс Румэн» о внешне-политической ориентации Болгарии. 15 января 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 3в.
- 23 *Спасов Л.Й.* България и СССР, 1917–1944 г. С. 287.
- 24 «Эндепанданс Румэн» о внешне-политической ориентации Болгарии. 15 января 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 3б.
- 25 *Спасов Л.* България, великите сили и балканските държави, 1933–1939 г. С. 73.
- 26 DDF. 2e serie. Tome I. P. 624–627, 646–647, 670–671.
- 27 *Постников А.С.* Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора о взаимопомощи (июнь 1936 — апр. 1937) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 33.
- 28 *Deluca A.R.* Op. cit. P. 37.
- 29 Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы: В 2 т. Т. II: 1935–1941. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 28.
- 30 *Lungu D.B.* Romania and the Great Powers, 1933–1940. London: Duke University Press, 1989. P. 88.
- 31 Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 19: 1 января — 31 декабря 1936 г. М.: Политиздат, 1974. С. 293.
- 32 *Постников А.С.* Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора о взаимопомощи (июнь 1936 — апр. 1937) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. С. 36.
- 33 Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов. М.: Издательство «Историческая литература», 2015. С. 432.
- 34 Лидер хорватской крестьянской партии об отношениях между Югославией и СССР. София, 22 июня 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 29.
- 35 Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1992. С. 296.
- 36 *Cliadakis H.* The Political and Diplomatic Background to the Metaxas Dictatorship, 1935–36 // Journal of Contemporary History. 1979. Vol. 14. № 1. P. 132.
- 37 *Rizas S.* Geopolitics and Domestic Politics: Greece's Policy Towards the Great Powers During the Unravelling of the Inter-War Order, 1934–1936 // Contemporary European History. 2011. Vol. 20. № 2. P. 155.
- 38 ТАСС. Афины, 16 июня 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 25.

- 39 Спасов Л.И. България и СССР, 1917–1944 г. С. 287.
- 40 ДВП СССР. Т. 19. С. 225.
- 41 Конференция в Монтре // Известия. 1936. 10 июля. С. 1.
- 42 Родин Д.В. Советско-турецкие отношения в контексте конференции в Монтре 1936 года // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года. Севастополь: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2018. С. 335.
- 43 ДВП СССР. Т. 19. С. 351.
- 44 Хормач И.А. Указ соч. С. 252.
- 45 DDF. 2e serie. Tome II. P. 627–629.
- 46 Пятнадцатая годовщина первого советско-турецкого договора // Правда. 1936. 16 марта. С. 5.
- 47 ДВП СССР. Т. 19. С. 366.
- 48 Отклики турецкой печати на передовые «Правды» и «Известий» о режиме проливов. Стамбул, 4 июля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 51.
- 49 Турецкий официоз о проливах. Стамбул, 6 июля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 54.
- 50 Болдырев А.В. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии. Опыт осмысления. М.: ИВ РАН, 2023. С. 24.
- 51 DDF. 2e serie. Tome II. P. 511.
- 52 Actes de la Conference de Montreux, 22 juin — 20 juillet 1936: compte rendu des seances plenieres et proces-verbal des debats du comite technique. Paris: A. Pedone, 1936. P. 23.
- 53 Ibidem.
- 54 Ibid. P. 26.
- 55 Ibid. P. 27.
- 56 Отклики на конференцию в Монтре. Рим, 24 июня 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 31.
- 57 Отклики на конференцию в Монтре. Прага, 25 июня 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 30.
- 58 Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. 2nd Ser.: 1929–1938. Vol. XVI: The Rhineland crisis and the ending of sanctions, March — July, 1936. London: Her Majesty's Stationery Office, 1977. P. 728–729.
- 59 Rumania and Russia. M. Titulescu's Policy // The Times. 1936. 18 July 18. P. 11.
- 60 Actes de la Conference de Montreux. P. 113.
- 61 M. Titulescu Goes Home // The Times. 1936. 10 July 10. P. 16.
- 62 Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932–1939 гг. М.: Наука, 1977. С. 195–196.
- 63 Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы: В 2 т. Т. II: 1935–1941. С. 67–70.
- 64 Deluca A.R. Op. cit. P. 17.
- 65 I documenti diplomatici italiani. Ottava serie: 1935–1939. Vol. IV (10 maggio — 31 agosto 1936). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato P.V., 1993. P. 555.
- 66 Actes de la Conference de Montreux. P. 95–96, 106, 111–112.
- 67 DDF. 2e serie. Tome II. P. 702.

- ⁶⁸ Закрытие конференции в Монтре // Известия. 1936. 20 июля. С. 1.
- ⁶⁹ Good Will at Montreux // The Times. 1936. 20 July 20. P. 12.
- ⁷⁰ Спасов Л.Й. България и СССР, 1917–1944 г. С. 289.
- ⁷¹ Там же. С. 290.
- ⁷² Там же. С. 291.
- ⁷³ Спасов Л. България, великите сили и балканските държави, 1933–1939 г. С. 89.
- ⁷⁴ Германская печать о соглашении в Монтре. Берлин, 19 июля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 86.
- ⁷⁵ Румынская печать об итогах конференции в Монтре. Бухарест, 24 июля 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 90.
- ⁷⁶ Хормач И.А. Указ. соч. С. 261.
- ⁷⁷ Антисоветская кампания греческой печати. Афины, 3 сентября 1936 // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 95.

Болгария на рубеже войны и мира. Новые источники и проблема верификации

28 октября 1944 г. в Москве представитель советского Верховного Главнокомандования маршал Ф.И. Толбухин и представитель Верховного командующего союзников в Средиземноморском районе генерал-лейтенант Дж. Гаммель подписали Соглашение о перемирии с Болгарией. С болгарской стороны подписи под документом поставили члены правительственной делегации во главе с министром иностранных дел Петко Стайновым. В соответствии со статьей 18 Соглашения в стране предстояло создать Союзную контрольную комиссию (СКК) — международный орган для контроля за выполнением условий перемирия. И уже 11 ноября 1944 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) были утверждены подготовленные ранее проекты основополагающих документов, регулировавших деятельность СКК: постановление Совнаркома СССР о создании на территории Болгарии Союзной контрольной комиссии, Положение о СКК и Инструкция о деятельности СКК¹. Начав работу 29 ноября 1944 г., Комиссия действовала до 15 сентября 1947 г., когда был ратифицирован и вступил в силу подписанный 10 февраля 1947 г. в Париже мирный договор Болгарии с Союзными и Соединенными державами.

Эти знаковые события новейшей истории Болгарии легли в основу двустороннего научного проекта «Великие державы и Болгария. 1944–1947 гг.», к реализации которого российские и болгарские историки приступили в 2012 г. Проект предусматривал выявление и публикацию массива новых документов и материалов о подготовке и подписании Соглашения о перемирии между Болгарией и державами-победительницами и деятельности в стране Союзной контрольной комиссии. Итогом его реализации стало издание в 2014 и 2018 гг. в Софии в издательстве

имени проф. Марина Дринова Болгарской академии наук двухтомника документов (том II в двух частях), главным образом, из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Центрального государственного архива Республики Болгария (ЦДА на РБ). Кроме того, в публикацию вошли материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также копии сохраняемых в ЦДА документов из Национального архива Великобритании (P.R.O.F.O.), Национального архива США (NA-USA) и некоторых других иностранных хранилищ. В научный оборот введено более 1100 документов, бóльшая часть которых опубликована впервые².

По признанию профессиональных историков издание существенно обогащает источниковую базу исследований узловых вопросов болгарской истории в контексте сложной международной обстановки на рубеже войны и мира — отношения Болгарии с великими державами-победительницами, ход переговоров с бывшим сателлитом гитлеровской Германии о мирном урегулировании и трудный процесс согласования союзниками по антигитлеровской коалиции условий перемирия и конкретных статей, деятельность Союзной контрольной комиссии по выполнению политических, экономических, финансовых, репарационных и военных обязательств Болгарии, проистекавших из Соглашения о перемирии, уяснение мотивации позиций и «поведение» сторон и пр.³. При этом читатель имеет возможность отчасти ощутить атмосферу проходивших дискуссий. Публикуемые документы позволяют восстановить и/или уточнить отдельные детали сложного болгарского военно-политического «пазла» и, выделив несколько блоков проблем, верифицировать некоторые устоявшиеся или дискуссионные оценки некоторых событий и конкретных фактов, являющихся в наши дни объектами политизации и конъюнктурного прочтения. Этому и посвящено настоящее исследование.



Опубликованные документы позволяют выявить динамику отношений союзных держав к странам-сателлитам в условиях военного времени. Хотя на Московской конференции министров

иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) принцип безоговорочной капитуляции Германии и ее союзников был в целом подтвержден как безальтернативный⁴, вскоре он начал корректироваться. Всего две недели спустя после окончания конференции через советского посла в Стокгольме А.М. Коллонтай финское правительство получило сообщение, что требование безоговорочной капитуляции не касалось Финляндии и что Москва будет приветствовать намерение Хельсинки вести переговоры о выходе из войны. Мотивировалось это фактом неприсоединения Финляндии к Тройственному пакту в 1940 г.⁵ Позиция Москвы была подтверждена в заявлении Информбюро Наркомата иностранных дел (НКИД) СССР 1 марта 1944 г. «К вопросу о советско-финских отношениях», в котором подчеркивалось, что советская сторона не ставит вопрос о безоговорочной капитуляции Финляндии и оккупации финской столицы и других крупных городов страны⁶.

«Казус» Финляндии привел к дальнейшей корректировке принципа безоговорочной капитуляции. В письме наркому иностранных дел В.М. Молотову от 19 марта 1944 г. посол Великобритании в Москве А. Кларк Керр, опираясь на финский случай, отметил задачу союзников «выводить малые страны <...> из войны в возможно скором времени» и указал на «невыгоды» строгого применения принципа безоговорочной капитуляции к сателлитам и, наоборот, о «выгоде» в известных случаях его «неприменения». По мнению британской стороны, было целесообразно освободить три союзные правительства от московского решения и в случае мирных шагов со стороны стран-сателлитов предоставить свободу трем союзным правительствам решать (после взаимных консультаций), «настаивать или не настаивать на безоговорочной капитуляции». Просьбу к советскому правительству дать быстрый ответ Кларк Керр обосновал тем, что «в скором времени могут быть получены серьезные мирные обращения от румынского, болгарского и венгерского правительств»⁷.

Ответ советской стороны последовал 29 марта. Допуская, что перспектива безоговорочной капитуляции может привести к отрицательному результату — укрепить связи страны-сателлита с Германией, советское руководство согласилось со своим

британским союзником: во изменение решений Московской конференции три правительства в каждом отдельном случае после консультаций могут решать вопрос о применении принципа безоговорочной капитуляции или определения «смягченных конкретных условий соглашения этой страны с союзными странами»⁸.

31 марта через советского посла в Вашингтоне А.А. Громыко позиция Москвы была доведена до правительства США. В ответном меморандуме от 11 апреля 1944 г. американское правительство признало «общее отступление от доктрины безоговорочной капитуляции <...> нежелательным» из-за опасения возникновения прецедента в будущем и предпочло, чтобы «общий принцип безоговорочной капитуляции не был бы нарушен...». Вместе с тем американская сторона выразила готовность «благоприятно рассмотреть смягчение этого принципа в каждом отдельном случае в отношении любой из стран-сателлитов», если британское и советское правительства сочтут такое смягчение выгодным для общей цели⁹. При этом все три союзника сошлись на обязательном и полном применении принципа безоговорочной капитуляции по отношению к Германии.

Частично отказываясь от требования безоговорочной капитуляции, союзники указывали на фактор времени. В заявлении правительств СССР, Великобритании и США от 13 мая 1944 г., адресованном сателлитам Германии, подчеркивалось, что пока еще возможно прекратить пагубное сотрудничество с Германией, выйти из войны на ее стороне и содействовать победе союзников. В противном случае «более гибельными будут для них последствия и <...> более суровыми условия, которые будут им предъявлены»¹⁰. Это предупреждение было продублировано в проекте американского меморандума об условиях капитуляции Болгарии, предложенного 26 июля 1944 г. представителем США в Европейской консультативной комиссии, созданной по решению Московской конференции, Дж. Вайнантом: «Скорая капитуляция сателлитов Оси будет вознаграждена менее суровыми условиями, чем те, которые будут им предъявлены, если они откажутся капитулировать до того момента, когда поражение Германии станет совершенно очевидным». При этом в бол-

гарском случае американская сторона считала необходимым придерживаться золотой середины: «слишком великодушные условия» капитуляции могли оттолкнуть тех из Объединенных Наций, которые пострадали по вине болгар, особенно Грецию и Югославию, а в самой Болгарии быть истолкованы как оправдание прогерманской политики. Вместе с тем «слишком суровые условия», возможно, не получили бы общественную поддержку в стране и даже укрепили решимость болгарского правительства продолжать сопротивление¹¹.

В болгарском случае намерение союзников сформулировать предварительные *условия* (здесь и далее курсив мой. — Т. В.) выхода из войны уже означало, что речь шла не о безусловной (безоговорочной) капитуляции, а о капитуляции «обычной», когда достигнуто согласие побежденной страны с условиями победителя и не затронут вопрос о существовании самого побежденного государства¹².

Практическая сторона дела, однако, свидетельствовала об ином. О *безоговорочной капитуляции* Болгарии упоминал министр иностранных дел А. Иден в личном письме В.М. Молотову в середине декабря 1944 г.¹³ Впоследствии на заседаниях СКК западные союзники неоднократно, например, 31 января и 25 июля 1946 г., констатировали *безоговорочный* характер болгарской капитуляции союзным армиям, обосновывая этим необходимость «не уклоняться от прав победителей ни в каком деле». Советская часть Комиссии со статусом «безоговорочно капитулировавшей» Болгарии не соглашалась, полагая, что такой взгляд на Болгарию «неправильный» и не имеющий оснований¹⁴.

К сожалению, международно-правовая сторона договоренностей между союзниками часто не принималась в расчёт или недостаточно учитывалась болгарскими исследователями. Одни авторы полагали, что многие статьи перемирия базировались на принципах безусловной (безоговорочной) капитуляции, обосновывая этим вывод об оккупационном статусе Болгарии, хотя и признавали, что всё содержание советско-болгарских отношений в тот период этим обстоятельством не исчерпывалось¹⁵. Другие, отмечая отсутствие в стране «типично оккупационного режима», пользовались определением «символическая оккупация»¹⁶

или утверждали, что «сильная, даже полная зависимость» Болгарии вовсе не означала её оккупации, поскольку Москва не только приказывала и решала, но и предлагала, советовалась, запрашивала мнение и ставила перед болгарской стороной те или иные вопросы¹⁷, т.е. действовала скорее по-партнёрски. Наконец, третьи авторы, избегая термина «оккупация», констатировали «военно-политическое присутствие и контроль СССР в Болгарии», которую характеризовали как страну-«субъект с ограниченным суверенитетом»¹⁸.

Публикуемые документы не дают оснований для вывода о прямой зависимости статуса страны от характера капитуляции: капитуляция Болгарии не была *безоговорочной*, но присутствие в стране советских войск с сентября 1944 г. и развертывание сети военных комендатур устанавливали в Болгарии режим *военной оккупации*. Чётко выявляются две фазы этого режима: *военновременная оккупация* до подписания 28 октября 1944 г. Соглашения великих держав о перемирии с Болгарией и *послевоенная оккупация* как способ гарантировать выполнение побежденным государством обязательств, вытекавших из Соглашения о перемирии. Эта фаза завершается подписанием мирного договора с Болгарией в феврале 1947 г.

Большой блок публикуемых документов отражает намерение болгарского правительства выйти из войны «при самых благоприятных условиях», позиции западных союзников относительно мирных зондажей Софии, условия капитуляции Болгарии, обязательства, которые «должны быть [ей] навязаны», а также «максимальные уступки», включавшие территориальные независимость и урегулирование, оккупацию, экономическое урегулирование¹⁹, и пр. Следует отметить, что советская сторона, ознакомившись с проектами союзников, сочла их предложения об условиях капитуляции «в принципе приемлемыми», но возразила против *отдельного пункта об оккупации* болгарской территории. В справке от 26 августа 1944 г., подготовленной в аппарате НКВД СССР для заместителя наркома А.Я. Вышинского, говорилось: «Учитывая, что Советское правительство не предъявило требований об оккупации Финляндии и Румынии, нанесшим гораздо больше вреда в настоящей войне, чем Болгария,

мы считаем, что требование англичан и американцев об оккупации Болгарии необходимо отклонить и вместо него предъявить болгарскому правительству требование о том, чтобы оно допустило использование болгарской территории вооруженными силами союзников для войны против Германии. При этом Англия и США не должны пользоваться правом оккупирующих держав»²⁰. Сформулировав свою позицию, советская сторона, не будучи в состоянии войны с Болгарией, как известно, отказалась принимать участие в обсуждении условий капитуляции, отдав этот вопрос на откуп западным союзникам. Данное решение явилось симметричной реакцией на аналогичные действия американского правительства в случае с Финляндией (США не участвовали в обсуждении условий перемирия, поскольку не находились в состоянии войны с финнами). Тем не менее, как видно из документов, позиция Москвы по болгарскому вопросу была учтена западными союзниками: в окончательный текст перемирия пункт об оккупации и о введении оккупационных войск включён не был.

Опубликованные документы заставляют усомниться в правоте некоторых болгарских авторов, характеризующих московские переговоры о перемирии как «пародию», поскольку их исход был якобы предрешён известным «процентным соглашением» Черчилля и Сталина в октябре 1944 г. Так, обобщая (и разделяя) мнение некоторых своих коллег, историк Веселин Ангелов утверждает, что «болгарская сторона была лишена возможности вести переговоры», что советское правительство пользовалось неограниченной возможностью «предъявлять *свои* претензии»²¹. При этом признание болгарскими исследователями условий Соглашения о перемирии результатом компромисса между союзниками, в первую очередь СССР и Великобританией, не мешает сместить акценты в сторону обвинений советской стороны. Безусловно, включение Болгарии в советскую сферу ответственности оказывало определяющее влияние, однако представлять дело так, будто имел место абсолютный советский диктат, неверно. Документы свидетельствуют, что Москва была вынуждена считаться с позицией западных союзников. Так, 17 октября 1944 г. на встрече с прибывшей в Москву для подписания перемирия

болгарской делегацией В.М. Молотов предупреждал: «Не будьте чрезмерными оптимистами. Болгария должна понести определенные тяготы. Но мы не одни: у нас имеются союзники, которые настаивают, главным образом под влиянием ваших соседей, чтобы Болгария несла ответственность. Что делала Болгария в Сербии? Что она искала в Греции? За нами стоят наши союзники; но мы всё же стараемся смягчить то, что они хотят от вас, будучи убежденными, что нельзя третировать Болгарию хуже, чем Румынию и Финляндию»²². Документы, отражающие ход переговоров в Москве и настроение болгарских делегатов *в то время* свидетельствуют о понимании ими неизбежности строгих мер к побежденной стороне, как и о том, что общение во время переговоров выходило за рамки формулы «победитель — побежденный». Подтверждение находим в лаконичных записях в дневнике Г. Димитрова. «25 октября 1944 г. Вручили болг[арской] делегации условия перемирия. Делегация осталась очень довольна от дружеского общения с ней»; <...> 27 октября 1944 г. Обсуждались на конференции условия по существу. Болг[арская] делегация дала ряд разъяснений, в частности, по пунктам 3, 15, 17» (статьи о свободе передвижения советских и союзных воинских частей, выделении болгарской валюты и предоставлении продовольствия, товаров и услуг Союзному (Советскому) Главнокомандованию, использовании промышленных и транспортных предприятий и учреждений общественного пользования на территории страны. — Т. В.); <...> 29 октября 1944 г. Воскресенье. Принял на даче болг[арскую] делегацию <...> Вечер прошел в очень душевной атмосфере. Члены делегации всячески благодарили за содействие и советы, данные им мною»²³ (подчеркнуто в документе. — Т. В.).

В Болгарии в связи с подготовкой и подписанием Соглашения о перемирии наблюдалась широкая палитра настроений, среди которых поначалу преобладали оптимистические ожидания и надежды. Так, по сообщению советской военной комендатуры в Варне, значительная часть населения считала, что, по аналогии с Сан-Стефанским договором 1878 г., в состав Болгарии войдут Фракия, Северная Добруджа, Македония, побережье Белого (Эгейского) моря. Советские наблюдатели фиксировали слухи

о неизбежной войне Советского Союза с Англией, в ходе которой Болгария выступит на стороне России и получит за это часть Беломорья. Однако обсуждался и иной вариант развития событий: неизбежное продвижение Красной Армии в Грецию и Турцию и острое противостояние, в связи с этим, с Англией приведет к тому, что Россия не захочет ссориться с союзницей и «уступит [ей] Балканы»²⁴. Вместе с тем ходили слухи о создании балканской славянской федерации Болгарии и Югославии с предоставлением Македонии автономии, о присоединении Балкан к СССР и установлении в регионе советского строя²⁵. Военные коменданты докладывали, что значительная часть жителей болезненно восприняла вывод болгарских войск с оккупированных в 1941 г. территорий Греции и Югославии, выражала обиду, что Красная Армия «отдала» Македонию югославам²⁶.

В болгарских официальных кругах условия перемирия в целом расценивали с реалистичных позиций: предстоит платить «за разбитую посуду». На митинге трудящихся в Софии 3 ноября 1944 г. П. Стайнов подчеркнул, что условия перемирия «являются наиболее благоприятными из тех, которые Союзные государства могут предложить нам в настоящий момент»²⁷. Высказывалось также мнение, что без поддержки советских представителей англичане наложат бы на Болгарию гораздо более тяжелые обязательства²⁸. Как «суровый приговор, вынесенный гитлеристской и антинародной Болгарии», но и как «подступ к возрожденной и свободной» стране, оценила перемирие газета «Изгрев» — официальный Народного союза «Звено»²⁹. В руководстве БРП(к) мнения разделились³⁰, но всё же возобладала оценка, что тяжелые условия перемирия неизбежны для побежденного сателлита гитлеровской Германии.

Уже при выработке Соглашения о перемирии с Болгарией серьезные дискуссии между союзниками вызвала статья об организации союзнического контроля и принципах деятельности Союзной контрольной комиссии. Этот сюжет в целом хорошо изучен историками, и их выводы подтверждаются новыми опубликованными документами. Установлено, что основными оппонентами являлись советские и английские представители. Американская сторона поначалу заняла осторожную позицию,

предлагая компромиссные варианты и претендуя, таким образом, на роль посредника, однако с проанглийским уклоном³¹.

Большие споры вызвал вопрос о советском доминировании в СКК. В октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было условлено, что руководящее положение в контрольной комиссии должно принадлежать тому союзнику, в зоне военных операций которого находилась страна-сателлит³². На основе этой договоренности вскоре возник так называемый *итальянский прецедент*: созданное в ноябре 1943 г. Союзное военное правительство — АМГОТ (Allied Military Government of Occupied Territories) подчинялось исключительно главнокомандующему союзными экспедиционными силами в Европе генералу Д. Эйзенхауэру, а штат был укомплектован западными военными. Предложение советской стороны о равном представительстве и равной ответственности трех держав в контрольном союзном механизме было отклонено. Советским представителям была отведена роль наблюдателей, осуществлявших связь Комиссии с Москвой. В результате, как указывал позднее известный британский военный историк Б.Г. Лиддел Гарт, автор официальной национальной версии Второй мировой войны, «по сути дела, русские были практически отстранены от всякого участия в подготовке капитуляции Италии»³³. Москва негативно отреагировала на такое поведение союзников, посчитав его «сговором»³⁴, однако впоследствии, в условиях, когда определялась решающая роль Красной Армии в поражении германских союзников в Восточной Европе, советские руководители получили возможность опереться как на московские договоренности, так и на итальянский «случай». И, надо признать, эту возможность успешно использовали. При этом в Москве припомнили согласованный с союзниками принцип, согласно которому «Советский Союз должен иметь решающий голос в отношении тех стран, с которыми СССР находится в состоянии войны»³⁵. Как известно, война Болгарии была объявлена 5 сентября 1944 г. и стала, по оценке западных союзников, удачным ходом, «гарантировавшим Советам большую свободу при осуществлении союзнических решений, которые затрагивали судьбу Балкан», «активное, а не просто почетное место в будущем перемирии»³⁶.

В исторической литературе справедливо отмечается, что при создании СКК в странах-сателлитах западные союзники легко уступили руководство советской стороне³⁷. Однако документы показывают, что в болгарском и венгерском случаях они предпринимали особо настойчивые попытки пересмотреть полномочия своих представителей и «утяжелить» свой вес в Комиссии. Руководство Союзной контрольной комиссией в Болгарии западные союзники предлагали оставить за Союзным (Советским) Главнокомандованием *только до окончания военных действий в Европе*. На втором этапе — *после завершения войны и вплоть до подписания мирного договора с Болгарией* — его должно было сменить «равное участие» трех держав. Вскоре, однако, выяснилось, что британская сторона рассчитывала пересмотреть предварительную договоренность и ограничить prerogatives советской части Комиссии уже на первом этапе ее деятельности. Советская сторона придерживалась прежней договоренности, что подтверждает приведенная в публикации оживленная переписка В.М. Молотова и А. Идена в середине октября 1944 г. Выражая опасения в связи с возможным «отстранением» Советского Главнокомандования от руководства Комиссией в случае удовлетворения претензий союзников, но, вместе с тем, не желая обострять с ними отношения, советский дипломат в письме от 14 октября 1944 г. сообщил о «более полном участии» западных представителей в работе Комиссии после окончания военных действий в Европе³⁸. А на следующий день, 15 октября 1944 г., продублировал советскую позицию следующим образом: «<...> руководящая роль Советского Главнокомандования в Союзной Контрольной Комиссии во второй период ее деятельности будет в известной степени ограничена в пользу британского и американского представителей». При этом, категорически возражая против предоставления трем правительствам «одинаковой доли в практической деятельности и ответственности Комиссии», Молотов ограничился общим указанием на «несколько иную форму» руководящей роли Советского Главнокомандования в СКК на втором этапе, но от каких-либо пояснений воздержался³⁹.

В окончательный документ — Соглашение о перемирии — вошла компромиссная формулировка, что учреждаемая «на весь

период перемирия» СКК будет решать возложенные на нее задачи «*под председательством* представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с *участием* представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов»⁴⁰. Американская сторона оставила за собой право позднее вернуться к вопросу об организации работы СКК на втором этапе, однако это не было зафиксировано ни в тексте Соглашения, ни в прилагавшемся к нему протоколе.

В дальнейшем главная роль советских представителей в СКК оставалась болевой точкой в межсоюзнических отношениях, о чем свидетельствовали предпринятые британской стороной новые попытки ограничить советское доминирование. 14 ноября 1944 г. А. Кларк Керр в письме В.М. Молотову, ссылаясь на обращение греческого правительства, предложил по примеру Италии создать в Болгарии, кроме СКК, Консультативный совет как «канал связи» для предъявления требований и претензий к Болгарии и «удовлетворения потребностей тех союзных держав, которые не представлены в Контрольной Комиссии». В его состав предполагалось включить представителей СССР, Великобритании, США, Греции и Югославии⁴¹. Советское руководство с ответом не спешило: лишь 18 декабря 1944 г. А.Я. Вышинский сообщил временному поверенному в делах Великобритании в СССР Дж. Бальфуру мнение советского правительства о нецелесообразности «параллельного существования» в Болгарии СКК и Консультативного совета. В Италии, указывалось в письме, в создании Консультативного совета были заинтересованы многие страны, а в Болгарии интерес к подобному органу может иметь только Греция, так как Югославия уже ведет непосредственные переговоры с Софией по вопросу о репарациях. Что касается Греции, то она имеет возможность предъявлять свои претензии непосредственно через СКК. Для этого греческому правительству можно будет предоставить право иметь своего офицера связи⁴². Британское правительство проинформировало Афины о советской позиции, и 23 декабря 1944 г. греческий полномочный представитель в Москве Афанасиос Политис сообщил в IV Европейский отдел НКВД (ЕО НКВД) СССР, что греческое правительство принимает советское предложение⁴³.

Интересно, что именно «греческий вопрос» стал причиной, по которой ранее британская сторона заявила о необходимости предпринять «срочные меры для создания Контрольной Комиссии с тем, чтобы Болгарское правительство находилось под должным контролем»⁴⁴. 26 ноября 1944 г. в письме заместителю наркома иностранных дел В.Г. Деканозову А. Кларк Керр сообщил о решении болгарского правительства поставить продовольствие Югославии и об отказе в этом Греции из-за «ограниченных ресурсов», хотя, по словам посла, «нужда греческого населения отчаянная». Недовольство дипломата было обоснованным, поскольку немедленные поставки продовольствия населению греческой и югославской территорий, пострадавших в результате «болгарской агрессии», как часть возмещения Болгарией потерь и ущерба, понесенного Грецией и Югославией, предусматривались статьей 1 Протокола к Соглашению о перемирии⁴⁵. Особенно насторожил союзников тот факт, что во время визита болгарской правительственной делегации в Белград министр-коммунист Д. Терпешев охарактеризовал решение болгарского правительства как «выражение братства между народами Новой Болгарии и Новой Югославии»⁴⁶. Британский посол усмотрел в этом попытку «восстанавливать одно союзное правительство против другого» (Югославии и Греции. — *Т. В.*)⁴⁷. Хотя трудно представить, что отказ болгарской стороны от поставки продовольствия грекам произошел без ведома советских военных властей, что позднее подтвердилось⁴⁸, обращение Кларка Керра обеспокоило Москву. Это отразила резолюция В.Г. Деканозова на документе: «<...> Почему задержался вопрос об организации СКК в Болгарии, кто виноват в этом? <...> 28. XI.»⁴⁹. Трудно однозначно сказать, повлияли ли эти вопросы на исход дела, но уже на следующий день, 29 ноября, СКК начала свою работу.

Комиссия имела статус органа *союзного* контроля и официально действовала от имени *союзных* держав. Однако, подчиняясь исключительно советскому Верховному Главнокомандованию, СКК являлась, прежде всего, инструментом советской внешней политики и военной дипломатии. Это хорошо понимали западные союзники. Так, еще 13 сентября 1944 г. в секретном письме британского внешнеполитического ведомства в Комитет

начальников штабов США прогнозировалось, что выполнение статей перемирия будет сосредоточено в руках «номинально союзнической» контрольной комиссии в Болгарии, которая «на практике будет русской», и «русский генерал» будет подписывать документы СКК⁵⁰. Намерение оспаривать это западные союзники тогда открыто не демонстрировали, более того, опираясь на румынский случай, признавали, что следует «безусловно признать такое положение и применительно к Болгарии»⁵¹. Тем не менее, уже в конце декабря 1944 г. в связи с возникшими трениями с англичанами советская сторона была вынуждена напомнить: «<...> Вся практическая деятельность СКК осуществляется и направляется советской частью Комиссии»⁵².

В состав СКК входили три представительства: СССР, Великобритании и США. Председателем Комиссии был назначен маршал Ф.И. Толбухин, заместителем председателя — генерал-полковник С.С. Бирюзов, в то время командовавший дислоцированной в Болгарии 37-й армией; помощниками председателя — генерал-лейтенант А.И. Черепанов и контр-адмирал Н.О. Абрамов. Поскольку Толбухин до конца войны командовал 3-м Украинским фронтом, а затем, до февраля 1947 г., Южной группой войск, то фактически обязанности руководителя Комиссии выполнял Бирюзов. Рабочие органы СКК были сформированы полностью из советских представителей. В структуру Комиссии входили: Штаб СКК (им руководил генерал-майор А.И. Сучков); группа политсоветника при председателе СКК (руководитель — сотрудник НКВД СССР в ранге полномочного министра А.А. Лаврищев); шесть отделов — административный, экономический, военный, военно-морской, военно-воздушных сил, транспортный; отделения правительственной, телефонной и телеграфной связи; группа 7-го отдела Политуправления 3-го Украинского фронта (спецпропаганда, работа среди военнопленных и местного населения). Во всех девяти областях страны имелись уполномоченные СКК, решавшие на местах неотложные вопросы по обеспечению выполнения Соглашения о перемирии. Они сменили действовавшие до 15 декабря 1944 г. временные военные комендатуры, подчинявшиеся ранее Политуправлению 3-го Украинского фронта, а затем перешедшие под контроль СКК⁵³.

На первом заседании Комиссии 29 ноября 1944 г. С.С. Бирюзов довел до сведения представителей союзников правила внутреннего распорядка работы Комиссии, прописанные в вышеуказанном Положении об СКК: спорные вопросы решала советская сторона; при возникновении разногласий союзники могли изложить советскому руководству свои возражения; они были обязаны сообщать заранее о предполагавшихся поездках в провинцию, которые допускались только в сопровождении советского офицера связи⁵⁴. Важный акцент был сделан на порядке сношений СКК с болгарским правительством. Сообщая в тот же день главе кабинета министров Кимону Георгиеву о начале работы Комиссии, Бирюзов писал: «<...> все сношения представителей союзных держав с болгарским правительством по всем вопросам, входящим в компетенцию Союзной Контрольной Комиссии, будут осуществляться только через руководство Союзной Контрольной Комиссии <...>. Никакие обращения со стороны других лиц Союзной Контрольной Комиссии, в том числе и представителей Союзных держав, не допускаются. Рассмотрение и решение вопросов помимо руководства СКК будут считаться игнорированием руководства Союзной Контрольной Комиссии»⁵⁵.

В наши дни некоторые болгарские авторы с осуждением пишут об «ультимативном тоне» письма, свидетельствовавшего о статусе Болгарии как «оккупированной», а не суверенной страны⁵⁶. Упрёк звучит странно, поскольку режим *военной оккупации* Болгарии, согласованный союзниками по антигитлеровской коалиции на упоминавшейся Московской конференции 1943 г., никто не отменял. Это, кстати, признают и болгарские историки, рассматривающие ситуацию с конкретно-юридической точки зрения⁵⁷. Присутствие оккупационных сил на территории государства по определению означает известное ущемление его суверенитета. И хотя в болгарском случае военные власти осуществляли не прямое управление, как в оккупированной Германии, а косвенное или опосредованное — через национальное правительство и его административный аппарат⁵⁸, но, контролируя выполнение Соглашения о перемирии, СКК не могла избежать вмешательства во внутренние дела Болгарии⁵⁹. Уместно обратиться к ситуации в Италии, где в оккупированной войска-

ми западных союзников южной части страны АМГОТ не просто ограничивала деятельность правительства П. Бадольо. На заседании Консультативного совета по Италии 10 января 1944 г. Бадольо заявил, что «союзная оккупация, тяжелые условия перемирия <...> приводят <...> к созданию почти всюду *второго* административного аппарата, который издает законы...»⁶⁰. Оставаясь в рамках объективности, нельзя не признать, что в Болгарии после 9 сентября 1944 г. подобного прямого «двоевластия» не было. Более того, сохранение старых органов и атрибутов государственной и административной власти, многочисленного чиновничества, судебной системы производило на часть населения впечатление, что с вступлением в страну Красной Армии как будто имеет место «поворот к старому». А один болгарский офицер-ветеран Балканских и Первой мировой войн так выразил свое ощущение отсутствия коренных перемен. «София, — заявил он, — напоминает внезапно откупоренную бутылку пива. Много пены, переливающей через край, но это — только пена. Пива не становится больше»⁶¹.

Вместе с тем нельзя не отметить определенную особенность ситуации в Болгарии, подмеченную корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Дж. Леви: «Русские, прямо или открыто, не вмешиваются в болгарские внутренние дела». Однако наличия в стране русской оккупационной армии достаточно, чтобы местные коммунисты «не смущались делать то, что они хотят», а болгарские власти не были уверены, что «советские войска не вмешаются». Понятно, что в такой обстановке болгары считали, что действия «своих» властей всегда и полностью поддерживались русскими⁶².

Обстановка первого заседания СКК накалилась, когда С.С. Бирюзов сообщил представителям Великобритании и США генерал-майору У. Оксли и генерал-майору Дж. Крейну, что численность их миссий должна ограничиваться 11-ю офицерами каждая. Это заявление вызвало у западных представителей настоящий шок, поскольку Британская военная миссия в СКК насчитывала в то время 168 человек, а Военная миссия США — 42 военных и дипломатических сотрудника. Кстати, такое же неравенство наблюдалось и в СКК в Румынии: представительство англичан — 184 чел., американцев — 50 чел.⁶³. По упомянутому выше

постановлению СНК СССР о создании СКК в Болгарии советский штат Комиссии и ее уполномоченных первоначально был определен в 175 военнотружеников и 255 вольнонаемных⁶⁴.

Лондон резко отреагировал на предлагавшиеся ограничения. Об этом Дж. Бальфур 7 декабря 1944 г. уведомил В.Г. Деканозова. Британский дипломат подчеркнул, что определение штата своего представительства является прерогативой конкретной страны и выразил надежду, что советское правительство воспримет такую точку зрения. Бальфур напомнил, что вопрос об ограничении числа советских наблюдателей в СКК в Италии никогда не поднимался и оно определялось «по усмотрению советского правительства»⁶⁵.

Показательно, что в ответном письме Деканозов так же, как и Бальфур, использовал «итальянский прецедент»: «В ответ на Ваше письмо от 7 декабря с.г. <...> я могу сообщить Вам, что поскольку число представителей СССР в Союзной Контрольной Комиссии в Италии всегда определялось в соответствии с указаниями Председателя этой комиссии, Советское правительство считает, что Председатели Комиссии в Румынии и Болгарии могут соответственно регулировать вопрос о численности Британского представительства в возглавляемых ими Комиссиях. Советское правительство не видит оснований допустить неограниченное расширение штата указанного представительства»⁶⁶. Из документов следует, что советскую сторону беспокоили не только, а, скорее всего, и не столько возможные претензии американцев из-за четырехкратного превышения числа британских представителей в СКК, но и «нежелательное присутствие» большого числа иностранных «наблюдателей» в тылу действующей Красной Армии. На это обращали внимание в Генеральном штабе Красной Армии, предлагая «контрмеру» в случае возражений союзников в связи с ограничением численности их представителей в СКК, а именно: не давать согласия на въезд в Болгарию и Румынию дополнительно ни одному человеку и тем самым вынудить союзников уменьшить состав своих миссий⁶⁷.

Лондон не оставлял попыток «продать» вопрос об увеличении численности британских представителей в СКК: 12 декабря 1944 г. об этом писал А. Иден в упомянутом выше личном

письме В.М. Молотову⁶⁸. Советская сторона к тому времени сочла возможным скорректировать численность британской и американской миссий в Болгарии⁶⁹, ограничив каждую 50-ю сотрудниками. Одновременно до 200 чел. сокращался штат советской части Комиссии⁷⁰. В материалах IV ЕО НКВД СССР в январе 1945 г. предлагалось решить вопрос о штатах СКК в двухнедельный срок⁷¹.

Вопрос о численном составе представительств британская делегация попыталась включить и в повестку дня Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.), но подготовленный ею меморандум не получил поддержки американских представителей. Президент Фр. Рузвельт отклонил обсуждение этого вопроса, как и других, непосредственно затрагивавших интересы СССР, как считают некоторые исследователи, из-за опасений, что это может осложнить отношения с Москвой и отразиться на вопросе об участии СССР в войне против Японии. Предложения англичан предполагалось рассмотреть по дипломатическим каналам⁷².

Камнем преткновения в отношениях между союзниками являлся также вопрос о порядке издания приказов и распоряжений от имени СКК. Представители Великобритании и США настаивали на предварительных консультациях. Вопрос об этом был поставлен на втором заседании СКК 7 декабря 1944 г., и его как будто удалось разрешить на следующем, третьем, заседании — 28 декабря. Тогда же был утвержден график заседаний Комиссии на первый квартал 1945 г. — еженедельно или трижды в месяц. Однако почти сразу же коллективная деятельность Комиссии была в одностороннем порядке прекращена: советские представители решали возникавшие вопросы самостоятельно, без консультаций и обсуждений с союзниками. О согласованном сторонами графике заседаний было забыто. На соответствующие обращения западных союзников советское руководство СКК отвечало, что провести заседание Комиссии в ближайшее время «не представляется возможным», а возникшие вопросы можно будет разрешить обменом письмами или при личной встрече⁷³. Советская сторона игнорировала, по признанию союзников, «неравноправное» положение, опираясь на согласованное мнение двух министров иностранных дел. Действительно, на встрече Идена и Молотова 14 октября 1944 г.

в Москве обсуждался вопрос о том, что «британский и американский представители не займут своих мест в Контрольной Комиссии до окончания военных действий против Германии». Иден, идя навстречу пожеланиям советского дипломата, согласился оставить эту «личную договоренность» «как условленное между нами». Об этом он напомнил на следующий день, 15 октября, в письме Молотову⁷⁴. Однако и по окончании военных действий против Германии, вплоть до августа 1945 г., принцип коллегиальности в работе Комиссии не соблюдался.

Из материалов СКК следует, что в декабре 1944 г. остро встал вопрос о контроле въезда и выезда в Болгарию иностранцев. По распоряжению советских военных властей границу могли пересекать только те лица, в паспортах которых имелись виза Комиссии и номер разрешения на пересечение границы с указанием контрольно-пропускного пункта. Строгий контроль был установлен и на самих КПП. Министерство иностранных дел и вероисповеданий специальными нотами также сообщило иностранным гражданам о порядке передвижения по территории Болгарии. Установленные ограничения вызывали понятное недовольство. Так, в ответной вербальной ноте швейцарской дипломатической миссии в Болгарии от 10 декабря 1944 г. подчеркивалось, что «по мере того, как война удаляется от границ Болгарии, ограничения становятся всё более строгими. <...> члены Швейцарской миссии и персонал миссии находятся на положении гражданских интернированных, и столица Болгарии определена для них как место пребывания»⁷⁵.

Перечень претензий союзников (особенно настойчивы были англичане) к советским военным властям в Болгарии был широким. Помимо запрета свободного передвижения «даже в самой Софии» (кроме «весьма ограниченного района в столице»), указывалось на задержку транспортных средств на продолжительный срок советскими военными патрулями; запрет посадки в Болгарии британских самолетов, доставляющих почту и продовольствие из Италии для британской миссии, без получения согласия Москвы. Причем, касалось это не только каждого самолета, но и каждого отдельного пассажира. Сообщалось об аресте и заключении под стражу пилотов британского самолета,

прилетевшего из Румынии в Болгарию, вопреки тому, что полет был заранее согласован. Жесткие меры со стороны советских военных патрулей коснулись даже генерал-майора Оксли. Руководство СКК обвинялось также в отказе предоставлять британской миссии по ее требованию необходимые денежные суммы в болгарской валюте. Часть этих требований была включена в меморандум британского правительства, врученный 10 января 1945 г. А.Я. Вышинскому⁷⁶.

Однако, судя по документам, положение не менялось, что привело к новым обращениям (25 февраля и 2 апреля 1945 г.) посла в Москве А. Кларка Керра к В.М. Молотову. В начале 1945 г. о «ненормальности отношений» между руководством СКК и сотрудниками американской миссии и «аномалии» при принятии решений советскими военными властями заявили и американцы⁷⁷. Наконец, 28 апреля 1945 г. недовольство положением британских представителей в СКК выразил Черчилль в послании Сталину⁷⁸.

Тем не менее, несмотря на вмешательство «верхов», Великобритания и США по-прежнему были вынуждены считаться с требованиями советской стороны и через свои посольства в Москве запрашивать и получать разрешение на въезд в Болгарию отдельных лиц (дипломатических курьеров, экспертов, журналистов и т.д.) и транспорта⁷⁹, а руководители и сотрудники представительств Великобритании и США в СКК — получать каждый раз разрешения «по специальной форме» для поездок за пределы Софии. На заседании СКК 25 сентября 1945 г. генерал Оксли поднял вопрос о «неудобном положении», в котором оказался в связи с намечавшимися поездками в августе в Балчик, а затем в Ямбол — «охотиться на куропаток»: по прибытии на место он был задержан советскими гарнизонными властями и был вынужден вернуться в Софию. «Выездная» активность британского генерала была отмечена ироничной репликой Бирюзова: «<...> Везет всегда генералу Окслей, а у генерала Крейн[а] всё благополучно»⁸⁰. Однако Бирюзов лукавил, поскольку Крейн еще раньше, 24 декабря 1944 г., обращался в СКК с жалобой на советских военных, не пропустивших генерала, приглашенного на завтрак к главнокомандующему болгарскими войсками генералу И. Маринову⁸¹. Днем раньше, 23 декабря, по аналогично-

му поводу к Бирюзову обратился политический представитель США в Болгарии М. Барнс. В письме, составленном на безукоризненном дипломатическом языке, посетовав на лишение его «привилегии свободного проезда», Барнс сообщил, что считает нужным ограничить свои передвижения по Софии «площадью, окруженной военными постами русского командования», и вынужден, в связи с этим, отклонить приглашение Бирюзова на обед⁸². Советская сторона отреагировала устным разъяснением, что карта расположения постов командования Красной Армии была передана американцам ранее, однако после письма Барнса начальник штаба СКК А.И. Сучков лично проверил все посты во избежание неприятных инцидентов впредь⁸³.

Примечательно, что, реагируя на жалобы союзников, советская сторона вновь прибегла к «итальянскому прецеденту»: отменила «подобную практику ограничений передвижения» британскими оккупационными властями в стране, хотя советские представители проявляли понимание и не заявляли о своих претензиях на этот счет⁸⁴.

Из документов следует, что вопросы визового режима и ограничения свободы передвижения западные союзники с завидным постоянством выносили на повестку дня заседаний СКК. Советские представители, как правило, объясняли инциденты правами гарнизонных властей не допускать на свою территорию посторонних или организационными недоразумениями⁸⁵, квалифицировали предпринимавшиеся ограничения как вынужденные и временные в виду военной обстановки и близкого положения Болгарии к фронту и базам Красной Армии. Однако, несомненно, имели место излишняя подозрительность и недоверие к союзникам, осложнявшие работу.

Недовольство союзников, главным образом, англичан, вызывал также упомянутый выше отказ СКК в выдаче болгарской валюты «в суммах, какие [британская миссия] может попросить»⁸⁶. Проведенная аппаратом СКК проверка жалобы не подтвердила. «Согласно имеющимся данным, — сообщал Молотов в письме Идену 31 декабря 1944 г., — британская часть Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии получила на сегодняшний день свыше 22 млн. лев[ов]. Эта сумма в несколько раз превышает

сумму, полученную для нужд советской части Контрольной Комиссии. Я согласен с Вашей трактовкой статьи 4-ой Протокола к Соглашению [о перемирии], как и с тем, что советские власти обязаны оказывать британской части СКК необходимую помощь в этом деле. Но в данном случае дело идет лишь о необходимости согласования размеров болгарской валюты, отпускаемой на нужды той или другой части СКК, в соответствии с установленной сметой. Я не предвижу каких-либо разногласий между нами по этому вопросу». Молотов счёл необходимым отметить, что возникающие трения между союзниками обусловлены «неправильным взглядом на Болгарию как страну “безоговорочно капитулировавшую”», на территории которой возможности, предоставляемые союзникам, «ни в какой мере не зависели бы от установленной деятельности Союзной Контрольной Комиссии»⁸⁷. Но судя по документам, оптимистичный прогноз советского дипломата не подтвердился: определенные разногласия сохранялись, и вопрос о размерах болгарской валюты, выделявшейся союзникам, неоднократно поднимался и позднее.

Суммируя претензии западных союзников, генерал Дж. Крейн в мае 1945 г. сообщал в секретариат Объединенного штаба командования, что возможность эффективной работы «полностью блокирована ограничениями» советских военных властей, что, несмотря на многократные обращения к русским, союзники не только не участвуют в подготовке указаний болгарскому правительству, но и не получают «директивы и приказания» СКК, адресованные болгарам, и эту информацию «под большим секретом и трепеща от страха» им сообщают правительственные чиновники⁸⁸. Изучив обстановку в Болгарии и Румынии, эксперты Объединенного комитета стратегического анализа Комитета начальников штабов США констатировали, что положение американских представителей в СКК «крайне неудовлетворительное и создает серьезную проблему»⁸⁹.

В Москве, понимая трудности, с которыми сталкивались в практической работе сотрудники СКК, ориентировали аппарат Комиссии на выполнение в первую очередь статей Перемирия, но при этом подчеркивали необходимость не ослаблять внимания к политической и «классовой» миссии, хотя и не афишируя

это. Менее чем через месяц с начала работы СКК, к 13 января 1945 г., в IV ЕО НКВД СССР была подготовлена аналитическая записка о недостатках в работе Комиссии, требующих оперативного вмешательства⁹⁰. Записка, подписанная заведующим Отделом В.А. Зориным и его помощником А. Абрамовым, адресовалась А.Я. Вышинскому и В.Г. Деканозову. Отправной точкой для авторов документа являлось рассмотрение деятельности СКК через призму выполнения условий Соглашения о перемирии как «важного оружия в борьбе за укрепление нашего влияния и авторитета в Болгарии, средство для ограничения чрезмерных требований к ней со стороны англичан и американцев и условие, предоставляющее широкие возможности для поддержки демократических элементов в стране». И основной вывод был неутешительным: руководство Комиссии «очень слабо использует возможности, предоставленные ему условиями Соглашения о перемирии», «отклонилось от контроля за его выполнением». Перечень замечаний был внушительным: непредоставление в центр какой-либо информации о ходе выполнения статей Соглашения; слабый контроль за выполнением статей 6 и 7 о чистке государственного аппарата и армии от профашистских элементов, осуществлении пропаганды через печать, радио и пр.; отсутствие четкой линии поведения по отношению к болгарскому правительству (отмечены случаи, когда СКК «идет на поводу у болгар, поддерживая их необоснованные претензии», а также факты опеки и вмешательства в деятельность правительства, в частности, при определении сроков тюремного заключения для военных преступников во время Народного суда; участие представителя СКК в болгаро-югославских переговорах и даже в подписании соглашения о передаче болгарскими имуществом и ценностей югославского банка); слабое изучение страны, особенно ее экономики; недостаточный размах культурно-просветительной работы и отсутствие инициативы в налаживании работы по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и пр. Критически оценивалось в записке и отношение СКК к представителям других государств. Так, авторы документа сетовали на то, что, установив контроль над въездом в Болгарию англичан и американцев, «СКК не обеспечила такого же

контроля за поездками подданных других стран». К недостаткам в работе СКК был отнесён и тот факт, что «СКК *не препятствует* расширению международных связей Болгарии (в то время страна восстанавливала дипломатические связи с Испанией, Италией, Португалией, Францией. — Т. В.), чем способствует увеличению числа иностранцев в стране, а следовательно и их агентуры». По этой же причине упрёк заслужил и А.А. Лаврищев, который сам принял представителя Швейцарии, несмотря на отсутствие дипломатических отношений СССР с этой страной⁹¹. Показательно, однако, что правомочность действий Лаврищева, явно выходявших за рамки его обязанностей политсоветника при председателе СКК, авторами записки под сомнение не ставилась. Кроме того, от их внимания не ускользнули случаи, когда СКК выступала с предложениями, которые противоречили условиям Соглашения о перемирии. Речь шла о полноте передачи болгарам советскому командованию трофейного имущества Германии и ее сателлитов по статье 12, о полном освобождения Болгарии от поставок продовольствия Греции по статье 1 Протокола к Соглашению и др.

Заметим, что вопрос о поставках грекам вызывал особо пристальное внимание англичан и был вынесен на обсуждение СКК 18 декабря 1945 г. с приглашением болгар. На совещании министр иностранных дел П. Стайнов указал, что правительство не считает себя обязанным поставлять продовольствие грекам по статье 1 Протокола, поскольку «этот Протокол [в Москве] не подписывало». (Это верно: Протокол по поручению своих правительств подписали А.Я. Вышинский, А. Кларк Керр и советник посольства США Дж.Ф. Кеннан⁹²). Отпущенное Югославии в конце 1944 г. и в первые месяцы 1945 г. «известное количество продуктов питания и других материалов *заимообразно*» (т.е. не как репарации за ущерб) Стайнов объяснил наличием «некоторых *излишков*, полученных от урожая 1944 г.», а также «чувством сострадания и человечности»⁹³. (Налицо определенное расхождение с позицией правительства поздней осенью 1944 г., когда отказ в поставках продовольствия Греции болгары объясняли «ограниченными ресурсами»⁹⁴.) Стайнов сообщил, что засуха 1945 г. тяжело отразилась на состоянии сельского

хозяйства и сделала невозможными поставки в счет репараций не только юридически, но и фактически⁹⁵. Впоследствии вопрос о поставках продовольствия Греции западные союзники неоднократно поднимали в СКК, но советская сторона с санкции НКВД СССР отклоняла эти требования⁹⁶. На заседании СКК 7 марта 1946 г. британские представители сообщили о результатах проведенной ими проверки официальной статистики и опубликованной информации по вопросу о поставках, давшей неожиданный результат. Западные союзники утверждали, что в период нехватки продуктов питания во всём мире болгарское население не окажется в худшем положении, нежели другие побежденные страны, и, более того, дневная норма потребления болгарам хлеба и муки превысит соответствующие показатели в вышеуказанных странах. По подсчётам американцев, она могла составить 923 калории, тогда как в ноябре 1945 г. во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Австрии, Чехословакии и Германии эта норма в среднем равнялась 860 калориям в день⁹⁷. «Я не могу принять утверждения г-на Стайнова о невозможности со стороны Болгарии поставить Греции продукты питания», — заявил генерал Оксли⁹⁸. Подчеркнув, что «нельзя полагаться на болгарскую статистику», англичане одновременно выразили недоверие и сведениям Экономического отдела СКК, расходящимся с болгарскими, назвав их «фальшивыми»⁹⁹. Советская статистика завышала необходимое болгарам количество зерна на посев и на потребление и тем самым подтверждала невозможность обеспечить поставки грекам, тогда как западные представители настаивали на немедленной отправке продовольствия в Грецию.

Возвращаясь к записке от 13 января 1945 г., следует признать, что многие отмеченные недостатки и упущения в работе СКК вполне объективно объяснялись авторами «неправильной системой руководства», отсутствием четкой организации, строгой ответственности. Среди причин этого называлось фактическое отсутствие постоянного руководителя: «Тов. Толбухин, занятый на фронте, в работу СКК не вникает. Тов. Бирюзов также значительную часть своего времени уделяет фронту. Тов. Черепанов работает всего около месяца». К числу недостатков была отнесена практика рассылки запросов и сообщений СКК по разным

адресам — в Генеральный штаб Красной Армии, Главное управление тыла Красной Армии, ЦК ВКП(б), НКВД, что осложняло обратную связь («некоторые вопросы остаются без ответа»). В записке указывалось также, что «за все время деятельности СКК... от нее не поступило ни одного сообщения о ходе выполнения условий Соглашения о перемирии, ни в целом по всему Соглашению, ни по одной из его статей». Однако, как показывают документы, это замечание не соответствовало действительности. Уже в середине декабря 1944 г. первый отчет о работе Комиссии (по отделам) за период с 29 ноября по 15 декабря 1944 г. за подписью С.С. Бирюзова, А.А. Лаврищева и А.И. Сучкова был отправлен В.М. Молотову¹⁰⁰. Трудно представить себе, что отчет не дошел до адресата, но, видимо, нельзя исключить и упомянутое выше «отсутствие четкой организации», приведшее к такому казусу.

Основой для отчетов СКК, посылавшихся в Москву, являлись материалы специально созданного 10 ноября 1944 г. Комиссариата по выполнению Соглашения о перемирии (КВСП)¹⁰¹. Основная его задача заключалась в контроле за реализацией предписанных обязательств. КВСП служил посредником между СКК и болгарскими органами власти на местах: рассылал поступавшие указания и проверял их исполнение, готовил и регулярно, раз в две недели, направлял в СКК подробные отчеты (меморандумы) о проделанной работе. Реальная обстановка, однако, потребовала публичного подтверждения посреднических функций КВСП. 15 декабря 1946 г. в опубликованном официальном коммюнике Министерства иностранных дел и вероисповеданий сообщалось, что претензии болгарской стороны какого бы то ни было характера не могут адресоваться напрямую СКК и не будут ею рассматриваться. «В каждом случае заинтересованные лица должны обращаться в КВСП, который, со своей стороны, после оценки примет необходимые меры через Союзную контрольную комиссию»¹⁰².

Руководство Комиссариатом возлагалось на действующих министров иностранных дел: П. Стайнова (9 сентября 1944 г. — 31 марта 1946 г.), Г. Кулишева (31 марта — 22 сентября 1946 г.), К. Георгиева (22 сентября 1946 г. — 11 декабря 1947 г.). При со-

здании КВСП болгарская сторона, как следует из протокола первого, организационного, заседания 16 ноября 1944 г., оказалась перед необходимостью, помимо прочего, прояснить для себя «с юридической точки зрения» некоторые моменты, в том числе «дать обоснованное толкование вопроса: что следует понимать под военной оккупацией, поддерживая мнение, что Болгария не является оккупированной страной»¹⁰³. Этот вопрос наводит на определенные размышления. Возможно, намерение отрицать факт оккупации было связано с пониманием, что Болгария не была *безоговорочно* капитулировавшей страной и как государство не утратила суверенитета, не лишилась собственных органов управления, но вместе с тем неизбежно должна была столкнуться с известными ограничениями, рождаемыми пребыванием армии иностранного государства на своей территории (военной оккупацией). Заняться выяснением этого вопроса было поручено юридическому советнику КВСП А. Ангелову, но к каким выводам пришла болгарская сторона, установить не представилось возможным.

Еще до официального начала работы СКК болгарская сторона подготовила несколько отчетов (меморандумов) о выполнении некоторых статей Перемирия. Первые меморандумы по статьям 2–4 были вручены прибывшему в Софию генерал-лейтенанту А.И. Черепанову 17 ноября 1944 г., то есть на следующий день после начала работы КВСП¹⁰⁴.

Впервые публикуемые в полном объеме материалы Комиссариата — аутентичный источник, содержащий конкретные сведения, отражающие намерение болгарской стороны строго выполнять статьи Соглашения. Руководствуясь собственными представлениями о национально-государственных интересах страны, правительство стремилось представить неопровержимые доказательства решительного разрыва Болгарии с бывшим союзником, создать исходную предпосылку подписания мирного договора с союзными державами на благоприятных для Софии условиях, восстановить в полном объеме суверенитет, определить государственные границы, уменьшить репарации.

Меморандумы КВСП представляют собой ценный источник информации, отражающий, помимо результатов выполнения кон-

кретных статей Соглашения, политическую обстановку в стране, состояние экономики, культурной жизни, настроения населения и пр.

Объем задач, решавшихся КВСП, был без преувеличения огромным. На первом этапе работы Комиссии, до окончания военных действий в Европе, особое внимание обращалось на участие Болгарии в войне против Германии. В соответствии со статьями 1, 3 и 12 Соглашения о перемирии болгарское правительство обязывалось разоружить немецкие части, находившиеся в Болгарии и отступавшие из Румынии через Болгарию и передать их в качестве военнопленных Союзному (Советскому) Главнокомандованию; интернировать граждан Германии и ее сателлитов; предоставлять сухопутные, морские и воздушные силы Болгарии для военных действий против Германии; обеспечить советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по болгарской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, и при необходимости оказывать им содействие своими средствами и за свой счет в передвижении по суше, воде и воздуху; передать в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования все суда в портах Болгарии, независимо от того, в чьем распоряжении эти суда находятся, для использования в войне против Германии и Венгрии.

К неотложным задачам в соответствии со статьями 4, 5, 6 и 7 Соглашения о перемирии были отнесены также освобождение, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций, или ввиду их расового происхождения или религиозных убеждений; немедленное освобождение всех военнопленных и интернированных — граждан союзных сил и до получения дальнейших инструкций обеспечение их, а также перемещенных лиц и беженцев, в том числе и граждан Греции и Югославии, питанием, одеждой, медицинским обслуживанием и предметами санитарии и гигиены, а также транспортными средствами для возвращения этих лиц на родину; интернирование находящихся в стране подданных Германии и ее сателлитов; сотрудничество в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними; роспуск всех прогит-

леровских или иных фашистских политических, военных, военнизированных, а также других организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям пропаганду, и недопущение впредь существования такого рода организаций.

Выполнение военных статей постоянно контролировалось и советской, и болгарской сторонами. В связи с важностью вопроса об участии 1-й Болгарской армии в боевых действиях в составе 3-го Украинского фронта в документах СКК уделялось большое внимание не только ее техническому оснащению, но и политико-моральному состоянию. В целом его уровень оценивался как невысокий. В подтверждение приводились факты падения дисциплины, отказов от отправки на фронт, самовольного ухода болгарских частей из расположения гарнизонов, проявления трусости¹⁰⁵. Так, военнослужащие 3-й пехотной дивизии отказались переправляться через Дунай и самовольно повернули домой. «За Дунай, — считали они, — должны идти только добровольцы», а сами были готовы «работать на родине, даже платить репарации, но не воевать в Венгрии»¹⁰⁶.

В справках политорганов 3-го Украинского фронта отмечались желание болгар «быть подальше от войны», отсутствие понимания освободительных целей войны, «настоящей ненависти к немцам» и стремления вести с ними борьбу¹⁰⁷. Фактически это подтвердил и министр пропаганды Д. Казасов в выступлении 30 ноября 1944 г. по софийскому радио, отметив, что «многие болгары» задаются вопросом «Почему наши сыновья пошли воевать, когда за это ничего не получают?» В столице Германии, подчеркнул Казасов, «находятся те, кто обманул и ограбил болгарский народ, привел его к нынешнему плачевному состоянию. Цель войны — борьба за свободу, за возвращение награбленного, за восстановление чести страны и уничтожение тирании»¹⁰⁸.

Анализ структуры и материально-технического состояния армии, предпринятый советскими военными, выявил ее «тяжелую» организацию (в дивизии 18 тыс. чел. и 11 тыс. лошадей), слабость в огневом отношении (низкий процент артиллерии и автоматического оружия), малоподвижность (отсутствие автотранспорта). Специалисты подчеркивали, что «такая армия не может считаться современной без серьезной ее реорганизации, перево-

оружения и обучения в соответствии с опытом последней войны». Категорический вердикт подкрепляли выводы о низкой и неудовлетворительной тактической и стрелковой подготовке войск, «уродливой» (по немецкому образцу) строевой подготовке¹⁰⁹.

Болгарская сторона выход в решении задачи материально-технического оснащения армии видела в помощи Москвы. Один из многочисленных примеров — обращение политического представителя Болгарии в СССР Д. Михалчева к В.М. Молотову в январе 1945 г. с просьбой содействовать в предоставлении для кадровых формирований 256 самолетов (истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков и др.), полного комплекта бронетанковой дивизии в 150 боевых единиц — танков «Т-34», всех вспомогательных боевых и транспортных средств для этой дивизии и запасных частей и материалов¹¹⁰. А в марте 1945 г. в Генеральном штабе Красной Армии, Ставке Верховного Главнокомандования и в Государственном комитете обороны СССР рассматривался план реорганизации и перевооружения армии, представленный начальником болгарского Генштаба генерал-майором И. Киновым. Сообщая В.М. Молотову и начальнику Генерального штаба Красной Армии генералу армии А.И. Антонову свое позитивное мнение о плане Кинова, С.С. Бирюзов отметил прежде всего политическое значение реорганизации болгарской армии «по типу Красной Армии» и ее перевооружения советским оружием: это «поставит Болгарию в прямую зависимость от Советского Союза, чем облегчит закрепление здесь нашего влияния и сохранение для нас очень важных стратегических позиций на Балканах». В дополнение к просьбам Кинова Бирюзов предлагал сопровождать поставки вооружения освоением образцов советского оружия болгарскими военными под руководством советских офицеров и обучением болгарских офицеров не только в военных академиях, как просил Кинов, но и в советских училищах основных родов войск. По мнению Бирюзова, это должно было способствовать созданию в офицерском корпусе болгарской армии кадров «просоветских офицеров»¹¹¹. 14 марта 1945 г. ГКО принял постановление № 7827 о мерах по оказанию помощи Болгарии в создании воинских частей, согласно которому на вооружение болгарской армии *безвозмездно*

передавались 344 самолета, 65 танков «Т-34», 935 орудий и минометов, 28,5 тыс. винтовок и автоматов, 1170 ручных и станковых пулеметов, 280 противотанковых ружей, 370 автомашин, 369 радиостанций, 2572 телефонных аппарата, а также много трофейных боеприпасов немецкого и чешского производства. Предполагалось сформировать пять пехотных дивизий, танковую бригаду, два армейских артиллерийских полка и авиакорпус. Советские офицеры-инструкторы приступили к обучению личного состава, а первые группы болгарских командиров были направлены на подготовку в советские военные учебные заведения¹¹². Летом 1945 г. военный министр Д. Велчев в письме к Сталину просил о дополнительных поставках вооружения для еще одной дивизии, командировании 80 советских «опытных инструкторов» в Болгарию и о трехкратном увеличении числа болгарских офицеров, направляемых в СССР для обучения на краткосрочных курсах и в военных академиях. Министр также поставил вопрос о стажировках болгар в частях Красной Армии, участии в военных учениях и маневрах¹¹³.

В наши дни вопрос о советской помощи болгарам, в том числе и в военной области, трактуется, как правило, негативно. Из современного общественного лексикона убраны или пишутся не иначе как в кавычках определения «братская», «большая», «бескорыстная», имевшие широкое хождение в работах социалистического периода. Ныне свою задачу авторы видят в доказательстве противного, впадая в другую крайность — обвинений советской стороны в корыстных расчетах и прочих грехах. Так, например, перевооружение болгарской армии объясняется единственно намерением Москвы монополизировать эту сферу в будущем, проводя расчёты в конвертируемой валюте. При этом подчеркивается, что зачастую болгарам поставлялось не современное оружие, а «старое, перекрашенное», имевшееся в избытке¹¹⁴. Многочисленные документы, подтверждающие безвозмездные поставки вооружения, военного имущества и продовольственное снабжение болгарской армии интендантской службой 3-го Украинского фронта, давно введены в научный оборот¹¹⁵, но новая «оптика» рассмотрения советско-болгарских отношений превращает их в невостребованные.

Значительный блок опубликованных документов отражает настойчивое желание болгарского руководства при поддержке Москвы добиться признания Болгарии совместно воюющей (совоюющей) стороной. Этот вопрос обсуждался представителями СССР, Великобритании и США еще в период подготовки проекта условий перемирия. Западные союзники были категорически против его решения в пользу Болгарии. Политическая подоплёка этого очевидна, особенно если учесть, что 13 октября 1943 г., после объявления войны Германии статус совоюющей стороны получила Италия — отнюдь не «второстепенная» союзница Берлина, как это предполагает определение «совоюющая сторона» в международном праве¹¹⁶, а активный член гитлеровской коалиции, одна из основательниц нацистской «оси». Италия находилась в состоянии войны с Великобританией (с 10 июня 1940 г.), СССР (с 22 июня 1941 г.) и США (с 11 декабря 1941 г.). В военную кампанию 1941–1943 гг. итальянские части воевали против советских войск на Южном Буге и Днестре, под Одессой, Донецком, Севастополем. И, тем не менее, западные союзники настояли на признании Италии совоюющей стороной. В основе лежали, в первую очередь, их долгосрочные стратегические интересы. По откровенному признанию американцев, статус «совоюющей», при контроле со стороны оккупационных сил, отражал надежду, что «даст преимущества союзникам, а не из-за желания помочь Италии»¹¹⁷.

Впервые с болгарской стороны вопрос о статусе «совоюющей» был поставлен руководителем Политической дирекции при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий Н. Пецевым в докладной записке министру П. Стайнову от 18 сентября 1944 г. Под руководством Пецева готовились материалы для предстоящего подписания перемирия с союзниками, а в качестве образца при определении условий перемирия было взято соглашение с Румынией от 12 сентября. Вопросы о статусе совоюющей страны в румынском документе не было, но Пецев, ссылаясь на «итальянский прецедент», считал полезным для Болгарии инициировать его. «Признание нас совоюющей страной, — писал Пецев, — будет иметь для нас огромную выгоду: когда союзники заключат перемирие или мир с Германией, мы не будем третиرو-

ваны как союзники немцев, а, может быть, нам будет дано право предъявить наши претензии к Германии и обеспечить наши финансовые и хозяйственные требования, которые весьма велики»¹¹⁸.

Противодействие западных союзников, в первую очередь англичан, объяснялось их намерением блокировать возможность для болгар (в случае признания их совоюющей стороной) «остаться на берегах Эгейского моря» под предлогом защиты левого фланга Красной Армии¹¹⁹. Кроме того, союзники опасались «серьезных затруднений» с Югославией и особенно с Грецией, а также возможной острой реакции общества на Западе, не желали «поощрить» Болгарию лишь из-за ее попытки в последний момент перейти на сторону союзников. Однако они не возражали против использования болгарской армии советским командованием, но при условии, если речь пойдет не об *уступке* Болгарии, а о возложенном на нее *обязательстве*. Особо отмечалось, что болгарские части не должны быть введены на союзную территорию как освободители, против желания союзных правительств. Об этом шла речь в беседе А. Кларка Керра с А.Я. Вышинским 23 сентября 1944 г.¹²⁰.

После подписания перемирия болгарская сторона усилила свою активность в данном вопросе. 21 ноября 1944 г. она обратилась к союзным государствам с памятной запиской и одновременно направила в СКК документы о выполнении статей Соглашения о перемирии, касающихся участия в войне против Германии, роспуска прогитлеровских, фашистских и других организаций, враждебных Объединенным Нациям¹²¹. Понимая, что вопрос может увязнуть «в дипломатических канцеляриях союзников», болгарское правительство 13 декабря 1944 г. запросило СКК о возможности признать совоюющей *армию* генерала Стойчева непосредственно командованием 3-го Украинского фронта. «Это признание, — говорилось в памятной записке, — не даст ни Болгарии, ни этой армии никаких материальных выгод». Дело в «громадном удовлетворении», которое испытуют болгарские офицеры и солдаты, находящиеся вдали от родины, осознав, что они уже не являются «бедными родственниками», а бьются наравне за общее дело, в том числе и за свое отечество¹²². Документами о непосредственной реакции СКК на это предложе-

ние мы не располагаем, но положительное решение принято не было, и болгары продолжили свое давление на советскую сторону. 11 января 1945 г. вопрос о статусе совоюющей стороны поднял политический представитель Болгарии в СССР Д. Михалчев в беседе с А.Я. Вышинским. Как отмечалось в записи беседы, четкого ответа на вопрос, что будет означать этот статус для Болгарии, Михалчев не дал, но подчеркнул, что такое признание не только явилось бы «большой моральной поддержкой для Болгарии», но и ответом тем, кто «хочет внушить болгарскому народу, что союзники с Болгарией не считаются»¹²³.

1 марта 1945 г. о «несправедливом», «неравном» положении болгарских войск, ведущих борьбу на фронте, писал министр иностранных дел П. Стайнов С.С. Бирюзову. Сравнив болгарские части с подобием «наемных войск или бедными родственниками, идущими за признанными бойцами», министр просил руководителя СКК поднять вопрос о признании Болгарии совоюющим государством, а её военнослужащих — достойными бойцами против немецких оккупантов и общего врага¹²⁴. Советская сторона поддерживала болгар, но была вынуждена учитывать позицию западных союзников. 5 марта 1945 г. заведующий IV ЕО НКВД СССР В.А. Зорин ясно заявил об этом Д. Михалчеву. В ответ на замечание болгарского дипломата о необходимости моральной награды за «демократическое усердие» болгар, Зорин заявил: «Мы не раз оказывали вам моральную поддержку, но нельзя забывать, что мы не одни. Нельзя не учитывать сложившееся отрицательное отношение наших союзников к Болгарии»¹²⁵.

Документы чётко фиксируют намерение западных союзников увязать свою позицию с решением «греческого вопроса». Сообщая 26 апреля 1945 г. в Военное министерство Великобритании о беседе со Стайновым, генерал Оксли отметил: «Не церемонясь, я заявил ему, что лишь одно *действительно* интересует правительство Его Величества, — репарации и возмещение ущерба Греции, что уже бесполезны слова, а нужны дела». При этом Оксли считал возможным, выбрав подходящий момент, признать роль болгарской армии в военных операциях против Германии¹²⁶. В Военном министерстве согласились с позицией генерала, хотя высказали опасение, что публичное признание

«услуг болгар в войне» сделает беспредметным вопрос об оказании ими помощи грекам и затруднит возможности противостоять русским, поддерживающим болгар в вопросе о статусе совоюющей стороны. К настоящему дню, подчеркивалось в записке министерства, болгары не приложили ни малейших усилий возместить греческой стороне ущерб¹²⁷.

Болгарские представители и позднее, во время обсуждения условий мирного договора, при поддержке советской стороны настойчиво пытались добиться желанного статуса¹²⁸. Документы, отражающие попытки Москвы признать Болгарию совоюющей страной, корректируют вывод болгарского историка, что «победители *всегда и единодушно* отказывались это сделать»¹²⁹. Из-за категорического несогласия США и Великобритании советские представители были вынуждены уступить, но в преамбулу мирного договора удалось включить формулировку об «активном участии в войне против Германии»¹³⁰.

Дела военные, в частности, чистка болгарской армии, едва не вызвали в ноябре–декабре 1944 г. политический кризис в стране. Связано это было с постановлением Совета министров № 4 от 23 ноября 1944 г., проект которого в правительство внёс военный министр Д. Велчев. Согласно документу, офицеры царской армии могли рассчитывать на минимальное наказание по закону о Народном суде в случае их участия в военных действиях против Германии. При ранении или награждении орденом за храбрость офицеры вообще освобождались от судебной ответственности. В болгарской мемуаристике утверждалось, что инициатором постановления выступила советская сторона, причем на самом высоком уровне. Сообщалось, в частности, о прямом указании Сталина министру Велчеву и маршала Толбухина главе правительства К. Георгиеву¹³¹. Лейтмотив указаний, якобы, заключался в том, чтобы не повторять ошибок советской власти в отношении военных кадров, подготовка которых требует больших усилий и времени, предоставить офицерам возможность воевать и на деле проявить себя.

Доказательств иницирующей роли советской стороны в принятии постановления нет. Зато есть сведения о том, что Велчев в ряде случаев действовал самостоятельно, за спиной правитель-

ства и министров-коммунистов¹³² и, предлагая проект документа, на том этапе вполне мог обойтись без чьих-либо рекомендаций. Тем более что само по себе постановление опасности для власти не представляло и поначалу было воспринято спокойно. Судя по всему, не должно было возникнуть тревоги и в СКК. Советская сторона действительно была серьезно озабочена морально-психологическим состоянием офицерского состава болгарской армии в связи с ее предстоящим участием в войне на стороне союзников и внимательно следила за настроениями военнослужащих и ходом чистки в армии. Ограничение массовых чисток в офицерском корпусе объяснялось стремлением Москвы избежать действий, которые могли быть истолкованы как признак советизации страны. Уже на встрече с членами болгарской делегации на московских переговорах о перемирии 17 октября 1944 г. Молотов поднял вопрос о наличии «левого уклона» в армии, выразив тем самым явное неодобрение массовых арестов офицерского состава. «Вы должны сохранить все способные офицерские кадры, действовавшие до переворота (9 сентября 1944 г. — Т. В.), и вернуть тех, кто по каким-либо причинам были уволены», — советовал он¹³³. Такой подход поддержал министр иностранных дел П. Стайнов. В беседе с Молотовым 29 октября 1944 г. после подписания Соглашения о перемирии, касаясь вопроса о чистках в армии, он заметил, что новое правительство не намерено «увлекаться», «имея в виду, что создание офицерских кадров — дело длительное и сложное» и что лучшая их проверка — «степень и активность участия в войне против Германии». Советский дипломат, как следовало из записи беседы, «подтвердил, что этот принцип является правильным»¹³⁴. Однако из сказанного вовсе не следует иницилирующая роль советской стороны в принятии указанного выше правительственного постановления. Не подтверждается и факт личного наставления Сталина болгарскому военному министру. Из записи в журнале посещений кабинета Сталина в Кремле следует, что Велчев, прибывший в Москву на парад Победы, встречался с советским лидером единственный раз, 29 июня 1945 г.¹³⁵, то есть после окончания войны в Европе и более чем полгода спустя после появления постановления № 4. Содержание беседы неизвестно,

но вполне возможно, что ее участники вспоминали и о событиях поздней осени–зимы 1944 г.

Ситуация, однако, серьезно изменилась в связи с появлением 25 ноября 1944 г. секретного приказа Велчева, в котором были тщательно прописаны конкретные действия офицерского и унтер-офицерского состава в случаях «своевольных посягательств» на них со стороны «безответственных лиц». Допускалось оказание вооруженного сопротивления офицеров при попытках их незаконного ареста¹³⁶. Именно секретный приказ сыграл фатальную роль, вызвав опасения коммунистов «потерять» армию, оказаться перед угрозой создания оппозиционных военных организаций, как это нередко бывало в истории Болгарии, и даже возможного военного переворота. И вот на этом этапе компартия получила важную поддержку СКК. В отчете руководства Комиссии от 28 декабря 1944 г. прямо указывалось, что именно СКК «добилась» отмены секретного приказа Велчева и изменения постановления правительства № 4¹³⁷.

После окончания военных действий в Европе начался второй этап в деятельности СКК. Заметной вехой явились специальные решения Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.), регламентировавшие функции СКК в странах-сателлитах и права членов Комиссий¹³⁸. В новое «Положение о Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии» были внесены принципиальные изменения, причем «в качестве базы» для Комиссий в Болгарии и Румынии было принято Положение об СКК в Венгрии. Венгерский образец, в частности, устанавливал регулярность (раз в декаду, а при необходимости чаще) совещаний СКК для совместного с союзниками обсуждения наиболее важных вопросов работы Комиссии; издание директив СКК, адресованных болгарским властям, только после согласования с союзниками; участие западных представителей в общих совещаниях начальников отделов и уполномоченных СКК и в смешанных комиссиях по вопросам деятельности СКК и ее функций; свободное передвижение западных представителей по стране при предварительном уведомлении руководства СКК о времени и маршрутах поездок; решение вопросов въезда и выезда западных представителей председателем СКК на месте и не более

чем в недельный срок; доставку и отправление почты, грузов и дипкурьеров самолетами в порядке и сроки, установленные СКК, а в особых случаях — по предварительной договоренности с председателем СКК¹³⁹. Нетрудно заметить, что все эти вопросы ранее поднимались западными союзниками, причем неоднократно, но решены не были. Теперь время пришло.

11 августа 1945 г. В.М. Молотов в указании С.С. Бирюзову распорядился вручить представителям Великобритании и США в СКК новый документ¹⁴⁰. И 14 августа Бирюзов направил представителям союзников скорректированное Положение о Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии. На его основе были постепенно увеличены штаты представительств Великобритании и США. В 1946 г. в состав СКК входили 110 британских и 59 американских представителей, что точно соответствовало требованиям союзников относительно численности миссий, высказанным на первом заседании Комиссии в ноябре 1944 г. Советский аппарат СКК насчитывал 271 чел.¹⁴¹. В документах отмечены его неоднократные изменения: от 232 чел. по Постановлению советского правительства от 29 октября 1945 г. до 126 — по указанию Государственной штатной комиссии в феврале 1947 г. Но новый состав не был полностью укомплектован, и на 1 июля 1947 г. насчитывал 101 сотрудника, однако официально не был утвержден и не оформлен¹⁴².

После Потсдамской конференции произошли подвижки и в визовом режиме. СКК предоставила болгарским органам внутренних дел право самостоятельно рассматривать вопросы о визах, как для болгар, так и для иностранцев. Представители Великобритании и США в СКК получили право непосредственно на месте ходатайствовать о визах для своих подданных. Но последнее слово всё же оставалось за руководством СКК: без одобрения Комиссии визы считались недействительными¹⁴³.

Определенная ритмичность была введена в рабочие встречи СКК: с 22 августа 1945 г. до 23 января 1947 г. состоялось 29 заседаний. Кроме двух последних, остающихся пока еще на особом хранении в АВП РФ, 27 протоколов и/или стенограмм опубликованы¹⁴⁴. В распоряжении исследователей ныне имеется уникальный корпус источников, воссоздающих масштаб и объективную картину деятельности Комиссии, ее аппарата и сотрудников.

Принятые в Потсдаме решения породили в Болгарии массовые слухи о неминуемом вмешательстве западных союзников, которое полностью изменит положение в стране. В таком ключе комментировали события правые социал-демократы и члены «Звена»¹⁴⁵.

Потсдамские договоренности предполагали некоторые уточнения отдельных «устаревших» статей Соглашения о перемирии. Соответствующие предложения, поступившие от отделов СКК, рассматривались и согласовывались в переписке руководства Комиссии с НКВД СССР в середине августа 1945 г. В проекте СКК статьи 2, 4, 5, 6, 7, 14 считались в основном выполненными, статьи 4, 11 следовало оставить без изменений, а формулировки некоторых статей уточнить. Так, например, по статье 8 предлагалось отказаться от цензуры телеграмм английских и американских корреспондентов; цензуру других инокорреспондентов передать болгарам, сохранив при этом «нелегальную цензуру» с советской стороны, чтобы «пресекать сообщения, касающиеся армии»; разрешить ввоз и распространение иностранной («англо-американской») литературы, передав контроль болгарам. По статье 16 рекомендовалось вернуть болгарам семь торговых судов и два миноносца, находившиеся в распоряжении советского командования согласно статье 1 «с» Соглашения о перемирии. Расходы по статьям 3 и 15 по передвижению советских и союзных войск по территории Болгарии и содержанию советских войск первоначально предлагалось считать *оккупационными* и не подлежащими компенсации, но по ходу обсуждения в Экономическом отделе СКК было внесено уточнение — применить такой подход «только в отношении аппарата СКК». Содержание советских войск в дальнейшем следовало осуществлять за счёт репараций, «которые, вероятно, будут установлены». Это, по мнению экономистов, могло бы положительно повлиять на некоторое увеличение экспортных возможностей Болгарии. По статье 17 уточнялось, что ремонт и строительство советских судов на болгарских предприятиях должны осуществляться на договорных началах с оплатой валютой или материалами по линии Наркомата внешней торговли СССР¹⁴⁶.

Новый этап деятельности Комиссии принес усиление конфронтации между союзниками. Как правило, противостояние проявля-

лось при обсуждении актуальных внутриполитических вопросов, отражая реакцию западных представителей на многие мероприятия новой власти, поддерживавшиеся советской частью Комиссии, в том числе на концентрацию власти в руках коммунистов и нарушение ими принципа коалиционного управления. Советская сторона не признавала упреки союзников в нарушении договоренностей, касавшихся работы Комиссии, оказывала давление на западных представителей, выступала в роли «классового союзника» коммунистов. Вместе с тем многие документы содержат критические оценки советскими сотрудниками СКК некоторых сторон деятельности болгарских коммунистов, занимавших во властных структурах ведущие позиции. В материалах группы политсоветника неоднократно отмечались их слабая теоретическая подготовка, отсутствие опыта партийной, государственной, административной и хозяйственной работы, намерение механически переносить на болгарскую почву советскую практику. По оценкам аппарата СКК, коммунисты «плохо справлялись» с ролью правящей партии, недостаточно работали с огромным притоком новых членов, допускали «забегания вперед», «перегибы», стихийные, неорганизованные действия при отсутствии дисциплины (в документах они именовались «партизанщиной»), игнорировали другие партии Отечественного Фронта (ОФ), слабо контролировали силовые структуры и пр. Негативно оценивались «самоинициатива» — карательные акции против «фашистов» (особенно в первые дни после 9 сентября 1944 г.), проводившиеся без суда народной милицией, местными коммунистами и населением, и «вопиющие случаи самоуправства» со стороны милиции, на которые руководство компартии и министры-коммунисты реагировали «недостаточно энергично и правильно»¹⁴⁷. В болгарской исторической литературе, однако, эти критические оценки фактически игнорируются, авторы ограничиваются обвинениями, что советские военные власти, официально не вмешиваясь, «просто предоставили выполнение необходимой “грязной работы” местной советской агентуре в лице БРП(к)», не остановили «беспрецедентную по масштабам резню» (! — Т. В.)¹⁴⁸.

Архивные документы уточняют позицию советского руководства. На упомянутой выше встрече с членами болгарской

делегации на переговорах о перемирии Молотов, призвав положить конец действиям молодых болгарских коммунистов, которые «чрезмерно усердствуют», предположил, что это происходит и «со знания наших»: «Но это делают не ответственные руководители вашей и нашей партии, а молодежь». Молотов обещал «вразумить» некоторых коммунистов, если это «усердие» будет продолжаться¹⁴⁹. Прозвучавшее при этом твердое обещание, что Болгария сохранит свое демократическое управление и внутренний порядок и что советская сторона не будет вмешиваться в ее внутренние дела, отражает критическое отношение Молотова к отдельным проявлениям «классовой солидарности» с болгарскими коммунистами со стороны советских представителей в стране. И именно их, как следует из контекста беседы, он обещал «вразумить». Материалы СКК позволяют с уверенностью констатировать также несогласие советской стороны с национальными коммунистами и активистами ОФ, которые недостаточно учитывали особенности политического положения страны, демонстрировали «революционное нетерпение». Особенно грешили этим партийные кадры «из партизан». Определенная часть их считала, что 9 сентября «можно было “делать” советскую власть в Болгарии, что этот момент упущен и пр.»¹⁵⁰. При этом указывалось на сдерживающую роль внешнего фактора: «советский строй» можно было бы установить в Болгарии «сразу», будь это «позволено»¹⁵¹.

После краха коммунистического режима в 1989 г. в Болгарии значительную остроту приобрел вопрос о советском военном присутствии в 1944–1947 гг. Особо непримиримую позицию заняли авторы, публиковавшиеся в печатном органе коалиционных антикоммунистических сил газете «Демокрация»¹⁵². Одной из чаще всего обсуждаемых тем являлись расходы на содержание дислоцированных в Болгарии советских воинских частей, а также порядок предоставления и размеры отпускавшихся средств советским и западным представителям в СКК.

Появление первых обобщенных сведений о стоимости содержания Красной Армии в Болгарии связано с именем авторитетного болгарского историка, профессора М. Исусова. Исследователь установил, что к 30 июня 1945 г. с этой целью было

израсходовано около 23,3 млрд левов при государственном бюджете на 1945 г. в 48 млрд левов¹⁵³. Позднее Д. Вачков уточнил, что до конца 1945 г. на указанные цели, по официальным болгарским источникам, ушло свыше 26 млрд левов, а с учетом крайне заниженных при калькуляциях цен — намного больше. Опираясь на материалы Болгарского народного банка (БНБ) за май 1947 г., Вачков установил, что выполнение условий Соглашения о перемирии по статье 15 обошлось болгарам в 35.952.618.192 лева, а вместе с расходами по другим статьям — 38.935.523.344 лева. Но что это были за статьи? Судя по отчетности СКК, опиравшейся на меморандумы КВСП, речь шла о статьях 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 13, которые предусматривали эвакуацию болгарских войск с оккупированных территорий Греции и Югославии; перевозки союзных войск по болгарской территории; материальное обеспечение репатрируемых граждан Объединенных Наций; возвращение их собственности; восстановление прав и интересов Объединенных Наций и их граждан; хранение германского и венгерского имущества в Болгарии.

Автор подчеркнул при этом, что германская клиринговая система в 1941–1944 гг., оформленная как германский официальный долг, обошлась Болгарии в 38 млрд, тогда как расходы на выполнение Соглашения о перемирии мало того, что превысили эту цифру, но и осуществлялись болгарами «полностью безвозмездно»¹⁵⁴. Но нелишне, на наш взгляд, напомнить, что в канун Второй мировой войны общая задолженность Германии в клиринговой торговле с Болгарией составила 1.783.000.000 левов¹⁵⁵.

Публикуемые итоговые отчетные материалы СКК от 31 июля 1947 г. основывались на болгарской статистике, и расходы по главным статьям совпадали. В специальном разделе «Работа по обеспечению советских войск (статья 15)» приведена цифра 35.952.618.192 лева¹⁵⁶. На наш взгляд, именно ее следует считать окончательной, поскольку соответствующее приложение с указанием этой суммы было подписано начальником Экономического отдела СКК полковником Скрозниковым и контролером-бухгалтером Главной бухгалтерии Военного министерства Д. Стамболджиевым¹⁵⁷. Но как быть со сведениями Главной бухгалтерии Военного министерства Болгарии, согласно которым

расходы по статье 15 по состоянию на 31 июля 1947 г. составили 37.489.626.642 лева, а вместе со статьями 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 13 — 40.666.824.481 лев?¹⁵⁸ Воистину лукавая статистика!

Правильность сведений, поступавших с болгарской стороны, систематически контролировалась Экономическим отделом СКК путем проверки оправдательных документов. Имелись случаи несоответствия. Так, болгарская сторона внесла в сумму расходов по статье 15 на 1 мая 1947 г. 2.271.145 левов на основании собственных односторонних документов, не подтвержденных командованием советских воинских частей. Остальная сумма 32.227.729.187 левов была советской стороной подтверждена¹⁵⁹.

Подсчёты Вачкова дали общую внушительную сумму — 133.280.719.447 левов. Из нее более 63 млрд составили расходы на участие Болгарии в войне против Германии на стороне союзников; 30 млрд — на выполнение статей Соглашения о перемирии; косвенные расходы исчислялись в 27 млрд; возмещение убытков, пенсии, стипендии, однократные выплаты и пр. — 10,9 млрд¹⁶⁰. Ясно, что самыми высокозатратными были расходы на содержание Красной Армии, сводимые к предоставлению денежных средств, продуктов питания, товаров, проведению ремонтных работ и пр. В последнее время эта же цифра в 133 с лишним млрд левов фигурирует в болгарских СМИ как оценка всей «советской оккупации»¹⁶¹. Это отвечает общему современному европейскому общественному мейнстриму — требовать выплаты компенсации за «оккупацию». Уходит в тень тот факт, что около половины расходов были связаны с содержанием болгарской армии, воевавшей в составе 3-го Украинского фронта. Но зато подчеркивается, что Красная Армия «безжалостно», «в чудовищных размерах» грабила каждое государство, на территорию которого вступал ее солдат, и Болгария не являлась исключением. При этом указывается на полный произвол военных властей и полное отсутствие какой-либо отчетности.

В материалах СКК находим тому частичное подтверждение. Так, например, в документах Административного отдела указывалось, что к 1 декабря 1944 г. различные соединения и части Красной Армии в различных районах Болгарии заготовили *без нарядов* значительное количество продовольствия, которое учи-

тывается в настоящее время. Признавалось, что соединения и части Красной Армии, которые прошли через территорию Болгарии, как и те, которые остались в стране, в различное время и в различных районах использовали и продолжают использовать для своих нужд различные болгарские промышленные предприятия: военно-технические фабрики, ремонтные автомастерские, оружие, интендантское имущество, промышленные мельницы и маслобойни. «Никакого конкретного учета о количестве и объеме использованных предприятий никем не было организовано, и учетные данные об этом отсутствуют»¹⁶².

Важны оставленные без внимания болгарских авторов документы, освещающие работу СКК по организации возврата имущества, временно полученного советскими частями от болгарских организаций и лиц, в связи с уходом Красной Армии из Болгарии, и рассмотрению претензий болгарской стороны. Частично эта работа велась в 1945 г., в большем объеме летом 1946, когда в Болгарию вместо стрелковых прибыли механизированные части, и в феврале–июле 1947 г. в связи с расформированием 10-й механизированной армии и других частей и выводом их из страны. Действовали смешанные комиссии, осуществлявшие приемку имущества (зданий, инвентаря, мебели, предметов домашнего обихода и др.) от каждой советской войсковой части в отдельности. Итог их работы — акты о приемке имущества, на основании которых выдавались специальные удостоверения о расчете и отсутствии претензий с болгарской стороны. На основе удостоверений командование давало разрешение на убытие данной части¹⁶³. Установленный порядок расчета был дополнен расчетами по каждому гарнизону. После сдачи имущества и расчетов частей начальники гарнизонов были обязаны обратиться к местным органам власти и получить от них свидетельство о полном расчете советских войск по гарнизону за всё время их пребывания. В работе по сдаче имущества участвовали и соответствующие болгарские органы. Авторы итогового отчета констатировали, что «работа прошла не без осложнений», но уверенно прогнозировали, что она «будет закончена полным расчетом за все советские войска, за небольшими исключениями»¹⁶⁴. Сказать точнее об ожидавшихся исключениях не пред-

ставилось возможным. Однако приведенные сведения корректируют утверждения современных болгарских авторов о полном отсутствии какой-либо отчетности в работе СКК.

Не учитывают болгарские авторы и документы, которые отражают практику рассмотрения претензий, поступавших от болгарских организаций и частных лиц. По сведениям Экономического отдела СКК, с начала работы СКК по июль 1947 г. было рассмотрено более 700 претензий к советским войсковым частям, в основном по статьям 15 и 17 Соглашения о перемирии. Претензии были сведены в следующие группы: 1) порубка лесов без нарядов и оплаты; 2) увоз болгарского имущества при передислокации частей; 3) выполнение заказов и реквизиции без соблюдения установленного СКК централизованного порядка; 4) изъятие или реквизиция автотранспорта; 5) убытки при несчастных случаях (пожары, аварии и пр.); 6) расквартирование советских частей и военнослужащих; 7) возврат имущества, пропавшего во время войны; 8) неуплата счетов отдельными советскими частями за оказанные услуги. Основательность претензий проверялась Экономическим отделом и областными уполномоченными СКК, аппаратом Управления тыла и Военной прокуратурой Красной Армии в Болгарии. Результаты проверки выявили необоснованность более 25% претензий из-за «недобросовестных побуждений отдельных лиц или организаций» и были отклонены. Все остальные — удовлетворены или урегулированы¹⁶⁵.

Опубликованные материалы позволяют прояснить некоторые вопросы, связанные со статьей 4 Протокола к Соглашению о перемирии. По статье 15 Соглашения болгарское правительство обязывалось «регулярно выплачивать денежные суммы в болгарской валюте и предоставлять товары (горючее, продукты питания и т.п.), средства и услуги, которые могут потребоваться Союзному (Советскому) Главнокомандованию для выполнения его функций». А в Протоколе со ссылкой на статью 15 оговаривалось право представителей союзников на предоставление им болгарской валюты, снабжение, услуги и пр.¹⁶⁶.

Как свидетельствуют документы, западные союзники, реализуя свое право, зачастую не желали считаться с реальным экономическим положением страны. Генерал-лейтенант А.И. Черепанов

вспоминал, что, исходя из обязательств болгарского правительства содержать СКК, союзники представляли болгарам завышенные заявки на получение продуктов и иных материальных благ¹⁶⁷. Остроту приобрёл также вопрос о предоставлении жилья и мебели для прибывавших в страну семей западных представителей в СКК. Хотя некоторые болгарские авторы характеризуют мемуары генерала Черепанова единственно как доказательство «беспардонных действий оккупантов <...> и множества фальсификаций со стороны одного из наиболее видных административных сотрудников СКК»¹⁶⁸, документы Комиссии опровергают подобную категоричность.

Обратимся в качестве примера к стенограмме заседания СКК от 13 июля 1946 г. Согласно озвученной на нем статистике, на каждого британского, американского и советского представителя в январе — мае 1945 г. в день выделялось *по заявкам союзников* соответственно (в граммах): хлеба — 876, 1060 и 490; мяса — 1404, 2230 и 515; сахара — 423, 486 и 110; сыра и брынзы — 198, 350 и 97; молока — 1150, 545 и 176; овощей — 251, 2900 и 650 и пр. Калорийность питания офицерского состава СКК составляла в день: советского офицера — 3513 калорий; британского — 17614, американского — 23145. Иными словами, британский показатель калорийности превышал советский в 5, а американский — в 6,5 раз¹⁶⁹. По опубликованным 22 июня 1946 г. французской газетой «Le Monde» прогнозам Европейского экономического комитета в Лондоне, ожидалось, что зимой 1946–1947 гг. питание жителя Франции, Чехословакии, Греции и части Югославии должно было составить не более 2 тыс. калорий в день; Бельгии, Голландии, Норвегии, Польши — от 2 до 2,5 тыс. калорий, а в Дании, Швеции, Швейцарии и Англии — превысить 2,5 тыс. калорий. Однако эти цифры, как следует из стенограммы, не произвели впечатления на западных представителей. Более того, генерал В. Робертсон (в середине 1946 г. он сменил в СКК выехавшего на родину генерала Крейна) заявил, что болгарское правительство не выполнило соответствующую статью 4 Протокола к Соглашению о перемирии о предоставлении болгарской валюты, снабжении и услуг сотрудникам СКК¹⁷⁰. А британский генерал Оксли поразил своим безразличием: «Мне всё равно, сколько это стоит Болгарскому правительству, <...> меня это не касается»¹⁷¹.

На фоне больших хозяйственных затруднений в стране понятна негативная реакция руководства Комиссии. Подводя итоги обсуждения, С.С. Бирюзов, подчеркнув, что представители государств «должны быть обеспечены хорошо», призвал «понимать человеческие границы». Он сообщил также, что заявки западных союзников регулярно содержали требования предоставить хрустальную и серебряную посуду, болгарские ковры. Последние пользовались особо большим спросом. По словам Бирюзова, американский представитель уже получил от болгар 825 ковров. В ответ Робертсон пытался объяснить свою позицию, заявив, что «не просил для своих офицеров больше, чем они имеют в своей стране» и что «очень трудно будет определить, сколько ковров и сколько сервизов нужно для каждого офицера»¹⁷².

В качестве ограничительной меры С.С. Бирюзову пришлось отдать распоряжение, чтобы заявки союзников шли не непосредственно в болгарские органы, снабжавшие СКК, а через ее Экономический отдел, который проверял обоснованность требований. Для выполнения заявок отныне требовалась виза С.С. Бирюзова, А.И. Черепанова или начальника штаба А.И. Сучкова. Из-за возникших неувязок, отразившихся в переписке болгарских властей с британским представителем в СКК генералом Оксли, руководство СКК было вынуждено установить порядок снабжения продовольствием личного состава Комиссии. 25 июня 1946 г. руководство СКК обратилось к главе КВСП министру иностранных дел Г. Кулишеву с просьбой предоставить к 1 июля проект нормы отпуска продуктов питания сотрудникам СКК, включая американское и британское представительства. Нормы предполагалось обсудить и утвердить на заседании СКК¹⁷³. После рассмотрения этого вопроса на заседании 13 июля¹⁷⁴ С.С. Бирюзов и и.о. начштаба СКК генерал-майор И.Н. Кирюшин 17 июля 1946 г. известили Кулишева о его итогах¹⁷⁵. Отпуск продуктов питания предстояло осуществлять бесплатно по скромному перечню в соответствии с предложенными нормами, бесплатный паёк содержал 3513 калорий (соответствовал, как мы помним, норме советского офицера). Кроме того, предусматривался дополнительный паёк (1738 калорий) за наличный расчет по твердым государственным ценам (норма по максимуму составляла 5251

калорию). Он включал отсутствовавшие в бесплатном пайке сыр или брынзу, колбасу или ветчину и сосиски, яйца, фрукты, молоко. Отличались нормы и по весу. Так, если в бесплатном пайке на одного сотрудника СКК в день полагалось 10 гр. белой муки, то в дополнительном пайке — 50 гр., мяса соответственно 120 и 253 гр., сахара — 25 и 50 гр. и пр. Члены семей офицеров снабжались по указанным нормам за наличный расчет. Прислуга из числа болгарских подданных обеспечивалась продовольствием на общих основаниях по нормам для болгарских граждан, в обязательном порядке ей выплачивалась зарплата на общих основаниях в установленном болгарским правительством порядке.

Из документов следует, что советские представители в СКК неоднократно инициировали рассмотрение вопроса о сокращении отпускаемых на нужды Комиссии средств, пресекали попытки союзников ввести иную практику. Когда генерал-майор Крейн потребовал (без предварительного обоснования) выделять ежемесячно на нужды американского представительства дополнительно 10 млн левов, Бирюзов ответил отказом.

Переписка руководителей СКК с КВСП позволяет уточнить ежемесячные расходы СКК согласно поступавшим заявкам и порядок предоставления денег. Для содержания Комиссии и советских войск болгарское правительство открыло в Болгарском народном банке специальный счет «Лева» (Так в тексте. — *Т. В.*) для СКК в болгарской валюте, отпуск требуемых сумм с которого осуществлялся только по распоряжению Комиссара по выполнению условий перемирия¹⁷⁶. По сведениям СКК, с ноября 1945 г. по июнь 1946 г. для покрытия расходов Союзного (Советского) Главнокомандования с указанного счета поступало по 420 млн левов (ранее по 700 млн). В июне 1946 г. эта сумма была дополнительно уменьшена до 400 млн, а 20 млн осталось в резерве на случай «крайней необходимости». В дальнейшем заявленные суммы последовательно сокращались: в июле 1946 г. — 310 млн левов, в сентябре и октябре — 300 млн, в ноябре — 270 млн¹⁷⁷. Документально подтверждено, что инициаторами выступала советская сторона. В итоговом отчете СКК приведены предоставленные болгарскими учетными органами следующие сведения о расходах болгарского правительства на содержание предста-

вителей СКК: от СССР — 252.403.916 левов (29,0%); Великобритании — 342.432.563 лева (39,3%); США — 275.918.828 левов (31,7%), что в целом составило 870.755.307 левов (100%)¹⁷⁸.

Никто не отрицает, что содержание советских гарнизонов и комендатур, действительно, было крайне тяжелым для страны с дефицитным бюджетом, сильно пострадавшим в годы войны хозяйством, обремененной выплатой значительных репараций Греции и Югославии. В связи с этим внимания заслуживает вопрос о сокращении советского воинского контингента в Болгарии. Этот вопрос был поставлен в июне 1945 г. на встрече Сталина с военным министром Д. Велчевым и начальником Генштаба И. Киновым. Тогда советский лидер сообщил о решении сократить численность советских войск в Болгарии до 70 тыс. чел. 5 августа 1945 г. политсоветник СКК В.П. Кирсанов в письме А.Я. Вышинскому напомнил об этом, сообщив, что «указания товарища Сталина <...> до сих пор остались невыполненными». Точнее — вместо выведенных частей в Болгарию были введены новые, чаще всего это части обслуживания — госпитали, инженерные подразделения, различные курсы и пр. В результате численность советских войск составила 92 тыс. чел. «Советские войска находятся в Болгарии с сентября месяца 1944 года, — писал Кирсанов. — Столь длительное пребывание значительного количества войск неизбежно порождает недовольство среди населения, особенно среди крестьян, которое раздувается враждебными нам элементами. Как бы болгары хорошо ни относились к нам, но мы для них — гости. А по нынешним временам и самые дорогие гости, если их много и если они долго гостят, становятся в тягость. В этих условиях было бы целесообразно оставить в Болгарии лишь самый необходимый минимум действительно боевых частей (необходимый для помощи Болгарской армии в отражении первого удара извне и для устрашения кое-кого внутри [страны] и извне), а остальные части перевести в Румынию, где продовольственное положение значительно лучше, чем в Болгарии. Я не берусь судить, каким должен быть этот минимум. Товарищ Сталин в июне месяце решил, что этот минимум должен быть в количестве 70 тысяч человек. После этого произошли некоторые события (выборы в Англии, конференция

в Потсдаме), которые, кажется, значительно улучшили обстановку вообще и в Юго-Восточной Европе, в частности. Может быть, сейчас можно обойтись в Болгарии и меньшим количеством людей». Напомнив о тяжелом финансовом и продовольственном положении страны, усугубленном засухой, Кирсанов указал, что «норма потребления наших войск в 2–3 раза выше нормы потребления городского населения Болгарии, а по таким остродефицитным продуктам, как мясо и масло, в 5–6 раз». Приведенные в письме сведения о потребностях советских частей в продовольствии и фураже свидетельствовали о невозможности их покрытия за счет болгарских ресурсов¹⁷⁹. Вышинский 12 августа переслал сообщение Кирсанова начальнику Генерального штаба Красной Армии А.И. Антонову. Ответ был неутешительным: 17 августа А.И. Антонов сообщил об указании Сталина: «Наши войска, находящиеся в Болгарии, оставить на месте. В случае возникновения затруднений с питанием наших войск, продовольствие будет подаваться в Болгарию»¹⁸⁰.

Причины, по которым в Москве было принято такое решение, документально не выявлены, но можно, видимо, предположить его связь с обострившимися отношениями с союзниками: «не за горами» был март 1946 г. и речь Черчилля в Фултоне...

На практике начал реализовываться компромиссный вариант. Советская сторона сразу приступила к сокращению поставок некоторых видов продовольствия и фуража, о чем уже 18 августа С.С. Бирюзов сообщил П. Стайнову¹⁸¹, а 5 сентября пересмотрела прежнее решение. «Примерно наполовину», до 420 млн левов, уменьшила денежные средства, отпускавшиеся болгарским правительством на содержание частей Красной Армии, полностью отказалась от поставок советским войскам рыбы, сахара, чая, картофеля и овощей, на 50% сократила размеры поставок другого продовольствия (кроме соли и табака) и фуража¹⁸². Часть продовольствия и фуража начала поступать из СССР. Однако болгарский посланник в Москве Д. Михалчев в беседе с руководителем IV ЕО НКВД А.А. Лаврищевым 7 сентября 1945 г. заявил, что это решение «едва ли удовлетворит болгарское правительство», поскольку главные расходы связаны с содержанием Красной Армии¹⁸³.

В болгарской исторической литературе социалистического периода многие авторы отдали дань теме продовольственной помощи советской стороны. Ныне о ней говорится без прежней пафосности, скорее с оттенком критики. Авторы противопоставляют объемы экспорта и импорта, подчеркивая, что вопреки неурожаю или засухе Болгария вывезла в СССР в два раза больше продукции, чем получила от «русских». Подчеркивается, например, что поставки из СССР в конце 1945 г. были значительно меньше, чем рассчитывали болгары. Министр торговли и промышленности Д. Нейков в письме наркому внешней торговли А.И. Микояну от 10 сентября 1945 г., а затем Г. Димитров в письме Сталину от 13 сентября 1945 г. просили в связи с засухой предоставить 100 тыс. тонн кукурузы¹⁸⁴. Однако было получено 20 тыс. тонн пшеницы и 30 тыс. тонн кукурузы, и, как подчеркивают некоторые болгарские авторы, хотя это количество покрывало нужды страны только в течение примерно двух месяцев, никаких послаблений болгарам в выполнении статьи 15 Соглашения о перемирии СКК не сделала¹⁸⁵. Это, как показано выше, не соответствует действительности: послабления были. О сокращении поставок частям Красной Армии по статье 15 А.Я. Вышинский 30 сентября 1945 г. сообщил посланнику Д. Михалчеву¹⁸⁶. Москва не отказывала болгарам в помощи, просьбы о которой приобрели регулярный характер. 27 ноября 1945 г. болгары попросили «в самое скорое время» отгрузить 30 тыс. тонн кукурузы и 20 тыс. тонн пшеницы, крайне необходимые на пропитание населения и скота¹⁸⁷. После обращения главы правительства К. Георгиева к Сталину 5 апреля 1946 г. об отпуске заимообразно еще 30 тыс. тонн пшеницы и 40 тыс. тонн кукурузы советская сторона уже 27 апреля приняла решение в течение мая, июня и июля поставить в Болгарию 20 тыс. тонн пшеницы и 20 тыс. тонн кукурузы¹⁸⁸. Решение это, судя по документам, далось нелегко. В рабочем дневнике В.М. Молотова отмечено, что на приеме посланника Н. Николова 12 апреля 1946 г. он отметил «значительные трудности» для советского правительства осуществлять поставки¹⁸⁹, но тем не менее помощь, пусть и в урезанном варианте, в очередной раз была оказана. Очевидно, что советская позиция объяснялась, помимо прочего, пони-

манием, что нехватка продовольствия могла иметь «известные политические последствия», о чем, кстати, напоминали болгары¹⁹⁰. Отметим, что никто из болгарских авторов даже вскользь не касается продовольственной ситуации в СССР, а ведь страна стояла на пороге массового голода 1946–1947 гг.¹⁹¹, унесшего, по некоторым оценкам, до полутора миллиона жизней. Только в середине декабря 1947 г. в СССР была отменена карточная система...



Опубликованные документы, ставшие основой для настоящей работы, посвящены знаковым событиям новейшей истории Болгарии — подготовке и подписанию Соглашения о перемирии между Болгарией и державами-победительницами во Второй мировой войне и деятельности в стране Союзной контрольной комиссии. В истории советско-болгарских отношений это был сложный и драматичный период, который после развала СССР в болгарской литературе характеризуется как «советская оккупация». При этом сформулированный в Гаагской конвенции 1907 г. некогда юридически нейтральный термин «оккупация», претерпев связанную с нацистской оккупацией в Европе и сопровождавшими ее массовыми репрессиями переоценку, приобрёл и используется в сугубо негативном и компрометирующем значении. В поисках ответа на вопрос «как это было?» советские и болгарские ученые с конца прошлого столетия последовательно вводят в научный оборот архивные документы по широкому кругу проблем социалистического периода. Важность и актуальность решения этой задачи трудно переоценить. С учетом новых источников в Болгарии происходит «реинтерпретация» периодов, событий и конкретных исторических фактов. Однако этот процесс развивается на фоне усиления русофобии, когда сказать что-то хорошее о России считается дурным тоном, а в СМИ доминирует позиция «о России либо плохо, либо ничего»¹⁹². К сожалению, многие публикации о болгаро-советских отношениях отражают прямую зависимость от официального политического курса страны, свидетельствуют о жажде авторов отказаться от прежнего идеологизированного образа Болгарии как «самого верного советского союзника», но при этом дистанцироваться

от СССР, представить прошлое, выпячивая собственные национальные интересы, не признавая право другой стороны на такие, и, главное, прежде всего обвинить, а не пытаться объяснить. «Расчет с прошлым» с позиций национального эгоизма мешает отнестись к нашей общей истории *sine ira et studio*, глубже понять наше «вчера», рассмотрение которого с позиций «сегодня» лишает нас перспективы. Публикуемые документы, вопреки современным политизированным жестким суждениям и хлестким характеристикам, позволяют признать главное: деятельность СКК со всеми ее плюсами и минусами полностью обеспечила выполнение Болгарией Соглашения о перемирии от 28 октября 1944 г., сыграла тем самым огромную роль в подготовке и подписании Парижского мирного договора 1947 г., обеспечив возвращение Болгарии в сообщество суверенных государств и достойное место в международных послевоенных отношениях.

Примечания

- ¹ Русский архив. Великая Отечественная... Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945 гг. Документы и материалы / под общей ред. В.А. Золотарёва (далее — Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах...). М.: Терра, 2000. С. 143–144, 144–145, 145–147.
- ² Великите сили и България. 1944–1947 г. Т. I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи / съст., прев., науч. ред, бележ. и указат. Л. Ревякина, В. Тошкова, Т. Волокитина. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2014 (далее — Примирието...); Т. II. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944–декември 1947 г.). Документи (части първа и втора) / съст., прев., науч. ред, бележ. и указат. Л. Ревякина, Т. Волокитина. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2018 (далее — Съюзната контролна комисия в България...).
- ³ См., напр.: Сальков А.П. [Рецензия на т. I «Примирието...»] // Российские и славянские исследования. Научный сборник. Вып. 11 / отв. ред. А.П. Сальков, О.Я. Яновский. Минск, 2016. С. 293–294; Ревякин А.В. Союзный контроль в Болгарии и дилемма «советизация — народная демократия»: 1944–1945 // Великая Победа: историческая память и исторические уроки. Монография / под ред. проф. Б.Ф. Мартынова. М.: Издательство «МГИМО — Университет», 2021. С. 228–230; Огнянов Л. Публикация документов по внешней политике Болгарии 1944–1947 годов // Славяноведение. 2024. № 4. С. 145–151.
- ⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) (далее — Московская конференция...) / Главная редакционная комиссия: А.А. Громыко (гл. редактор), И.Н. Земсков, В.А. Крючков, Ш.П. Санакоев, П.П. Севастьянов (отв. секретарь), С.Л. Тихвинский, К.У. Черненко. М.: Политиздат, 1978. С. 265, 321.

- ⁵ Подробнее см.: *Христофоров В.С.* Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой» // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии (отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 105, 109.
- ⁶ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг.: Документы и материалы (сост. А.В. Климова, В.Г. Макуров. Петрозаводск: Издательство «Карелия», 1995. С. 436–437.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 12. П. 4. Д. 26. Л. 169. Коллекция Президентской библиотеки «Вторая мировая война в архивных документах» (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов / 1944 г., март/).
- ⁸ Там же. Л. 167 (обратная нумерация).
- ⁹ Там же / 1944 г., апрель/. П. 33. Д. 208. Л. 8–6 (обратная нумерация).
- ¹⁰ Примирието... С. 93.
- ¹¹ Там же. С. 95.
- ¹² Про виды капитуляции. Из практики Международного гуманитарного права https://vk.com/wall-17237706_377 (дата обращения: 25.05.2025).
- ¹³ Съюзната контролна комисия... Първа част. С. 84.
- ¹⁴ Там же. С. 99, 226, 301, 303.
- ¹⁵ *Пинтев С.* Принципът на безусловната капитулация и примирието с България — октомври 1944 г. // Исторически преглед, 1998. Кн. 3–4. С. 37–60; выступление С. Пинтева в дискуссии на круглом столе «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година» (София, 21–23 април 1997 г.) // България в сферата на съветските интереси. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1998. С. 243, 247–248.
- ¹⁶ *Зафиров Д.* Проникване на съветското влияние в българското военно изкуство (1945–1960 г.) // България в сферата на съветските интереси... С. 96.
- ¹⁷ *Исусов М.* За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София: Издателство «Гутенберг», 2000. С. 237.
- ¹⁸ *Богданова Р.* Лошата слава на най-верния сателит. Българо-съветски политически отношения след Втората световна война // България и Русия: между признателността и прагматизма. София: Форум България-Русия, 2008. С. 500, 552.
- ¹⁹ Примирието... С. 95, 96–99, 103–109.
- ²⁰ Там же. С. 110–111.
- ²¹ *Ангелов В.* Третата национална катастрофа. Съветската окупация на България (1944–1947). София: Анико, 2005. С. 32–33.
- ²² Примирието... С. 314.
- ²³ Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949 / съст. Д. Сирков, П. Боев, Н. Аврейски, Е. Кабакчиева. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. С. 445, 446.
- ²⁴ Коллекция документов Института военной истории Министерства обороны РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 38.
- ²⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 234.
- ²⁶ Там же. Д. 231. Л. 91, 113, 115 об.
- ²⁷ Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы / редакционная коллегия: Л.Ф. Ильичёв (председатель сов. части), И. Попов (председатель болг. части). М.: Политиздат, 1969. С. 46.

- 28 Гибианский Л.Я. Антигитлеровская коалиция и Болгария на завершающем этапе Второй мировой войны // История и культура Болгарии: к 1300-летию образования болгарского государства (отв. ред. А.А. Улунян). М.: Наука, 1981. С. 265; он же. Советский Союз и Соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // *Études balkaniques*. 1983. № 1. С. 24.
- 29 Изгрев. Орган на НС «Звено». 31 октомври 1944 г.
- 30 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: в 2-х томах / отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. I. 1944–1948. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 144.
- 31 Гибианский Л.Я. Советский Союз и соглашения о перемирии... С. 21.
- 32 Московская конференция... С. 188.
- 33 *Liddell-Hart B.* History of the Second World War. New York: Macmillan Publishers, 1992. P. 719.
- 34 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Сб. док: в 2-х томах] / предисл. А.А. Громыко. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М.: Политиздат, 1976. С. 179.
- 35 Московская конференция... С. 188.
- 36 България — непризнатият противник на Третия райх (съст. Витка Тошкова, Николай Котев, Румен Николов, Николай Стоименов, Жеко Кьосев, Йордан Баев). София: Военно издателство «Георгий Победоносец», 1995. С. 16.
- 37 *Ревякин А.В.* Союзный контроль в Болгарии... С. 235.
- 38 Примирието... С. 295.
- 39 Там же. С. 299.
- 40 Там же. С. 394.
- 41 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 75.
- 42 Там же. С. 90–91.
- 43 Там же. С. 95.
- 44 Там же. Втора част. С. 374–375.
- 45 Примирието... С. 395.
- 46 Съюзната контролна комисия... Втора част. С. 374.
- 47 Там же. С. 375.
- 48 Там же. Първа част. С. 103.
- 49 Там же. Втора част. С. 375.
- 50 Примирието... С. 157.
- 51 Там же.
- 52 Съюзната контролна комисия... Първа част. С. 100.
- 53 Сравнение структуры и функций СКК и АМГОТ в Италии свидетельствует о значительном совпадении. В компетенцию АМГОТ входили обеспечение безопасности тыла и правопорядка среди гражданского населения; недопущение вовлечения боевых частей в решение административных и полицейских задач; восстановление приемлемых условий жизни населения; контроль за административными функциями, осуществлявшийся шестью особыми отделами (юридическим, финансовым, гражданского снабжения, здравоохранения, общественной безопасности и вражеского имущества), а позднее еще четыре-мя (безопасности, памятников, изобразительного искусства и архивов, связей

с общественностью и образования). Отдел гражданского снабжения, в свою очередь, включал пять подразделений: земледелие, хозяйственно-снабжение, транспортное и коммунальное, любой труд, за исключением «маргинального», т.е. не обеспечивающего необходимый для жизни минимальный заработок. Военный губернатор генерал Д. Эйзенхауэр объявил о приостановке полномочий Королевства Италии на оккупированной территории. Итальянский административный аппарат сохранялся, но действовал под контролем военной администрации союзников. Управление осуществлялось через штаб, местных офицеров по гражданским делам в сотрудничестве с офицерами гражданской полиции и военной полиции, а также местными воинскими подразделениями. Выбор префектов осуществлялся по решению АМГОТ (Союзное военное правительство оккупированных территорий. https://ru.wikiital.com/wiki/Allied_Military_Government_of_Occupied_Territories). (Дата обращения: 28.04.2025).

- 54 Съюзната контролна комисия... Първа част. С. 79.
- 55 Там же. С. 78.
- 56 Ангелов В. Третата национална катастрофа... С. 31.
- 57 См., напр.: Баев Й. Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944–декември 1947) // България и Русия през XX век... С. 310–311.
- 58 Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М.: Наука, 1990. С. 16.
- 59 Ревякин А.В. Союзный контроль в Болгарии... С. 237.
- 60 Цит. по: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. С. 255–256.
- 61 Коллекция документов Института военной истории... Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 38–39.
- 62 България — непризнатият противник на Третия райх... С. 202.
- 63 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 89.
- 64 Русский архив. Великая Отечественная... Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945 г... С. 143.
- 65 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 81.
- 66 Там же. С. 87.
- 67 Там же. С. 89.
- 68 Там же. С. 83–84.
- 69 Там же. С. 89, 96.
- 70 Там же. С. 100.
- 71 Там же. С. 104, 105.
- 72 См., напр.: Лаврёнов С., Шинкарёв И. Некоторые особенности советско-българских отношений на завершающем этапе войны против Германии (9 сентября 1944 г. — май 1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София: Военно издателство, 1999. С. 84–85.
- 73 АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 2. Д. 2а. Л. 52, 53.
- 74 Примирието... С. 302.
- 75 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 82.
- 76 Там же. С. 106–107.
- 77 Там же. С. 107–108.

- 78 Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 404.
- 79 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 49–51.
- 80 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 160, 161.
- 81 Там же. С. 215.
- 82 АВП РФ. Ф. 452. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 30.
- 83 Там же.
- 84 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 101.
- 85 Там же. С. 160, 161, 166–167,
- 86 Там же. С. 84–85.
- 87 Там же. С. 99–100, 101.
- 88 България — непризнатият противник на Третия райх... С. 232.
- 89 Там же. С. 238.
- 90 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 103–105.
- 91 Там же. С. 104.
- 92 Примирието... С. 395.
- 93 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 207, 213.
- 94 Там же. Втора част. С. 374.
- 95 Там же. Първа част. С. 207.
- 96 Там же. Втора част. С. 845.
- 97 Там же. Първа част. С. 246.
- 98 Там же. С. 242.
- 99 Там же. С. 243, 244.
- 100 Выдержки из отчета см.: Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 705–712; *Волокитина Т.В., Ревякина Л.В.* Союзная советская контрольная комиссия в Болгарии (ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.) // *Великая Победа: в пятнадцати томах* (под общей ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова). Т. XIII. Кн. 38. Военная дипломатия. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2015. С. 185–188.
- 101 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 677–679.
- 102 АВП РФ. Ф. 74. Оп. 29. П. 22. Д. 9. Л. 181.
- 103 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 682.
- 104 Там же. С. 683–687.
- 105 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 8900. Д. 770. Л. 45–46, 49–50; Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 710; Втора част. С. 69.
- 106 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 119. Л. 14.
- 107 Там же. Д. 53. Л. 96; Д. 119. Л. 7; Оп. 2900. Д. 770. Л. 45–46, 49–50.
- 108 АВП РФ. Ф. 74. Оп. 26. П. 15. Д. 6. Л. 5.
- 109 Съюзната контролна комисия в България... Втора част. С. 79–80.
- 110 Там же. С. 71.
- 111 Там же. С. 72–73.
- 112 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 88–89, 90–99.
- 113 *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военно-политически отношения... С. 315.

- 114 Ангелов В. Третата национална катастрофа... С. 78.
- 115 См., напр.: Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: в трех томах. Т. II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М.: Наука, 1981. С. 60–62, 64, 65, 66, 77, 105, 110.
- 116 Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций. Юридический факультет Брюссельского университета (перевод с фр.). М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С. 155–156. Электронная версия https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/Principles_of_law_of_armed_conflict_Second_Rus_ed.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
- 117 България — непризнатият противник на Третия райх... С. 229–230.
- 118 Примирието... С. 160.
- 119 България — непризнатият противник на Третия райх... С. 29–30.
- 120 Там же. С. 229.
- 121 Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы / редакционная коллегия: Л.Ф. Ильичёв (председатель советской части), И. Попов (председатель болгарской части). М: Политиздат, 1969. С. 55–58, 66–68.
- 122 Съюзната контролна комисия в България... Втора част. С. 646.
- 123 Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы... С. 94–95.
- 124 Там же. С. 102, 104; Съюзната контролна комисия в България... Втора част. С. 645.
- 125 Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы... С. 107–108; България — непризнатият противник на Третия райх... С. 214.
- 126 България — непризнатият противник на Третия райх... С. 230, 235.
- 127 Там же. С. 239.
- 128 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. П. 125. Д. 8. Л. 6–8.
- 129 Ангелов В. Третата национална катастрофа... С. 66.
- 130 Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Том II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958 (отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов). М.: Наука, 1981. С. 184.
- 131 Димитров И. Миналото, което беше близко, а става все по-далеко. Среци и разговори. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1992. С. 56, 57, 21.
- 132 Исусов М. Комунистическата партия и революционният процес в България. 1944/1948. София: Партиздат, 1983. С. 55.
- 133 Примирието... С. 314.
- 134 Там же. С. 377.
- 135 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 // Исторически архив. 1996. № 4. С. 105–106.
- 136 Секретный приказ опубл. в: Исусов М. Политическите партии в България. 1944–1948. София: Наука и изкуство, 1978. С. 126–127.
- 137 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 707.
- 138 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) (далее — Берлинская конференция...) / Глав-

ная редакционна комисия: А.А. Громыко (гл. редактор), И.Н. Земсков, В.А. Крючков, Ш.П. Санаков, П.П. Севастьянов (отв. секретарь), С.Л. Тихвинский, К.У. Черненко. М.: Политиздат, 1980. С. 437–438, 475, 496.

139 Берлинская конференция... С. 385–387.

140 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 109.

141 Там же. С. 880.

142 Там же. Втора част. С. 887.

143 АВП РФ. Ф. 452. Оп. 3. П. 44. Д. 5. Л. 1, 2, 3.

144 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 112–114, 116–127, 134–136, 140–144, 145–158, 159–163, 163–175, 192–197, 198–200, 200–214, 216–218, 219–221, 222–227, 227–229, 232–248, 248–254, 254–263, 265–275, 275–280, 281–286, 288–298, 299–303, 304–306, 307–311, 320–328, 330–341, 341–343.

145 Там же. С. 491.

146 Там же. С. 806–811.

147 Там же. С. 372–373, 402, 410, 485, 500, 505 509.

148 Цветков П. Септември 1944. Б.м, б.г. С. 22–31 (ссылку см.: Ангелов В. Третата национална катастрофа... С. 55–56).

149 Примирието... С. 314–315.

150 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 372.

151 Коллекция документов Института военной истории Министерства обороны РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 39.

152 См., напр.: Орачев А. Разорението започва от Червената армия // Демокрация. 13 май 1993 г.; Ланиус Ч.: «Аз видях как руснаците окупираха България през 1944 г.» // Демокрация. Септември 1993 г.; Мандаджиев Н. Братушките ни продадоха собствените ни имоти, докато тръбеа за безвъзмездни помощи // Демокрация. 17 октомври 1994 г.; Ангелов В. Истинска катастрофа. Малко известни факти за съветската окупация в България (септември 1944 — декември 1947 г.) // Демокрация. 5 април 2001 г.

153 Исусов М. Сталин и България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1991. С. 109.

154 Вачков Д. Изпълнение на финансово-икономическите клаузи на Съглашението за примирие с България на 28 октомври 1944 г. // Исторически преглед. 2004. Кн. 1–2. С. 129–154.

155 Валеv Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период Второй мировой войны). М.: Наука, 1964. С. 51.

156 Там же. С. 876.

157 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36в. П. 222. Д. 1. Л. 213.

158 Там же. Първа част. С. 894.

159 Съюзната контролна комисия... Втора част. С. 876–877.

160 Вачков Д. Изпълнение на финансово-икономическите клаузи на Съглашението за примирие с България на 28 октомври 1944 г. // Исторически преглед. 2004. Кн. 1–2. С. 129–154.

161 133 млрд лв е струвала съветската окупация на България // <https://www.168chasa.bg/Article/4146877>

162 Съюзната контролна комисия... Първа част. С. 711.

- 163 Там же. Втора част. С. 878.
- 164 Там же. С. 878–879.
- 165 Съюзната контролна комисия... Втора част. С. 877–878.
- 166 Примирието... С. 395.
- 167 *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. Военные мемуары. М.: Воениздат, 1984. С. 10. Електронна версия — http://militera.lib.ru/memo/Russian/cherepanov_ai/08.html
- 168 *Ангелов В.* Третата национална катастрофа... С. 17.
- 169 Съюзната контролна комисия... Първа част. С. 293–294.
- 170 Там же. С. 292.
- 171 Там же. С. 292, 295.
- 172 Там же. С. 296–297.
- 173 Там же. С. 873.
- 174 Там же. С. 292–297.
- 175 Там же. С. 880–883.
- 176 Там же. С. 731–732.
- 177 Там же. С. 833–834.
- 178 Там же. Втора част. С. 876.
- 179 Там же. С. 612–613.
- 180 Там же. Л. 614.
- 181 Там же. С. 614–616.
- 182 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 819–820.
- 183 Там же. Втора част. С. 618.
- 184 Там же. С. 118, 128–129; Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 816.
- 185 *Ангелов В.* Третата национална катастрофа... С. 71.
- 186 Съюзната контролна комисия в България... Първа част. С. 819–820.
- 187 Там же. С. 839.
- 188 Там же. С. 854–855, 862.
- 189 Там же. С. 859.
- 190 Там же. С. 855.
- 191 *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 40.
- 192 Дума (България): чей слон наш лучший друг? Сегодняшние болгарские СМИ: о России либо плохо, либо ничего — <https://inosmi.ru/20201112/248525451.html> (дата обращения: 26.06.2025).

Миротворчество ООН на Балканах в 90-е годы XX века

Организация Объединённых Наций имеет солидный опыт проведения миротворческих операций, она начала и развивала свою деятельность по поддержанию мира как одно из средств безопасности мира на планете. С 1948 г. в 27 операциях участвовало более 750 тыс. военнослужащих, полицейских, гражданских сотрудников в Ливане, Конго, Йемене, Мозамбике и т.д. Операции по поддержанию мира учреждаются Советом Безопасности ООН с согласия стран, вовлечённых в конфликт. Войска ООН вооружены лёгким оружием, а военные наблюдатели не вооружены. Войска ООН могут применять силу в ограниченных масштабах и в исключительных случаях для самообороны. Так было до событий в Югославии в 90-е годы XX века.

26 ноября 1991 г. правительство Югославии в письме на имя председателя Совета Безопасности обратилось с просьбой об учреждении в стране операции по поддержанию мира¹. Решение, как пишет член Президиума СФРЮ Б. Йович, принималось достаточно узким кругом — Б. Йовичем, С. Милошевичем и Б. Костичем. Не были поставлены в известность ни правительство, ни руководство армии, ни парламент². По мнению югославской учёной С. Аврамовой, такой просьбой Президиум отрёкся от своей основной прерогативы — употребления собственных вооружённых сил — и доверил оборону государства иностранным военным формированиям³. Резолюция 721 (27 ноября 1991 г.) обязала незамедлительно рассмотреть возможность учреждения операции ООН по поддержанию мира в Югославии, правда, при условии соблюдения соглашения о прекращении огня от 23 ноября 1991 г., и одобрила контакты Генерального секретаря и его личного посланника с югославскими сторонами с тем, чтобы Генеральный секретарь смог в ближайшее время представить

Совету Безопасности рекомендации. Резолюция 727 от 8 января 1992 г. ООН направила в Югославию группу офицеров связи численностью до 50 человек «в целях содействия поддержанию прекращения огня». Бюрократическая машина ООН начала разрабатывать концепцию миротворческой операции в Югославии.

В декабре 1991 г. бывший госсекретарь США, сотрудничавший с ООН, Сайрус Вэнс представил специальный план миротворческих операций ООН в Югославии, который включал в себя наиболее общие принципы использования «голубых касок» на территории Хорватии для обеспечения защиты местного населения от угрозы вооружённого нападения. Для этого Сайрус Вэнс предлагал определить в Хорватии «районы, охраняемые ООН» (РОООН), которые будут демилитаризованы и в которых населению будет обеспечена защита от угрозы вооружённого нападения. Прежде всего, это должны быть территории с большинством сербского населения, где шли ожесточённые бои. Сайрус Вэнс определил три таких района — Восточную Славонию, Западную Славонию и Краину. Миротворческая операция должна была иметь временный мандат только для того, чтобы создать «условия для мира и обеспечить безопасность, необходимую для переговоров о всеохватывающем решении югославского кризиса»⁴. С планом должны согласиться все субъекты конфликта и обеспечить миротворцам необходимую помощь. Страны — члены ООН добровольно посылают в Югославию своих представителей. Верховное командование осуществляет Генеральный секретарь ООН, а не правительства соответствующих стран. В Югославии миротворческой операцией должно руководить гражданское лицо, непосредственно ответственное перед Генеральным секретарём ООН.

Этот план был одобрен ООН и принят 31 декабря 1991 г. Президиумом СФРЮ. В специальном заявлении Президента Сербии С. Милошевича подчёркивалось, что в результате реализации мирного плана ООН будет обеспечена «полная защита территории Сербской Краины»... В Сербской Краине граждане смогут почувствовать себя в безопасности и свободно решать свою

* Республика Сербская Краина (РСК) была создана сербами в Хорватии в 1991 г. с целью отделиться от Хорватии.

будущую судьбу»⁵. В Югославию направились группа военных и гражданских лиц для подготовки прихода «голубых касок». Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали начал готовить миротворческую миссию, названную «Силы ООН по охране» (UNPROFOR⁶ или по-русски СООНО). Первый мандат был выдан миссии сроком на 12 месяцев. В докладе Генерального секретаря подчёркивалось, что в Хорватии произошло разделение функций между ООН и ЕС. Европейское сообщество продолжало выполнять функции по установлению мира в Югославии в целом, в то время как ООН получила мандат на поддержание мира только в Хорватии⁷. Все последующие резолюции СБ расширяли и уточняли полномочия и функции «голубых касок».

В конце января — начале февраля 1992 г. Президиум СФРЮ одобрил мирный план о направлении в Хорватию миротворческих сил. С. Милошевич сумел добиться также поддержки плана ООН со стороны сербов РСК. Препятствий приходу «голубых касок» не было.

Размещение сил СООНО в Хорватии началось в апреле 1992 г. Резолюция 749 предписывала «санкционировать полное развёртывание СООНО в кратчайшие возможные сроки»⁸. Первым представителем ГС в Югославии был назначен Сайрус Вэнс. По состоянию на 24 апреля 1992 г. численность СООНО составляла 8332 человека, в том числе 7975 военнослужащих. Штаб первоначально находился в Сараеве, военный персонал которого составлял 350 человек⁹. Тогда ещё город рассматривался в качестве нейтрального места, не затронутого войной. Существовала также надежда на то, что присутствие СООНО в Боснии и Герцеговине окажется стабилизирующим фактором в условиях роста напряжённости в стране. В связи с началом военных действий в БиГ в марте 1992 г. штаб-квартира Сил была переведена сначала в Белград, а затем в Загреб.

Миротворческую операцию в Хорватии и БиГ осуществляли представители 36 стран, люди говорили на 19 языках¹⁰.

Первоначально планировалось, что «голубые каски» составят около 10 тыс. человек, но их численность постоянно росла. В 1995 г. она составила около 42 тыс. человек¹¹. Силы ООН были расквартированы в Хорватии, позже — в Боснии и Герцеговине, Маке-

дони, а также часть администрации и военных находились в Белграде (68 человек).

Силы миротворцев состояли из следующих подразделений¹²:

1. Военные (38 305 в сентябре 1994 г., 38 599 в 1995 г.)
 - а) пехотные войска (соответственно 37 676 и 37 915), которые планировалось использовать для патрулирования во всех секторах, обеспечения контрольно-пропускных пунктов и пунктов наблюдения, а также связи со сторонами конфликта;
 - б) военные наблюдатели (629 и 684), в задачу которых входило осуществление патрульных выходов в районы «с целью способствовать ослаблению напряжённости, поддерживать связь со всеми сторонами, проводить расследования и оказывать добрые услуги в целях преодоления трудностей, осуществлять контроль за выводом Югославской народной армии из Хорватии»¹³. Позже к этим задачам прибавился контроль за тяжёлой техникой всех сторон конфликта в БиГ.
2. Гражданская полиция (643 и 803).
3. Гражданские службы (4051 в 1994 г., включая пункты 4 и 5).
4. Администрация.
5. Служба информации.

Кроме того, существовали и силы поддержки, которые занимались разминированием объектов и дорог, установлением связи, размещением персонала, его медицинским обслуживанием и т.д. Всего в 1994 г. на территории бывшей Югославии было размещено 43 тыс. «голубых касок», включая военный и гражданский персонал.

В течение 1992 г. мандат СООНО был расширен: в него были включены функции контроля в некоторых других районах Хорватии («розовых зонах»), наблюдение за перемещением гражданских лиц в Районах, охраняемых ООН (РОООН) и осуществление таможенных функций на границах РОООН с другими государствами, а также контроль над демилитаризацией Превлакского полуострова и над Перучской плотиной, расположенной в одной из «розовых зон». Кроме того, СООНО контролировали осуществление Соглашения о прекращении огня, подписанного прави-

тельством Хорватии и местными сербскими властями в марте 1994 г. вслед за вспышкой вооружённых столкновений в январе и сентябре 1993 г.

В июне 1992 г. по мере распространения конфликта на территорию Боснии и Герцеговины мандат СООНО и его полномочия были распространены на соседнюю республику, чтобы обеспечить безопасность и функционирование аэропорта Сараева, а также доставку гуманитарной помощи в этот город и близлежащие районы. В сентябре 1992 г. мандат СООНО был ещё больше расширен — необходима была защита конвоев Международного комитета Красного Креста и помощь в доставке гуманитарных грузов в Боснию и Герцеговину. Кроме того, Силы контролировали зоны, свободные от полётов, запрещая все военные рейсы в Боснию и Герцеговину и «зоны безопасности» ООН, учреждённые Советом Безопасности вокруг пяти боснийских городов и Сараева.

В декабре 1992 г. СООНО были развёрнуты в Македонии для контроля событий в приграничных районах. После принятия Резолюции 871 (октябрь 1993 г.), продлевающей мандат СООНО, военная структура СООНО подверглась реорганизации. В результате её стали образовывать три подчинённых командования: СООНО (Хорватия) под командованием генерал-майора А. Тайеба (Иордания) со штабом в Загребе, СООНО (Босния и Герцеговина) под командованием генерал-лейтенанта Майкла Роуза (Великобритания) со штаб-квартирой в Киселяке и СООНО (Македония) под командованием бригадного генерала Трюгве Теллефсена (Норвегия) со штабом в Скопье. Эти трое командующих подчинялись командующему Силами, который наряду с гражданским и административным компонентами, а также компонентом материально-технического обеспечения действовал под общим руководством Специального представителя Генерального секретаря ООН¹⁴.

31 марта 1995 г. Совет Безопасности принял Резолюции 981 (по Хорватии), 982 (по Боснии) и 983 (по Македонии), которые продлевали мандат миротворческих сил на восемь месяцев и осуществляли реструктуризацию СООНО, заменив их тремя отдельными, но взаимосвязанными операциями по поддержанию

мира. СБ продлил мандат СООНО в Боснии и Герцеговине, в Македонии СООНО переименовал в Силы превентивного развёртывания ООН (СПРООН), в Хорватии учредил Операцию ООН по восстановлению доверия (ОООНВД). Их общий штаб под названием «Штаб Миротворческих сил ООН» остался в Загребе. Каждая из трёх операций возглавлялась гражданским главой миссии и имела своего военного командующего. Общее командование и контроль за тремя операциями осуществлялись Специальным представителем Генерального секретаря ООН (СПГС) и командующим военным контингентом театра военных действий¹⁵.

Общая сумма расходов миротворческой операции на территории бывшей Югославии с 12 января 1992 г. по март 1996 г. составила 4 616 725 556 долл. США¹⁶.

Войсковые подразделения свою миссию выполняли в униформе своей национальной армии, отличительным знаком был голубой берет или каска, а также нарукавная повязка с эмблемой ООН. Солдаты ООН, оснащённые только лёгким стрелковым оружием, открывать огонь имели право только в случае прямого нападения. Гражданские полицейские и военные наблюдатели оружия не имели.

Главный штаб СООНО находился в Загребе. В сентябре 1994 г. там работало около 1,5 тыс. человек¹⁷. В Загреб стекалась информация со всех уголков Боснии, Македонии, Сербии и Хорватии. Все службы ежедневно готовили отчёты по своей линии, которые обобщались и систематизировались. Загреб в свою очередь постоянно информировал ООН в Нью-Йорке, готовил отчёты о положении в каждом подразделении и миссии в целом.

Согласно официальным источникам СООНО, в сентябре–ноябре 1993 г. на территориях под мусульманским и хорватским контролем произошло 307 инцидентов с представителями миротворческих сил (из них в мусульманских районах — 214). К таким инцидентам относились вооружённые нападения, конфискация гуманитарной помощи, задержка или возвращение конвоя. В сербских районах было только 38 случаев, притом без вооружённых нападений или разворовывания гуманитарной помощи. Кроме того, отмечено 56 случаев на границах анклавов, когда невозможно было определить виновного¹⁸.

За несколько лет деятельности «голубых касок» на Балканах сменилось несколько командующих миротворческими силами ООН. Причём любопытно, что почти все они отзывались со своих постов ранее положенного срока. И все они заканчивали свою деятельность, критикуя ООН. Приезжая в бывшую Югославию, многие функционеры международных организаций на месте видели совсем иную картину, нежели ту, которую им рисовали средства массовой информации. За короткое время они начинали понимать, что не так всё однозначно, что не сербы являются исключительными виновниками конфликта, что не только политика мира и добра движет сильными мира сего, что понятие справедливости и равного отношения к сторонам конфликта — понятия далёкие от политики ООН на Балканах. Кроме того, честные политики и военные были свидетелями необъективности руководства миротворческих операций, выражавшейся в *фильтрации информации*, в подгонке фактов под заранее подготовленную схему виновности сербов. Поэтому некоторые уходили, не дослужив до срока окончания мандата, а другие облегчали совесть после окончания службы, издав книги воспоминаний.

Так, Специальный представитель Генерального секретаря ООН Я. Акаши, безусловно, был свидетелем многих подлогов и несправностей. После ухода из миссии он открыто заявил, например, о виновности мусульман во взрыве на рынке Маркале в 1994 г. Увидели свет и воспоминания бельгийского офицера, полковника Яна Сегерса, члена наблюдательной миссии ООН в Сараеве, Бихаче и Западной Славонии. По его мнению, к жертвам военной драмы в бывшей Югославии нужно причислить и многих честных и независимых наблюдателей, которые должны были видеть, что происходит, присутствовать при подтасовках фактов и лицемерных заявлениях, сознавать свою беспомощность и невозможность сказать правду, чтобы сделать возможным хоть какой-нибудь сдвиг к лучшему. Он назвал несколько примеров такого обмана — поставки оружия для хорватов и мусульман, шпионаж в пользу Хорватии в загребской штаб-квартире, обвинения в этнических чистках сербов, когда они этого не совершали¹⁹. А сколько случаев пока не всплыли... Я сама была свидетелем нескольких таких случаев подтасовки фактов в пользу

мусульман. Военные наблюдатели в миссии на территории БиГ и Хорватии рассказывали, что «начальство» скрывало факты нарушения перемирия мусульманами, их провокационную миномётную стрельбу по сербским позициям из зон под защитой СООНО.

Интересны судьбы **командующих силами ООН** на Балканах.

Первым командующим силами СООНО в Югославии был индиец **Сатиш Намбияр** (назначен в марте 1992). Молодой, энергичный, он был полон оптимизма разрешить кризис, но вскоре был отозван. Официальное объяснение — уход «по семейным причинам» — мало кого удовлетворило. Дэвид Оуэн вспоминает о нём как о хладнокровном и любезном человеке. Когда Дэвид Оуэн впервые прилетел в Загреб в сентябре 1992 г., его на аэродроме встречал генерал Намбияр, разгневанный недавним происшествием: 8 сентября войска А. Изетбеговича среди бела дня напали на безоружный гуманитарный конвой СООНО около сараевского аэродрома. В результате погибли двое французов, четверо были ранены, повреждены четыре машины. Намбияр был расстроен и не до конца мог понять, почему мусульмане нападают на «голубые каски», которые «присланы накормить и защитить их народ»²⁰. И сам Д. Оуэн признаётся, что «до этого времени наивно смотрел на боснийских мусульман как на пристойную, обиженную сторону»²¹. Уже тогда он пришёл к выводу о том, что, возможно, мусульмане задумывали провокацию и стремились возложить ответственность за нападение на сербов, «чтобы представить их ещё более плохими, чем о них писала мировая печать»²².

Намбияра сменил **Льюис Маккензи**, увенчанный успехом в ряде миротворческих операций в разных частях света, но пробыл на этой должности всего несколько месяцев — с апреля до августа 1992 г. Он приехал в Сараево научить сербов уму-разуму. Но уже вскоре в его рапортах появляется объективное описание событий в БиГ. Он стал свидетелем, как мусульмане зверски расправились с сотней молодых сербских солдат из бывшей ЮНА на улице Добровольцев в Сараеве, раскрыл провокационный характер взрыва на улице Васи Мискина, писал о нарушениях мусульманами демилитаризованных зон, выступал против

применения силы в БиГ²³. Как вспоминал генерал, во время миссии в Сараево его «высказывания часто не нравились ни Оттаве, ни Нью-Йорку»²⁴. Его сразу же невзлюбили мусульмане. Они обвинили генерала в необъективности, а также в том, что он, якобы, насиловал мусульманских женщин, которых ему поставляли сербы, устраивал мусульманские погромы²⁵. После ссоры с Нью-Йоркской штаб-квартирой ООН генерал покинул Сараево, не скрывая своего гнева. Позже он описал виденное в БиГ в своей книге. В одном из своих интервью генерал вспоминал, что его отношения с мусульманским правительством были невыносимыми. Осуждалась даже незначительная помощь сербам. При Л. Маккензи мусульмане даже прозвали «голубые каски» «Србпрофор»²⁶.

Недолгой была карьера и командующего миротворческими силами ООН шведского генерала *Ларса-Эрика Валгрена*, поскольку он позволил себе критические замечания в адрес ООН. Его слова о том, что это «империалистическая организация, которой злоупотребляет Запад», и о Югославии, как полигоне, на котором Европе навязывают определённые условия, сыграли свою роль в недолгой карьере этого генерала в БиГ²⁷.

Похожей была судьба и французского генерала *Жана Ко*. Б. Бутрос-Гали обратился к президенту Франции Ф. Миттерану и премьер-министру Эдуарду Балладюру с требованием заменить генерала Жана Ко на посту командующего силами ООН в бывшей Югославии в связи с его недавними выступлениями против «двусмысленной политики ООН в бывшей Югославии» и требованиями передать ему право принимать решение о возможном нанесении бомбовых ударов по позициям боснийских сербов²⁸.

Следующим командующим был французский генерал *Филипп Морийон*, «генерал Смелость», как его называли в средствах массовой информации, которого также отзывали ранее срока истечения его мандата²⁹. В вину Морийону ставились его слишком «просербские» высказывания, а также слишком откровенные публичные выступления, идущие вразрез с традициями французской армии. Сараевские журналисты писали, что боснийцы рассердились на него, когда он после посещения Церской сказал, что не увидел в этом городе следов зверств четников³⁰.

«Однако главная вина генерала, которая, судя по просачивающимся в печать сообщениям, состоит в том..., что благодаря своим действиям он лишний раз, вольно или невольно, демонстрировал общественности бессилие Запада в бывшей Югославии или его нежелание предпринять решительные действия перед лицом непримиримой позиции, занимаемой сербами», — писали российские журналисты³¹.

Следующий командующий бельгиец *Франсуа Брикмон* решил сам уйти в отставку, отслужив лишь половину положенного срока. В своё время назначение генерала Брикмона связывали с изменением политики ООН в Югославии — подразумевался переход от уговоров к военным действиям³². Отставка была принята на редкость быстро — бельгийское правительство без задержек отозвало генерала из БиГ до истечения срока его мандата. Мусульманская сторона полагала, что это произошло после заявления Ф. Брикмона о том, что решение боснийского кризиса находится не в разделе БиГ³³. Французское «Фигаро» полагает, что генерала сместили из-за его критики ООН³⁴. Он во всеуслышание заявил о своём разочаровании этой организацией, добавив, что он больше не читает резолюций Совета Безопасности, так как они не имеют никакого значения. Ему же приписываются высказывания о необходимости попробовать понять менталитет боснийских сербов и о бессмысленности преждевременного международного признания Словении и Хорватии³⁵. Согласно воспоминаниям Виктора Андреева, занимавшего должность главы гражданского контингента ООН в Хорватии, Брикмон «был очень порядочный пожилой человек, в котором очень трудно было распознать военного высокого ранга... Он оказался отличным военным, но самое главное — очень честным военным. ... Брикмон называл вещи своими именами, что не всегда нравилось в ООН. Он искренне старался быть объективным, что было очень трудно, поверьте мне. И когда он понял, что от него часто требуется больше, чем позволял его внутренний кодекс поведения, он решил уйти. Я могу только уважать его за это»³⁶. Командующий миротворческими силами в БиГ генерал Ф. Брикмон в интервью «Рейтеру» говорил, что СБ ООН и ЕС не следует губить время на принятие резолюций о бывшей югославской ре-

спублике БиГ, им лучше потрудиться послать достаточно солдат по уже принятым резолюциям. «Существует фантастическое несоответствие между резолюциями СБ, желанием эти резолюции осуществить и возможностью самих командиров на местах... Я больше не читаю эти резолюции, так как они мне вообще не помогают». В качестве примера он привёл Резолюцию 836 СБ, принятую в апреле 1993 г., которая касалась введения «зон безопасности» в Боснии — в Сребренице, Жепе, Горажде, Сараеве, Тузле и Бихаче. Необходимо было 7 тыс. солдат, а прислали только 2 тыс. Поэтому такие зоны не были созданы в Сараеве, Тузле и Бихаче. Он критиковал штаб СООНО, состав которого постоянно расширялся, но действовал менее эффективно, имевшую место многоязычность руководства, которая создавала проблемы в командовании и в осуществлении контроля. По его мнению, «должны существовать ясные политические цели и военная стратегия, которую должны поддерживать все страны, участвующие в миротворческих силах»³⁷. А именно эти параметры в миссии ООН на территории Югославии отсутствовали.

На место Ф. Брикмона был назначен британский генерал *Майкл Роуз*, 53-х лет, который вступил в должность 24 января 1994 г. Мусульмане встречали его в Сараеве как освободителя. Его популярность неимоверно возросла, когда в апреле он отдал приказ о бомбардировке сербских позиций около Горажде. Но, как вспоминал генерал Л. Маккензи, «когда в некоторых вопросах он пытался быть нейтральным и когда пытался принять решения, которые не нравились боснийскому правительству, всё переменялось и мусульмане потребовали его замены»³⁸. В сентябре, после заявления Роуза о нарушениях мусульманами договора о прекращении огня в зоне разведения и угрозы военных ударов со стороны НАТО и по мусульманским позициям, начались разговоры о смещении Роуза. Его в СМИ начали обвинять в слишком нежном отношении к сербам. 21 сентября, на следующий день после заявления Роуза, в Сараево прилетел командующий Южной группы войск НАТО адмирал Лэйтон Смит для разговоров с руководителями СООНО³⁹.

Возглавлял миссию на Балканах японский дипломат господин *Ясуши Акаши*. Он начал работать в ООН в 1957 г., служил

в разных подразделениях, был послом Постоянной миссии Японии в ООН, возглавлял миротворческую миссию в Камбодже. Он производил впечатление человека мудрого и по-восточному уравновешенного, стремившегося действительно урегулировать межнациональный конфликт. Я. Акаши — автор шести книг и многочисленных статей по деятельности и организации ООН, участник многих научных конференций. Это была его идея — создать при своём кабинете в Загребе международную группу учёных, экспертов по Балканам. Я. Акаши хотел разобраться в сути конфликта, постоянно требовал мнение экспертов по всем вопросам — истории народов, особенностям менталитета, биографиям политиков, общественному мнению, отношения сербов, хорватов и мусульман к переговорам и т.д. Он также подвергался нападкам, особенно со стороны США, если не выполнял их волю. Напомню, что летом 1994 г. госпожа М. Олбрайт на весь мир выразила недовольствие позицией Я. Акаши, подчеркнув, что он должен знать, кто ему платит деньги. Вашингтон в июне 1995 г. сердито реагировал на письмо Я. Акаши, направленное в Республику Сербскую, в котором обещал, что силы быстрого реагирования будут действовать только в соответствии с мандатом СООНО и их миротворческой миссией. Вашингтон в свою очередь настаивал на возможности использования Сил Быстрого Реагирования (СБР) в защите зон безопасности, если имели место угрозы «голубым каскам» или конвоям с гуманитарной помощью. М. Олбрайт сказала, что письмо неприемлемо по времени, методу и содержанию. Представитель госдепа США Н. Бернс упрекнул Я. Акаши, что тот направил письмо, а не проконсультировался предварительно с СБ и США⁴⁰. По его мнению, это самое неуместное письмо, далеко отстоящее от американского понимания задач СБР. Он подчеркнул, что американская администрация не согласна с частью содержания письма и способом, которым это было сделано⁴¹.

Наказывались увольнением не только высшие руководители, но и сомневающиеся офицеры более низкого звена. Французский **генерал Башле**, командующий сектором «Сараево» в 1995 г., профессионал, умнейший военный, прекрасный человек, по свидетельству тех, кто с ним работал, был с позором выгнан из СООНО

и депортирован на родину после того как на одном из обедов, в частной беседе высказал сомнение в том, что тенденциозность освещения событий идёт на пользу его стране и авторитету ООН⁴². Особое недовольство вызывало присутствие русского батальона в миссии в Хорватии, и, чтобы снизить его значение, была развёрнута кампания по дискредитации командующего Русбатом генерала А.М. Перелякина.

Миссия СООНО в Хорватии. Приход «голубых касок» во многом завершил долгий и мучительный процесс военного противостояния, политического бескомпромиссного противостояния. Однако долгожданный мир оставил для сербов открытыми целый ряд вопросов, среди которых — определение границ между РСК, Сербией и Хорватией, перспективный статус сербских областей, присутствие хорватской администрации на территории под защитой международных сил. Но в центре стояла проблема взаимоотношения РСК с Хорватией. Хорватия считала эти территории своими и обязалась перед мировым сообществом предоставить жителям этих территорий определенные права. Сербия, проявив гибкость, считала, что в условиях войны этот вопрос решить не удастся и необходим мораторий и на эти земли, и на эти проблемы. Сербия полностью согласилась с предложением Сайруса Вэнса о специальном статусе Краины как переходном решении, о необходимости политического диалога представителей Хорватии и РСК. Народ Краины, провозгласив 19 декабря 1991 г. Республику Сербскую Краину, рассчитывал приобрести международное признание, независимость и право самим определять, в каком государстве жить. Скупщина Краины приняла постановление, согласно которому на территории РСК будет действовать Конституция Югославии, что должно было обеспечить функционирование правовой системы в Краине. Впоследствии путём мирных переговоров республика надеялась войти в состав Югославии. Председатель республики Горан Хаджич считал, что никогда больше в РСК не будет развиваться хорватский флаг. «Так решил этот народ, и так будет». Как один из возможных в республике обсуждался вариант создания в Хорватии двух республик — хорватской и сербской.

Функции СООНО в Хорватии определялись резолюциями СБ ООН. Генеральный секретарь регулярно представлял Совету до-

клады о прогрессе, достигнутом СООНО. Миссия была создана в качестве промежуточного механизма для достижения в Хорватии условий мира и безопасности, необходимых для проведения переговоров по всеобъемлющему урегулированию югославского кризиса. В плане по поддержанию мира в Хорватии предусматривались вывод войск Югославской народной армии и демилитаризация РОООН, возвращение беженцев, восстановление полицейских сил и рассматривались смежные вопросы, касающиеся планируемого процесса нормализации.

Три обозначенные в плане С. Вэнса района, охраняемые ООН, были разделены на четыре сектора: «Север», «Юг», «Восток», «Запад». Всего в Хорватии было размещено около 15 тыс. миротворцев. Миротворцы, приезжавшие в Хорватию со всего земного шара, слабо ориентировались в политической ситуации. Неинформированность и нежелание разбираться в ситуации большинства рядовых сотрудников миссии позволяли руководству СООНО сохранять видимое единство и держать ситуацию под политическим контролем.

Сектор «Север» (Баня, Кордун, т.е. северная часть Краины) покрывал территорию в 2100 км², был развернут в апреле 1992 г. Там были размещены батальоны из Дании, Польши и Нигерии, которые приступили к своим обязанностям 2 июля. Штаб сектора располагался в местечке Топуско, некогда прекрасной здравнице общегославского значения. Всего в 1994 г. в секторе было 4045 миротворцев, из них 3607 военных, 67 военных наблюдателей и 170 полицейских⁴³.

В секторе «Юг» (южная часть Краины) в апреле 1992 г. были полностью развёрнуты батальоны из Франции и Чехословакии общей численностью 1505 человек. В мае прибыл Кенийский батальон, позже к ним добавился Иорданский батальон. СООНО в секторе приступили к своим обязанностям 2 июля. Штаб сектора располагался в городе Книн, столице никем не признанной Республики Сербской Краины. Всего в секторе в 1994 г. было размещено 4348 миротворцев, из них 3898 военных, 84 военных наблюдателя, 140 полицейских⁴⁴.

В секторе «Запад» в апреле 1992 г. был развёрнут канадский пехотный батальон, численностью 1373 человека. Чуть позже

прибыли военные из Аргентины, Непала и Иордании. 20 июня 1992 г. СООНО приступил к выполнению там своих обязанностей. В секторе «Запад» штаб располагался в местечке Дарувар, печально известном городке по антисербским гонениям ещё в 1991 г. В 1994 г. в секторе было размещено 3100 миротворцев, из которых 2786 военных, 30 военных наблюдателей, 198 полицейских⁴⁵.

В секторе «Восток», который охватывал Восточную Славонию и Баранью, в апреле 1992 г. военный компонент СООНО составлял 1293 человека и включал в себя два батальона — из России и Бельгии. В полном объёме к выполнению своих обязанностей батальоны приступили 15 мая. По численности миротворцев сектор был самым малочисленным. В 1994 г. здесь служило 1860 человек, из них 1518 военных, 28 военных наблюдателей, 136 полицейских⁴⁶. Штаб сектора располагался в городе Эрдут.

Летом 1992 г. перед секторами СООНО в Хорватии стояли следующие конкретные задачи: разъединить хорватскую и сербскую стороны силами «голубых касок», поставленных по линии разграничения, установить и поставить под свой контроль все пропускные пункты на главных дорогах, ведущих в РОООН, не допускать проникновения военных формирований через эти пропускные пункты, а также жителей, которые там не проживают, ликвидировать нарушения договора о прекращении огня с использованием тяжёлой артиллерии и танков, демилитаризировать РОООН, наблюдать за отводом обеими сторонами тяжёлого вооружения на расстояние 30 км от линии конфронтации и сдачей его под контроль миротворческих сил, выводом Югославской народной армии из всех секторов, отводом от линии фронта подразделений Хорватской армии, за демобилизацией сил территориальной обороны и военизированной милиции, пресекать массовое изгнание мирных жителей из своих домов, предотвращать переброски через границу оружия, боеприпасов и других материалов военного назначения в сектора под охраной ООН. При возникновении столкновений «голубые каски» должны встать между враждующими сторонами. Военные наблюдатели должны наблюдать за процессом демилитаризации указанных районов, отмечать рост напряжённости в соседних

с зонами районах, фиксировать случаи столкновений или проявления враждебности, концентрации тяжёлого вооружения.

Основной посыл, лежавший в основе плана по поддержанию мира в то время, заключался в том, что он имеет временный характер, будет действовать лишь до достижения всеобъемлющего политического урегулирования. Предполагалось, что переговоры будут проводиться в рамках МКБЮ под председательством лорда Каррингтона. Один из принципов этой Конференции заключался в отказе от одностороннего изменения границ (S/23169, пункт 21). Поэтому с гипотетической точки зрения, как полагал Б. Бутрос-Гали, существовала возможность урегулирования проблемы между Республикой Хорватией и сербским населением, проживающим в РОООН и «розовых зонах», путём согласованной корректировки границ. Однако в ходе переговоров по вопросу о плане по поддержанию мира руководство СООНО никогда не упоминало такую возможность, наоборот, указывало, что единственной основой для урегулирования является признание ими хорватского суверенитета в обмен на гарантирование их прав как меньшинства. Сербь никогда не соглашались с такой позицией и не скрывали своей решимости настаивать на независимости от Хорватии⁴⁷.

С принятием Хорватии в качестве государства-члена в Организацию Объединённых Наций в мае 1992 г. руководителям ООН «стало совершенно ясно, что урегулирования следует добиваться без изменения международно признанных границ этого государства». Это было чётко подчеркнуто, когда Совет Безопасности в пункте 5 Резолюции 815 (1993) постановил, что он поддерживает «Сопредседателей Координационного комитета Международной конференции по бывшей Югославии в их усилиях по содействию определению будущего статуса тех территорий, входящих в районы, охраняемые Организацией Объединённых Наций (РОООН), которые являются составной частью территории Республики Хорватии...»⁴⁸. После принятия этой резолюции, которая, по мнению сербов, предreshала результат политических переговоров, сербские власти стали ещё больше противиться какому бы то ни было диалогу. Совет Безопасности официально разъяснил, что международное сообщество не будет рассмат-

ривать притязания местных сербских властей на признание в качестве суверенного образования так называемой «Республики Сербская Краина». Стремление сербов к суверенитету в значительной степени определило их отношение к присутствию СООНО и плану по поддержанию мира. Их отказ осуществить демилитаризацию был продиктован страхом насильственного поглощения Хорватией. Это понимали руководители и ООН, и СООНО⁴⁹.

В июле 1992 г. Генеральный секретарь ООН уже отмечал определённые успехи в осуществлении задач СООНО в Хорватии⁵⁰. Потребовались упорство, мужество и профессионализм для развёртывания миротворческих сил в условиях продолжающихся боевых действий, для создания зоны разведения среди минных полей, для построения наблюдательных контрольно-пропускных пунктов на условной границе при полном отсутствии соответствующей инфраструктуры. Постепенно задачи СООНО расширялись. Дополнительные задачи заключались в следующем: осуществление контроля за немедленным выводом из «розовых зон» Хорватской армии, сербских сил территориальной обороны и любых нерегулярных формирований, осуществление надзора за восстановлением власти хорватской полиции и воссозданием подразделений местной полиции пропорционально той демографической структуре, которая существовала в этих районах до начала конфликта, наблюдение за поддержанием правопорядка, продолжение хранения тяжёлой техники подразделений ЮНА, развёртывание сил вдоль линии конфронтации и в «розовых зонах», создание совместной комиссии для осуществления надзора за процессом восстановления власти хорватского правительства в «розовых зонах».

Осуществление задач миротворцев столкнулось с серьёзными противоречиями в трактовке сторонами роли СООНО на этой территории. Сербь, используя защиту СООНО, продолжали строительство собственного государства. Подразделения СООНО в секторах помогали сербам в налаживании мирной жизни — раздавали бензин во время посевной, помогали с лекарствами, сотрудничали по хозяйственным вопросам. Это не могло не вызвать тревогу у официальных хорватских властей, понимавших, что ин-

теграция этих областей в Хорватию может затянуться. Поэтому правительство Хорватии настаивало на скорейшем воссоединении этих территорий с Хорватией в соответствии с её международно признанными границами и на возвращении хорватских беженцев и перемещённых лиц в свои дома в районы, охраняемые ООН. Для осуществления этих целей Хорватия использовала все возможные способы, включая и военные.

Дипломатические методы правительства Хорватии включали в себя письма Генеральному секретарю, заявления и обращения в Совет Безопасности с просьбой изменить содержание мандата СООНО. В 1993 и 1994 гг. Хорватия пыталась активно повлиять на решение вопроса, поднимая в средствах массовой информации кампанию против продления мандата «голубым каскам». В Загребе Штабу миротворцев никогда не давали забыть о тяжёлой судьбе Хорватии, о «сербском агрессоре», об обездоленных беженцах. Вокруг Штаба выросла «стена жалости» из кирпичей, на каждом из которых было написано имя погибшего или пропавшего на войне хорвата. На ней и около неё постоянно горели скорбные свечи. Около ворот Штаба часто митинговали женщины в чёрном. Особенно активными (с помощью правительства) были беженцы. Они проводили многочисленные пикеты, устраивали многодневные блокады на дорогах, ведущих в сектора, постоянно обращались с петициями к руководству СООНО.

Используя мирное время для наращивания вооружённых сил, Хорватия не только угрожала вооружённым вторжением на территорию, охраняемую ООН, но и осуществляла свои угрозы. В январе 1993 г. Хорватия напала на РСК в районе моста у Масленицы (Масленички мост). Хорватское наступление сопровождалось массированным использованием артиллерийского огня и привело к большим разрушениям и гибели мирных жителей. Были потери и среди миротворцев — двое военнослужащих погибли, четверо получили ранения. Б. Бутрос-Гали в своём докладе отмечал, что «первоначальный успех СООНО по размещению тяжёлого оружия сербских сил территориальной обороны в хранилищах с системой "двойного замка" был сведён на нет после наступления хорватской армии 22 января 1993 г. в южном секторе и прилегающих "розовых зонах"»⁵¹. Неспособность СООНО защитить

местное сербское население от такого нападения привела к тому, что сербские силы территориальной обороны взломали ряд хранилищ и изъяли из них своё оружие, включая тяжёлое, в целях самообороны. Совет Безопасности 25 января в Резолюции 802 осудил действия хорватских вооружённых сил, но наступление хорватских войск продолжалось: они заняли район Масленицы, аэродром Земуник, а 29 января — Перучскую плотину. Перестрелки наблюдались и в других городах — Госпиче, Бенковаце, Оброваце и др. **Эти события показали, что «голубые каски» не способны были выполнить функцию разделения враждующих сторон и преградить путь наступлению хорватских войск. Они просто расступались перед надвигающейся армией. Они не только не могли защитить сербское население, но и сами оказались беззащитными.**

Следующей серьёзной пробой хорватских сил и надёжности концепции «голубых касок» было наступление Хорватии в сентябре того же года в районе анклава Медак. Специальные подразделения хорватской полиции вторглись на охраняемую миротворцами сербскую территорию и захватили три сербские деревни. Военнослужащим канадского и французского батальонов СООНО была поставлена задача восстановить контроль над ситуацией в этом районе и предотвратить возможные «этнические чистки» в сербских деревнях. Но хорваты встретили миротворцев огнём. Завязался настоящий бой, который продолжался почти 24 часа. И миротворцы, и хорваты имели потери убитыми и ранеными. По оценкам канадских военных, эта операция была крупнейшей битвой канадской армии за всю послевоенную историю Канады. Когда же подразделениям СООНО удалось прорваться в сербские районы, то они стали свидетелями массовых убийств мирного населения. Информация о зверствах хорватов, которую собрали военные и отправили в штаб СООНО и ООН, была утаена от мировой общественности.

Последующие решения Совета Безопасности изменили политический контекст мандата СООНО в Хорватии, хотя по форме мандат остался без изменений. Первый раз мандат был расширен в Резолюции 762 (30 июня 1992 г.), в соответствии с которым на Силы была также возложена задача осуществления контроля

за восстановлением власти хорватского правительства в районах с большинством сербского населения и контролируемых сербами, но не вошедших в РОООН (так называемые «розовые зоны»). В Резолюции 815, пункт 5 (30 марта 1993 г.), уже недвусмысленно говорилось о том, что территории, охраняемые ООН, «являются составной частью территории Республики Хорватии»⁵². После принятия этой резолюции, которая, по мнению сербов, предreshала исход политических переговоров, сербские власти стали ещё больше противиться какому бы то ни было диалогу.

Несмотря на предпринятые миротворцами энергичные меры по обеспечению вывода хорватских сил, недоверие сербов к СООНО ещё больше усилилось, и они вновь заявили о своём отказе разоружаться. В свою очередь отказ разоружаться, как того требовал план Организации Объединённых Наций по поддержанию мира, не позволял СООНО выполнять другие основные элементы этого плана, в частности «содействовать возвращению домой в безопасных условиях беженцев и перемещённых лиц»⁵³. Когда представители ООН спрашивали Ф. Туджмана о выполнении соглашения по отводу войск из района Масленицы, он уходил от ответа в сторону и обвинял сербов в невыполнении соглашений⁵⁴.

Впервые руководство сербов Краины и Хорватии село за стол переговоров 22 июня 1993 г. в Палате наций в Женеве в присутствии сопредседателей Женевской конференции по бывшей Югославии. По оценке лорда Оуэна, переговоры прошли в позитивной атмосфере, положено начало диалогу. Было достигнуто даже соглашение создать рабочую группу для рассмотрения конкретных политических, экономических и военных вопросов⁵⁵. 15 июля был подписан так называемый Эрдутский договор об открытии понтонного моста в Масленице и выводе хорватских войск с территорий РСК, занятых в результате январского наступления. Краина сдержала своё обещание не препятствовать строительству моста, но вывода хорватских войск не последовало.

В 1993 г. начали обсуждаться экономические вопросы, представляющие интерес для сербской и хорватской сторон, которые касались инфраструктуры, коммуникаций, энерго- и водоснабжения. Стороны пришли к выводу, что следует выработать дого-

ворённость об общих принципах использования энергосистем, особенно электростанции в Оброваце, о введении в действие всей водной системы, восстановлении нефтепровода. Начались переговоры об открытии дорог, в южном секторе удалось добиться небольших сдвигов в направлении сотрудничества по гуманитарным и экономическим вопросам.

В конце 1993 г. вновь осложнилась обстановка в Сербской Краине — Хорватия поставила условия Совету Безопасности: или помочь Хорватии установить власть на всей территории, или вывести «голубые каски», «которые служат щитом для сербского агрессора». Хорватское правительство всё активнее предпринимало меры, призванные подчеркнуть его намерение воссоединить охраняемые ООН зоны с Хорватией: открыло аэропорт в Земунике, Масленицкий мост, за чем не последовал отход армии на прежние позиции. Все это усиливало враждебность и недоверие сербского руководства к СООНО, чувство неуверенности в своей безопасности.

Соглашение о прекращении огня от 29 марта 1994 г., заключённое под эгидой МКБЮ при участии послов США и России в Загребе, положило конец активным боевым действиям между хорватскими правительственными силами и силами сербов Краины. Переговоры по вопросам экономического сотрудничества, длившиеся больше года, закончились подписанием 2 декабря Соглашения о водоснабжении, энергоснабжении, автомобильных дорогах и нефтепроводе⁵⁶.

Я. Акаши отмечал в октябре 1994 г., что Силы ООН по поддержанию мира пришли в Хорватию, чтобы оказать помощь её правительству в реализации соглашения о прекращении огня, которое должно было положить конец жестокому конфликту, унёсшему жизни тысяч людей. «Существовали надежды на то, что с подписанием этого соглашения скоро дело дойдёт и до политического решения. Мало кто тогда мог предвидеть, что и за два с половиной года политическое решение достигнуто не будет, а СООНО все ещё будет здесь»⁵⁷. Силы ООН с этого времени активно ориентировались на решение политических проблем.

Резолюция 947 от 30 сентября 1994 г. продлевала ещё на шесть месяцев и расширяла мандат СООНО в Хорватии — под наблюдением Сил должно проходить восстановление власти в «розо-

вых зонах», соблюдение договора о прекращении огня, добровольное возвращение беженцев. Однако эти процессы протекали вяло, сводились к созданию комиссий по обмену военнопленными, телами убитых, к разговорам по гуманитарным вопросам. Возвращения беженцев в этот период ожидать не приходилось. Наоборот, продолжался под эгидой «голубых касок» отъезд хорватского населения из РСК и сербского — из Хорватии в РСК.

Переговорный процесс между сербской и хорватской сторонами инициировало и возглавляло руководство СООНО. Результатом этой деятельности стало заключение 29 марта 1994 г. Соглашения о прекращении огня, которое должно было стать основой дальнейшего урегулирования ситуации в Хорватии. Этот договор определял порядок вывода войск и техники от линии разграничения за радиус досягаемости, возлагал на СООНО контроль за зоной разъединения и за организацией наблюдения за границей. Однако в середине сентября 1994 г. внимание СООНО, руководства Краины, общественности привлекла неожиданно появившаяся информация о создании «Мини Контактной группы» для глобального решения проблем Краины и интеграции сербских территорий в Хорватию. «Мини КГ» составляли послы США и России в Хорватии П. Гелбрайт и Л. Керестеджиянц, а также представители МКБЮ Кай Айди и Герт Аренс, которые активно занялись подготовкой проекта договора между Хорватией и Краиной. Договор условно был назван «Загреб — 4» или «3 — 4». Он готовился без консультаций с сербами, но, по мысли авторов, должен был удовлетворить все стороны. Фактически план отвергал женеvское соглашение между Краиной и Хорватией от 16 июля 1993 г., согласно которому нормализация отношений включала три этапа — сначала в военной, затем в экономической, а уж потом в политической областях. Но ко времени создания проекта «3 — 4» экономическое соглашение выполнено не было. Хорватские власти ожидали не только конкретный план, но и помощь в его осуществлении. Руководство РСК сразу с подозрением и неприязнью отнеслось к деятельности группы, которая с самого начала носила печать таинственности.

У плана было несколько вариантов, но окончательный был представлен в январе 1995 г. под названием «Проект договора

о Краине, Славонии, Южной Баранье и Западном Среме». Согласно этому плану, в районах секторов «Юг» и «Север» (Книн и Глина) была бы создана автономная область Сербская Краина с высокой степенью автономии (собственная валюта и двойное гражданство). Краина имела бы право на собственный герб и флаг, на употребление сербского языка и кириллицы. К сфере полномочий правительства Краины относились вопросы, связанные с функционированием системы образования, с культурой, благотворительной деятельностью, экономикой, распоряжением местными земельными угодьями, охраной и использованием природных ресурсов, с работой радио и телевидения, с социальной защитой, туризмом, с работой полиции. Предполагалось, что Краина будет иметь свою валюту, а избираемое правительство будет самостоятельно решать вопросы экономического развития. Судебная система в автономии была бы двуступенчатой. Участие в выборах обеспечило бы сербам незначительное представительство в обеих палатах хорватского парламента.

Западная и Восточная Славонии должны были бы интегрироваться в Хорватию в пятилетний период, а сербы получить права национальных меньшинств⁵⁸.

Сербы негативно отнеслись к предложенному плану из-за того, что часть территории становилась хорватской, что в нём не шла речь о возвращении сербских беженцев, что он носил ультимативный характер, а Хорватию не устраивали ни сроки интеграции, ни возможная федерализация страны. РСК требовала продолжения мандата СООНО в Хорватии, а Хорватия не желала его продлевать после марта 1995 г. На позицию сербов, видимо, повлияла и позиция С. Милошевича, который не захотел принять членов «Мини КГ». Разработчики плана оказались в тупике.

Таким образом, в 1994 г. «голубые каски» смогли решить лишь военный аспект мирного соглашения — поддерживался режим прекращения огня, осуществлён отвод, правда, только сербской стороны, за установленные линии разъединения, а сербское тяжёлое вооружение было складировано и находилось под контролем. Сама двухкилометровая зона разъединения находилась под полным контролем сил ООН.

31 марта 1995 г. по решению Совета Безопасности в рамках общей реформы структуры «голубых касок» на территории бывшей Югославии и создания трёх взаимосвязанных структур по поддержанию мира в Хорватии СООНО были преобразованы в Операцию ООН по восстановлению доверия (ООНВД). Но восстановить доверие не получилось. Не дождавшись положительных для себя результатов деятельности миротворцев, Хорватия решила начать присоединение Западной Славонии и Книнской Краины силой в мае и августе 1995 г. Миссия оказалась не у дел.

В ноябре 1995 г. численный состав миссии включал в себя 6581 военнослужащего, 194 военных наблюдателей и 296 гражданских полицейских, которые были расположены в контролируемой сербами Западной и Восточной Славонии, Книнской Краине⁵⁹. Наблюдатели были также размещены на Превлакском полуострове. Хотя перед ООНВД ставились задачи по наблюдению за осуществлением прежних резолюций и соглашений, но актуальны были новые задачи: помощь (доклады и наблюдения) в осуществлении контроля за пересечением международных границ между Хорватией, Боснией и Герцеговиной, а также между Хорватией и СРЮ; содействие доставке гуманитарной помощи в БиГ через Хорватию; контроль за демилитаризацией Превлаки. Миротворцы должны были стать гарантом территориальной целостности Хорватии.

СООНО в Хорватии в итоге не смогли выполнить свою основную задачу — обеспечить мирные переговоры и защитить сербское население от нападения Хорватской армии. Противоречие миротворческой концепции и непоследовательность её осуществления, необъективность в подходе к разоружению сторон, контролю над вооружением, демилитаризации, изменение политического контекста статуса земель под управлением сербов не позволили «голубым каскам» справиться с поставленной задачей.

Видимо, согласившись с требованиями Туджмана Хорватии, ООН уже 10 августа 1995 г. приняла решение вывести войска СООНО из Хорватии. Небольшое количество «голубых касок» осталось лишь в секторе «Восток». Интеграцию Восточной Славонии предполагалось осуществить мирным путём. 12 ноября 1995 г. было подписано Основное соглашение о районе Вос-

точной Славонии, Бараньи и Западного Срема. После создания временной администрации ООН на этой территории мандат ООНВД был прекращён.

Русский батальон. 14 января 1992 г. в Югославию прибыла передовая миссия офицеров связи, среди которых было четыре российских офицера. 6 марта 1992 г. Верховный Совет России принял решение о выделении в состав миротворческих сил ООН одного пехотного батальона.

В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было пять рот. Из 900 добровольцев — 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные — сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта. 17 апреля 1992 г. первые военнослужащие российского специального подразделения прибыли в Белград для несения службы в составе сил СООНО и были размещены в секторе «Восток». Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошёл в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 г., во время так называемого сараевского кризиса, 400 российских миротворцев были переброшены в Сараево, где был сформирован Русбат-2. Всего в сентябре 1994 г. 1349 россиян служили в боевых подразделениях, 17 — в качестве военных наблюдателей и 39 — в гражданской полиции⁶⁰. Длина зоны ответственности Русбата-1 составляла 100 км, а ширина — 50, у соседей — Бельгийского батальона — эти параметры были в два раза меньше. Бельгийский батальон в составе 700 человек, размещавшийся на севере сектора, установил на границе разделения сил девять контрольно-пропускных пунктов, а Русский батальон в составе 858 человек — 62.

Первыми комбатами Русского батальона были Логинов Виктор Николаевич, Аршинов Леонид Григорьевич и Вознесенский Сергей Вячеславович. После того, как батальон разделился, в Клисо Русбатов командовал Кобелев Александр Иванович, а в Сараеве — Воробьёв Виктор Владимирович. Командиром сектора «Восток» с 26 апреля 1994 г. был генерал Перелякин Александр Михайло-

вич, 1945 г. рождения, десантник, выпускник академии им. Фрунзе, работавший ранее военным атташе в Уганде и Чаде.

Зона ответственности Русбата была разделена на зоны разведки сторон, вдоль которых существовало 66 наблюдательных постов. Задачи Русбата — контроль за отводом сторонами артиллерии и танков из 20-километровой зоны, миномётов и зениток из 10-километровой зоны, за разоружением сторон (не должно быть военных формирований). Но на практике — контроль только за сербской стороной, так как на стороне хорватов наблюдательных постов не было. Нашим офицерам было ясно, что и сербская, и хорватская стороны активно готовились к военным действиям, хорваты — к наступлению, сербы — к обороне: рыли траншеи, строили инженерные сооружения.

У хорватской стороны отношения с Русским батальоном складывались непросто. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на контрольно-пропускных пунктах запрещалось вступать в контакт с русскими военными. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 г. командующему сектором «Восток» поступило письмо из Министерства обороны Хорватии следующего содержания: «Сегодня утром члены СООНО (Русбат) в районе между Антуновацем и Бриестом (X- 52500, Y- 40500) обращались к нашим солдатам и приглашали их выпить пиво. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи»⁶¹.

Как вспоминал один из миротворцев, офицер А.М. Сергеев, постоянно приходилось решать совершенно разные вопросы⁶²:

- ▶ разведка по обе стороны линии фронта;
- ▶ контрразведка;
- ▶ планы боевого прикрытия;
- ▶ разработка планов миротворческой операции в соответствии с требованиями резолюций ООН;
- ▶ контроль за выполнением ранее утверждённых миротворческих планов;
- ▶ связь со штабом операции;
- ▶ обеспечение повседневной деятельности штаба сектора;

- ▶ обеспечение повседневной деятельности всех подразделений сектора;
- ▶ перемещение персонала миссии;
- ▶ военно-дипломатические проблемы;
- ▶ дипломатические проблемы;
- ▶ обеспечение безопасной деятельности гражданского персонала ООН;
- ▶ взаимосвязь с различными международными организациями;
- ▶ разработка планов обеспечения жизнедеятельности населения с обеих сторон линии фронта и контроль за их выполнением;
- ▶ проблемы СМИ;
- ▶ проблемы, возникающие в результате тенденциозного воздействия СМИ;
- ▶ гуманитарные проблемы;
- ▶ экологические проблемы;
- ▶ проблемы жилищно-коммунального комплекса населённых пунктов по обе стороны линии фронта;
- ▶ проблемы Международного Красного Креста;
- ▶ проблемы беженцев, возникшие в результате действий хорватской и сербской сторон в предыдущие месяцы и неуклюжих попыток Комиссии ООН по беженцам сделать что-то полезное с точки зрения цивилизованного общества, но без учёта каких-либо местных условий;
- ▶ личные проблемы отдельных граждан, которые по каким-то причинам не хотели официального их решения;
- ▶ личные просьбы и проблемы военного и гражданского персонала миссии ООН;
- ▶ целый ряд других проблем, кажущихся вроде бы не столь важными на данный момент, но неизвестно какой важности в будущем.

В целом русские солдаты, да и офицеры, которые приезжали сюда служить, плохо разбирались во внутривойсковой ситуации, были достаточно изолированы от сербов и хорватов, не были информированы о происходящем, хотя ощущали более тёплое отношение к себе со стороны сербов и полное равнодушие и

даже неприязнь хорватов. В Русбате была очень строгая дисциплина, людей не хватало, солдаты были перегружены работой, времени на прогулки, посещение кафе, изучение языка, поддержание знакомств не было. Батальон обеспечивал наблюдение в зоне разъединения силами, которых было явно недостаточно. Режим для личного состава был крайне напряженным: шесть часов на наблюдательной вышке, шесть — в резерве. Это был, пожалуй, единственный батальон с таким жёстким графиком дежурств, к тому же в районе сплошных минных полей. Лишь через некоторое время контакты офицеров с сербским и хорватским военным руководством позволили оценить ситуацию. Согласно регламенту миротворческой миссии, контроль Русбата происходил только за сербской стороной, что давало искажённую картину провинностей — сообщения в центр шли только о сербских нарушениях. В случае возникновения конфликта, наступления хорватов, вероятность участия Русбата в боевых действиях на стороне сербов или в отражении атак хорватов, по концепции ООН, не предусматривалась. Находясь среди двух огней, российские миротворцы стоически исполняли свой долг, прекрасно при этом понимая, что в случае хорватского наступления им некуда будет отступать.

Осенью 1994 г. в Хорватии военным руководством республики разрабатывались планы военного захвата сербских территорий под защитой СООНО. Русский батальон стал основной преградой для организации таких действий в Восточной Славонии. А именно эту территорию хотелось отвоевать в первую очередь — отомстить за Вуковар, получить плодородные земли, транспортную артерию — Дунай, знаменитые виноградники и винный завод, вернуть многочисленных беженцев в Баранью. Сначала хорваты требовали убрать ООН-овцев из сектора, затем — только россиян. Не вызывает сомнения, что планы хорватов координировались с руководством или СООНО, или НАТО. Во всяком случае, в это время начинаются провокации хорватской стороны на территории ответственности Русского батальона и одновременно кампания очернения Русбата в СООНО — блокада подъездов к сектору «Восток», обвинение русских солдат в спекуляции, низком моральном облике, тайных связях

с сербскими вооружёнными группировками⁶³, выдвижение против Русбата и его командира надуманных обвинений и даже отстранение генерала А.М. Перелякина от должности.

Русбат-2. Русский батальон (две роты) вводили в Боснию и Герцеговину срочно в феврале 1994 г. От скорости размещения батальона зависело, будут или нет бомбить там сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около восьми человек) под командой замполита Евгения Кобозева «влетала» в Грбавицу. Они обосновались в полуразрушенном здании школы милиции. А на следующий день, 20 февраля в 18.00, входил весь батальон. На всём протяжении пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после Второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили ракию. В знак приветствия — три пальца⁶⁴. Сербы помогли с установлением постов, размещением, знакомили с обстановкой. Российские миротворцы были поселены в полуразрушенное здание бывшей милицмейской школы. Русбат не только контролировал линию разграничения, но и охранял два склада со сданным сербским оружием. Мусульмане против наших десантников не раз организовывали провокации. Штаб СООНО, видимо, преднамеренно, обходил своим вниманием российских солдат. Им и зимой не могли вставить стёкла в окна, снабдить горячей водой, регулярно подвозить продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя «такие мелочи» во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах. СООНО не реагировали, когда мусульмане выпустили восемь мин по Русбату 16 мая 1995 г., не последовало никакой реакции ни от штаба СООНО в Загребе, ни от штаба в Сараеве и 16 июля, когда мусульмане захватили 13 русских солдат в заложники. Не пригрозили мусульманам авиаударами за угрозу жизни миротворцам. В Совете Безопасности этот вопрос обсуждать отказались.

Российские десантники были расположены на самом опасном участке — линии разъединения сербских и мусульманских войск. Русбат-2 единственный из всех батальонов, расположенных в Сараеве, стоял непосредственно на линии разделения. С русской стороны соблюдался порядок — на линии разделения

поставлены десять русских наблюдательных постов, а уже за ними, на второй линии — сербские позиции. По другую сторону — французы. Но у них картина иная. На первой линии расположились мусульмане, которые, не уважая зону разделения, всё ближе и ближе подходили к русским позициям, а уже за ними прочно окопались миротворцы-французы.

Миссия СООНО в Боснии и Герцеговине. В мае 1992 г. Б. Бутрос-Гали после некоторого колебания принимает решение «продолжить размещение военных наблюдателей СООНО в Боснии и Герцеговине» в связи с ухудшением ситуации в Республике⁶⁵. Рассматривая положение в БиГ как «трагическое, опасное, ожесточённое и запутанное», он не был уверен, что «голубые каски» смогут принести мир в БиГ. Ведь «развёртывание в Сараеве штаба СООНО отнюдь не предотвратило возникновение жестокого конфликта в этом городе», — недоумевал он⁶⁶. Но уже 8 июня 1992 г. из-за обострения ситуации в Боснии и Герцеговине, из-за продолжающихся вооружённых столкновений, из-за договорённостей сторон, что «аэропорт в Сараеве будет вновь открыт в гуманитарных целях исключительно под эгидой Организации Объединённых Наций и с помощью Сил Организации Объединённых Наций по охране», СБ принимает решение о расширении мандата Сил, об увеличении его численности, развёртывании военных наблюдателей для взятия под свой контроль аэропорта Сараева и обеспечения его функционирования⁶⁷. «СООНО будут обеспечивать непосредственную безопасность аэропорта и его сооружений, управлять работой аэропорта (с использованием, насколько это возможно, его нынешних гражданских служащих), осуществлять контроль за его объектами и организацией, содействовать разгрузке гуманитарных грузов и обеспечивать безопасное передвижение гуманитарной помощи и связанного с ней персонала. Кроме того, СООНО будет контролировать вывод зенитных систем за пределы района досягаемости аэропорта и окрестностей, а также следить за сосредоточением артиллерийских, миномётных и ракетных систем класса «земля-земля» в конкретных районах, которые будут согласованы ими». Предполагалось, что расходы на расширение миссии СООНО в БиГ составят более 20 млн долл. США в первые че-

тыре месяца и около 3 млн долл. каждый последующий месяц⁶⁸. Командующий СООНО генерал Л. Маккензи вспоминал, что силы по защите имели в БиГ одну единственную задачу — «открыть сараевский аэродром Бутмир для приёма гуманитарной помощи, продуктов питания и медикаментов»⁶⁹.

5 июня 1992 г. было подписано соглашение о возобновлении деятельности аэропорта в Сараеве. Сербь согласились передать аэропорт, который фактически держали в своих руках, «голубым каскам». Соглашение подписали представители сербской, хорватской и мусульманской сторон. Стороны договорились вывести с позиций, с которых они могут обстреливать аэропорт, все системы зенитного оружия, артиллерию, миномёты, системы ракет «земля-земля», танки и поставить их под контроль СООНО. Сараево и аэропорт включались в «зону безопасности» под контролем СООНО. 29 июня аэропорт начал работать, принял первый рейс с гуманитарной помощью. 9 июля в аэропорту приземлилось более 100 самолётов из 15 стран, на борту которых находилось более 1000 т продовольствия и гуманитарной помощи⁷⁰.

Последующие резолюции расширяли полномочия миротворцев по доставке гуманитарной помощи в район Сараева и другие районы БиГ, по охране аэропорта, увеличивали их численность. 1 июля 1992 г. началось прибытие Французского и Канадского батальонов, общая численность сектора «Сараево» составила 1104 человек. Ожидался приезд Египетского и Украинского батальонов, обслуживающего персонала из Норвегии и Нидерландов⁷¹.

С сентября 1992 г. деятельность СООНО распространилась на всю территорию БиГ. Условно Босния и Герцеговина была разбита на три участка — сектор «Сараево», сектор «Юго-Запад» с центром в Горни-Вакуфе, сектор «Юго-Восток» с центром в Тузле. Для увеличения объёма поставок гуманитарной помощи на всей территории БиГ в Резолюции СБ 770 и Докладе ГС от 10 сентября 1992 г. отмечалась необходимость создания четырёх или пяти зон, в которых разместятся подразделения СООНО, обеспечивающие «гуманитарные задачи специального характера». Центрами таких зон должны были стать Баня-Лука, Бихач, Добой, Горажде, Мостар, Тузла и Витез.

Миротворцы, получая гуманитарную помощь в аэропорту, доставляли её в районы Боснии и Герцеговины наземным или воздушным транспортом, охраняли автоколонны с гуманитарным грузом. Эта деятельность часто прерывалась на несколько недель из-за блокады дорог одной из сторон, из-за обстрелов аэропорта Сараева и даже из-за вооружённых нападений на автоколонны, из-за ограничения доступа в некоторые районы вследствие наличия заграждений (например, в Горажде, в анклав Маглай/Тесань) или интенсивности конфликта (восточный Мостар). Всё это во многом ослабляло способность международного сообщества эффективно оказывать гуманитарную помощь в условиях безопасности и в соответствии с гуманитарными принципами.

Весной 1993 г. СООНО в БиГ становится инструментом в руках тех, кто стремился к поражению сербских сил, кто решал задачи активизации НАТО, кто подыгрывал мусульманской стороне. Все последующие акции СООНО так или иначе играли на руку только одной стороне конфликта, а вся методология миротворчества в БиГ объективно способствовала расширению, закреплению и утверждению функций НАТО в несвойственной ей системе. Даже доставка гуманитарных грузов использовалась для доставки оружия мусульманам, а самолёты СООНО доставляли грузы Пятой мусульманской армии, изолированно стоявшей в районе Бихача.

После посещения миссией СБ Боснии и Герцеговины в апреле 1993 г. и отмеченных фактов роста гуманитарных проблем и проблем в области безопасности нескольких городов, «подвергавшихся постоянным нападениям со стороны сил боснийских сербов»⁷², Резолюция 824 (6 мая 1993 г.) объявила *создание безопасных или защищённых зон в БиГ*, включив в них мусульманские города и прилегающие к ним районы — Сараево, Тузлу, Жепу, Горажде, Бихач, Сребреницу. Сербь просили включить в этот список ряд сербских городов, постоянно атакуемых мусульманами, но их просьба даже не рассматривалась. В соответствии с этой резолюцией военным наблюдателям СООНО был предоставлен мандат на: наблюдение за выводом из этих городов всех военных или полувоенных формирований сербов

и их отводом от города на безопасное для населения расстояние, наблюдение за гуманитарной ситуацией. Резолюция 836 (3 июня 1993 г.) расширяла мандат СООНО в этих зонах: Силы должны были сдерживать нападение на безопасные районы, наблюдать за прекращением огня, занимать ключевые точки на местности, участвовать в доставке грузов гуманитарной помощи. В реализации этих задач СООНО разрешалось применять силу «как ответ на бомбардировки зон безопасности с любой стороны или на вооружённое нападение на них»⁷³. Дополнительные силы были также развёрнуты в Тузле.

Создание защищённых городов решало одни, но способствовало появлению новых проблем. Резолюции СБ не требовали, чтобы мусульманская армия выводила свои военные или полувоенные подразделения из безопасных районов⁷⁴, поэтому мусульмане использовали эти зоны в качестве плацдарма для обстрела сербских позиций и для вылазок в сербские сёла. 3 ноября 1995 г. Ясуши Акаши признал на пресс-конференции, что «безопасные районы» в Боснии и Герцеговине использовались мусульманским правительством для подготовки и переоснащения армии, что, по сути, провоцировало сербов⁷⁵. Генеральный секретарь предлагал в марте 1994 г. разработать новую концепцию «безопасных районов», которая обеспечила бы проведение всеми сторонами полной демилитаризации, способствовала бы свободе передвижения, выводу тяжёлого оружия и широкому развёртыванию СООНО. Но это требовало увеличения контингента в этих зонах и выделения дополнительных средств. Если же миротворческие Силы начнут сами оказывать противодействие осаждающим силам, то «это привело бы к тому, что они действовали бы в режиме принуждения к миру», а это противоречило в то время концепции ООН⁷⁶. Демилитаризация «безопасных районов», на которой настаивали и сербы, оказалась для ООН делом куда более трудным, чем использование авиации НАТО против сербской стороны.

Тенденция перехода к новой концепции миротворчества проявлялась отчётливо. Б. Бутрос-Гали в начале 1994 г. приветствовал тесное сотрудничество ООН и НАТО, сказав, что уже было согласовано, что НАТО будет *действовать* в случае необходимости, консультируясь с представителем СООНО⁷⁷. Сомнения,

правда, оставались. С формальной точки зрения Генерального секретаря волновал вопрос о том, что в резолюциях Совета Безопасности по Боснии и Герцеговине отсутствовал «чётко сформулированный мандат на принудительные действия»⁷⁸.

После международной конференции по Боснии и Герцеговине, проведённой в Лондоне 21 июля 1995 г., Североатлантический совет утвердил необходимые планы по сдерживанию нападения на «зону безопасности» в Горажде при использовании всей воздушной мощи НАТО, расширив это решение вскоре на Сараево, Бихач и Тузлу. 3 июня 1995 г. в Париже состоялось совещание 16 министров обороны стран-участниц НАТО и Западноевропейского союза (ЗЕС), целиком посвящённое положению в Боснии и Герцеговине. Решено было создать оснащённые тяжёлой боевой техникой, готовые к ведению боев **Силы быстрого реагирования (СБР)** в составе 10 тыс. человек. В истории ООН СБР создавались впервые. Главная их задача определялась как устранение силами НАТО любых попыток воспрепятствовать выполнению задач ООН. Журналистам объяснили, что основная задача этих сил — предупредить, а при необходимости и устранить силовым путём любые попытки воспрепятствовать выполнению задач ООН «голубыми касками». Одновременно в печати появились сведения о том, что всё-таки главной функцией СБР будет наказание «виновных». Объяснять, кто виновный, не требовалось.

16 июня 1995 г. Совет Безопасности принял резолюцию, одобряющую присутствие СБР в составе 12 тыс. в БиГ. При голосовании Россия и Китай воздержались. С.В. Лавров мотивировал это тем, что в тексте Резолюции нет гарантий, что СБР не встанут на одну из воюющих сторон. Однако общей ситуации такая позиция изменить не могла.

Кольцо вокруг сербов в Боснии сжималось. Многотысячные натовские Силы быстрого реагирования с 15 июля должны были приступить к выполнению своих «миротворческих» обязанностей. Активизировалась и деятельность США в Боснии. Группу военных советников в Сараево возглавлял американский генерал Дж. Свол. Офицеры-специалисты США неоднократно прибывали на аэродром Дубровника, обследуя «на всякий случай» его военные возможности. Американские самолёты как у себя дома

садились в Сплите, доставляя сюда в июле 1995 г. военное оборудование: они готовили почву для встречи Сил быстрого реагирования из Великобритании. Американские службы наведения были расположены в нескольких боснийских городах, «оберегая» боснийское небо. Американские офицеры находились и в Македонии. 10 июля американцы начали первые совместные военные учения с Албанией⁷⁹.

Таким образом, к лету 1995 г. НАТО заняла достаточно прочные позиции на всей территории бывшей Югославии, закрепила своё международное положение в резолюциях ООН, максимально расширила свой мандат, а, значит, возможности, проверила взлётные полосы, опробовала систему наведения и даже неоднократно «пристреливалась» к целям, подготовила общественное мнение и заручилась поддержкой многих государств. Сдерживающим фактором оставался только момент принятия решений, или так называемый принцип «двойного ключа», согласно которому решение о применении НАТО силы невозможно без одобрения Генерального Секретаря ООН.

Миссия СООНО в Македонии. Силы СООНО по просьбе македонского правительства были развёрнуты в Македонии в декабре 1992 г. В сентябре 1994 г. в Македонии находилось 1305 миротворцев. Военных было 1169 человек, военных наблюдателей — 19 и полицейских — 26. Военный контингент состоял из Нордического батальона — 621 человек и Американского батальона — 542 человека. Под флагом Нордического батальона служили норвежцы, финны и шведы⁸⁰. Основной задачей миротворцев в этой республике был контроль за развитием событий в приграничных с Сербией и Албанией районах, откуда, по мысли руководства Македонии, стране исходила основная опасность. Мандат СООНО в Македонии носил превентивный характер и предусматривал наблюдение за любыми событиями в пограничных районах, способными подорвать стабильность в Македонии и угрожать её территории, и информирование о них. Руководство ООН считало, что это первое «превентивное» развёртывание персонала ООН по поддержанию мира оказалось успешным и служило для Совета Безопасности важным средством раннего предупреждения.

После реструктуризации СООНО в Македонии в марте 1995 г. их заменили Силы превентивного развёртывания (СПРООН). Содержание мандата осталось прежним — наблюдение за развитием событий в пограничных районах. С 1 февраля 1996 г., после прекращения мандатов ОООНВД и СООНО Силы превентивного развёртывания стали самостоятельной миссией, докладывающей непосредственно в Центральные учреждения ООН в Нью-Йорке.

Конец миротворчества в Хорватии. Отказавшись от переговоров и попыток дипломатическими средствами урегулировать отношения с сербами Краины, руководство Хорватии готовилось решить проблемы военным путём. В мае–августе 1995 г. Хорватская армия провела две молниеносных военных операции по присоединению территории Краины к Хорватии, которые сопровождались массовыми убийствами сербов и, как следствие, уходом сербов из родных мест. Потерпела крушение миротворческая концепция и строившаяся несколько лет система охраняемых ООН районов. В результате мир лицезрел бегство 250 тыс. сербских мирных жителей, которых по дороге с земли и с воздуха расстреливали хорватские военные.

ООН проводила в Хорватии миротворческую операцию с 1992 г. Западная Славония уже в 1991 г. была большей частью «очищена» от сербов. Лишь в её южной части, которая находилась под контролем «голубых касок», ещё оставались сербы. Три года хорватская армия вооружалась, модернизировалась, обучалась. Запрет на поставки оружия для Хорватии не существовал. Силы хорватской армии оценивались в средствах массовой информации по-разному: от 100 до 240 тыс. человек.

Численность сербских войск 18 Западно-Славонского корпуса (один батальон, три пехотные бригады, три отряда, три роты, одна тактическая группа, один артиллерийский полк) составляла 4 тыс. человек. Им помогало вооружённое население сербских сел⁸¹.

Хорватская армия, участвовавшая в операции «Блеск» в Западной Славонии, по оценкам специалистов, составляла 12 тыс. человек⁸². Для наступления были созданы три ударные группировки. Поддержку хорватским подразделениям должны были

оказывать ВВС с аэродрома Плесо (Загреб). Операцией руководил генерал Лука Джанко. Хорватский Генералштаб начал разрабатывать операцию ещё в декабре 1994 г. Планировалось начать наступление одновременно по всей линии фронта, а главные удары нанести на восточном (от Нова-Градишка) и западном направлениях (со стороны Новской) .

В 2.30 ночи 1 мая хорватский командир Оперативной зоны Беловар генерал Лука Джанко направил в СООНО депешу, в которой миротворцы оповещались о том, что «на оккупированной территории бывшего сектора “Запад” скоро можно ожидать возможные военные действия», поэтому им предлагалось отойти в безопасные места⁸³. В СООНО решили, что личная безопасность представителей ООН — это «самый главный приоритет», и потому все наблюдатели были отозваны со своих постов. В штабе не обратили внимание на то, что в депеше сектор назван «бывшим», не предприняли никаких попыток помешать военным действиям или хотя бы предупредить хорватское руководство об ответственности за нападение на позиции СООНО. В 5.30 утра 1 мая хорватская армия начала артиллерийскую подготовку и наступление по трём направлениям — Север, Восток, Запад.

Я. Акаши был обеспокоен случившимся, призывал стороны подписать договор о прекращении огня, считал ситуацию крайне серьёзной⁸⁴. Число беженцев из Западной Славонии составило более 12 тыс. человек. Те люди, которые в первые дни бросились бежать в сторону моста через Саву, попали в засаду около села Доня-Варош. Колонна из 2 тыс. человек была в упор расстреляна хорватской армией.

3 мая Ф. Туджман праздновал великую победу над «сербочетниками» и их «югокоммунистическими» помощниками. А 9 мая 1995 г. Ф. Туджман был почётным гостем России на параде Победы. Из сообщений российского посольства в Загребе видно, что Ф. Туджман не собирался приезжать в этот день в Москву, но, согласно документу Посольства Хорватии в Москве, он всё-таки прилетел в столицу России, но «без паспорта» (?). И посольство просило оказать содействие, чтобы Президент Хорватии беспрепятственно выехал из Москвы 9 мая в 21-00⁸⁵. Российские парламентарии решительно выступали против присутствия

Ф. Туджмана в Москве на Празднике Победы. Думцы С. Бабурин, Ю. Кузнецов, В. Журавлёв и В. Лепёхин считали необходимым отозвать приглашение лидерам Хорватии и БиГ, запятнавших себя пособничеством фашизму. Но телеграмма от них пришла в МИД 6 мая, в Европейский Департамент — 10 мая, а в Департамент по связям с субъектами федерации, парламентом и общественно-политическим организациям МИД РФ только 19 мая...⁸⁶

17 мая Совет Безопасности принял Резолюцию 994, в которой призывал сербскую(!) и хорватскую стороны сотрудничать с миротворческими силами и отвести свои войска от линии разделения. В документе заявлялось о необходимости полного уважения суверенитета и территориальной целостности Хорватии, подчёркивалась необходимость уважать права сербского населения. О жертвах среди мирного населения не упоминалось, а стороны призывались к примирению и доверию, к уважению договора о прекращении огня, а также к экономическому сотрудничеству⁸⁷.

Итак, мир стал свидетелем ужасающей и бесчеловечной агрессии. Какова же была реакция? Возмущены были лишь Москва и Белград. Действия Загреба осудил и Я. Акаши. Посредник ЕС Карл Бильдт заявил, что Ф. Туджман повинен в изгнании сербов и в военных преступлениях⁸⁸. В целом международные организации, как и ведущие державы, остались абсолютно равнодушными к сербской трагедии и многочисленным жертвам. Видимо согласившись с действиями Хорватии, ООН видела свою задачу лишь в обеспечении безопасности беженцев и в выводе «голубых касок» из занятых хорватами районов. Уже 10 августа было принято решение вывести войска СООНО из Хорватии. Всего подлежали эвакуации 12 400 человек. Небольшое количество «голубых касок» оставалось лишь в секторе «Восток», где были дислоцированы русский и бельгийский батальоны. Думается, что, просчитывая операцию, хорватские власти опасались трудностей именно на участке, за который отвечали русские миротворцы. Поэтому, если вспомним, Хорватия настаивала, а СООНО поддерживали планы передислокации Русбата (не удалось), очернения деятельности Русбата и его командования (удалось частично), замены командира сектора русского генерала на бельгийского (удалось).

Россия направила в ООН три протеста с осуждением хорватской агрессии, впервые за четыре года войны оказала существенную гуманитарную помощь сербам. Мир не остановил Хорватию. 28 декабря 1995 г. Совет Безопасности рассматривал вопрос о преступлениях хорватских войск в Краине на основе доклада Генсека ООН о злодеяниях против сербов в Хорватии во время летней агрессии⁸⁹. Россия при поддержке некоторых членов СБ выступила с предложением о принятии специальной Резолюции с осуждением Хорватии. Но обсуждение закончилось безрезультатно, так как этому воспротивились ряд стран. В целом миротворческая концепция на территории бывшей Югославии потерпела фиаско, не выполнив своей главной задачи — предотвращения войны на территории бывшей Югославии и сохранения жизни мирного населения.

Примечания

- ¹ Документ ООН. S/23240.
- ² *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд: Политика, 1995. С. 408.
- ³ *Avramov S.* Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. *Veternik*: LDI, 1997. S. 231.
- ⁴ Документ ООН. S/23280.
- ⁵ Izjava predsednika Republike Srbije S. Miloševića od 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG. Београд, 1991. 31 dec.
- ⁶ United Nations Protection Force.
- ⁷ Документ ООН. S/23836.
- ⁸ Документ ООН. S/RES/749/(1992).
- ⁹ Документ ООН. S/23844.
- ¹⁰ Bilten vesti. М., 1994. 22/23 jan.
- ¹¹ The United Nations and the situation in the former Yugoslavia. NY: United Nations, 1995. Revision 4. S. 47.
- ¹² Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994; The United Nations and the situation... S. 47.
- ¹³ Документ ООН. S/23840.
- ¹⁴ Документ ООН. S/1994/300.
- ¹⁵ Деятельность Организации Объединённых Наций по поддержанию мира. М.: Права человека, 1997. С. 61.
- ¹⁶ Там же. С. 62.
- ¹⁷ Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.
- ¹⁸ Bilten vesti. М., 1994. 10 jan. S. 2.
- ¹⁹ Рассказ бельгийского офицера // Сербия. Белград, 1996. Январь, № 26. С. 28–30.
- ²⁰ *Овен Д.* Улазак у босански лонац // НИН. Београд, 1995. 8 дец. № 2345. С. 50.

- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 *Рибџић Н.* Човек, који силовао лаж // Јавност. Сарајево, 1994. 29 окт. № 190. С. 11.
- 24 *Станишић С.* Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // Политика. Београд, 1993. 6 мај (8).
- 25 Там же. 4 мај (6); 5 мај (7).
- 26 Генерал Мекензи: Звали су нас «четнички такси» // Политика. Београд, 1993. 18 март. С. 4.
- 27 Ковачевич Р. Уходит и генерал Рупер Смит // Сербия. Белград, 1995. № 24. С. 35.
- 28 ИТАР ТАСС: Вести Европы. М., 1994. 20 янв. С. 2.
- 29 Мандат генерала Марийона истекал в июне 1993 г., однако в мае он был отозван.
- 30 *Berić G.* Sarajevo na kraju svijeta. Sarajevo: Oslobođenje, 1994. S. 89.
- 31 Вокруг возможной замены генерала Марийона // ИТАР ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 15 апр. С. 16.
- 32 *Щедрунова Е.* «Голубые каски» получили нового командира // Сегодня. М., 1994. 13 янв. С. 4.
- 33 Bilten vesti. М., 1994. 4 jan. S. 1.
- 34 Ibid. 5 jan. S. 4.
- 35 *Ковачевич Р.* Уходит и генерал Рупер Смит... С. 35.
- 36 *Андреев В.А.* Страсти по-сараевски. Из воспоминания участника событий // Наши миротворцы на Балканах. М.: Индрик, 2007. С. 44.
- 37 Bilten vesti. М., 1993. 30 dec. С. 1.
- 38 *Рибџић Н.* Човек, који силовао лаж... С. 12.
- 39 *Zanić Nardini J.* Još jedna pretnja Karadžiću // Vjesnik. Zagreb, 1994. 24 rujan. S. 11.
- 40 Bilten vesti. М., 1995. 24 jun. S. 2.
- 41 Bilten vesti. М., 1995. 28 jun. S. 2.
- 42 Разговор с полковником А.В. Демуренко, записанный 18 июля 1997 г.
- 43 Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.
- 44 Ibidem.
- 45 Ibidem; Документ ООН. S/23844.
- 46 Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.
- 47 Документ ООН. S/25777.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Документ ООН. S/24353. С. 9.
- 51 Документ ООН. S/25264.
- 52 Документ ООН. S/1994/300. С. 4.
- 53 Там же.
- 54 Документ ООН. S/25700. С. 3.
- 55 *Рибникар Д.* Данас у Женеви о новом плану за Босну // Политика. Београд, 1993. 23 јун. С. 1.
- 56 Документ ООН. S/1994/1375.

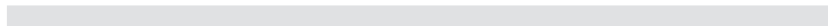
- 57 *Ясуси Акаси*: Мирный план для Хорватии скоро будет готов // ИТАР ТАСС: Серия «СЕ». М., 1994. 21 окт. С.4.
- 58 *Nacrt Sporazuma o Krajini, Slavoniji, Južnoj Baranji i Zapadnom Sremu* // *Međunarodna politika*. Beograd, 1995. N 1031. Prilog. S. 13–24.
- 59 Деятельность Организации Объединённых Наций по поддержанию мира. М.: Права человека, 1997. С. 65.
- 60 Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994. S. 2.
- 61 Документ UNPROFOR.
- 62 *Сергеев А. М.* Мы — первые. Записки миротворца. Ч. II // Югославия: Участники событий вспоминают / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 161–163.
- 63 *Кривопапов А.* Российский батальон в Хорватии пьёт вино и обнимает девочек, утверждает лондонская газета в статье о российском миротворческом подразделении // *Известия*. М., 1994. 6 марта. С. 5.
- 64 Жест православных сербов. Он подтверждает, что они крестятся тремя пальцами, а не ладонью, как католики.
- 65 Документ ООН. S/23900. С. 5.
- 66 Там же. С. 10.
- 67 Документ ООН. S/RES/758/(1992).
- 68 Документ ООН. S/1994/173. С. 2. Add. 1, с. 2.
- 69 *Станишић С.* Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // *Политика*. Београд, 1993 (2).
- 70 Документ ООН. S/23900. С. 5; Документ ООН. S/24263. С. 4.
- 71 Документ ООН. S/24263. С. 3.
- 72 Документ ООН. S/1994/300. С. 10.
- 73 Документ ООН. S/RES/836/(1993).
- 74 Документ ООН. S/1995/444. С. 11.
- 75 *Ясуси Акаси*: Боснийские сербы были спровоцированы мусульманским правительством // ИТАР ТАСС: Серия «СЕ». М., 1995. 8 нояб. С. 7.
- 76 Документ ООН. S/1994/300. С. 12.
- 77 Там же. С. 16.
- 78 Документ ООН. S/1995/444. С. 19.
- 79 *Фадеев Е.* Босния: обострение обстановки // *Правда*. М., 1995. 12 июля. С. 7.
- 80 Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994. 14 с.
- 81 Српска Западна Славонија, мај 1995: Изгон. Жртве агресије Хрватске војске на Републику Српску Крајину. Београд/Цетиње: Веритас/Светигора, Подгорица: Победа, 1998. С. 83.
- 82 *Фадеев Е.* Хорватский блицкриг // *Правда*. М., 1995. 6 мая. С. 3; Српска Западна Славонија мај 1995: Изгон... С. 83.
- 83 Там же. С. 64.
- 84 Там же. С. 67.
- 85 Архив внешней политики РФ. Ф. 893. Референтура по Хорватии. О. 3. П. 2. Д. 1. Л. 14.
- 86 Там же. Л. 47.

⁸⁷ Документ ООН. S /1995/994.

⁸⁸ Memorandum o etničkom čišćenju i genocidu protiv srpskog naroda u Hrvatskoj i Krajini // Jugosl. pregled. Beograd, 1995. G. 39. N 3. S. 93.

⁸⁹ Документы ООН. S /1995/730; A/50/727.

ЧАСТЬ 3



IN MEMORIAM

**Акоп Арутюнович Улунян.
Жизнь в науке.
К 100-летию со дня рождения**

2024 год был юбилейным не только для Кючук-Кайнарджийского мира, но и для нашего покойного коллеги, незабвенного Акопа Арутюновича Улуняна, столетие которого мы отметили 8 марта 2024 г. Мы не устраивали специальной конференции или «круглого стола» в связи с этим событием, так как сочли возможным и логичным представить научный портрет Акопа Арутюновича в рамках конференции, посвященной началу Восточного вопроса и его изучению в отечественной историографии. Ведь ученый внёс немалый личный вклад в исследование данной проблемы на заключительном этапе Восточного вопроса, а именно в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003) — яркий представитель отечественного славяноведения второй половины XX в. Он один из тех, кто своими трудами создавал советскую и российскую болгаристику, устанавливал и развивал связи с болгарскими учеными. Однако эта бесспорная констатация не отражает в полной мере ни тот вклад, который Акоп Арутюнович внес в науку, ни его место в истории русско-болгарских контактов указанного периода, ни его роль в формировании удивительной, неповторимой атмосферы в научном коллективе Института славяноведения и особенно Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, в котором он трудился до последних дней своей жизни.

А.А. Улунян родился 8 марта 1924 г. в г. Симферополь в армянской семье. В 1931 г. он вместе с родителями и младшим братом Эдуардом переехал в г. Тбилиси. В июне 1941 г. Акоп Арутюнович закончил среднюю школу и поступил на первый курс

Тбилисского юридического института. Но шла война, и в октябре 1942 г. он был призван в армию, где прослужил до февраля 1946 г. До ранения, которое он получил в сентябре 1943 г., он находился на Северо-Кавказском фронте, а с 1944 г. до окончания Великой Отечественной войны сражался в войсках II-го Украинского фронта, в звании старшего сержанта, в должности командира отделения. Был удостоен наград — медалей «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

После войны Акоп Арутюнович, как и многие его ровесники-фронтовики, вновь стал студентом, на этот раз в Ереване: в 1946–1951 гг. учился на факультете международных отношений Ереванского государственного университета. После его окончания он продолжил учебу в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Ереванского армянского педагогического института им. Х. Абовяна. Но еще до окончания курса обучения, в 1953 г., он был направлен в Москву — в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, для специализации по истории Болгарии.

Научным руководителем Акопа Арутюновича стал один из основателей Института профессор С.А. Никитин (1901–1979), а «родным» научным коллективом — возглавляемый им сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. Главным трудом этого сектора была подготовка фундаментальной публикации документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. 1–3, М., 1961–1967, отв. редактор — С.А. Никитин). Во время этой масштабной, не имевшей ранее аналогов в советской историографии, работы началось формирование научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые и аспиранты, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению развёрнутых именного и географического указателей к этому изданию (и среди них — А.А. Улунян), являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей.

В этой научной среде и началось формирование Улуняна-ученого. Как аспиранту ему была предложена тема «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Она и стала главным направлением его научных исследований на все последующие десятилетия. Данная тема, безусловно, была обеспечена источниками, многочисленными и первоклассными, так как во время работы над публикацией «Освобождение Болгарии...» в архивах, центральных и региональных, был выявлен огромный корпус документов, до этого не известных ученым. Разумеется, многие из них не вошли в публикацию, ограниченную листажом, а отправились в «отсев». И эти документы, наряду с уже опубликованными, в том числе и в XIX веке, стали основной источниковой базой будущей диссертации Акопа Арутюновича. Кроме того, ему была предоставлена возможность в течение полугода стажироваться в Болгарии, где он, по его словам, дневал и ночевал в архивах и рукописных отделах библиотек.

В аспирантские годы А.А. Улунян впервые открыл для себя безбрежное море русской периодической печати XIX века и определил значение это вида источников для изучения вопроса о русско-болгарских связях и формировании общественного мнения России по болгарскому вопросу. Первым к прессе как источнику обратился его научный руководитель С.А. Никитин в своих работах 1940–1950-х годов; впоследствии он старался привить интерес к нему и своих учеников. И хотя Акоп Арутюнович отнюдь не идеализировал своего шефа и даже позволял себе, в отличие от большинства «никитинцев», критические высказывания в его адрес, тем не менее, он многое перенял от своего научного руководителя, в первую очередь, в плане методики работы с архивными документами и прессой XIX века.

Думаю, не будет преувеличением утверждать, что ни один из отечественных славистов и балканистов, ни до Акопа Арутюновича, ни после него, не привлекал в своих трудах такого количества периодических изданий, в том числе малоизвестных, региональных. Он всегда работал с источниками неторопливо, методично, добросовестно и при этом щедро делился своим опытом и знаниями с теми, кому это было интересно и необходимо.

После окончания аспирантуры, 22 апреля 1957 г., Акоп Арутюнович был зачислен в штат Института в должности младшего научного сотрудника. Первые его публикации, в том числе ряд статей в Советской Исторической энциклопедии и Детской энциклопедии («Русские и болгары в войне 1877-1878 гг.»), относятся к началу 1960-х годов. Кандидатскую диссертацию, в силу ряда причин, он защитил лишь в 1969 г. и в Болгарии. А в 1971 г. она была издана в виде монографии в Москве в издательстве «Наука» под названием: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Ее он посвятил памяти своего отца — Арутюна Акоповича Улуяна.

Следует отметить, что следующая монография А.А. Улуяна, «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия» (М., 1978), о которой речь пойдет ниже, начинается ссылками на «Тетради по империализму» В.И. Ленина, где он представил «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г.», и одной из главных дат в «Сводке» была обозначена русско-турецкая война 1877–1878 гг. Но эта обязательная в советскую эпоху «марксистская прелюдия» в книге А.А. Улуяна не «отменяет» важности и уникальности события, которому ученый посвятил свое исследование, внося свою лепту в обширную историографию проблемы.

Первая монография Акопа Арутюновича была написана по всем канонам научных трудов того времени — тщательно подобранные цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, классовый подход при анализе событий и характеристике их героев. Иначе в те годы и быть не могло. Нам, жившим в ту эпоху, это всё понятно, а современный читатель, возможно, удивится. Но книга А.А. Улуяна, тем не менее, выделяется среди многочисленных трудов о русско-турецкой войне, она и спустя более полувека после публикации поражает своим материалом — архивным, публицистическим, мемуарным. Именно этот материал, в большинстве своем новый, открытый автором, позволил нюансировать данную тему, ибо общая концепция была задана изначально: великие державы Запада противились освобождению Болгарии, русские освобождали, болгары им помогали.

Одной из заслуг Акопа Арутюновича, на мой взгляд, является то, что он детально, как никто другой до него, с присущими ему,

как исследователю, скрупулезностью, тщательностью и объективностью, изучил те документы, которые были опубликованы еще в царской России. Как известно, после окончания русско-турецкой войны при Генеральном штабе была создана Военно-историческая комиссия, которая занялась сбором материалов для составления ее официальной истории. В результате в 1898–1911 гг. был издан «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» (97 томов в 112 книгах). Наряду с этим Комиссия в 1901–1913 гг. опубликовала в 9 томах «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», а также небольшим тиражом (в 6 томах в 1899–1911 гг.) — «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», содержащие дипломатические документы, связанные с историей и ходом войны. Эти, а также другие опубликованные документы, в том числе Н.Р. Овсяным в начале XX в., стали ценным источником для исследований А.А. Улуняна. В этой же книге Акоп Арутюнович впервые широко использовал прессу периода войны — 26 русских газет и журналов и 8 болгарских изданий.

Главной его исследовательской задачей стало «показать действие болгарского народа русским войскам, которое выражалось в участии болгар в разведке, формировании чет, организации народной милиции, строительстве дорог и оборонительных сооружений, оказании материальной помощи русской армии»¹.

В монографии Акоп Арутюнович, прежде всего, представил предысторию войны, обратив особое внимание на международный аспект и развитие болгарского освободительного движения, включая Апрельское восстание 1876 г.

Исследуя вопрос о подготовке к войне, автор подробно остановился на деятельности полковников Генерального штаба Н.Д. Артамонова и П.Д. Паренсова (впоследствии он стал первым военным министром Болгарского княжества — в 1879–1880 гг.) — по усовершенствованию разведсети, а в дальнейшем по формированию чет, подбору болгарских проводников и переводчиков для частей Действующей армии.

Одной из главных проблем для А.А. Улуняна явилась проблема создания и функционирования Болгарского ополчения.

Сюжеты, связанные с ним, были уже хорошо изучены болгарскими историками. Тем не менее, ученый, благодаря привлечению новых источников, внёс свой вклад в историографию. Участие Болгарского ополчения в военных действиях Акоп Арутюнович считал одним из видов помощи болгар русской армии.

Как известно, во время русско-турецких войн XVIII–XIX вв., как правило, способствовавших подъему национально-освободительного движения балканских народов, перед правящей элитой Российской империи всякий раз вставал вопрос об использовании помощи со стороны местного населения. При этом, как пишет А.А. Улунян, «...страх, что вооруженное выступление может перерасти в классовую борьбу и принять нежелательный царизму национальный и социальный характер, сдерживал правительство»². Военное же руководство думало иначе, но было вынуждено подчиняться высочайшей воле. Поэтому при создании Болгарского ополчения вооруженные части болгар, стремившиеся внести свой вклад в освобождение родины, ставились под контроль. Акоп Арутюнович в книге привел немало ярких эпизодов из истории русско-турецкой войны, связанных с деятельностью Болгарского ополчения, которая заслужила самой высокой оценки русских военачальников.

В качестве второго вида помощи болгар русской армии ученый выделил формирование чет для ведения партизанской войны. В связи с этим он подробно остановился на позиции полковника Г.И. Бобрикова, полковника Н.Д. Артамонова и дипломата М.А. Хитрово по данному вопросу.

Огромное значение, как показал А.А. Улунян, имела материальная помощь болгар русской армии. «Она выражалась в бескорыстном, добровольном и в большинстве своем безвозмездном снабжении русской армии продовольствием и фуражом*, в предоставлении помещений для госпиталей, транспорта и тягловой силы, в уходе за ранеными и больными солдатами, в постройке и исправлении оборонительных сооружений, телеграфных линий, дорог, мостов и т.п.»³.

* В связи с плохой организацией интендантской службы помощь болгар и военные трофеи были очень кстати.

Проанализированные в книге документы позволили Акопу Арутюновичу сделать вывод о том, что во время войны болгарский народ не был пассивным и инертным созерцателем событий, а активно включился в борьбу за своё освобождение и оказывал посильную помощь русским войскам. Таким образом, ученый опроверг тенденциозные утверждения западной историографии о пассивности болгарского народа в войне.

Специальную главу своей монографии Акоп Арутюнович посвятил освещению в русской периодической печати национально-освободительной борьбы болгарского народа. Впоследствии это стало традиционным аспектом его трудов. Ученый анализировал прессу по направлениям: консервативное, либеральное и демократическое, как это было принято в советской исторической науке; привлек он и зарубежную народническую печать. В рассматриваемых изданиях им были выделены следующие ключевые, по его мнению, вопросы: 1. Гайдучество и его роль в истории освободительной борьбы болгар и в период войны 1877–1878 гг. 2. Характеристика ряда болгарских деятелей — Г. Раковского, С. Караджи, Х. Димитра, П. Хитова, воеводы Цеко Петкова («Балканского орла») и др. 3. Политические направления в болгарском освободительном движении («старые» и «молодые»).

Вышеперечисленные достижения А.А. Улуняна в изучении поставленных в монографии задач позволили этому труду занять достойное место в обширной историографии проблемы*, а его автор был признан в профессиональном плане серьезным исследователем своими коллегами, в том числе в Болгарии.

Завершая рассмотрение этой книги, хотелось бы остановиться на одном моменте. В ней, на мой взгляд, впервые проявился особый дар Акопа Арутюновича, отличавший его от других ученых. А.А. Улунян был уникальным человеком и историком. Он обладал исключительно эмоциональным восприятием окружающего мира и переносил его на события прошлого, в данном случае русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

* Предшественниками А.А. Улуняна в плане изучения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освободительного движения болгарского народа являлись: в советской историографии — П.К. Фортунатов, Н.И. Беляев, В.Д. Конобеев; в болгарской — акад. Д. Косев, Г. Георгиев, В. Топалов, Й. Митев, А. Анчев, В. Хаджиниколов, Г. Тодоров, Хр. Христов и др.

Я познакомилась с ним в 1971 г., когда он только что выпустил эту книгу и уже работал над второй — об Апрельском восстании 1876 г., следовательно, оставался практически в той же теме. Она не отпускала его — многочисленные новые факты, регулярно добываемые им в архивах и библиотеках, крепко привязывали его к событиям прошлого. Я помню до сих пор его рассказы — необычайно яркие, познавательные, захватывающие — о сражениях, тайных болгарских обществах, победах и поражениях, о разных исторических деятелях России и болгарских воеводах и апостолах. Иногда мне казалось, что он живет как бы в двух мирах — нашем и том, что остался в веке девятнадцатом. И в последнем он принимал всё так же близко к сердцу, как и в нашем, современном. Он так же негодовал, когда встречал несправедливость, непорядочность, предательство.

Именно редкая эмоциональность Акопа Арутюновича, его особый талант «погружения» в изучаемую им эпоху позволили ему уже в первой его монографии создать ряд ярких портретов исторических деятелей. Следует отметить, что в советскую эпоху это не приветствовалось, хотя открыто и не запрещалось. В монографиях, писавшихся по установленным канонам, был принят более сухой, академичный стиль. И историки старались придерживаться этих правил, чтобы их труды не были определены как легковесные и недостаточно научные. И, тем не менее, некоторые исследователи уже отходили от этих «стандартов» и, следуя за документами, создавали запоминающиеся портреты своих героев, «оживляя», таким образом, далекое прошлое. Одним из этих исследователей был А.А. Улунян, представивший в рассмотренной выше книге короткие, но выразительные и достоверные портреты русских и болгарских деятелей — генерала М.И. Драгомирова, воеводы П. Хитова, русского военного министра Д.А. Милютина, полковника Н.Д. Артамонова и др.

Период после защиты кандидатской диссертации и выпуска первой монографии явился для А.А. Улуняна временем накопления научных знаний и интенсивных архивных поисков. Он много работает в архивах и библиотеках Москвы, регулярно выезжает в командировки «с ученой целью» в Ленинград. Одна за другой появляются в печати, в том числе в Болгарии, его статьи, отличич-

тельной особенностью которых является привлечение открытых им новых документов. В 1970-е годы имя Акопа Арутюновича уже хорошо известно болгарским коллегам, и он принимает активное участие в поддержании и развитии сотрудничества ученых СССР и Болгарии. Благодаря этому сотрудничеству он неоднократно выезжал в этот период в научные командировки в Болгарию, где имел возможность собирать материал в библиотеках и архивах, а также знакомить болгарских специалистов с результатами своих исследований, выступая с докладами на различных научных форумах — съездах, конференциях, симпозиумах.

В 1970-е годы А.А. Улунян интенсивно трудился над написанием своей второй монографии — «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки)», приуроченной им к 100-летию этого значимого события. К сожалению, она вышла не в 1976 г., а только в 1978 г., к 100-летию окончания Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В этой книге, несмотря на заявленный автором очерковый формат, последовательно рассмотрены все составляющие вышеуказанной проблемы. Особое внимание Акоп Арутюнович уделил следующим вопросам: международная обстановка накануне Апрельского восстания, позиция русской дипломатии, стремившейся к мирному решению возникшего кризиса, восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и отношение к нему южнославянских народов и общественности России.

В этой монографии, как и в предыдущей книге, прежде всего поражает ее источниковая база. Собранные по крупицам документы позволили не только рассмотреть предысторию и ход Апрельского восстания, но и внести коррективы в существовавшие ранее представления. Так, обратившись к вопросу о деятельности Христо Ботева и его соратников по Болгарскому Революционному Центральному комитету (БРЦК), Акоп Арутюнович установил местопребывание Ботева с 31 августа по 17 сентября 1875 г., что имело, по убеждению ученого, немаловажное значение для истории подготовки Апрельского восстания. Этот момент был не до конца выясненным и дискуссионным. А.А. Улунян установил, что в это время болгарский революционер находился в России.

Его целью было достать деньги и оружие. «...основываясь на документальных данных, — пишет Акоп Арутюнович, — можно считать несостоятельной бытовавшую до настоящего времени версию о поездке Хр. Ботева в Константинополь в сентябре 1875 г.»⁴.

А.А. Улунян широко привлек такой важный и информативный источник как донесения российских консулов, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Как известно, руководители внешней политики России стремились разрешить кризис на Балканах мирным путем. Однако, как показано автором, в такой возможности сомневались русские дипломатические представители на местах, хорошо знакомые с текущей обстановкой. Так, консул в Адрианополе И.А. Иванов пришел к выводу и сообщил об этом в декабре 1875 г. в Константинополь послу Н.П. Игнатьеву, что «как ни грандиозна мысль сравнять в гражданских правах христиан с турками, выполнение этой мысли немыслимо без употребления Европой материальной силы. Действовать же для проведения политического равенства между христианами и мусульманами только одним дипломатическим давлением на турецкое правительство значило бы идти навстречу взрыву, ранее или позднее, мусульманского фанатизма со всеми его печальными последствиями»⁵.

Хорошо изученную историю Апрельского восстания (подготовка, ход и подавление) Акоп Арутюнович дополнил новыми материалами, среди которых выделяются мемуары его участников и донесения с Балкан российских дипломатов.

Наиболее интересным разделом этой книги, на мой взгляд, является обширная глава «Русская периодическая печать об Апрельском восстании 1876 г.», в которой ученый впервые в историографии широко использовал не только центральные, но и губернские газеты и журналы. Анализ публикаций в изданиях: «Московские ведомости», «Русский мир», «Новое время», «Петербургская газета», «Биржевые ведомости», «Голос» — позволил исследователю сделать обоснованный вывод о значительном интересе русского общества к событиям в Болгарии. Автор особо отметил роль болгар, живущих в России, в распространении сведений о их родине, сражениях, участниках освободительной борьбы.

Публикации о жестоком подавлении Апрельского восстания и целенаправленном истреблении болгарской интеллигенции турками всколыхнули общественное мнение России в пользу активного участия в оказании помощи «страждущим славянам».

Акоп Арутюнович подчеркнул, что в связи со «славянским вопросом» русская периодическая печать переживала настоящий расцвет. События в Болгарии освещались в газетах и журналах ярко, детально, практически каждодневно. В качестве иллюстрации исследователь приводит тщательно подобранные, запоминающиеся цитаты. Например, из «Отечественных записок» (1876 г., № 9): «Никто ни о чём не хочет слушать, ни о чём другом не может говорить, ничего другого не желает читать, кроме известий о том, что **там делается**. В книгах, журналах, газетах, на улицах, в кофейнях, на концертах, в театрах, на железных дорогах, в церквях, школах, на рынках, в кабаках — только и ищут **этого**... Давно прочитанные о славянах книги вновь перечитываются, на новые с жадностью набрасываются...»⁶. И далее. Вас.И. Немирович-Данченко, объездивший летом 1876 г. целый ряд губерний, писал, что «народ сёл и деревень, морской рыболов, волжский судорабочий, самарский и саратовский пахотник, уральский заводской и рудничный батрак, выражал огромное сочувствие “братьям по крови и вере” и не жалел свои крохотные сбережения, чтобы оказать посильную им помощь»⁷.

Не менее ценный материал по этому вопросу содержится в русских провинциальных изданиях. Однако до Акопа Арутюновича ученые их в данном ракурсе практически не исследовали. Проанализировав губернские «Ведомости», выходившие в 1876 г. в Вологде, Воронеже, Владимире, Астрахани, Архангельске, Казани, Пензе, Полтаве, Орле, Саратове, Новгороде, Тобольске, Туле, А.А. Улунян привел конкретные цифры пожертвований жителей этих городов и губерний в пользу южных славян. Именно благодаря его изысканиям эти ценнейшие данные стали достоянием науки — их используют все специалисты, занимающиеся изучением проблемы «Великий Восточный кризис 70-х годов XIX в. и Россия».

Анализ содержания русской периодики в указанный период позволил Акопу Арутюновичу сделать еще один важный вывод:

«Апрельское восстание всколыхнуло русскую общественность в защиту болгарского народа и оказало немалое влияние на правящие круги России, побуждая их к более активной политике... Решение русского правительства об объявлении войны Турции было в значительной мере предопределено воздействием русского общества и боязнью потерять престиж внутри страны»⁸.

В рассматриваемую монографию Акоп Арутюнович включил также небольшую главу об отражении событий на Балканах в 1875–1878 гг. в армянской периодической печати. Я хорошо помню то заседание сектора, на котором обсуждалась эта книга перед утверждением ее к печати на Ученом совете Института. Некоторые члены коллектива недоумевали — зачем эта глава нужна, ведь она явно «выбивается» из общего стройного изложения. В ответ на скептические высказывания Акоп Арутюнович очень эмоционально и твёрдо отстаивал свою позицию, аргументируя ее тезисом о схожести исторических судеб болгарского и армянского народов, о роли России в их освобождении от турецкого ига. И хотя кое-кто из сотрудников, присутствовавших на обсуждении, был против данного замысла автора, он всё же настоял на своем, и в результате книга вышла в том виде, в каком он ее написал.

Следует отметить, что, разумеется, ученый привлек в своей работе ту литературу, которая была издана по данному вопросу в Армении в 1950–1970-е годы. Вместе тем, используя свое знание армянского языка, он детально проанализировал содержание целого ряда армянских периодических изданий, выходивших в России — «Мшак» («Труженик»), «Порц» («Опыт»), «Мегу Айастан» («Пчела Армении»), «Горц» («Дело») и за рубежом — «Армения» (Марсель) и «Масис» (Константинополь). Подобную исследовательскую работу до Акопа Арутюновича никто не проводил, поэтому она так ценна.

Как показало данное исследование А.А. Улуняна, Апрельское восстание широко освещалось в армянской прессе, особенно в «Мегу Айастан», «Мшак» и «Порц». Авторы статей писали о героизме повстанцев, жестокости турецких войск, «кровавых оргиях» над мирным населением; в них звучала и критика в адрес западных держав, особенно Англии и Австро-Венгрии, оказывавших Порте поддержку. Акоп Арутюнович привел яркую цитату

из газеты «Мшак»: «Возможно в Англии, в этой гуманной стране, вскоре будет основан приют для престарелых мух, которые больше не могут добывать себе пищу, тогда как в Болгарии течет кровь тысяч невинных людей и за тысячу флоринов можно купить и поработить тысячу христианских детей...»⁹.

В книге приведены интересные факты о том, что борьба южных славян, в том числе болгарского народа, вызвала большой интерес армянской общественности к болгарской и вообще южно-славянской истории, литературе и культуре. На армянском языке появился целый ряд книг и брошюр с переводами болгарских и сербских поэтов и писателей. Инициатором издания литературы этого плана выступило армянское студенчество Петербургского университета. Свою задачу издатели видели в том, чтобы «революционизировать народные массы посредством исторических параллелей, аналогий»¹⁰.

Особое место в научном творчестве А.А. Улуняна занимает его третья по счету книга — «Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига», изданная в 1994 г. Она носит научно-популярный характер, однако все аспекты проблемы — социально-экономический, политический, военный, общественно-культурный — раскрыты в ней автором на высоком профессиональном уровне.

Очень важно, что Акоп Арутюнович, в виде развернутого предисловия, изложил события в болгарских землях с конца XVIII в., выделил основные этапы национально-освободительного движения болгар и показал особенности политики России в этом регионе, а также участие болгар в русско-турецких войнах XIX века.

Акоп Арутюнович одним из первых обратился к данной проблематике и собрал немало интересных фактов. Из его книги читатель узнаёт, например, что во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. было создано Болгарское земское войско, а болгарские добровольцы участвовали в знаменитом Рушукском сражении 22 июня 1811 г. В 1821 г. болгары приняли участие в повстанческих отрядах А. Ипсиланти и Т. Владимиреску в Дунайских княжествах. А в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. болгарские добровольческие отряды сражались вместе с русскими войсками, а также помогали русским морякам Черноморской гребной флотилии, действовавшей на Дунае. Помощь оказывало и

болгарское население — провиантом и фуражом. «Военные действия русской армии в Болгарии неизменно смыкались с национально-освободительным движением болгарского народа»¹¹, — делает вывод ученый.

Однако русско-болгарские связи складывались и укреплялись, по убеждению А.А. Улуняна, не только во время пребывания русских войск на болгарской территории. Одной из форм этих связей было переселение болгар на юг Российской империи — в Украину и Бессарабию, особенно в конце XVIII — первой половине XIX вв. Впоследствии созданные эмигрантские центры и колонии болгар в России, Валахии и Молдавии «оказали существенную помощь болгарскому национально-освободительному движению»¹².

Не обошел вниманием исследователь и два ключевых вопроса истории болгарского Возрождения: 1. О ходе, характере, формах, движущих силах и вождах (Г. Раковский, В. Левский, Хр. Ботев) болгарского национально-освободительного движения. 2. О роли России в формировании болгарской интеллигенции (обучение в России болгарской молодежи) и шире — о русском влиянии на развитие болгарской культуры. В этой связи в книге приведено высказывание английского историка Р.У. Сетон-Уотсона, который писал: «Несомненное преимущество России основывалось на кровном и религиозном родстве и усиливалось тем обстоятельством, что, несмотря на многочисленные ошибки, она неоднократно приносила жертвы ради христианского Востока, что не делала ни одна другая держава, на нее смотрели как на естественного защитника и освободителя»¹³.

Большое место в рассматриваемой работе уделено Великому Восточному кризису 70-х годов XIX в. и усилиям России решить болгарский вопрос мирным путем, с участием других европейских держав. Убедительно показано, что Англия и Австро-Венгрия не поддерживали справедливых требований восставших народов об автономии или независимости.

Центральная глава книги — третья — посвящена русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Значительный интерес здесь представляют многочисленные материалы о героизме русских солдат, русско-болгарском боевом содружестве и помощи болгар русской армии.

Бывший фронтовик Акоп Улунян, став ученым, много размышлял по всем проблемам, связанным с войнами вообще, в том числе и своей «любимой» русско-турецкой войной 1877–1878 гг. И эти раздумья, несомненно, оставляли след на страницах его трудов. Так, он проявил исследовательский интерес к вопросу об отношении русских войск к турецкому населению и военнопленным и опубликовал очень яркий, в плане эмоциональной составляющей, материал. Из книги Акопа Арутюновича читатель узнаёт, например, что командир XIV-го армейского корпуса предписал командиру 17-й пехотной дивизии, в связи со вступлением русских войск в Варну, которая была сдана турками на основании перемирия, не устраивать никаких торжеств, поощаив самолюбие турецких войск и турецкого населения. И по просьбе турецких представителей в Сан-Стефано, русские не салютовали артиллерийскими залпами в честь заключения мира, чтобы не вызвать панику среди гражданского населения Константинополя. Было немало и других примеров гуманного отношения русских войск к турецкому населению, о чем пишет А.А. Улунян.

В книге также прослеживается деятельность российских дипломатов после войны, подчеркивается значительная роль Русского Гражданского управления, созданного на освобожденных болгарских землях, в становлении болгарской государственности. Управление за девять месяцев своего пребывания в Болгарии, как показал Акоп Арутюнович, «проделало колоссальную созидательную работу»¹⁴.

И в этой монографии ученый привлёк, в качестве одного из основных источников, русскую периодическую печать, отражавшую болгарскую тематику. «Мы далеки от утверждения, — пишет он, — что создание либеральной Тырновской конституции стало возможным только благодаря выступлениям демократической и либеральной печати, но нельзя отрицать и существенного значения прессы в формировании общественного мнения, к которому не могли не прислушиваться правящие круги России»¹⁵.

Последним крупным трудом А.А. Улуныана стал вышедший в 1996 г. двухтомный биобиблиографический словарь «Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв.», который он посвятил светлой памяти своих болгарских коллег — Бориса Матеева, Цонко Генова и Ангела Накова.

Внимательно проштудировав Словарь при подготовке этого очерка, смею утверждать, что в отечественной историографии конца XX в. только Акоп Арутюнович мог создать такую масштабную, высочайшего научного уровня работу, материал для которой он тщательно, буквально по крупицам собирал, обрабатывал и классифицировал на протяжении всей своей научной жизни. Сам автор так объяснял необходимость создания биобиблиографических словарей, в том числе своего: «Истории болгарского освободительного движения посвящена огромная историография, важное место в ней занимает справочная литература. Развитие исторической науки требует особого внимания к сбору материалов по персоналиям и статистической их обработке. Исследователь, занимающийся изучением истории национально-освободительного и революционного движения, не может обойтись без биобиблиографических словарей»¹⁶. Между тем, констатирует А.А. Улунян, в отечественных энциклопедических изданиях опубликовано ограниченное число статей о деятелях болгарского национально-освободительного движения периода Возрождения и сведения о них носят общий характер. В болгарской историографии существует много изданий, энциклопедий и справочников по данной теме, но в них отсутствует библиография, а из поля зрения авторов выпал определенный круг малоизвестных, а иногда и неизвестных, но, тем не менее, активных участников освободительной борьбы. Сведения о них между тем существуют, их можно найти в многочисленных документах, хранящихся в архивах Болгарии и России, в мемуарной литературе, периодической печати, а также в новейших исторических исследованиях.

В свой Словарь Акоп Арутюнович включил главным образом деятелей национально-освободительного и революционного движения, принимавших участие в двух и более акциях освободительного движения, а также представителей революционных комитетов, участвовавших в собрании в Обориште накануне Апрельского восстания 1876 г. Общее число персоналий — 885 чел. Сведения о них были взяты автором из болгарской и отечественной литературы, мемуаров, энциклопедий, справочников, 15 болгарских и российских архивов, 67 периодических изданий.

Среди представленных в Словаре персоналий нельзя не выделить следующие:

Известный гайдуцкий воевода БАНЧЕВ Тодор, пять сыновей которого участвовали в Апрельском восстании.

ЗАИМОВ Стоян Стоянов — один из руководителей Апрельского восстания, апостол III-го революционного Врачанского округа. Впоследствии являлся председателем комиссии по увековечиванию памяти В. Левского, хранителем музеев и памятников, воздвигнутых в честь героев, освободивших Болгарию.

КЕСЯКОВ Константин Искров, политический и военный деятель, генерал-майор, командир I дружины Болгарского ополчения в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжденный русским орденом св. Владимира IV степени и золотым оружием с надписью «За храбрость».

НИКОЛОВ Райчо Николов — 14-летним мальчиком в 1854 г. он переплыл Дунай и известил русское командование о составе турецких войск и их намерении напасть на русские войска. Позднее — один из командиров Болгарского ополчения в войне 1877–1878 гг.

ПЕТКОВ Цеко (1807–1881) — один из старейших воевод эпохи болгарского Возрождения. Его называли «Балканским орлом». Он участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны, а затем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

УЗУНОВ Атанас Цвятков — после гибели В. Левского был назначен БРЦК его преемником. Во время войны 1877–1878 гг. являлся переводчиком в русской армии.

Безусловным достижением А.А. Улуняна является то, что он дополнил архивными данными и материалами периодики биографии уже хорошо известных участников национально-освободительной борьбы и общественных деятелей Болгарии. Среди них: МИНКОВ Тодор (Федор) — общественный и политический деятель болгарской эмиграции в России, многолетний руководитель Южнославянского пансиона в Николаеве, затем, с 1878 г., — в Гродненской губернии. Он был добровольцем в Крымской войне, участвовал в обороне Севастополя.

Дополнил новыми архивными данными Акоп Арутюнович и биографии: ПАЛАУЗОВА Спиридона Николаевича, одного из основоположников изучения истории южных славян в болгарской историографии; воеводы ПЕТКО, гайдуцкого предводителя, затем соратника Дж. Гарибальди и участника Критского восстания 1866–1868 гг. Во время войны 1877–1878 гг. воевода ПЕТКО активно действовал на юге Болгарии, совершая дерзкие набеги на турецкие подразделения. Весьма полно и интересно представлены в Словаре биографии: ФИЛАРЕТОВА Савы Вылчева — участника церковной борьбы в Болгарии, видного общественного деятеля в области просвещения; ХИТОВА Панайота, известного гайдука и воеводы чет, активного участника войны 1877–1878 гг., о котором секретарь русского генерального консульства в Русе в 1875 г. писал в Петербург: «...В Болгарии нет человека популярнее (разумеется, в народе) Хитова, и никого турки не боятся больше него»¹⁷.

Новыми сведениями из фондов Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки дополнил А.А. Улунян биографический очерк о Райко ЖИНЗИФОВЕ, поэте, публицисте, видном деятеле в области русско-болгарских связей, опубликовавшем в русских периодических изданиях около 200 статей, обзоров и заметок, переводчике на болгарский язык «Слова о полку Игореве», который накануне войны 1877–1878 гг. составил для нужд русской армии «Русско-болгарский словарь».

Отличительной чертой Словаря является внимание его автора не только к мужским, но и к женским персоналиям. На страницах этого труда мы встречаемся с именами целого ряда выдающихся болгарок, внесших свой вклад в освобождение родины. Среди них:

БАКАРДЖИЕВА Тодорка Петкова — курьер БРЦК, соратница В. Левского, использовавшая для перевозки секретных писем свои длинные, до пят, роскошные волосы.

ВЕКИЛОВА Евлампия Стоева — также курьер БРЦК, принимавшая участие в подготовке Апрельского восстания.

ВИТАНОВА Бона Ганева — в ее корчме часто скрывались В. Левский, Ст. Стамболов и др.

Легендарная ОБРЕТЕНОВА Тонка Тихова (Баба Тонка) — мать участников национально-освободительного движения из семьи Обретенновых — Ангела, Георгия, Николы, Петра и Петраны. Баба Тонка была курьером БРЦК, перевозила оружие.

Учительница НАЙДЕНОВА Гана Стоилова — принимала участие в подготовке Апрельского восстания, шила униформу для повстанцев, участвовала в стычках с карателями.

ФИЛАРЕТОВА Йордана Николова, жена Савы ФИЛАРЕТОВА — являлась доверенным лицом Софийского тайного революционного комитета, предоставляла в своем доме убежище В. Левскому.

Учительница ФУТЕКОВА Райна поп Георгиева, знаменитая княгиня Райна, как ее называли, участница Апрельского восстания, вышившая по просьбе Г. Бенковского революционное знамя повстанцев, которое она пронесла во главе колонны по Панагюриште.

Отличительной особенностью этого ценного труда является то, что, несмотря на его справочный характер, читатель получает представление о болгарском национально-освободительном движении, его этапах, участниках, ярких событиях, в том числе трагических, о роли России в освобождении Болгарии, помощи болгар русской армии — как если бы он прочел несколько солидных монографий по данной проблеме.

Наряду с работой над Словарем, в 1990-е годы А.А. Улунян вновь интенсивно работает с русской прессой — на этот раз 50-х годов XIX в., ибо решает написать большую работу об отражении в печати этого периода отношения русской общественности к Болгарии и болгарам. Задуманная ученым монография не состоялась, однако он успел подготовить и издать обширную, содержательную статью по этой теме¹⁸, посвятив ее памяти своей мамы — Аракси Петровны Улунян.

Во вступительной части статьи Акоп Арутюнович остановился на тех новшествах, которые определили положение русской периодической печати после революционных событий в Европе

1848–1849 гг. По указу Николая I в этот период был учрежден негласный Комитет по делам печати, которому вменялось в обязанность, «ввиду серьезных упущений цензуры», проверять содержание изданных книг и опубликованных в прессе статей. Но цензура при этом не была отменена, став еще более жесткой. Для 1850-х годов А.А. Улунян выделил в русской печати несколько направлений: **консервативно-монархическое** (газета «Северная пчела», официальная газета военного министерства «Русский инвалид», «Военный журнал», издаваемый Военно-ученым комитетом при Главном штабе, и журнал «Москвитянин», в котором сотрудничали славянофилы, считавшие его наиболее близким им по своему направлению); **либерально-консервативное** («Московские ведомости» М.Н. Каткова, «Санкт-Петербургские ведомости» во главе с А.А. Краевским и «Одесский вестник»). Последний, благодаря своей близости с зарубежными и отечественными центрами болгарской эмиграции, имел возможность одним из первых получать информацию из Болгарии. Ученый в рассматриваемой статье также проанализировал, в плане «болгарской» темы, содержание демократического журнала «Отечественные записки», который в 1850-е годы превратился в умеренно-либеральный орган, и журнала «Современник». Как подчеркнул Акоп Арутюнович, в условиях сильнейшего цензурного давления «Современник» сумел сохранить свои демократические и просветительские позиции, но «в значительной степени потерял свой наступательный, боевой характер»¹⁹.

Уже в начале Крымской войны, когда в июне 1853 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, в русской прессе появились сообщения и обзоры о событиях на Дунайском театре военных действий, а также статьи о вооруженных силах Турции, о современной ситуации в Османской империи, ее законах, административном управлении и т.д. Все эти многочисленные материалы были выявлены и тщательно проанализированы Акопом Арутюновичем. При этом он отметил: «Знакомясь с воспоминаниями, статьями, рецензиями на книги и брошюры времен Крымской войны, ... можно констатировать, что представления Николая I о Турции как о “больном, умирающем человеке” находили отклик среди некоторой части русского общества»²⁰. По мнению исследовате-

ля, «выражая на страницах периодической печати свое негативное отношение к Турции и предвещая ей гибель в ближайшем будущем, пресса выдавала желаемое за действительное»²¹.

На страницах русских изданий, проанализированных А.А. Улуняном, нашел отражение целый ряд вопросов, связанных с Болгарией, прежде всего вопрос о деятельности болгарских эмигрантов в Одессе и Бухаресте в связи с началом войны, а также Г.С. Раковского в Болгарии. Кроме того, автор привел сведения, публиковавшиеся в прессе, о том, как жестоко турецкие власти расправлялись с болгарскими за их сочувствие русским и России во время Крымской войны, а добровольцы из болгар, сербов и греков выражали желание оказать содействие русской армии в случае ее переправы на территорию Болгарии.

В связи с тем, что русские войска должны были отступить из Болгарии, болгарское население Добруджи и Бабадагской области, опасаясь турецких репрессий, выразило желание переселиться в Россию. Русское командование пошло болгарам навстречу. Для этих целей были выделены необходимые средства, и болгарские переселенцы, после карантина, были расселены в болгарских колониях Бессарабии.

В связи с этими событиями внимание русской прессы было привлечено к истории переселенческого движения болгар в Россию, особенно в XVIII — начале XIX вв. А.А. Улунян выделил публикации «Московских ведомостей» (с использованием неопубликованного сочинения П.И. Кеппена «Болгары в Бессарабии»), а также «Письма» Н. Герова в «Одесском вестнике», которые перепечатывали другие издания.

В результате проведенного исследования ученый сделал следующий вывод: «...представленные в русской периодической печати материалы о Болгарии и болгарях времен Крымской войны довольно подробно и в основном компетентно знакомили русскую общественность с историей и культурой болгарского народа. Но они не отличались необходимой полнотой. Так, например, ... отсутствовали материалы о непосредственном участии болгар в Крымской войне». Это, по мнению А.А. Улуняна, объяснялось «слабой организацией корреспондентской службы, запрещением корреспондентам находиться в действующей армии»²².

Последней работой Акопа Арутюновича, опубликованной уже после его кончины, стала статья «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и российская общественность» — в сборнике материалов международной конференции, прошедшей в феврале 2003 г. в Москве²³. Именно с таким докладом он выступил на этой конференции.

Следует отметить, что в 1990-е годы в болгарской историографии появились труды, в которых их авторы, игнорируя исторические свидетельства, всячески стремились умалить заслуги России в освобождении Болгарии, хотя война 1877–1878 гг. ещё не называлась «поработительной», как позднее. Акопа Арутюновича очень огорчала эта новая тенденция, возникшая и развивавшаяся, по его убеждению, в угоду политической конъюнктуры. Разумеется, он, умный, мудрый и опытный человек, понимал причины данных «новшеств» и подобной «модернизации» истории и не сомневался, что со временем объективность вновь восторжествует, но, тем не менее, со свойственными ему эмоциональностью, принципиальностью и неумением жить по двойным стандартам, часто находился в подавленном состоянии. Помню, как однажды он с горечью сказал мне: «Никогда не думал, что доживу до того, чтобы доказывать **болгарам** решающую роль России в их освобождении».

Я присутствовала на том заседании в феврале 2003 г., на котором выступал Акоп Арутюнович. Чеканные, тщательно отредактированные фразы, яркие цитаты... Он всю свою жизнь занимался этой темой, сделал немало открытий в архивах и мог бы говорить об освобождении Болгарии хоть целый день, не глядяывая ни в какие записи, и его бы слушали — так это было интересно. Но он волновался и поэтому, как всегда в подобных случаях, читал доклад по-написанному своим негромким глуховатым голосом. И всем присутствующим было ясно, что это выступление блестящего профессионала, не только четко и аргументированно излагавшего свою позицию, но и готового ответить на любой каверзный, провокационный вопрос, тех, кто предпочёл «забыть» документы, оставить их в XX веке. Акоп Арутюнович был боец, боец во всём, несмотря на болезнь, поэтому с ним предпочитали «не связываться», даже те, кто был

настроен весьма решительно в своих попытках «пересмотреть» историю и умалить роль России в освобождении Болгарии. Иначе они бы рисковали быть публично осмеянными человеком, ученым, чей авторитет в данной области был непререкаем.

На основе этого доклада Акоп Арутюнович написал свою последнюю статью. В ней он привел слова известного болгарского историка Андрея Пантева, выступившего против вышеупомянутых веяний в болгарской историографии: «Помощь России в освобождении Болгарии является неумолимым и незбылемым реальным фактом в болгарской истории, который сегодня в угоду конъюнктуре стремятся принизить некоторые “модернизаторы”». И далее А. Пантев писал: «Россия совершила великую освободительную миссию в Европе. И в данном случае Россия оказалась в большей степени европейским государством, нежели те либеральные общества, которые с безразличием смотрели на многовековые страдания болгарского народа»²⁴.

В своей статье А.А. Улунян, вновь на основе документов, показал различные виды той помощи, которую оказала Россия Болгарии в 70-е годы XIX в. При этом он сделал акцент на конкретных цифрах помощи населения всех губерний и уездов Российской империи «славянскому делу». Ученый привел впечатляющий факт: к концу 1877 г. только на нужды Красного Креста поступило около 10 млн руб.²⁵. Наряду с этим Акоп Арутюнович счел необходимым еще раз подчеркнуть значительную роль русской периодической печати в формировании общественного мнения в защиту славян, в том числе болгарского народа.



Вклад А.А. Улунына в отечественную и мировую болгаристику бесспорен, однако рассмотренными выше трудами ученого он не исчерпывается. Акоп Арутюнович не был кабинетным ученым. Его активная жизненная позиция, природный темперамент, удивительная эмоциональность, постоянное стремление к поиску истины не давали ему покоя и побуждали к действию. К тому же и время, в которое он жил и творил, не предоставляло возможности практически никому, особенно коммунисту, каковым он являлся, отрешившись от суетного мира, проводить

все свои дни в тиши уютного кабинета за письменным столом, в окружении книг и рукописей, и создавать одну монографию за другой. Об этом можно было только мечтать! А в реальности — всевозможные общественные и научно-организационные нагрузки. Кстати, они отнимали у ученых очень много времени, того самого, которое они бы могли весьма продуктивно использовать для своих исследований.

Не исключением был и Акоп Арутюнович. В молодые годы он вместе с другими сотрудниками Института, своими ровесниками, неоднократно выезжал в колхоз на сельхозработы. Среди последующих его общественных нагрузок значатся: агитатор, зав. агитпунктом, зам. парторга сектора, начальник штаба народной дружины Института («дружинники» следили за порядком в городе, в основном по вечерам, помогая, таким образом, милиции).

Наряду с этим, в 1970–1980-е годы Акоп Арутюнович активно участвовал в сопровождении болгарских ученых (в том числе академиков БАН Д. Косева и Н. Тодорова), приезжавших в СССР для участия в различных торжественных мероприятиях, а также для научной работы в рамках межакадемического сотрудничества. Мне, сопровождавшей в эти же годы и в том же формате югославских ученых, не раз приходилось «пересекаться» с Акопом Арутюновичем на данном поприще. И я не могла не видеть, с каким уважением, доброжелательностью и симпатией общаются с ним болгарские коллеги — и рядовые сотрудники, и мэтры с орденами и званиями, как они улыбаются, как искрятся их глаза, когда «на горизонте» появляется А.А. Улунян. Для них он тоже был не только ученым, посвятившим свою жизнь изучению истории их страны. Человеческая составляющая его личности ценилась ими не менее высоко. Не случайно Акоп, как они его называли, был в Болгарии таким желанным, дорогим гостем — и в официальных учреждениях, и в домах его болгарских друзей.

Но главной «общественно-научной» нагрузкой Акопа Арутюновича стала его работа в качестве ученого секретаря советской части Комиссии историков СССР и НРБ, созданной в июне 1968 г. с целью «укрепления и расширения сотрудничества советских и болгарских историков..., организации обсуждения ключевых проблем истории СССР и Болгарии»²⁶.

Председателями советской части Комиссии являлись — акад. Е.М. Жуков (до 1980 г.), с 1980 г. — акад. М.П. Ким, с июля 1988 г. — чл.-кор. (впоследствии — акад.) Г.Г. Литаврин; председателем болгарской части Комиссии — акад. Д. Косев. С 1983 г. Комиссия была включена на правах секции в состав советско-болгарской Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

В рамках Комиссии историков СССР и НРБ была проведена серьезная подготовка мероприятий, посвященных 100-летию Апрельского восстания 1876 г. и Освобождения Болгарии в 1878 г., и др. Заседания Комиссии и научные конференции проходили в Москве, Софии, Варне, Кишиневе, Киеве, Львове. По результатам этих мероприятий выпускались совместные научные труды: «История и культура Болгарии» (М., 1981), «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (М., 1983), «Интернационального и национального в опыте на строительство на социализма» (София, 1985), «Руско-български връзки през векове» (София, 1986).

За 20 лет своей деятельности Комиссия провела 12 пленарных и 5 рабочих заседаний, 15 двусторонних конференций и симпозиумов по актуальным проблемам средневековой, новой и новейшей истории СССР и НРБ²⁷.

Ученым секретарем советской части Комиссии А.А. Улунян трудился (именно трудился, а не числился), начиная с мая 1970 г., в течение 20 лет. Все мероприятия готовились при его активном участии и прошли успешно, в чём была его большая заслуга. Председатели советской части Комиссии акад. Е.М. Жуков и акад. М.П. Ким неоднократно отмечали профессионализм, добросовестность, принципиальность и чувство ответственности Акопа Арутюновича за порученное дело.

За большой вклад в развитие болгаристики и болгарско-советских научных связей А.А. Улунян был удостоен следующих болгарских наград: Орден Кирилла и Мефодия II степени, Орден Кирилла и Мефодия I степени, медаль «100 лет со дня освобождения Болгарии от османского ига».

В советское время по заданию руководства Института Акоп Арутюнович писал много всевозможных справок для директивных органов. Это была еще одна, к тому же очень ответствен-

ная работа, которая отнимала массу времени от научных исследований. Среди этих материалов — записка о трудах болгарских историков об ассимиляторской политике Османской империи по отношению к болгарскому населению (февраль 1986 г.), о турецком национальном меньшинстве в Болгарии (январь 1987 г.) и др.

Ученый много выступал по радио на Болгарию: по случаю 110-й годовщины Апрельского восстания 1876 г. (апрель 1986 г.), 110-й годовщины русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (февраль 1987 г.), а также 110-й годовщины Шипкинской эпопеи (август 1987 г.) и взятия Плевны (сентябрь 1987 г.) и др.

В Болгарии были переведены и изданы две его монографии, опубликованы многие статьи — как в научных изданиях, так и в современной периодике.

В приказе тогдашнего директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова (1930–2005) в связи с 70-летием А.А. Улуныяна (8 марта 1994 г.) говорилось о юбиляре как о «крупнейшем специалисте по истории Болгарского возрождения и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». И это была высокая и заслуженная оценка.

Акоп Арутюнович, фронтовик, очень любил отмечать в секторе День Победы (как правило, это было накануне 9 мая). Во время таких встреч он и сам рассказывал о своей фронтовой жизни, с присущей ему скромностью, и с удовольствием слушал рассказы других ветеранов. И это было так замечательно — смотреть в те моменты на его одухотворенное, молодое лицо.



Возможно, строгий критик, ознакомившись с научным наследием Акопа Арутюновича Улуныяна, скажет, что новые документы и фактография это, конечно, хорошо, но где же обобщающие, теоретические труды, в которых ставятся и исследуются ключевые проблемы истории Болгарии и русско-болгарских отношений? Да, это так — в активе ученого их нет. Но дело в том, что Акоп Арутюнович к этому и не стремился. Свою задачу как исследователя, ту, которая была ему по силам, он видел прежде всего в том, чтобы сделать как можно больше открытий в архивах и библиотеках, собрать как можно больше нового материала по теме, создав таким образом обширную источниковую базу

для изучения комплекса вышеуказанных проблем, в том числе и будущими поколениями российских и зарубежных историков. Для него всегда приоритетным было создание и утверждение нового знания. И в этом плане он был типичным представителем отечественного исторического славяноведения второй половины XX в., когда накопление новых документов и фактов являлось одним из главных направлений деятельности ученых. Это была весьма трудоемкая, протяженная во времени работа, требующая от них профессионализма, самоотверженности, увлеченности и просто любви к изучаемому предмету. Разумеется, и в эти годы было немало исследователей, которые создавали первоклассные теоретические труды, посвященные рассмотрению глобальных проблем, а не конкретно-исторических вопросов. Но А.А. Улунян относился к тем, кого прежде всего интересовала «конкретика», как он говорил. И на этом поприще он трудился всю свою жизнь — трудился честно, самозабвенно, с азартом, невзирая на недуги и жизненные обстоятельства.

Но наука не стоит на месте. И в XXI веке появились исследования, прежде всего М.М. Фроловой, в которых на новых источниках, в отсутствие идеологического диктата, пересматриваются прежние концепции, уже не являющиеся бесспорными. Однако трудам Акопа Арутюновича современные болгаристы отдают должное и используют их в своей работе, считая образцом научной добросовестности и методики работы с архивными документами и другими источниками.

Не следует забывать, что А.А. Улунян был учёным определённой эпохи и в рамках «дозволенного» старался возможно правдиво представлять результаты своих исследований. Это были труды предыдущего этапа развития отечественной науки, без которого не было бы достижений современного периода.

Примечания

¹ Улунян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 5.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 106.

⁴ Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки). М., 1978. С. 47.

- ⁵ Там же. С. 56.
- ⁶ Там же. С. 165.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 197–198.
- ⁹ Там же. С. 184.
- ¹⁰ Там же. С. 188–189.
- ¹¹ Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. С. 13.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 196.
- ¹⁵ Там же. С. 200.
- ¹⁶ Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. Т. I. А–К. М., 1996. С. 5.
- ¹⁷ Там же. Т. II. Л–Я. М., 1996. С. 179.
- ¹⁸ Улунян А.А. Русская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 гг. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995.
- ¹⁹ Там же. С. 165.
- ²⁰ Там же. С. 170–171.
- ²¹ Там же. С. 172.
- ²² Там же. С. 202.
- ²³ Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006.
- ²⁴ Там же. С. 52.
- ²⁵ Там же. С. 57.
- ²⁶ См.: Матеев Б., Улунян А.А. 20-летие Комиссии историков СССР и НРБ // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 169.
- ²⁷ Там же. С. 171–172.

Заключение

Настоящая коллективная монография посвящена исторически чрезвычайно актуальным для Балканского полуострова военно-политическим вопросам. Вошедшие в ее состав очерки по-новому раскрывают различные аспекты политики России на Балканах, анализируют причины, ход и последствия для всего региона многочисленных русско-турецких войн, размышляют над действительной ролью России в судьбах балканских народов. Коллектив Института славяноведения РАН надеется, что книга позволит нашим читателям лучше разобраться в хитросплетениях балканской истории и лучше понять происходящие и сегодня в регионе непростые геополитические процессы.

Резюме

Часть 1. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. в историческом пространстве

Артём Акопович УЛУНЯН

250 лет спустя: Кючук-Кайнарджийский мир в национальных дискурсах некоторых современных государств Юго-Восточной Европы

Аннотация:

Автором анализируются особенности современных национальных дискурсов в Греции, Турции, Румынии и Молдове, касающихся Кючук-Кайнарджийского договора. Несмотря на имеющиеся различия нарратива, общим является его восприятие как серьёзно повлиявшего на историческую судьбу этих государств.

Ключевые слова:

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Россия, Греция, Молдова, Румыния, Турция, дискурс.

Михаил Михайлович ЯКУШЕВ

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. в русской дипломатии и культуре

Аннотация:

Кючук-Кайнарджийский мирный договор оставил яркий след в русской культуре, архитектуре и искусстве, внёс весомый вклад в русскую внешнюю политику, дипломатию и развитие российско-османских отношений, сыграл важную роль во всемирной истории и повысил престиж Российской империи на международной арене.

Ключевые слова:

Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г., Высокая Порта, Константинополь, Екатерина Великая, А.М. Обресков, П.А. Румянцев, Н.В. Репнин.

Елена Петровна КУДРЯВЦЕВА

Строительство Черноморского флота и портов в Российской империи после заключения Кючук-Кайнарджийского мира

Аннотация:

В исследовании прослеживаются этапы строительства Черноморского флота Российской империи после присоединения Крыма и территорий Северного Причерноморья. Уделяется внимание основанию портов — как торгового, так и военного назначения. Впервые приводится архивный материал по учреждению Керченского порта, основное предназначение которого состояло в осуществлении торговли с территориями Северного Кавказа.

Ключевые слова:

Крым, военный флот, торговля, Новороссия, строительство кораблей.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Кючук-Кайнарджийский мир и исторические судьбы Буковины в составе монархии Габсбургов

Аннотация:

История Буковины, исторической провинции, ныне разделенной по этническому принципу между Украиной и Румынией, дает нам пример того, как международный договор, заключенный в XVIII веке по итогам победоносной для России русско-турецкой войны 1768–1774 гг., предопределил последующую судьбу целого края почти на полтора столетия. Северная часть Молдавского княжества, находившегося под сюзеренитетом Османской Порты, была интегрирована в средневропейскую империю Габсбургов и находилась в ее составе вплоть до распада Австро-Венгрии осенью 1918 г. В эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.) политика Вены в автономной Буковине была менее жесткой и более гибкой в сравнении с национальной политикой венгерской бюрократии в Трансильвании в ту же эпоху. Играя в своих интересах на межэтнических противоречиях, венские власти избегали явной дискриминации по национальному признаку и успешно поддерживали политическую и экономическую стабильность в этом полиэтничном крае, население которого за время пребывания под юрисдикцией Габсбургов увеличилось в 10 раз.

Ключевые слова:

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., Буковина, Молдавское княжество, монархия Габсбургов, Румыния, украинские земли, распад Австро-Венгрии.

Часть 2. Войны и миротворчество России на Балканах

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

Отклики в Боснийском вилайете Османской империи на отмену нейтрализации Черного моря (по донесениям консула А.Н. Кудрявцева 1870–1871 гг.)*Аннотация:*

На основании архивных документов и материалов периодической печати автор изучает, какую реакцию в Боснийском вилайете Османской империи вызвали циркуляр министра иностранных дел А.М. Горчакова от 19 (31) октября 1870 г. об отмене нейтрализации Черного моря и итоги Лондонской конференции 1871 г. Российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев подробно докладывал в Посольство в Константинополе и Азиатский департамент МИД о публикациях по этому вопросу в официальном издании «Сараевский цветник» и откликах местного православного населения на данные события.

Ключевые слова:

Черноморский вопрос, Боснийский вилайет Османской империи, газета «Сараевский цветник», А.Н. Кудрявцев.

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Российско-египетская конвенция 1875 г. и каирская школа Абед*Аннотация:*

Во второй половине XIX в. Османская империя стремилась избавиться от устаревших капитуляционных соглашений, тормозивших развитие страны. Однако на этом пути она столкнулась с сопротивлением европейских держав. Созданные в 1875 г. смешанные суды были компромиссным решением, которое потребовало длительной подготовки и подписания двусторонних соглашений, в том числе между Россией и пользовавшимся автономией в составе Империи Египтом. Автор рассматриваются особенности этой конвенции, а также ее действие применительно к каирской школе Абед — единственному египетскому учреждению, пользовавшемуся покровительством российского генерального консульства.

Ключевые слова:

османские исследования, смешанные суды, греки в Египте, внешняя политика России в XIX веке, консульская юрисдикция.

Ирина Михайловна ЗАХАРОВА

Доктор Красного Креста П.Я. Пясецкий и его панорама русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Аннотация:

В очерке речь идет об участии врача Российского Красного Креста П.Я. Пясецкого в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Приводится краткая биография Пясецкого, прослеживается становление его как доктора и художника, дается характеристика его воспоминаний о войне. Отдельное внимание уделено созданному Пясецким уникальному художественному памятнику войне — панораме Болгарии и Турции.

Ключевые слова:

П.Я. Пясецкий, Российское Общество Красного Креста, русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, Турция, Габрово, Адрианополь.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Первая медицинская помощь во время сражений на западном фронте Дунайской армии в 1877 гг.

Аннотация:

В очерке на основании опубликованных официальных документов, воспоминаний, записок участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также материалов еженедельного журнала «Вестник народной помощи», издававшегося в Санкт-Петербурге, рассматривается деятельность передовых и главных перевязочных пунктов, формируемых из полковых и подвижных дивизионных лазаретов, в сражениях у Систова, Никополя, Плевны, Горного Дубняка и Телиша. Неоценимое содействие во время сражений и после них в деле призрения раненых оказало Общество попечения о раненых и больных воинах (Общество Красного Креста).

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., передовые и главные перевязочные пункты, подвижные дивизионные лазареты, военно-временные госпитали, Общество попечения о раненых и больных воинах (Общество Красного Креста), С.П. Боткин, Н.В. Склифосовский, В.М. Бехтерев.

Данила Вячеславович АНДРЯКОВ

**«Прощение еще не есть признание»:
 пребывание болгарской делегации в Санкт-Петербурге
 в июне-июле 1895 г.
 (по материалам русской прессы)**

Аннотация:

Очерк посвящен позиции российских периодических изданий в отношении к болгарской делегации, посетившей в июне-июле 1895 г. Санкт-Петербург. На примере нескольких ведущих газет и журналов показано первоначально неоднозначное отношение органов периодической печати Империи к болгарской делегации, которое к моменту отъезда болгарских гостей сменилось почти полным одобрением итогов болгарской миссии. Автор акцентирует внимание на том, что российская пресса не связывала наметившееся сближение России и Болгарии с официальным восстановлением отношений между двумя странами.

Ключевые слова:

периодическая печать, Россия, Болгария, признание, восстановление отношений.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

**Российские «миротворческие» силы
 на Балканах в начале XX века.
 «Для нас было бы большим благом, если нам удастся
 оттуда благополучно убраться»**

Аннотация:

В очерке на базе документов АВПРИ и РГВИА раскрываются малоизученные в отечественной историографии аспекты деятельности образованной, в соответствии с положениями Мюрцштегской программы, международной жандармерии, в задачи которой входило умиротворение Македонии после Илиденского восстания 1903 г. Показано, что несмотря на все приложенные усилия, прибывшим туда иностранным офицерам так и не удалось установить порядок и мир на данной территории. С начала XX века именно нерешенность македонского вопроса стала предметом противоречий как балканских, так и европейских государств, что вызвало Вторую Балканскую войну 1913 г. и последующее вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии.

Ключевые слова:

Македония, Османская империя, Российская империя, Ф.А. Шостак, Хильми-паша.

Пётр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Россия и Балканские войны 1912–1913 гг.: старые союзники и новые вызовы

Аннотация:

Очерк посвящен ситуации на Балканах после завершения Балканских войн (1912–1913 гг.). Особое внимание уделено политике и интересам России в регионе. Исследование основано на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова:

Европа, Балканы, Россия, великие державы, Балканские войны 1912–1913 гг.

Анна Сергеевна ЛУБОЦКАЯ

Идея религиозного содружества в рамках проекта общепалестинского объединения (1930–1934 гг.)

Аннотация:

В конце 1920-х годов на территории Палестинского полуострова вновь обрела актуальность идея общепалестинского союза, включавшая все сферы жизни общества, в том числе религию. Один из корреспондентов выходившего в Афинах журнала «Ле Палестин» — печатного органа Палестинских конференций (1930–1933 гг.) — албанец Г. Натчи предложил идею религиозного союза палестинских стран, прежде всего их православных церквей. Но была ли возможна подобная «кооперация» с учетом жесткой централизованной позиции Константинопольского патриархата и неутраченной борьбы Фанара с поместными церквями (Албанской и Болгарской)? Как показала действительность, данному проекту, как и многим другим инициативам палестинского миротворчества, не дано было реализоваться.

Ключевые слова:

Балканы, церковь, миротворчество, православие, Греция, Албания, Константинопольский патриархат.

Денис Валерьевич РОДИН

Советский Союз и Балканы в период конференции в Монтрё 1936 г.

Аннотация:

Очерк посвящен участию членов Балканской Антанты (Греция, Румыния, Турция, Югославия) и Болгарии в разработке новой конвенции

о статусе Черноморских проливов в ходе конференции в Монтрё 1936 г. Особое внимание уделено отношениям названных стран с Советским Союзом, чьи дипломаты в середине 1930-х годов выступали за создание в Европе системы коллективной безопасности. На основании анализа этих отношений выявлены факторы, предопределившие поддержку советско-французского проекта конвенции делегациями балканских государств.

Ключевые слова:

Монтрё, СССР, Балканская Антанта, Греция, Румыния, Турция, Югославия, Болгария, Черноморские проливы, международные отношения.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Болгария на рубеже войны и мира. Новые источники и проблема верификации

Аннотация:

На новых документах, опубликованных в результате осуществления совместного двустороннего исследовательского проекта «Великие державы и Болгария. 1944–1947 гг.» (тт. I–II) в 2014 и 2018 гг., рассматриваются некоторые узловые вопросы болгарской истории в контексте сложной международной обстановки на рубеже войны и мира. Документы раскрывают отношения Болгарии с великими державами-победительницами, ход переговоров с бывшим сателлитом гитлеровской Германии о мирном урегулировании и трудный процесс согласования союзниками по антигитлеровской коалиции условий перемирия и конкретных статей, деятельность Союзной контрольной комиссии по выполнению политических, экономических, финансовых, репарационных и военных обязательств Болгарии, проистекавших из Соглашения о перемирии, уяснение мотивации позиций и «поведение» сторон и пр. Публикуемые документы позволяют восстановить и/или уточнить отдельные детали сложного болгарского военно-политического «пазла» и, выделив несколько блоков проблем, верифицировать некоторые устоявшиеся или дискуссионные оценки некоторых событий и конкретных фактов, являющихся в наши дни объектами политизации и конъюнктурного прочтения. Констатируется, что деятельность СКК со всеми ее плюсами и минусами полностью обеспечила выполнение Болгарией Соглашения о перемирии от 28 октября 1944 г., сыграла тем самым огромную роль в подготовке и подписании Парижского мирного договора 1947 г., обеспечив возвращение Болгарии в сообщество суверенных государств и достойное место в международных послевоенных отношениях.

Ключевые слова:

перемирие, советско-болгарские отношения, деятельность СКК, проблема верификации

Елена Юрьевна ГУСЬКОВА

Миротворчество ООН на Балканах в 90-е годы XX века

Аннотация:

Работа посвящена опыту проведения миротворческой операции ООН на территории бывшей Югославии. ООН приняла решение об этом в декабре 1991 г. Размещение сил СООНО в Хорватии началось в апреле 1992 г. Автор приводит точные данные о количестве миротворцев на территории Хорватии, а потом и в БиГ, описывает зоны их размещения, основные цели и задачи «голубых касок». Кроме того, в работе описываются проблемы, с которыми сталкивались миротворцы, необъективность руководства ООН, ставившего миротворцам задачи на Балканах. Автор приходит к выводу, что «голубые каски» не были способны выполнить функцию разделения враждующих сторон в Хорватии и преградить путь наступлению хорватских войск. Они просто расступались перед надвигающейся армией. Они не только не могли защитить сербское население, но и сами оказались беззащитными. В целом миротворческая миссия на территории бывшей Югославии потерпела фиаско, не выполнив своей главной задачи — предотвращения войны на территории бывшей Югославии и сохранения жизни мирного населения.

Ключевые слова:

ООН, миротворцы, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина, русский батальон.

Часть 3. IN MEMORIAM

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Акоп Арутюнович Улунян. Жизнь в науке. К 100-летию со дня рождения

Аннотация:

Автор подробно прослеживает научный путь видного советского и российского учёного-болгариста Акопа Арутюновича Улуняна (1924–2003) в связи с памятной датой — столетием со дня его рождения. Являясь аспирантом (с 1953 г.), а затем сотрудником Института славяноведения (с 1957 г.), А.А. Улунян внёс значительный вклад в развитие отечественной болгаристики по проблеме «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и роль России в Освобождении Болгарии», а также в становление связей с болгарскими учёными, которые высоко оценивали его труды и многогранную научно-общественную деятельность, пре-

жде всего работу (в 1970–1990 гг.) на посту учёного секретаря советской части Комиссии историков СССР и НРБ, созданной в 1968 г.

В очерке отмечаются заслуги А.А. Улунына в поисках, исследовании и публикации новых архивных документов в хранилищах СССР/России и Болгарии. Наряду с этим подчеркивается, что современные болгаристы, пересматривающие прежние, не бесспорные, концепции, отдают должное трудам А.А. Улунына, считая их образцом научной добросовестности и методики работы с архивными документами и другими источниками.

Ключевые слова:

Акоп Арутюнович Улуныан (1924–2003), научные связи учёных СССР/России и Болгарии, русско-турецкая война 1877–1878 гг., освобождение Болгарии, Институт славяноведения РАН, болгаристика.

Summary

PART 1. THE TREATY OF KÜÇÜK KAYNARCA of 1774 IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Artem Akopovich ULUNYAN

250 years later: the Treaty of Küçük Kaynarca in the national discourses of some modern states of South-Eastern Europe

Abstract:

The author analyzes the features of current national discourses in Greece, Turkey, Romania and Moldova regarding the Treaty of Küçük Kaynarca. Despite the existing differences in the narratives, they are united the perception of the treaty as having a serious impact on the historical fate of these states.

Keywords:

Treaty of Küçük Kaynarca of 1774, Russia, Greece, Moldova, Romania, Turkey, discourse.

Mikhail Mikhailovich YAKUSHEV

The Treaty of Küçük Kaynarca of 1774 in Russian diplomacy and culture

Abstract:

The Peace Treaty of Kuçuk Kaynarca had notable impact on the Russian culture, architecture and art, made a significant contribution to the Russian foreign policy, diplomacy and the development of the Russian-Ottoman relations, played an important role in the world history and international relations, as well as increased the prestige of the Russian Empire in the international arena.

Keywords:

the Treaty of Küçük Kaynarca 1774, the Russian Empire, the Sublime Porte, Constantinople, Catherine the Great, A.M.Obreskov, P.A. Rumiantsev, N.V. Repnin.

Elena Petrovna KUDRYAVTSEVA

Construction of the Black Sea Fleet and Ports after the Treaty of Küçük Kaynarca

Abstract:

The study traces the stages of construction of the Black Sea fleet after the annexation of Crimea and the territories of the Northern Black Sea region. Much attention is paid to the founding of the ports, both commercial and military ones. Archival materials on the establishment of the Kerch port, the main purpose of which was to carry out trade with the territories of the North Caucasus, are revealed for the first time.

Keywords:

Crimea, military fleet, trade, Novorossiya, shipbuilding.

Alexander Sergeevich STYKALIN

The Treaty of Küçük Kaynarca and the historical fate of Bukovina as part of the Habsburg Monarchy

Abstract:

The history of Bukovina, a historical province now divided along ethnic lines between Ukraine and Romania, represents an example of how an international treaty concluded in the 18th century, following the results of the Russian-Turkish war, which was victorious for Russia, predetermined the subsequent fate of the entire region for almost a century and a half. The northern part of the Principality of Moldova, which earlier had been under the suzerainty of the Ottoman Porte, was integrated into the Central European Habsburg Empire and remained part of it until the collapse of Austria-Hungary in the fall of 1918. During the era of Austro-Hungarian dualism (1867–1918), Vienna's policy in autonomous Bukovina was less harsh and more flexible in comparison with the Hungarian bureaucracy's national policy in Transylvania in the era of dualism. Playing to their advantage on interethnic contradictions, the Viennese authorities avoided obvious discrimination based on nationality and successfully maintained political and economic stability in this multi-ethnic region, whose population increased 10-fold during the decades under the jurisdiction of the Habsburgs.

Keywords:

Treaty of Küçük Kaynarca, Bukovina, Principality of Moldova, Habsburg monarchy, Romania, Ukrainian lands, collapse of Austria-Hungary.

PART 2. RUSSIA'S WARS AND PEACEKEEPING IN THE BALKANS

Ksenia Valerievna MELCHAKOVA

Responses in the Bosnian Vilayet of the Ottoman Empire to the cancellation of Black Sea neutralization (based on the reports by Consul A.N. Kudryavtsev, 1870–1871)

Abstract:

Based on archival documents and periodical press materials, the author studies the reaction in the Bosnian Vilayet of the Ottoman Empire caused by the circular of the Minister of Foreign Affairs A.M. Gorchakov dated October 19 (31), 1870 on the abolition of the neutralization of the Black Sea and the results of the London Conference of 1871. The Russian Consul in Sarajevo A.N. Kudryavtsev reported in detail to the Embassy in Constantinople and the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs on the releases on this issue in the official published work under the title “Sarajevo Flower Garden”, as well as the responses of the local Orthodox population to these events.

Keywords:

The Black Sea issue, the Bosnian vilayet of the Ottoman Empire, the newspaper Sarajevsky Tsvetnik, A.N. Kudryavtsev.

Olga Evgenievna PETRUNINA

The Russian-Egyptian Convention of 1875 and the Abed School in Cairo

Abstract:

In the second half of the 19th century, the Ottoman Empire sought to get rid of the outdated capitulation agreements that were holding back the country's development. However, it encountered resistance from the European powers. Opened in 1875, the mixed courts became a compromise that required lengthy preparation and the signing of bilateral agreements, including between Russia and Egypt, which enjoyed autonomy within the Empire. The article examines the specifics of this convention, as well as its application to the Cairo Abed School, the only Egyptian institution that enjoyed the patronage of the Russian Consulate General.

Keywords:

Ottoman Studies, Mixed Courts, Greeks in Egypt, Russian Foreign Policy in 19th c., consular jurisdiction.

Irina Mikhailovna ZAKHAROVA

Red Cross Doctor P.Ya. Pyasetsky and his panorama of the Russo-Turkish War of 1877–1878

Abstract:

The essay is devoted to the participation of P.Ya. Pyasetsky, a doctor of the Russian Red Cross, in the Russo-Turkish War of 1877–1878. It provides a brief biography of Pyasetsky, traces his development as a doctor and artist, and describes his memories of the war. Special attention is paid to Pyasetsky's unique artistic monument to the war, a panorama of Bulgaria and Turkey.

Keywords:

P.Ya. Pyasetsky, Russian Red Cross Society, Russo-Turkish War 1877–1878, Bulgaria, Turkey, Gabrovo, Adrianople.

Marina Mikhailovna FROLOVA

First aid during the battles on the western front of the Danube Army in 1877

Abstract:

Based on published official documents, memoirs, and notes of the participants in the Russo-Turkish War of 1877–1878, as well as materials from the weekly magazine *Vestnik Narodnoy Pomoshchi*, published in St. Petersburg, the essay examines the activities of front line and main field dressing stations formed from regimental and mobile divisional infirmaries in the battles of Sistov and Nikopol, Plevna, Gorny Dubnyak and Telish. The Care Society for the Wounded and Sick Soldiers (Red Cross Society) provided invaluable assistance during the battles and after them in caring for the wounded.

Keywords:

Russo-Turkish War of 1877–1878, advanced and main dressing stations, mobile divisional infirmaries, temporary military hospitals, Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers (Red Cross Society), S.P. Botkin, N.V. Sklifosovsky, V.M. Bekhterev.

Danila Viacheslavovich ANDRIAKOV

**“Forgiveness does not mean recognition”:
the visit of the Bulgarian delegation to St. Petersburg
in June–July 1895
(based on the Russian press materials)**

Abstract:

The article is devoted to the attitude of the Russian periodicals to the Bulgarian delegation with paid a visit to St. Petersburg in June–July 1895. Thorough examination of several leading newspapers and magazines revealed that they initially had an ambiguous attitude to the Bulgarian delegation, which however by the time of departure of the Bulgarian guests was replaced by almost complete approval of the results of the Bulgarian mission’s visit. The author emphasizes that the Russian press did not associate the emerging rapprochement between Russia and Bulgaria with the official restoration of relations between the two countries.

Keywords:

periodical press, Russia, Bulgaria, recognition, restoration of relations.

Yaroslav Valerianovich VISHNYAKOV

**Russian “peacekeeping” forces in the Balkans
at the beginning of the 20th century:
“It would be a great blessing for us
if we could get out of there safely”**

Abstract:

The article, based on documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI) and the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), reveals little-studied pages in the Russian historiography of the activities of the international gendarmerie, formed in accordance with the provisions of the Müritzsteg program, whose tasks included pacifying Macedonia after the Iliden Uprising of 1903. It has been found out that despite all the efforts made, the foreign officers who arrived there were unable to establish order and peace in this territory. Since the beginning of the 20th century, it was the unresolved Macedonian issue that became the subject of controversy between both the Balkan and European states, which caused the Second Balkan War and the subsequent entry of Bulgaria into the First World War on the side of Germany.

Keywords:

Macedonia, Ottoman Empire, Russian Empire, F.A. Shostak, Hilmi Pasha.

Peter Akhmedovich ISKENDEROV

Russia and the Balkan Wars of 1912–1913: Old Allies and New Challenges

Abstract:

The article is devoted to the situation in the Balkan Peninsula after the Balkan Wars 1912–1913. The author pays particular attention to Russia's policy and interests in the region. The article is based on unpublished archive documents.

Keywords:

Europe, Balkans, Russia, Great Powers, Balkan Wars.

Anna Sergeevna LUBOTSKAYA

Idea of the religion fellowship as a part of common union project in the Balkans (1930–1934)

Abstract:

In the late 1920s, the idea of a pan-Balkan union, covering all spheres of life, including religion, emerged at the territory of Balkan Peninsula. One of the correspondents of the magazine *Les Balkans*, the printed organ of the Balkan Conferences (1930–1933), Albanian G. Natchi proposed the idea of a religious union, primarily of the Orthodox churches. But the question remains whether such cooperation was possible given the rigid centralized position of the Patriarchate of Constantinople and the ongoing struggle of the Phanar with the local churches (Albanian and Bulgarian). It turned out that this project, like many other initiatives of Balkan peacemaking, was not destined to be realized.

Keywords:

Balkans, church, peacemaking, orthodoxy, Greece, Albania, Patriarchate of Constantinople.

Denis Valeryevich RODIN

The Soviet Union and the Balkans during the Montreux Conference of 1936

Abstract:

The essay is devoted to the participation of the members of the Balkan Entente (Greece, Romania, Turkey, Yugoslavia) and Bulgaria in the develop-

ment of a new convention on the status of the Turkish Straits during the Montreux Conference of 1936. Particular attention is paid to the relations of these countries with the Soviet Union, whose diplomats supported the creation of a collective security system in Europe in the mid-1930s. Based on the analysis of these relations, as well as the predetermining factors of the support of the Soviet-French draft convention by the delegations of the Balkan states are identified.

Keywords:

Montreux, USSR, Balkan Entente, Greece, Romania, Turkey, Yugoslavia, Bulgaria, Turkish Straits, international relations.

Tatiana Viktorovna VOLOKITINA

Bulgaria at the Turn of War and Peace. New Sources and the Problem of Verification

Abstract:

Based on new documents published as a result of the implementation of the joint bilateral research project “The Great Powers and Bulgaria. 1944–1947” (vols. I–II) in 2014 and 2018, this article examines some key issues in Bulgarian history in the context of the complex international situation at the turn of war and peace. The documents reveal Bulgaria’s relations with the victorious great powers, the course of negotiations with the former satellite of Nazi Germany on a peaceful settlement, and the difficult process of the Allies in the anti-Hitler coalition negotiating the terms of the armistice and specific articles, as well as the activities of the Allied Control Commission to implement Bulgaria’s political, economic, financial, reparations, and military obligations arising from the Armistice Agreement, the motivation behind the positions and “behavior” of the parties, and more. The published documents help to restore and/or clarify certain details of the complex Bulgarian military and political puzzle, and by highlighting several blocks of problems, we can verify some established or controversial assessments of certain events and specific facts that are currently being politicized and interpreted in a biased manner. It is stated that the activities of the Allied Control Commission, having both advantages and disadvantages, fully ensured Bulgaria’s compliance with the Armistice Agreement of October 28, 1944, thereby playing a significant role in the preparation and signing of the Paris Peace Treaty of 1947, ensuring Bulgaria’s return to the community of sovereign states and its rightful place in the international post-war relations.

Keywords:

Armistice, Soviet-Bulgarian relations, activities of the Allied Control Commission, modern assessments, verification problem

*Elena Yuryevna GUSKOVA***UN peacekeeping in the Balkans in the 1990s***Abstract:*

The paper is devoted to the experience of the UN peacekeeping operation in the former Yugoslavia. The UN made a decision on this in December 1991. The deployment of UNPROFOR forces in Croatia began in April 1992. The author provides accurate data on the number of peacekeepers in Croatia, and then in Bosnia and Herzegovina, describes the zones of their deployment, the main goals and objectives of the Blue Helmets. In addition, the paper describes the problems faced by peacekeepers, the bias of the UN leadership, which assigned peacekeepers tasks in the Balkans. The author comes to the conclusion that the Blue Helmets were not able to perform the function of separating the warring parties in Croatia and blocking the path of the offensive of the Croatian troops. They were just giving way to the approaching forces. Not only were they unable to protect the Serbs, but they themselves were defenseless. In general, the peacekeeping mission in the territory of the former Yugoslavia failed, failing to fulfill its main task, i.e. preventing the war in the territory of the former Yugoslavia and saving the lives of civilians.

Keywords:

UN, peacekeepers, Croatia, Serbia, Bosnia and Herzegovina, Russian battalion. UNPROFOR.

PART 3. IN MEMORIAM*Svetlana Ivanovna DANCHENKO*

Akop Arutyunovich Ulunyan.
Life in science.
On the 100th anniversary of his birth

Abstract:

The author traces the career of a prominent Soviet and Russian expert in Bulgaria studies, Akop Arutyunovich Ulunyan (1924–2003), in connection with the centenary of his birth. As a postgraduate student (since 1953) and then an employee of the Institute of Slavic Studies (since 1957), the scholar made a significant contribution to the development of the Russian Bulgarian studies, in particular in the field of the Russo-Turkish War of 1877–1878 and the role of Russia in the liberation of Bulgaria, as well as the establishment of ties with Bulgarian scholars who highly appreciated his work and his multifaceted scientific and social activities, primarily his activities (in

1970–1990) as the scientific secretary of the Soviet part of the Commission of Historians of the USSR and the National Library, established in 1968. The essay highlights the achievements of A.A. Ulunyan in the search for, research, and publication of new archival documents in the archives of the USSR, Russia and Bulgaria. It also emphasizes that nowadays Bulgarian scholars who are revising previous, not entirely undisputed concepts recognize the contributions of A.A. Ulunyan as an example of scientific integrity and methodology in working with archival documents and other sources.

Keywords:

Akop Arutyunovich Ulunyan (1924–2003), scientific ties between scientists of the USSR/Russia and Bulgaria, the Russo-Turkish War of 1877–1878, the liberation of Bulgaria, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Bulgarian studies.

Сведения об авторах

Андряков Данила Вячеславович — магистрант, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО).

ORCID: 0000-0002-2316-7116

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4239-017X

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-9558-4666

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0003-0354-3185

Захарова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, главный хранитель Отдела истории русской культуры, Государственный Эрмитаж, Российская Федерация, Санкт-Петербург.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0001-5914-7662

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

ORCID 0000-0002-6036-9104

.....

Лубоцкая Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-6011-5841

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории, МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Родин Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, МГУ им. М.В. Ломоносова.

ORCID 0009-0002-5378-5342

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Улунян Артём Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

ORCID: 0000-0002-1861-4823

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Якушев Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, советник Историко-документального департамента МИД России; старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.

**Войны и миротворчество России на Балканах
(К 250-летию Кючук-Кайнарджийского
мирного договора 1774 г.)**

Коллективная монография

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 7 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 30.09.2025)

Ответственный редактор

С. И. Данченко

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 23.12.2025. Формат 60×84¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,11.

Объем 27,0 печ. л.

Заказ № 74.

Тираж 500 экз.